ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

УДК 973 : 327.81/.88 (47+57) «1981/1989»

Крысенко Дмитрий Сергеевич

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США ОТНОСИТЕЛЬНО СССР В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ Р. РЕЙГАНА (1981–1989 гг.)

Специальность 07.00.03. – Всеобщая история (новейший период)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени доктора исторических наук

Донецк – 2017

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ВСТУПЛЕНИЕ. 4

Р а з д е л I.

ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ, ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА США С СССР 30

1. Исторические этапы становления межгосударственных связей России и США (кон. XVII – нач. XX вв.) 31
2. Политика США в отношении советского государства как субъекта международных отношений (1917–1981) 38
3. Американская политика относительно Союза ССР в период первой президентской администрации Р. Рейгана (1981–1985) 64
4. Новая концептуалистика американо-советских отношений во время «перестройки» (1985–1989) 111

Р а з д е л I I.

СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ ЭКСТРАСОЦИЕТАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ США ОТНОСИТЕЛЬНО СССР. 140

1. Циклы внешней политики США: преемственность и трансформация в условиях меняющегося мира 140
2. Американо-советский конфликт в контексте исторического диалога «Восток–Запад» 147
3. Геополитические аспекты стратегии и тактики США в отношении Союза ССР 158

Р а з д е л I I I.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУРСА США ОТНОСИТЕЛЬНО СССР 181

1. Конституционно-правовые основы организации и деятельности американской внешней политики 181
2. Электоральные институты и политика Соединённых Штатов относительно СССР. 200
3. Эволюция взаимоотношений Конгресса и Белого дома на советском векторе внешней политики США 220
4. Субъективно-личностный фактор формирования политики США относительно СССР. 239

Р а з д е л I V.

РОЛЬ ИНТРАСОЦИЕТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИКИ США ОТНОСИТЕЛЬНО СССР. 262

1. «Консервативный поворот» и идеологические аспекты трансформации советского вектора глобального курса США. 262
2. Взаимовосприятие в американо-советских отношениях и его влияние на формирование советского вектора во внешней политике США. 293
3. Роль экономического фактора в формировании курса США относительно СССР. 326
4. Место военно-промышленного комплекса и групп давления в формировании внешней политики Соединённых Штатов на завершающем этапе Холодной войны 350

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 374

Источники и литература. 380

Приложения 435

В С Т У П Л Е Н И Е

Актуальность темы исследования обусловлена факторами теоретико-методологического, политико-идеологического, исторического и философско-мировоззренческого характера.

В современном глобализированном мире действия такого государства, как Соединённые Штаты Америки, в значительной мере, влияют на судьбу всего человечества. Даже поверхностный анализ событий и тенденций 1990-х – 2000-х годов сквозь призму принципа *omnia mutantur, nihil interit* делает очевидным тот факт, что вопреки формальному окончанию Холодной войны,[*] инерция и сформированные в её ходе стереотипы продолжают играть в международных отношениях весьма заметную роль. Соперничество и противостояние с СССР почти полвека выступали главным направлением американской внешнеполитической стратегии, осью которой была борьба против «коммунистической угрозы». По мнению дипломата и редактора журнала «Форин Полиси» Чарльза Мейнса, «С окончанием Холодной войны... американская внешняя политика потеряла больше, чем врага, она потеряла секстант, с помощью которого корабль государства направлялся с 1945 года».[1]

На протяжении всего периода американо-советской конфронтации, фазы «похолодания» сменялись «оттепелями», и в 1970-х годах обе стороны, казалось, «привыкли» друг к другу, смирившись с существованием альтернативной общественно-политической системы. Ситуация резко изменилась в начале следующего десятилетия, – с приходом к власти республиканской администрации Рональда Рейгана. Восьмидесятые годы XX века, на которые пришлись оба срока его президентского правления, в американской литературе характеризуются как

[*] Подавляющее большинство авторов постсоветского пространства подаёт эту дефиницию в кавычках, тем самым подчёркивая условность и символический характер конфронтации, англосаксонские же коллеги, наоборот, с момента введения данного высказывания в обращение Бернардом Барухом в 1947 году, пишут его без кавычек и с большой буквы, демонстрируя бескомпромиссность позиции собственных государств. Итак, на страницах нашего исследования мы будем использовать это название согласно западному образцу. Подробнее: Лопатин В. В. Прописная или строчная? Орфографический словарь / В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – М.: Эксмо, 2009. – 512 с. – С. 469.

[1] Maynes Ch. America without the Cold War / Charles William Maynes // Foreign Policy. – № 78. – Spring 1990. – P. 5.

«эпоха Рейгана»;[2] данное время называют одним из ключевых периодов новейшей истории – как Соединённых Штатов, так и мира вцелом. Сущность событий, произошедших во внутренней и внешней политике этого государства, наиболее адекватно можно выразить термином *«la revanche de Dieu»*.[*] Вопрос о предпосылках и движущих силах этого явления остаётся открытым – не только в отечественной, но и в собственно американской науке, соответственно, требует основательного анализа. Начало 1980-х годов оказалось одним из наиболее опасных периодов во всём более чем сорокалетнем противоборстве Кремля и Белого дома. Однако в отличие от предыдущих «горячих фаз» Холодной войны, в этот раз СССР не выдержал напряжения, и во второй половине десятилетия не противился модификации ялтинско-потсдамского порядка в сторону однополярной системы международных отношений, названной российскими авторами «Брюссельско-Вашингтонским порядком».[3] Уникальность ситуации заключается в том, что победа в глобальной борьбе была одержана невоенными средствами: демонтаж социалистического лагеря произошёл по инициативе стороны, инспирировавшей его создание.

Следует отметить, что тактика, применённая Вашингтоном для воздействия на Москву, имеет место и в его современной внешней политике. Исходя из этого, существует потребность глубокого и предметного исследования факторов генезиса и механизмов формирования политики США в контексте Холодной войны, а также форм и методов её реализации для более глубокого понимания многих актуальных международных процессов современности. Вследствие распада Союза ССР, значение отношений между Москвой и Вашингтоном в системе международных отношений не могло не снизиться, однако в мировой политике они продолжают занимать одно из центральных мест. Для нашего

---

[2] Ehrman J. The Eighties: America in the Age of Reagan / John Ehrman. – London, New Haven: Yale University Press, 2005. – 296 p.

[*] «La revanche de Dieu» (фр. «месть Бога») – термин, использованный социологом Жилем Кепелем для характеристики активизации религиозного фактора в мировой политике (Kepel G. Revenge of God: the resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the modern world / Gilles Kepel. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. – 215 p. – P. 2). По нашему мнению, это определение глубже отражает сущность тенденций в политикуме США, чем более распространённый термин «консервативный поворот».

[3] Богатуров А. Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталёв. – М.: Научно-образовательный форум по междунар. отношениям, 2002. – 384 с. – С. 373–376.

государства исследование эволюции «советского вопроса»[*] в американской глобальной стратегии является важным ввиду того, что высокие темпы социально-экономического развития российских регионов в значительной степени находятся в зависимости от стабильности мировой системы. Реализация внешнеполитических доктрин как Российской Федерации (ориентированной на укрепление позиций в клубе ведущих государств мира), так и Соединённых Штатов (направленной на сохранение их роли как планетарного лидера), до сих пор происходит на фоне «отголосков» Холодной войны. Современная военная стратегия Вашингтона во многом базируется на концепциях, разработанных и апробированных на практике неоконсерваторами из команды Р. Рейгана. Вопреки заявлениям о формировании безопасного и демократического мира, практическая деятельность президентских администраций США последних двух десятилетий доказывает обратное: в качестве примеров можно указать войну НАТО против Югославии (1999), вторжения в Афганистан (2001) и Ирак (2003), позицию, занятую во время конфликта в Южной Осетии (2008), создание ситуации управляемого хаоса на Ближнем Востоке (с 2011) и подавление Русской весны (с 2014). События в Новороссии показывают, что, несмотря на миролюбивую либеральную риторику, нынешний кабинет Б. Обамы, представляющий Демократическую партию, не делает существенных шагов, направленных на радикальный пересмотр основ внешнеполитической стратегии, заложенных республиканцами. Показательными в этом отношении являются заявления Командующего корпусом морской пехоты США, генерала Дж. Данфорда, сделанные им 9 июля 2015 года в Сенате о том, что «Россия является главным противником национальной безопасности Соединённых Штатов»,[4] которого поддержал один из претендентов на пост Президента М. Ромни, подчеркнувший, что «Вне сомнений, Россия остаётся нашим геополитическим врагом № 1».[5]

[*] Выражения «советский вопрос» и «советская проблема», равно как «советская политика США» и «политика США в отношении СССР», тождественны, и в дальнейшем в тексте употребляются без кавычек.

[4] The Cold War is back: Putin's Russia named as number one threat to US by Obama's nominee to lead the Joint Chiefs of Staff [Электронный ресурс] // The Daily Mail. – Режим доступа к документу: http://www.dailymail.co.uk/news/article-3155130/Russia-U-S-national-security-threat-U-S-Gen-Dunford.html#ixzz3g3KGrSZs.

[5] Ibidem.

Исходя из указанного, исследование курса Соединённых Штатов в отношении Советского Союза сегодня является актуальной научной задачей. Изучение и учёт исторического опыта американо-советских отношений даёт возможность более адекватно прогнозировать динамику мировых политических процессов и предусматривать их тенденции при формировании внешней политики России как ныне, так и в перспективе. Кроме практической необходимости поиска путей оптимизации дипломатических возможностей нашей страны, важность анализа данного направления американской стратегии определяется и теоретическими потребностями. При наличии большого количества работ, посвящённых отдельным аспектам Холодной войны (военному, дипломатическому, идеологическому, экономическому, культурному и т.д.), обобщающие исследования двусторонних отношений представлены крайне редко, всилу чего реконструкция детальной и одновременно целостной картины исторического периода 1980-х годов является злободневной задачей. Вместе с тем, мозаичность взглядов, не имеющих общего знаменателя, рождает ощущение недосказанности и определённого пробела в представлении о сущности «финального раунда» биполярной конфронтации. Стратегия обобщающего анализа должна быть актуализирована не в противовес и не в ущерб конкретно-фактологическим исследованиям отдельных проявлений внешней политики США, а как их фундамент.

Объектом диссертации является внешняя политика Соединённых Штатов Америки.

Предметом исследования является политика США в отношении СССР, её трансформация в период администрации Президента Р. У. Рейгана.

Цель диссертационной работы – комплексное исследование динамики и тенденций формирования курса Соединённых Штатов относительно Союза ССР, а также средств его воплощения в период 1981–1989 годов. Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи:**

- выяснить историко-политические предпосылки и факторы эскалации американо-советского противостояния в начале 1980-х годов;

- выявить движущие силы, а также формы и методы американской политики в отношении СССР, позволившие США одержать победу в Холодной войне;
- проанализировать основные направления курса американской администрации относительно Союза ССР;
- исследовать механизмы формирования стратегии и тактики США на «советском направлении» а также факторы, влиявшие на этот процесс.

Хронологические рамки исследования определены соответственно поставленной цели и задачам и охватывают период с 1981 по 1989 годы. Это обусловлено необходимостью рассмотреть финальный период американо-советской конфронтации и проанализировать эволюцию подхода администрации Рейгана к решению советской проблемы. В качестве отправной точки анализа выделен 1981 год (первая инаугурация указанного лидера), что обусловлено существенной трансформацией политики Соединённых Штатов в отношении Советского Союза. В качестве верхней хронологической точки исследования был выбран 1989 год, в декабре которого в ходе мальтийского саммита было публично объявлено о завершении Холодной войны. Именно тогда американская администрация формально прекратила противостояние с СССР.

Для придания работе логической завершённости, материалы второго раздела выходят за обозначенные временные рамки, что позволяет осуществить ретроспективный обзор отношений двух сторон с конца XVII века (в частности, с момента первых контактов и становления американо-российских отношений. Освещение логики и тенденций их взаимоотношений позволяет полнее раскрыть предпосылки противостояния указанных сторон в XX веке.

Географические рамки исследования охватывают территории Соединённых Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик. Вместе с тем, глобальный характер, который приобрела их конфронтация, заставил нас обратиться к событиям в пограничных (прежде всего, в Польской Народной Республике и Демократической Республике Афганистан) и отдалённых странах Азии, Африки и Латинской Америки, которые выступали одновременно целью и ареной соперничества сверхдержав.

Научная новизна полученных результатов диссертации заключается, прежде всего, в постановке и разработке темы как целостной научной проблемы, критическом анализе широкого круга источников, ранее мало использованных в исторической науке.

- Подробно, с учётом событий новейшей истории 1990-х – 2000-х годов освещены стратегия и особенности тактики Соединённых Штатов в русле реализации их интересов в отношении Советского Союза в совокупности с процессами, сопровождавшими окончание/переход в латентную форму Холодной войны.
- Воссоздана ретроспектива отношений двух сторон с момента зарождения, в которых выявлены причинно-следственные связи, позволяющие судить о механизме взаимовлияния внутренней среды и системы внешней политики в конкретно-исторические интервалы времени.
- Осуществлён комплексный анализ процесса формирования политики Вашингтона в отношении Москвы. Впервые определена совокупность социально-экономических, идеологических и политических факторов, которые в конце 1970-х годов привели к радикализации курса Белого дома в отношении Кремля.
- Исследована концептуальная почва и стратегические приоритеты, положенные администрацией Рейгана в основу внешнеполитического курса. Раскрыты формы и методы его реализации на советском направлении на завершающем этапе Холодной войны.
- Установлено, что на протяжении периода 1980-х годов американским органам власти был характерен относительный консенсус касательно основных элементов внешней политики их страны.
- Показано отсутствие во второй половине десятилетия эволюции стратегических установок республиканской администрации в отношении СССР с учётом изменений, которые произошли в результате «перестройки».
- Внесены коррективы в имеющиеся в отечественной и зарубежной исторической науке оценки и критерии политики Вашингтона в отношении Москвы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Базовой причиной Холодной войны как исторического явления является диалектика отношений Востока и Запада (представленных социалистической и капиталистической системами) как мегаобщностей и образов жизни, имеющих взаимоисключающий и взаимодополняющий характер одновременно. Ключевым фактором эскалации американо-советского противостояния на рубеже 1970-х – 1980-х годов выступила имманентная имеющей циклический характер политической жизни США, экстравертная фаза, проявляющаяся в готовности использовать прямое силовое давление в качестве инструмента реализации собственных интересов.

2. В рамках глобальной диалектики всемирно-исторического процесса, движущими силами политики США выступило укрепление геополитических позиций СССР в мире (при одновременной готовности его руководства к мирному сосуществованию антагонистических систем), катализировавшее неоконсервативные настроения в средних и элитарных слоях американского общества, что совпало во времени с усилением политических позиций олицетворённой фигурой Р. Рейгана транснациональной фракции военно-промышленной и финансовой корпоратократии, заинтересованной в демонтаже «государства всеобщего благосостояния», условием чего должно было быть резкое ослабление СССР.

3. Формы и методы политики США относительно СССР сводились к максимально возможному давлению на советское руководство: военно-политическому (ускорение гонки конвенционных и ядерных вооружений и её перенос в космос); дипломатическому (отказ от переговоров в первой половине 1980-х годов и их проведение с позиций силы во второй); экономическому (санкции, шпионаж и диверсии, создание невыгодной для СССР внешнеторговой конъюнктуры) и идеологическому (усиление проповеди американского образа жизни и его преимуществ в радиопередачах и в голливудской продукции).

4. Сильная сторона советской политической системы – её мобилизационный характер – ограничивала возможность разрушения СССР путём внешнего

давления. Основой победы США в Холодной войне следует рассматривать анализ негативных особенностей советской политической системы (отсутствие естественной циркуляции элит и фактически неограниченная концентрация власти в руках высших слоёв номенклатуры), исходя из чего осуществлялись поиск и опора на советский сегмент корпоратократии, заинтересованной в превращении себя в класс собственников, а значит, и демонтаже советского строя.

Практическое значение диссертационной работы заключается в том, что её материалы и выводы могут быть использованы в будущих научных исследованиях политики Соединённых Штатов, а также в учебном процессе, в частности, при разработке пособий и курсов по истории международных отношений. Материалы, содержащиеся в исследовании, могут найти применение в работе российских внешнеполитических ведомств при планировании политики в отношении отдельных стран (прежде всего, США).

Апробация результатов исследования осуществлялась путём их обсуждения на заседаниях кафедры международных отношений и международной информации Межрегиональной Академии управления персоналом и научных конференциях.

Основные положения и выводы диссертации были изложены в публикациях автора и апробированы на научно-практических конференциях: «Всемирная история и актуальные проблемы международных отношений» (Луганск, 2004); «Дни науки факультета международных отношений и журналистики КНУКиИ» (Киев, 2010, 2011, 2012, 2013 гг.); «Каразинские чтения» (исторические науки) (Харьков, 2012, 2013 гг.); «Дни науки исторического факультета КНУ им. Тараса Шевченко» (Киев, 2013); «Краеведение и учитель» (Харьков, 2013); «Достижения социально-гуманитарных наук в современной Украине» (Симферополь–Днепропетровск, 2013); «История мировой цивилизации от древности до современности» (Днепропетровск, 2012, 2013 гг.); «Культурная и общественная дипломатия на Украине» (Киев, 2012); «Украинское информационное пространство в мировом контексте: достижения, проблемы, перспективы» (Киев, 2013); Всеукраинские научные чтения по случаю 140-летия со дня рождения

Павла Скоропадского (Киев, 2013); заседаниях Философского монтеневского общества (Луганск, 2014–2015 гг.); «Православная культура: духовно-нравственный потенциал личности» (Луганск, 2015); «Межэтнические отношения и национальная политика в современной России» (Ростов-на-Дону, 2015); «Роль информационной политики в социально-политическом конфликте» (Луганск, 2016); «История и политика глазами молодых исследователей» (Донецк, 2016).

Степень разработки проблемы характеризуется большим количеством исследований различной научной направленности. При проведении данного исследования автором был привлечён круг работ, посвящённых как вопросам стратегии и тактики США в отношении СССР периода 1980-х и предыдущих лет, так и более общим проблемам истории международных отношений, а также методологии исследования внешней политики и вопросу её взаимосвязи с внутренней (её анализу посвящён первый раздел). Эта академическая, публицистическая и периодическая литература нами условно была разделена на несколько групп.

Фундаментальные труды, посвящённые общей проблематике Холодной войны. Прежде всего, отметим, что сущность феномена Холодной войны, вопросы её истоков, течения и завершения привлекают особое внимание как отечественных, так и зарубежных авторов. В рамках данной темы сформировалась «советология» – специальное направление исследований в Соединённых Штатах и Западной Европе, которое касалось непосредственно Советского Союза. Подобный интерес к советской тематике был опосредован, в первую очередь, существованием потребности в выработке теоретической базы для формирования внешнеполитической стратегии в отношении Москвы и тактики её реализации. В этом заключалось коренное отличие во взглядах западных и советских исследователей на философию гуманитарного знания: первые работали на разрушение противоположной системы, вторые – на сохранение собственной. Среди наиболее известных американских авторов, в чьих трудах был осуществлён ретроспективный обзор противостояния с СССР, прежде всего, следует упомянуть Р. Пайпса (его работы можно рассматривать и

как источниковые материалы), В. Лафебера, В. Вольфорта, Р. Гартоффа, Н. Фридмана, Дж. Геддиса, Д. Хоффмана, Р. Персона.[6] Отметим, что работы, предназначенные для широкого читательского круга, несли на себе глубокий идеологический отпечаток; одновременно те, что представляли результаты заказов прикладного характера, имели более объективную основу. В любом случае, западные исследователи в своём подавляющем большинстве интерпретировали деятельность Москвы на мировой арене с критических позиций, возлагая вину за начало Холодной войны исключительно на противоположную сторону. Впрочем, работы их советских коллег имеют тот же недостаток: любые повороты политики Белого дома как на внутренней, так и на мировой арене трактовались как попытка реванша агрессивных сил высших слоёв буржуазии, которые на фоне системного кризиса капиталистического блока стремились переложить свои проблемы на плечи остальных народов мира и в то же время разжигали шовинистические настроения среди собственной общественности. Соединённые Штаты небезосновательно подозревались в милитаристских намерениях пересмотра имеющегося стратегического паритета с СССР и подогреве очередного витка гонки вооружений.

В числе наиболее заметных представителей советской школы американистики следует указать имена сотрудников основанного в 1967 году Института США и Канады АН СССР Г. А. Арбатова, С. М. Рогова, В. Б. Супяна, В. А. Кременюка, Э. А. Иваняна, Л. Ф. Лебедеву, Э. Я. Баталова, В. Н. Гарбузова.[7] Весомый вклад в освещение внешней политики Соединённых Штатов сделали такие авторы как А. Ю. Мельвиль, А. А. Фурсенко, П. Т. Подлесный, А. А. Попов, А. А. Кокошин, Р. С. Овинников, Ю. М. Мельников, А. В. Кортунов,

[6] Pipes R. Survival is not enough: Soviet realities and America's future / Richard Pipes. – Simon & Schuster, 1984. – 302 p.; LaFeber W. America, Russia, and the Cold War, 1945–1990 / Walter LaFeber. – N.-Y.: McGraw Hill, 1991. – 370 p.; Gaddis J. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History / John Lewis Gaddis. – N.-Y.: McGraw-Hill, 1990. – 384 p.

[7] Арбатов Г. А. Вступая в 80-е... Книга-интервью об актуальных вопросах международных отношений / Георгий Аркадьевич Арбатов, Виллем Олтманс. – М.: АПН, 1983. – 343 с.; Рогов С. М. Серые кардиналы Белого дома / Сергей Михайлович Рогов, Андрей Афанасьевич Кокошин. – М.: Новости, 1986. – 349 с.; Кременюк В. А. «Кризисная стратегия» на службе империализма / Виктор Александрович Кременюк. – К.: Политиздат Украины, 1979. – 144 с.

М. А. Мильштейн, Н. В. Злобин, В. Ю. Катасонов, В. А. Никитин.[8] Действуя в рамках идеологии, эти авторы осуществляли всесторонний анализ американо-советских отношений, проведённые ими основательные исследования не были связаны исключительно с критикой американской внутренней и внешней политики. Упомянутые учёные стремились раскрыть механизм мировой стратегии Вашингтона; в наибольшей степени их интересовала степень влияния доминирующих общественных слоёв на процесс формирования военного бюджета и одобрение тех или иных программ в оборонной отрасли.

Очерчивая круг фундаментальных работ нашей тематики, стоит также упомянуть изданную под редакцией советского министра иностранных дел А. А. Громыко труд «История внешней политики СССР», в котором раскрываются основные аспекты взаимоотношений с США и взгляды официального Кремля на них.[9]

После распада Советского Союза, по обе стороны океана произошло определённое снижение интереса исследователей к проблематике Холодной войны, который снова усилился в 2000-х годах. Связано это было, прежде всего, с политикой президентских администраций В. В. Путина и Д. А. Медведева, направленных на восстановление позиций руководимого ими государства на мировой арене. В числе российских авторов, исследовавших тему системного противостояния, следует, прежде всего, отметить руководителя Центра североатлантической безопасности отдела военной политики США ИСКРАН В. И. Батюка и профессора РГУФКСиТ С. А. Чернова, а также профессора Вятского государственного университета В. Т. Юнгблюда и профессора СПбГУ В. Н. Конышева.[10]

---

[8] Кокошин А. А. США в системе международных отношений 80-х годов. Гегемонизм во внешней политике Вашингтона / Андрей Афанасьевич Кокошин. – М.: Междунар. отношения, 1984. – 303 с.; Овинников Р. С. Зигзаги внешней политики США. От Никсона до Рейгана / Ричард Сергеевич Овинников. – М.: Политиздат, 1986. – 398 с.; Мильштейн М. А. США: военно-стратегические концепции / Михаил Абрамович Мильштейн, Радомир Георгиевич Богданов. – М.: Наука, 1980. – 304 с.

[9] История внешней политики СССР 1917–1980: в 2 тт. / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарёва. – М.: Наука, 1981.

[10] Батюк В. И. Трудное партнёрство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны» / Владимир Игоревич Батюк. – М.: Прометей, 2008. – 212 с.; Чернов С. А. Внешняя политика США и системный подход: автореф. дисс... докт. полит. наук: 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития» / Сергей Алексеевич Чернов. – М., 1999. – 41 с.;

Факторы формирования политики США в отношении СССР и отдельные измерения американо-советских отношений. Наряду с общей темой Холодной войны, внимание исследователей привлекали и более специализированные направления и аспекты внешней политики противоборствующих сторон рассматриваемого нами периода. В частности, заметное место среди них принадлежит вопросу о роли идеологии как движущей силы активности Соединённых Штатов на мировой арене. Среди американских авторов таких работ следует назвать М. Гилеспи, Р. Пирарада, Б. Формера, С. Халпера, Дж. Харта.[11] Своё внимание они сосредоточили на анализе причин и характера изменений в общественно-политической жизни США, произошедшие на рубеже 1970-х – 1980-х годов, исследовании генезиса неоконсерватизма и выявлении его идейно-теоретической почвы. Работы этой тематики, которые могут быть приняты во внимание как первоисточник, принадлежат Р. Такеру, которого американские неоконсерваторы считают одним из своих идеологов.[12]

В советской историографии качественные исследования социально-философских основ неоконсерватизма и взглядов американских руководителей 1980-х годов были осуществлены К. С. Гаджиевым, Т. М. Фадеевой, И. М. Савельевой, С. А. Поршаковым, К. З. Алимовым, Ю. А. Замошкиным и М. Л. Полищуком.[13] Однако наиболее основательные монографии этой тематики принадлежат перу А. Ю. Мельвиля, который осуществил детальный анализ причин смещения американского массового сознания вправо, исследовал истоки и

Конышев В. Н. Проблемы мировой политики в концепциях и политической практике американского неореализма: автореф. дисс... докт. полит. наук: 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития» / Валерий Николаевич Конышев. – Н. Новогород, 2005. – 45 с.

[11] Gillespie M. Religion and the resurgence of Conservatism / Michael Gillespie, Michael Lienesh // The resurgence of Conservatism in Anglo-American democracies. – Ed. by Cooper B. – Durhame, London: Duke University Press, 1988. – 469 p.; Pierard R. Civil religion and the presidency / Richard V. Pierard, Robert D. Linder. – Grand Rapids: Academie Books, 1988. – 359 p.; Halper S. America alone: the neoconservatives and the global order / Stefan A. Halper, Jonathan Clarke. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 382 p.

[12] Tucker R. Intervention and the Reagan doctrine / Robert W. Tucker. – N.-Y.: Council on Religion and International Affairs, 1985. – 30 p.

[13] Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии / Камалудин Серажудинович Гаджиев. – М: Наука, 1982. – 333 с.; Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке: опыт анализа ценностных и политических ориентаций / Юрий Александрович Замошкин. – М.: Мысль, 1980. – 249 с.; Поршаков С. А. Идейно-политическая эволюция республиканской партии / Сергей Алексеевич Поршаков // Проблемы американистики. – № 6: Современный этап кризиса ГМК в США: экономика, политика, идеология. – М.: МГУ, 1988. – 317 с. – С. 136–137; Алимов К. З. Идеологические установки внешней политики США и международное право / Кадыр Захидович Алимов. – Ташкент: Фан, 1988. – 277 с.

сущность неоконсерватизма.[14] В числе работ, посвящённых анализу идейно-теоретического базиса внешней политики США, которые были созданы в России в 2000-х годах, стоит отметить труды П. Ю. Рахшмира и А. В. Борзова,[15] а также диссертации и статьи С. Н. Картамышевой и В. Э. Руги.[16] Большинство этих авторов разделяет мнение о том, что основа конфликта между Вашингтоном и Москвой лежала в области ценностей и идеологии. Согласимся с тем, что именно этот непримиримый антагонизм обусловил жёстко конфронтационный подход американской и советской академической и политической элит к отношениям с противоположной стороной. Отдельно следует упомянуть написанный на богатом источниковом материале фундаментальный труд В. Н. Гарбузова «Рейгановская революция», посвящённый социально-экономическому развитию американского общества периода 1980-х годов; вместе с тем, вопросы внешней политики фактически остались вне внимания данного автора.[17] Также стоит отметить вклад в развитие российской американистики А. И. Уткина, творчество которого насчитывает около 50 монографий, разделов в коллективных трудах и более 150 статей в ведущих журналах и периодических изданиях на нескольких языках, а также аналитические исследования, обзоры и справочные издания.[18]

Особый интерес представляют работы советского и российского историка, политолога, государственного и политического деятеля, исполнительного директора правления фонда «Русский мир» В. А. Никонова (докторская диссертация «Идейно-политическая эволюция республиканской партии США

---

[14] Мельвиль А. Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов / Андрей Юрьевич Мельвиль. – М.: Наука, 1986. – 216 с.

[15] Рахшмир П. Ю. Культурный консерватизм в США / Павел Юхимович Рахшмир. – Пермь: ПГУ, 1995. – 140 с.; Борзов А. В. Религиозный аспект внутриполитической деятельности администрации Р. Рейгана: дисс... канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Алексей Владимирович Борзов. – Владимир, 2011. – 285 с.

[16] Картамышева С. Н. Вопросы советско-американских отношений в конгрессе США (1984–1988 гг.): автореф. дисс… канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Светлана Николаевна Картамышева. – М., 1995. – 16 с.; Руга В. Э. Эволюция идейно-теоретических воззрений ведущих политических партий США: дисс... канд. полит. наук: 23.00.01 «Теория политики, история и методология политической науки» / Владимир Эдуардович Руга. – М., 2001. – 166 с.

[17] Гарбузов В. Н. «Рейгановская революция»: теория и практика американского консерватизма 1981–1988: дисс... докт. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Валерий Николаевич Гарбузов. – Псков, 1998. – 566 с.

[18] Уткин А. И. Стратегия глобальной экспансии. Внешнеполитические доктрины США / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Междунар. отношения, 1986. – 287 с.; Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.; Уткин А. И. Удар американских богов / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Алгоритм, 2006. – 416 с.; Уткин А. И. Новый мировой порядок / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, 2006. – 640 с.; Уткин А. И. СССР в осаде / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, 2010. – 288 с.

после второй мировой войны» и монография «Республиканцы: от Никсона к Рейгану»).

Являя собой глобальное явление, Холодная война, вместе с тем, имела множество региональных измерений. Интересы двух сверхдержав пересекались во многих точках земного шара, следовательно, в океане литературы, посвящённой американо-советской конфронтации, наиболее мощным течением является военно-политическая тематика. Среди американских авторов, труды которых посвящены вопросу влияния локальных конфликтов Азии, Африки и Латинской Америки на ход отношений США и СССР, следует отметить Б. Портера и Е. Карша, Р. Брейта, К. Лобека и С. Каплана.[19] С советской стороны, эту проблематику исследовали Р. Т. Рашидов, Л. Б. Теплинский, Л. И. Шинкарёв, М. Н. Тарасов и В. В. Васильков.[20] Среди авторов Российской Федерации, анализировавших ход событий вокруг «горячих точек» Холодной войны, следует отметить А. В. Окорокова, А. Г. Иващенко, А. Б. Давидсона, А. М. Васильева, С. Я. Лавренова и И. М. Попова.[21]

В этом же контексте, внимание многих исследователей было приковано и к военно-промышленному комплексу как фактору формирования внешнеполитического курса сверхдержав. В частности, структурно-функциональная характеристика данного явления была осуществлена в трудах таких американских авторов, как Дж. Дорнан, В. Перло, Дж. Голбрейт, Д. Донован, С. Ленз, С. Келман, П. Коистинен, У. Проксмайр, У. Фулбрайт,

---

[19] Porter B. The USSR in third world conflicts: Soviet arms and diplomacy in local wars / Bruce Porter, Efraim Karsh. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 260 p.; Lohbeck K. Holy war, unholy victory: eyewitness to the CIA's secret war in Afghanistan / Kurt Lohbeck. – Washington, D.C.: Regnery Pub, 1993. – 306 p.; Kaplan S. Diplomacy of power. Soviet armed forces as a political instrument / S. S. Kaplan. – Washington, D.C.: Brookings Inst., 1981. – 733 p.

[20] Рашидов Р. Т. СССР–Афганистан, 1970-е гг. / Рауф Тургунович Рашидов. – Ташкент: Фан, 1981. – 76 с.; Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений / Леонид Борисович Теплинский. – М.: Мысль, 1988. – 386 с.; Шинкарёв Л. И. Горький дым Саванны / Леонид Иосифович Шинкарёв. – М.: Советская Россия, 1989. – 368 с.; Васильков В. В. Политика США в Африке южнее Сахары в 70-х – начале 80-х годов: дисс... канд. ист. наук / В. В. Васильков. – М., 1984. – 337 с.

[21] Ильинский М. Вьетнамский синдром. Война разведок / Михаил Михайлович Ильинский. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 672 с.; Давидсон А. Б. Московская Африка / А. Б. Давидсон, Л. В. Иванова. – М.: Изд-во Театр. ин-та им. Бориса Щукина, 2003. – 220 с.; Окороков А. В. СССР в борьбе за мировое господство / Александр Васильевич Окороков. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. – 448 с.; Васильев А. М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму / Алексей Михайлович Васильев. – М.: Наука, 1993. – 397 с.

Е. Селигмен, Л. Эспин и А. Ярмолински.[22] Естественно, вопросы структуры и сущности, идеологических и материальных основ, социальных функций и механизма влияния ВПК на общество было рассмотрено и в работах советских учёных В. Николаева, Г. Цаголова, Е. Бугрова, В. Борисова, Г. Кузьмина, Б. Пядышева, Р. Фарамазяна, Г. Батенко, Н. Чалдымова, В. Серебрянникова.[23]

В течение всего периода Холодной войны, важная роль в арсенале средств давления на противника отводилась экономической борьбе, следовательно, значительная часть учёных, анализировавших американо-советские отношения, выбирала в качестве предмета исследования именно это измерение внешней и внутренней политики кабинета Р. Рейгана. Среди них назовём имена таких исследователей, как Ф. Кейн, Т. Рид, Дж. Шелтон, В. Шмикле, С. Шур, Л. Туроу, Р. Мюллер, Дж. Палмер и И. Саухил.[24] В СССР экономическую деятельность американской администрации исследуемого нами периода изучали Г. Е. Скоров, С. Ю. Медведков, Р. И. Зименков, А. В. Куницын, В. Б. Спандарьян, С. А. Караганов и С. М. Меньшиков.[25]

---

[22] Перло В. Милитаризм и промышленность. Военные прибыли в век ракетно-ядерного оружия / Виктор Перло. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 263 с; Dornan J. The US War Machine / James E. Dornan, Jr. – N.-Y.: Crown Pub, 1978. – 271 p.

[23] Николаев В. Д. Бизнес в мундире / Владимир Дмитриевич Николаев. – М.: Советская Россия, 1988. – 128 с.; США и военная экономика в 80-х годах / Под ред. Бобракова Ю. И. – М.: Наука, 1991. – 198 с.; Милитаризм: цифры и факты / Под ред. Фарамазяна Р. А. – М.: Политиздат, 1983. – 255 с.; Яковлев Н. Н. Война и мир по-американски (Традиции милитаризма в США) / Николай Николаевич Яковлев. – М.: Педагогика, 1989. – 128 с.; Сапрыков В. Н. Милитаризм: политические проявления и социально-экономические последствия / Виктор Николаевич Сапрыков. – М.: Междунар. отношения, 1984. – 131 с.; Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии / Под ред. Алексеева Р. Ф. – М.: Политиздат, 1985. – 367 с.; Урбанович Ю. В. Торговля оружием в неоколониалистской стратегии США: дисс… канд. экон. наук: 08.00.14 «Мировая экономика» / Юрий Владиславович Урбанович. – М., 1983. – 189 с.; Бурсов А. В. Лоббисты катастрофы (О военно-промышленном комплексе США) / Анатолий Владимирович Бурсов, Алексей Иванович Подберёзкин. – М.: Московский рабочий, 1987. – 128 с.; Цаголов Г. Н. Миллиарды на оружие: военно-промышленный комплекс США / Георгий Николаевич Цаголов. – М.: Мысль, 1986. – 255 с.; Котенко В. П. Критика идеологии современного милитаризма. (Философско-социологический критический анализ идеологии современного империалистического милитаризма): дисс… канд. филос. наук: 09.00.01 «Диалектический и исторический материализм» / Виталий Павлович Котенко. – Л.: 1983. – 428 с.

[24] Cain F. Economic statecraft during the Cold War: European responses to the US trade embargo (Cold War history) / Frank Cain. – London: Routledge, 2012. – 240 p.; Reed T. At the abyss: an insider's history of the Cold War / Thomas C. Reed. – N.-Y.: Ballantine Books, 2004. – 368 p.; Shelton J. The coming Soviet crash. Gorbachev's desperate pursuit of credit in Western financial markets / Judy Shelton. – N.-Y.: The Free Press, 1989. – 246 p.; Thurow L. The zero-sum society: distribution and the possibilities for economical change / Lester Thurow. – N.-Y.: Basic Books, 2001. – 230 p.; Muller R. Revitalization America: politics for prosperity / Ronald E. Muller. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1980. – 508 p.; Stein H. Presidential economics: the making of economic policy from Roosevelt to Clinton / Herbert Stein. – Washington, D.C.: American enterprise Institute for public policy research, 1994. – 495 p.; US–USSR commercial relations issues in East–West trade / Ed. by Hardt J. P., Boone J. F. – Washington, D.C.: Congressional Research Service, 1986. – 19 p.

[25] Скоров Г. Е. Американский капитализм в 80-е гг.: закономерности и тенденции развития экономики / Георгий Ефимович Скоров. – М.: Наука, 1986. – 526 с.; Медведков С. Ю. Мирохозяйственные связи капитализма и экономика США / Сергей Юрьевич Медведков. – М.: Наука, 1988. – 187 с.; Зименков Р. И., Медведков С. Ю.

Учитывая тенденцию усиления роли общественности в политической жизни Соединённых Штатов, значительный круг учёных этого государства, которые специализировались на тематике биполярного противостояния, обращали внимание на эволюцию общественного мнения относительно взаимоотношений с СССР. Среди авторов наиболее заметных работ следует отметить Д. Янкеловича, Л. Кагана, Т. Смита, Ч. Мейна, Е. Виткопфа, Дж. Роберта, Ф. Вульфа, Т. Квакера, Ф. Олпорта, Дж. Гаррисона и П. Шивпури.[26] Диапазон их точек зрения достаточно широк: от отрицания участия общественности в международных отношениях до абсолютизации роли общественного мнения как фактора формирования внешнеполитического курса.

Социологическому измерению американо-советской конфронтации посвящали свои труды и такие исследователи как А. Ю. Мельвиль, А. П. Федоровский, А. М. Филитов, Е. Л. Ситникова, Т. В. Кузнецова.[27] Вспоминая авторов, чьи достижения которых представляют большой интерес в плане общетеоретического осмысления феномена общественного мнения США, отметим монографии А. С. Панарина («Искушение глобализмом») и С. Г. Кара-Мурзы («Манипуляция сознанием»). Значительный интерес также представляют работы М. А. Чайки и Ю. А. Ермаченко, а также В. О. Рукавишникова и Е. Е. Рябцевой.[28]

Глобальная стратегия международных монополий США: экономический аспект / Рудольф Иванович Зименков, Сергей Юрьевич Медведков. – М.: Наука, 1988. – 332 с.; Куницын А. В. Экономические отношения стран СЭВ с США / Алексей Владимирович Куницын. – М.: Наука, 1981. – 171 с.; Прокудин Е. В. Администрация Рейгана и торговля с СССР / Е. В. Прокудин // США: экономика, политика, идеология. – № 3. – 1986; Караганов С. А. США: транснациональные корпорации и внешняя политика / Сергей Александрович Караганов. – М.: Наука, 1984. – 176 с.; Меньшиков С. М. Миллионеры и менеджеры: современная структура финансовой олигархии США / Станислав Михайлович Меньшиков. – М.: Мысль, 1965. – 455 с.

[26] Yankelovich D. Farewell to «President knows best» / Daniel Yankelovich // Foreign Affairs. – № 3. – Vol. 58. – 1980. – P. 674; Yankelovich D. Assertive America / D. Yankelovich, L. Kagan // Foreign Affairs. – № 3. – Vol. 59. – 1981. – P. 704; Yankelovich D. America's «new thinking» / Daniel Yankelovich // Foreign Affairs. – № 1. – Vol. 66. – 1988. – P. 1–17; Smith T. The Polls: American attitudes toward the Soviet Union and communism / Tom W. Smith // Public Opinion Quarterly. – Vol. 47. – Summer 1983. – P. 277–292; Garrison J. The Russian Threat. Its Myths and Realities / Jim Garrison, Pyare Shivpuri. – London: Gateway Books, 1983. – 344 p.; Hurwitz J. Public images of the Soviet Union: the impact of foreign policy attitudes / Jon Hurwitz, Mark Peffley // Journal of Politics. – № 52. – February. – 1990. – P. 3–28.

[27] Мельвиль А. Ю. Особенности американских восприятий Советского Союза / Андрей Юрьевич Мельвиль // Взаимодействие культур СССР и США XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1987. – 518 с. – С. 63–73; Мельвиль А. Ю. «Образ врага» и новое политическое мышление / Андрей Юрьевич Мельвиль // США: экономика, политика, идеология. – № 1. – 1988. – С. 29–39; Федоровский А. П. Внешняя политика и общественное мнение США / А. П. Федоровский // Зарубежный мир: социально-политические и экономические проблемы. – Респ. межвед. сборник науч. трудов. – Вып. 18. – К., 1990. – С. 25–34.

[28] Рябцева Е. Е. Внешнеполитические предпочтения американской общественности (вторая половина XX века) / Елена Евгеньевна Рябцева. – Астрахань: Изд-во Астраханского социального института, 2001. – 223 с.;

Во второй половине XX века происходил резкий качественный рост средств коммуникации, что повлекло за собой усиление значения пропаганды, публичной дипломатии и психологических операций во внешней политике Вашингтона. Поэтому, научные и публицистические труды, в которых освещаются данные вопросы относительно периода конфронтации между военно-политическими блоками, представляют для нас значительный интерес. Ценный методологический инструментарий содержится в ключевых работах по теории и практике политической пропаганды, созданных Э. Берне, Р. Вустом, К. Доврингом, Г. Ласуэлом, Дж. Мастином, Г. Ронсли, Ф. Тейлором и Л. Фрейзером.

Такими авторами, как Дж. Гэллап, У. Липман, Г. Макклелан значительное внимание уделялось механизму взаимосвязи пропаганды и общественного мнения, его месту во внешней политике государства и в питании патриотизма. Американские исследователи Ф. Манкиевич, М. Нельсон, Р. Пирсейн, Дж. Свердлоу, Дж. Хейл изучали эффективность психологических операций против СССР средствами радиовещания и телевидения. Ценность работ этих авторов усиливается ввиду того, что большинство из них были не просто экспертами и исследователями, но и активными участниками программ американского правительства и сотрудниками специальных ведомств.

Очерченная проблематика разрабатывалась и советской стороной, в частности, И. А. Алексеевым, Д. Б. Балуевым, С. В. Гриняевым, В. А. Прокофьевым, С. Б. Расторгуевым и Г. К. Ашиным. Среди российских авторов работ этой тематики, написанных в последние годы, назовём Г. Ю. Филимонова, Г. Г. Почепцова, В. А. Лисичкина и Л. А. Шелепина.[29]

Политические биографии Р. Рейгана. Широкую группу исследований, в которых содержится значительный фактический материал, касающийся

Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада / Владимир Олегович Рукавишников. – М.: Академический проект, 2005. – 862 с.

[29] Ашин Г. К. Вторжение без оружия: идеологическая борьба в современном мире и буржуазная «массовая культура» / Геннадий Константинович Ашин. – М.: Советская Россия, 1985. – 160 с.; Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США / Георгий Юрьевич Филимонов. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.; Лисичкин В. А. Война после войны: Информационная оккупация продолжается / Владимир Александрович Лисичкин, Леонид Александрович Шелепин. – М.: Алгоритм, 2005. – 416 с.; Почепцов Г. Г. Информационные войны / Георгий Георгиевич Почепцов. – К.: Ваклер, 2000. – 528 с.

заявленной нами темы, представляют биографические исследования, посвящённые Президенту Рейгану. Отметим, что эта личность вызвала интерес учёных ещё в начальный период своего пребывания в Белом доме. В течение 1980-х годов вышли работы Б. Боярски, Т. Эдсола, В. Уэйна, Л. Кенона, Р. Дагера, Р. Даллека и Дж. Салливана, в которых делалась попытка рассмотрения становления политических взглядов национального лидера, формирования его мировоззрения и жизненного опыта.[30]

Среди наиболее интересных работ биографического характера, опубликованных уже после окончания Холодной войны, следует указать книги Л. Барета, К. Уолша, Б. Шифера и Г. Гейтса, У. Памбертона, Дж. Мейера и Д. Макмануса. Их работы в основном имеют публицистический характер, но вместе с тем, достаточно полно отражают дух времени и раскрывают секреты «политической кухни» американской администрации завершающего периода биполярной конфронтации.

Несмотря на ключевую роль Белого дома в механизме формирования внешней политики США, советские учёные к личности 40-го Президента интереса почти не проявляли (что объясняется абсолютизацией в диалектическом материализме роли народных масс как движущей силы истории). Перечень работ на эту тематику фактически включает в себя один основательный труд, принадлежащий уже упоминавшемуся выше дипломату и заслуженному деятелю науки РФ Э. А. Иваняну.[31]

При написании монографии автор также опирался на учебные и справочные материалы, прежде всего, посвящённые истории международных отношений.[32]

---

[30] Edsall T. The Reagan Legacy. Promice and Perfomance / Thomas Byrne Edsall, Sidney Blumenthal. – N.-Y.: Pantheon Books, 1988. – 318 p.; Wayne V. The Future under President Reagan / Valis Wayne, Aram Bakshian, Jr. – Westport: Arlington House Pub, 1981. – 194 p.

[31] Иванян Э. А. Рональд Рейган – хроника жизни и времени / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Мысль, 1991. – 411 с.

[32] Млечин Л. М. Холодная война: политики, полководцы, разведчики / Леонид Михайлович Млечин. – М.: Центрполиграф, 2009. – 574 с.; Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 696 с.; Кальвокоресси П. Мировая политика 1945–2000: в 2 тт. / Питер Ион Амброз Кальвокоресси. – М.: Междунар. отношения, 2003; Системная история международных отношений (1918–2003): в 4 тт. / Под ред. Богатурова А. Д. – М.: Научно-образовательный форум по междунар. отношениям, 2003; Ди Нольфо Э. История международных отношений, 1918–1999 гг. / Эннио Ди Нольфо. – М.: Логос, 2003. – 1306 с.; Дергачёв В. А. Геополитический словарь-справочник / Владимир

Подводя итог краткому обзору историографии поставленного вопроса (детальному анализу которого может быть посвящена серия отдельных исследований), необходимо отметить, что, вопреки обилию публикаций, аналог данной работе как в зарубежной, так и в отечественной историографии отсутствует. Анализ современной научной литературы делает очевидным, что она сохраняет традиционное направление, которое имеет в своей основе предметное деление объекта. Внешняя политика вследствие этого исчезает как целостное явление и «растягивается» на отраслевые ячейки: дипломатию, экономику, идеологию и военную сферу. Таким образом, американская политика в отношении СССР в период президентства Р. Рейгана до сих пор не была представлена в виде целостной картины, отражавшей бы её эволюцию и факторы формирования.

Документально-источниковую базу диссертации составляют опубликованные документы и материалы, которые в зависимости от информативности и происхождения можно разделить на основные группы: документы исполнительной и законодательной ветвей власти США; документы политических партий и работы американских теоретиков неоконсерватизма; данные опросов общественного мнения; официальные публикации статистических данных; мемуарная литература; работы англосаксонских классиков геополитики.

Документы исполнительной власти США. При подборе источников и определении степени их репрезентативности, следует учитывать то, что в формировании внешнеполитического курса Соединённых Штатов ведущая роль принадлежит исполнительной ветви власти этой страны. Поэтому, основной группой документов, которые были привлечены автором, являются материалы американских президентских администраций (прежде всего, Р. Рейгана, политика которого является предметом нашего исследования) и правительственных департаментов. Курс Вашингтона направлялся, прежде всего,

---

Александрович Дергачёв. – К.: КНТ, 2009. – 592 с.; Кудряченко А. І. Геополітика / А. І. Кудряченко, Ф. М. Рудич, В. О. Храмов. – К.: МАУП, 2004. – 296 с.

внешнеполитическими программами и стратегиями, которые разрабатывались советниками Президента по вопросам международных отношений и периодически корректировались в соответствии с ситуацией в мире и внутри самих Соединённых Штатов.[33]

Важным источником для исследования указанной автором проблематики являются президентские директивы по национальной безопасности и исполнительные приказы, имеющие силу закона.[34] Наполнение советского направления политики Вашингтона декларировалось в выступлениях спикеров Белого дома, ежегодных обращениях Президента к стране и письмах к Конгрессу, в заявлениях членов его администрации по проблемам безопасности, внешней политики и отношений с Москвой. Кроме того, политика Америки отражалась в пресс-релизах главы Государственного департамента и Министерства обороны. Документы этой группы источников опубликованы в изданиях исполнительной власти,[35] на их официальных сайтах,[36] на веб-страницах Федерации американских учёных и в электронном архиве Университета Джорджа Вашингтона.[37] Данная группа источников позволяет выявить общие принципы и приоритеты внешней политики США, а также детализировать аспекты формирования и эволюции их стратегии на советском направлении в исследуемый нами период.

Материалы Конгресса США. Поскольку в выработке путей реализации внешнего курса Соединённых Штатов в целом и в отношении отдельных стран в частности, важное место принадлежит законодательной ветви власти,

---

[33] Reagan R. National Security Strategy of the United States 1987 / Ronald W. Reagan. – Washington, D. C.: GPO, 1987. – 41 p.; Reagan R. National Security Strategy of the United States 1988 / Ronald W. Reagan. – Washington, D. C.: GPO, 1988. – 44 p.

[34] NSDD 24. Mission to certain European countries concerning oil and gas equipment exports to USSR and restricting credits to Soviet bloc countries, February 9, 1982 [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/index.html; NSDD 41. Sanctions on oil and gas equipment exports to USSR, June 22, 1982 [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/index.html; NSDD 66. East–West relations and Poland related sanctions. November 29, 1982 [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-066.htm.

[35] Weekly Compilation of Presidential Documents. – Vol. 16–25 (1981–1989). – Office of the Federal Register, National Archives and Records Administration.

[36] White House. − Режим доступа: http://www.whitehouse.gov; Archives Ronald Reagan Presidential library. − Режим доступа: http://www.reagan.utexas.edu; The American Presidency Project. – Режим доступа: http://www.presidency.ucsb.edu US Department of State. – Режим доступа: http://secretary.state.gov/www/statements; US Department of Defense. – Режим доступа: http://www.defenselink.mil/transcripts/; US Department of the Treasury. – Режим доступа: http://www.treas.gov/.

[37] Federation of American Scientists. – Режим доступа: http://www.fas.org/offdocs/; The George Washington University. – Режим доступа: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/.

исследование политики относительно Москвы потребовало от автора обращения к материалам Конгресса, основой которых являются стенограммы пленарных заседаний его палат.[38] Эта подгруппа источников всесторонне отражает все грани деятельности законодателей и вместе с документами президентского кабинета является касательно темы базовой. Их анализ позволяет учесть весь спектр мнений, существовавших в Конгрессе по вопросам политики в отношении СССР в ходе её эволюции, отследить точки зрения и аргументы отдельных конгрессменов о ней в исследуемый нами период и выявить её ключевые моменты. Стенограммы содержат итоги голосований по актуальным законодательным актам и позволяют делать выводы о соотношении сил между сторонниками различных подходов.

В данную группу источников также включены тексты резолюций Сената и Палаты представителей.[39] Несмотря на то, что они не имеют силы закона, эти юридические акты всё же представляют исследовательский интерес, поскольку отражают позицию Конгресса касательно советской проблемы. Кроме того, документами законодательной ветви власти являются материалы слушаний, проходивших в комитетах по иностранным делам палат законодательного собрания, на которые часто приглашались ведущие американские и зарубежные политические деятели. Материалы последних двух подгрупп источников публиковались Управлением правительственной печати (Governmental Printing Office) в качестве отдельных документов.[40] Как и источники первой группы, парламентские документы доступны в сети Интернет – на сайтах палат законодательного собрания[41] и Библиотеки Конгресса.[42]

---

[38] Congressional Record. – Vol. 126–134. – Washington, D.C.: GPO, 1981–1989.

[39] House Resolution 257. Regarding the United States response to summit meeting at Geneva // CR – 99th Congress. – House of Representatives. – Vol. 131. – P. H32172; Senate Resolution 502. Regarding the United States response to summit meeting at Reykjavik, Iceland 1986 // CR – 99th Senate. – Senate. – Vol. 132. – P. S15677; Public Law 97-280. 97th Congress Joint Resolution Authorizing and requesting the President to proclaim 1983 as the «Year of the Bible». [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://scripturalaw.org/ecj-Public_Law_97-280.html.

[40] The Reagan–Gorbachev summit and its implications for United States–Soviet relations. Hearing before the Committee on Foreign Affairs. October 31, 1985. House of Representatives. – 99th Congress, 1st Session. – Washington, D.C.: GPO, 1986. – 39 p.; US–USSR commercial relations issues in East–West trade / Ed. by Hardt J. P., Boone J. F. – Washington, D.C.: Congressional Research Service, 1986. – 19 p.

[41] US Senate. – Режим доступа: http://www.senate.gov; Office of the Clerk US House of Representatives. – Режим доступа: http://clerk.house.gov.

[42] The Library of Congress. – Режим доступа: http://thomas.loc.gov.

Документы политических партий США и труды теоретиков неоконсерватизма. Поскольку ведущие политические партии Соединённых Штатов (Демократическая и Республиканская) являются важным институтом гражданского общества, без анализа их деятельности невозможно до конца понять сущность американских социальных явлений. Итак, партийные избирательные платформы также являются одним из источников исследования политики Вашингтона в отношении Москвы. При анализе их программных документов необходимо учитывать, что существенное место в них неизбежно занимают элементы демагогии, которые рассчитаны на привлечение голосов избирателей. В то же время, эти документы отражали реальные проблемы и предлагали средства для их решения.[43] В свою очередь, позиции руководящей в 1980-х годах Республиканской партии формировались под влиянием неоконсервативных теоретиков, идеи которых можно рассматривать в качестве «краеугольного камня» внешней политики США. В контексте предмета нашего исследования наибольший интерес представляют работы И. Кристола, Дж. Киркпатрик и Н. Подгореца.[44]

Данные опросов общественного мнения. Кроме упомянутых выше традиционных звеньев внешнеполитического механизма США (института президентства и его аппарата, Конгресса, министерств и ведомств), следует отметить и широкие слои общественности, «средним арифметическим» позиции которых являются результаты опросов общественного мнения. Основные данные для её анализа представлены в опубликованных отчётах.[45]

---

[43] Republican Party Platform of 1980. July 15, 1980 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25844; Democratic National Political Convention 1980 [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: http://www.loc.gov/rr/main/democratic_conventions/convention1980.pdf; Democratic Party Platform of 1980. August 11, 1980 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29607.

[44] Kirkpatrick J. The Reagan doctrine and US foreign policy / Jeane Duane Jordan Kirkpatrick, Ray S. Cline. – Washington, D.C.: Heritage Foundation, 1985. – 23 p.; Kristol I. Reflections of a Neoconservative / Irving Kristol. – N.-Y.: Basic Books, 1983. – 336 p.; Podhoretz N. The present danger. Do we have the will to reverse the decline of American power? / Norman Podhoretz. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1980. – 109 p.

[45] Public Opinion. – Vol. 11. – 1988 [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute for Public Policy Research. – Режим доступа к документу: http://www.aei.org/article/politics-and-public-opinion/polls/vol/11/1988/how-strong-is-sentiment-against-the-USSR; Public Opinion. – Vol. 13. – 1990 [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute for Public Policy Research. – Режим доступа к документу: http://www.aei.org/article/politics-and-public-opinion/polls/vol/13/1990/how-strong-is-sentiment-against-the-USSR; Public Opinion. – Vol. 9. – 1986 [Электронный

Официальные публикации статистических данных. Одним из важнейших факторов формирования внешней политики любого государства являются его внутренние социально-экономические процессы. В нашем случае основой для их анализа послужили официальные публикации статистических данных (содержащиеся, прежде всего, в отчётах исполнительной ветви власти о состоянии экономической отрасли).[46] Соответственно, учитывалась и советская статистика.[47]

Мемуары. Отдельную группу источников, использованных нами в ходе исследования, составляют публикации мемуарного характера. Уникальность воспоминаний как исторического источника заключается в том, что они являются свидетельствами лиц, непосредственно вовлечённых в разработку курса в отношении СССР и его воплощение на практике.

Важным первоисточником и «свидетельством из первых рук» являются воспоминания Р. Рейгана и материалы его предвыборной агитации, значительное место в которых отведено внешней политике вообще, и ситуации в отношениях с Советским Союзом, в частности.[48]

Наряду с этим, значительную ценность представляют воспоминания А. Хейга, Дж. Шульца и Дж. Бейкера, в разное время исполнявших обязанности Государственного секретаря (последний из указанных, кроме того – главы администрации Рейгана и Министра финансов).[49] Многие аспекты политики

ресурс] // American Enterprise Institute for Public Policy Research. – Режим доступа к документу: http://www.aei.org/article/politics-and-public-opinion/polls/vol/9/1986/how-strong-is-sentiment-against-the-USSR:
Smith T. The Polls: American Attitudes Toward the Soviet Union and Communism / Tom W. Smith // Public Opinion Quarterly. – Vol. 47. – Summer 1983; The Gallup poll monthly. – № 295. – May 1990. – 68 p.

[46] Export promotion, export disincentives and US competitiveness: reports by the President pursuant to section 1110 (a) of the Trade agreements act of 1979. Printed for the use of the Committee on banking, housing, and urban affairs, US Senate. – Washington, D.C.: GPO, 1980. – 612 p.; Special study on economic change: studies prepared for the use of the special study on economic change of the joint economic committee. – Washington, D.C.: GPO, 1980. – 265 p.; The quality of American life in the eighties. Report of the panel on the quality of American life. – New Jersey: Prentice-Hall, 1981. – 146 p.; Economic report of the President. – Washington, D.C.: GPO, 1985. – 385 p.

[47] Внешняя торговля СССР: статистический сборник, 1918–1966. – М.: Междунар. отношения, 1967 – 241 с.; Консолидированный бюджет СССР и России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/Ve/1995/95-7illarionov/95-7illarionov020.htm.

[48] Рейган Р. Жизнь по-американски / Рональд Уилсон Рейган. – М.: Новости, 1992. – 749 с.; Рейган Р. Откровенно говоря. Избранные речи / Рональд Уилсон Рейган. – М.: Новости, 1990. – 398 с.; Reagan R. Ronald Reagan call to action: the candidate's office positives on every major issues of the ages / Ronald Wilson Reagan, Charles D. Hobbs. – N.-Y.: Thomas Nelson Inc., 1976. – 190 p.; Reagan R. Foreign policy and world realities / Ronald Wilson Reagan. – Stanford: Stanford University Press, 1977. – 48 p.

[49] Haig A. M., Jr. Caveat: realism, Reagan and foreign policy / Alexander Meigs Haig, Jr. – Macmillan, 1984. – 367 p.; Shultz G. Turmoil and triumph: my years as Secretary of State / George P. Shultz. – N.-Y.: Scribner's, 1993. – 1184 p.;

Вашингтона касательно Москвы нашли отражение в мемуарах Дж. Буша-старшего, который при Рейгане занимал должность Вице-президента.[50]

Кроме того, как глубокий и объективный источник следует охарактеризовать сенсационный труд американского политического комментатора П. Швейцера «Победа»,[51] который раскрывает тайную стратегию США, разработанную для развала социалистического лагеря. В качестве документальных материалов в книге приводятся эксклюзивные интервью с основными участниками разработки и реализации данного направления внешней политики из окружения американского Президента, а также должностными лицами из КГБ, Политбюро и правительства СССР.

Лицами, причастными к «ковке» победы Соединённых Штатов в Холодной войне, были также С. Тэлботт и Дж. Мэтлок, следовательно, их работы также были рассмотрены нами в качестве источников мемуарного характера.[52]

Учитывая прочные связи, которые Вашингтон имел с Лондоном в период Холодной войны, выступая с ним в составе единого фронта, при раскрытии предмета нашего исследования учитывались воспоминания британских лидеров – У. Черчилля (соответственно, при анализе предпосылок американо-советского противостояния) и М. Тэтчер.[53]

Факторы, которые на рубеже 1970-х – 1980-х годов привели к эскалации Холодной войны, отчасти раскрываются в воспоминаниях Президентов Р. Никсона и Дж. Картера, поэтому краски их литературных трудов органично

Baker J. The politics of diplomacy: revolution, war, and peace, 1989–1992 / James Addison Baker III, Thomas M. DeFrank. – N.-Y.: G. P. Putnam's Sons, 1995. – 687 p.

[50] Bush G. A world transformed / George Herbert Walker Bush, Brent Scowcroft. – N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1998. – 590 p.

[51] Schweizer P. Reagan's war: the epic story of his forty year struggle and final triumph over communism / Peter Schweizer. – N.-Y.: Doubleday, 2002. – 339 p.; Швейцер П. Тайная стратегия развала СССР / Петер Швейцер. – М.: ЭКСМО, 2010. – 304 с.

[52] Tallbot S. The Russians and Reagan / Strobe Tallbot. – N.-Y.: Vintage, 1984. – 140 p.; Бешлосс М. Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачёва с американцами / Майкл Бешлосс, Строуб Тэлботт. – М.: Алгоритм, 2012. – 352 с.; Мэтлок Д. Ф. Рейган и Горбачёв: как окончилась «холодная война»… и все выиграли / Джек Ф. Мэтлок (мл.). – М.: Р. Валент, 2005. – 328 с.

[53] Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 т. / Уинстон Спенсер Черчилль. – М.: Терра, 1997–1999; представление о позиции госпожи премьера может быть сформировано на основе текстов пресс-релизов, изложенных в её электронном архиве – The public papers of Prime minister Margaret Thatcher. – Режим доступа: http://www.margaretthatcher.org/.

дополняют палитру использованной нами мемуаристики.[54] Наконец, программой, важной для понимания процессов, которые привели к распаду СССР, является «Доктрина» А. Даллеса.[55]

Пристального внимания заслуживает и мнение противоположной стороны – прежде всего, Генерального секретаря ЦК КПСС, первого и последнего Президента Союза ССР М. Горбачёва, советских послов в США А. Добрынина и Ю. Дубинина, а также главы Генерального штаба вооружённых сил СССР Н. Огаркова и Министра обороны Д. Устинова, причастных к формированию военной составляющей кремлёвской политики.[56] Интересным источником, раскрывающим секреты советской политической «кухни», являются воспоминания посла по особым поручениям МИД СССР О. Гриневского и «силовиков» – руководителя аналитического центра КГБ, генерал-майора В. Широнина и начальника советской внешней разведки, генерал-лейтенанта Л. Шебаршина.[57]

Очерченный выше круг воспоминаний помогает реконструировать события и расширить представление о различных сторонах взаимоотношений Вашингтона и Москвы, однако при опоре на них следует учитывать и субъективную точку зрения каждого автора.

Труды англосаксонских классиков геополитики. Геополитические идеи и концепции являются весомым фактором формирования внешней политики любого государства, которое относит себя к клубу великих. США не являются исключением. Поэтому, в круг источников нами были включены работы наиболее заметных фигур данной области знания – Х. Макиндера, А. Мэхэна и

---

[54] Nixon R. 1999: Victory without war / Richard Milhous Nixon. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1988. – 336 p.; Carter J. Keeping faith: memoirs of a President / James Earl Carter, Jr. – Fayetteville: University of Arkansas Press, 1982. – 640 p.

[55] Даллес А. Доктрина / Аллен Даллес. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. – 224 с.

[56] Горбачёв М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / Михаил Сергеевич Горбачёв. – М.: Политиздат, 1988. – 271 с.; Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно / Анатолий Фёдорович Добрынин. – М.: Автор, 1996. – 688 с.; Дубинин Ю. В. Время перемен. Записки посла в США / Юрий Владимирович Дубинин. – М.: Авиарус-XXI, 2003. – 464 с.; Огарков Н. В. История учит бдительности / Николай Васильевич Огарков. – М.: Военное изд-во, 1985. – 94 с.; Устинов Д. Ф. Отвести угрозу ядерной войны / Дмитрий Фёдорович Устинов. – М.: Новости, 1982. – 16 с.

[57] Гриневский О. А. Сценарий для третьей мировой войны. Как Израиль чуть не стал её причиной / Олег Алексеевич Гриневский. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 383 с.; Широнин В. С. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплёка перестройки / Вячеслав Сергеевич Широнин. – М.: Палея, 1996. – 400 с.; Шебаршин Л. В. Рука Москвы. Записки начальника советской разведки / Леонид Владимирович Шебаршин. – К.: Стодола, 1993. – 303 с.

Н. Спикмена.[58] Не забыли мы и о современных американских политологах и социологах, государственных деятелях Г. Киссинджере и З. Бжезинском.[59]

Завершая обзор источников, касающихся заявленной нами темы, отметим, что необходимость реализации поставленных исследовательских задач определила использование максимально возможного круга материалов различного характера и происхождения. Отражённые в них факты и их интерпретация позволяют установить причинно-следственные связи в мировой политике в целом и в их конкретно-историческом проявлении – завершающем этапе Холодной войны, в частности.

Таким образом, источники и литература, использованные в ходе работы над монографией, позволяют приблизиться к раскрытию темы политики Вашингтона в отношении Москвы и реализовать поставленные задачи. Вместе с тем, автор осознает, что данная работа не исчерпывает всей сложности и полноты процессов, происходивших в американском политикуме. Многие аспекты внешней политики (даже на одном векторе), в силу логики изложения материала и ограниченности объёмов работы существующими стандартами, остались за её пределами. Ряд проблем требует дополнительного исследования, привлечения новых документов, значительная часть которых сегодня остаётся секретной.

Изучение всего совокупного внешнеполитического механизма США (который составляют десятки федеральных ведомств и структур) и сил, определяющих его движение и трансформацию, часто имеющих иррациональный характер – задача весьма сложная. Таким образом, данная диссертация имеет более скромные масштабы, она нацелена на исследование того минимума тенденций и явлений, который необходим для адекватного понимания сущности

---

[58] Mackinder H. The geographic pivot of history / Halford John Mackinder // Democratic ideals and reality. – London: Faber & Faber, 1999. – 248 p.; Mahan A. The influence of sea power upon history (1660–1783) / Alfred Thayer Mahan. – Mineola: Dover Pub, 1987. – 640 p.; Spykman N. America's strategy in world politics: the United States and the balance of power / Nicholas John Spykman, Francis P. Sempa. – Piscataway: Transaction Pub, 2007. – 500 p.

[59] Kissinger H. Domestic structure and foreign policy / Henry Alfred Kissinger // International politics and foreign policy / Ed. by James N. Rosenau. – N.-Y.: Free Press, 1969. – 740 p.; Kissinger H. The necessity for choice. Prospects of American foreign policy / Henry Alfred Kissinger. – London: Chatto & Windus, 1960 – 370 p.; Киссинджер Г. А. Дипломатия / Генри Альфред Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 849 с.; Brzezinski Z. Game plan: a geostrategic framework for the conduct of the US–Soviet contest / Zbigniew Kazimierz Brzezinski. – Boston: The Atlantic Monthly Press, 1986. – 288 p.; Brzezinski Z. The grand failure: the birth and death of communism in the twentieth century / Zbigniew Kazimierz Brzezinski. – N.-Y.: Charles Scribner's Sons, 1989. – 278 p.

политики Соединённых Штатов в отношении Советского Союза в финальном акте их конфликта.

Структура и содержание диссертации подчинены целям и задачам исследования. Общий объём работы – 436 страниц, из них 375 страниц – основной текст. Список источников и литературы содержится на 53 страницах и насчитывает 588 позиций. Текст состоит из введения, четырёх глав, разделённых на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Приложения размещены на 2 страницах.

Р а з д е л I.

ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ, ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА США С СССР

1. Исторические этапы становления межгосударственных связей России и США (кон. XVII – нач. XX вв.)

В круг задач нашего исследования не входит подробный анализ взаимоотношений США и России (в различных государственных модификациях второй) с момента появления первых в качестве суверенной политической единицы. Однако влияние событий последних двух веков на сегодняшний день остаётся настолько сильным, что обращение к истории необходимо для того, чтобы продемонстрировать уязвимость определённых устойчивых стереотипов и открыть новые ракурсы для объяснения политических тенденций. В этом ключе, ретроспективный анализ отношений сторон с конца XVIII века является более чем оправданным.

Большинство исследователей относит начало отношений между двумя государствами к 1776 году, когда 13 Соединённых Государств (Штатов) объявили о своей независимости от Британской империи. Однако, контакты между жителями Северной Америки и русскими людьми имели место и ранее, в частности, в 1698 году в Лондоне состоялась встреча между Петром Великим и одним из «отцов-основателей» США Уильямом Пенном; знаковым событием также было прибытие в 1763 году торгового корабля из Северной Америки к российским берегам по прямому трансатлантическому рейсу Бостон–Кронштадт.

Вопреки географической удалённости колоний Нового Света, Санкт-Петербург стремился укреплять установленные с ними отношения, сводившиеся преимущественно к торговле. Так что не удивительно, что с началом в 1775 году революционного выступления переселенцев, правительство Екатерины Великой было косвенно вовлечено в события в Северо-Западной Атлантике. Русская

продукция, такая как конопля, парусный лён и изделия металлургии, а также иные средства и материалы, необходимые для судостроения, продолжали поступать в американские порты.[60] В то же время Английская корона («владычица морей») напряжённо искала себе союзников и после выступления на стороне повстанцев Франции и Испании, отправила к императрице посольство с просьбой предоставить войска для восстановления порядка в колониях. Впрочем, эти усилия не увенчались успехом, поскольку Всероссийская самодержица была недовольна действиями короля Георга во время Семилетней войны, и уже давно с тревогой следила за ростом его морской мощи. Глотая свою гордость, в ноябре 1779 года англичане обратились к России ещё с одним призывом о помощи. Письмо из Форин-офис, в котором говорилось о том, что «Интересы Англии находятся в руках императрицы»,[61] содержало просьбу о применении силы против британских врагов (в том числе на европейском континенте) для подавления Американской революции. Выждав несколько месяцев, Санкт-Петербург ответил отказом.[62] Потерпев дипломатическое поражение, англичане два года спустя попытались русскую помощь «купить». Осознавая вероятность потери значительных территорий, посланник при императорском дворе Джеймс Харрис предложил России остров Менорка в западном Средиземноморье; на этот раз речь шла уже не о военной помощи, а о лояльности и давлении на Францию. Впрочем, и этот вариант был отклонён, а бесчестные предложения Англии стали достоянием гласности во всей Европе.[63]

Итак, попытки Лондона блокировать французские и испанские порты потерпели поражение. Соответственно, самовольные действия английского военного флота по осмотру и изъятию грузов со всех торговых кораблей, шедших к ним, вызвали в Санкт-Петербурге бурю негодования. В 1780 году эта волна вылилась в разосланную другим правительствам Декларацию о вооружённом нейтралитете.

---

[60] Bolkhovitinov N. Russia and the American Revolution / Nikolay Bolkhovitinov. – Tallahassee: Diplomatic Press, 1976. – 277 p. – P. 76.
[61] Golder F. A. Catherine II and the American Revolution / F. A. Golder // The American Historical Review. – January 21. – 1915. – P. 92–96.
[62] Ibidem. – P. 94.
[63] Ibidem. – P. 95.

Этот документ, заложивший принципы морского права, провозглашал: свободу торговли нейтральных сторон с портами воюющих государств; свободный провоз на нейтральных судах любых грузов, за исключением военных; объявление недействительной блокады там, где она существует только на бумаге и не обеспечена наличными военно-морскими силами; неприкосновенность нейтральных судов от задержания и обыска без достаточных оснований, и выплата компенсации их владельцам в случае неправомерных захватов. Защищать новые принципы предлагалось силами флотов, объединённых в Лигу вооружённого нейтралитета. В европейских столицах призыв императрицы имел широкий отклик, и к Лиге присоединилось большинство основных морских держав. Ещё больший моральный подъём Декларация вызвала в стане повстанцев, следовательно, надеясь на признание со стороны Российской империи, Конгресс молодой республики выразил свою солидарность с вооружённым нейтралитетом и желание присоединиться к Лиге. Однако на тот момент своего посольства россияне не открыли: подтверждая легитимность монархии как политического института и не допуская компромисса с революцией, Екатерина II не стала на их сторону открыто, отклонив предложение американцев об официальных дипломатических отношениях. Тем не менее, императрица продолжила оказывать им помощь, стремясь ускорить мирные переговоры. Таким образом, политика России вполне отвечала интересам новорожденного государства.[64]

По признанию американских историков, «хотя Соединённые Штаты не смогли присоединиться к Лиге вооружённого нейтралитета для обеспечения признания своей независимости со стороны [её] участников... но вооружённый североамериканский нейтралитет сам по себе был мощным инструментом в осуществлении изоляции Великобритании».[65] Итак, сделав большой вклад в рождение американской республики, ещё больший Россия сделала в её укрепление, официально признав США в 1807 году.

---

[64] Иванян Э. А. История США / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Дрофа, 2004. – 576 с. – С. 63–65.
[65] Bemis S. F. A diplomatic history of the United States / Samuel Flagg Bemis. – N.-Y.: Henry Holt & C°, 1955. – 1062 p. – P. 463.

Весомым был также вклад России в предание карте Соединённых Штатов её современного вида. Увеличение территории и богатств этого государства в значительной степени произошло за счёт покупки или захвата российских владений: Гавайских островов (1814), Калифорнии (1841), Аляски (1867) и территории всего северо-восточного тихоокеанского побережья от Форта-Росс до Новоархангельска, которые в совокупности составляют почти 30% их современной территории, давая 40% ВВП.[66] Своеобразие представлений имперской администрации о государственных интересах проявилась в том, что все указанные земли были переданы фактически за бесценок: Калифорния – за 40 тыс. долл., а Аляска – за 7,2 млн.[67] Интересно и то, что отдавая их, российские чиновники владели информацией о наличии там золотых приисков (вскоре одна только Аляска в течение 30 лет принесла доход в 200 млн. долл.). «Золотая лихорадка» развернулась именно на бывших российских территориях; что более важно, стратегический выход к тихоокеанскому пространству позволил Соединённым Штатам со временем превратиться в мировую державу.

Развитие демократических институтов США стало возможным благодаря победе промышленных штатов Севера над рабовладельческим Югом в ходе Гражданской войны 1861–1865 годов. Как и во время Американской революции, роль России в таком ходе событий также была весомой, хотя и опосредованной.

Вопреки тому, что в первой половине XIX века отношения Вашингтона с Петербургом развивались по восходящей, американские политики демонстрировали к заокеанским коллегам невысокий уровень уважения, причиной чего указывался самодержавный абсолютизм. Впрочем, в ходе эскалации государственного раскола и интернационализации американского конфликта Президент Линкольн и Госсекретарь Сьюард осознавали, что их возможности противостоять объединённым силам Великобритании и Франции, которые поддержали южан, во многом зависели именно от позиции России. Та, в свою очередь, была одной из двух европейских стран, безоговорочно вставших на

---

[66] Петров А. Ю. О продаже русской колонии Форт Росс в Калифорнии / А. Ю. Петров, Г. М. Капалин, А. Н. Ермолаев // Вопросы истории. – № 1. – 2013. – С. 10–15.

[67] Алексеев А. И. Судьба Русской Америки / Александр Иванович Алексеев. – Магадан: Магад. кн. изд-во, 1975. – 325 с. – С. 313.

сторону Севера (второй была Швейцария). Отправляя в Санкт-Петербург посла К. Клея, Президент и Госсекретарь говорили о необходимости добиваться лояльности дома Романовых. Оставаясь принципиальным противником рабства, Клей высоко оценил решение Александра II покончить с крепостным правом, и на первой же встрече с императором посол выразил своё отношение к этому акту. Итак, в отчёте о данной встрече Клей цитировал слова царя о том, что их государства «объединяет общая симпатия к делу эмансипации». В свою очередь, российский министр иностранных дел князь А. Горчаков просил «передать господину Сьюарду, что политика России в отношении Соединённых Штатов определена и не изменится в зависимости от курса какой-либо другого государства... отделение Юга будет рассматриваться Россией как наибольшее из всех возможных несчастий». Впоследствии Клей напишет: «Я сделал больше, чем кто-либо другой для ликвидации рабства. Я сохранил для нас Россию и, таким образом, предотвратил её союз против нас с Францией, Англией и Испанией. Тем самым я спас республику».[68] Попытки расположить Россию осуществляли и южане, как и англичане с французами, которые выступали за признание их сецессии. Впрочем, все они получили решительный отказ со стороны российского правительства, ясно давшего понять, что не признает Конфедерацию, пока этого не сделает администрация Линкольна. Правительство королевы Виктории вскоре признало северные и южные штаты «воюющими сторонами» и находилось в двух шагах от того, чтобы признать Конфедерацию и на дипломатическом уровне.[69]

Итак, Россия приняла сторону северян, что отчасти было ответом Великобритании на давление в «польском вопросе» – во время восстания 1863 года правительство французского императора Наполеона III требовало предоставить Польше независимость, а Великобритания угрожала морским десантом на Балтике. Осенью 1863 года, в разгар Гражданской войны в США к американским берегам Атлантического и Тихого океанов прибыли две российские эскадры в составе кораблей под руководством контр-адмиралов

[68] Цит. по: Гражданская война в США и Россия [Электронный ресурс] // Северная Америка. Век девятнадцатый. – Режим доступа к статье: http://america-xix.org.ru/civilwar/diplomacy/russia.php.
[69] История США: в 4 тт. – Т. 1: 1607–1877 / Под ред. Севостьянова Г. Н. – М.: Наука, 1983. – 688 с. – С. 454.

С. Лисовского и А. Попова. Внезапное появление русского флота в Нью-Йорке и Сан-Франциско серьёзным образом изменило стратегическую ситуацию. К тому времени в мире уже гремела слава крейсера южан «Алабама», который практически парализовал атлантическую торговлю северян и для уничтожения которого понадобились 15 боевых судов. Итак, пять российских кораблей на Тихом океане и шесть в Атлантике в составе двух эскадр давали в сумме одиннадцать потенциальных «алабам», для нейтрализации которых не хватило бы сил даже у флота Её Величества. Поэтому, правительство Великобритании закрыло глаза на «польский вопрос» и отказалось от признания Конфедерации южан.[70]

Учитывая это, неудивительно, что время пребывания россиян за океаном было заполнено многочисленными балами, пышными церемониями и торжествами. В американской столице в честь русских морских офицеров состоялся приём в Белом доме. Государственный секретарь Сьюард по этому поводу писал американскому послу в России Клею: «Президент искренне хотел, чтобы их приём... мог отразить сердечность и дружбу, которые нация испытывает к России... и я счастлив сказать, что это желание было реализовано. Визит российского флота оживлённо обсуждался американской прессой. Американцы не оставались в долгу перед российскими моряками. На кораблях обеих эскадр побывали представители самых разных слоёв населения. Гостями русских моряков были механики, заводчики, литейщики, которые открывали русским свои достижения, свои фирмы и заводы. Американские деятели медицины установили дружественный контакт с корабельными врачами».[71] Заключительным аккордом гостеприимства, которое демонстрировали американцы по отношению к русским, были торжества, организованные в их честь в Бостоне 19 июня 1864 года.

На прощальном обеде мэр Бостона сказал: «Русская эскадра не привезла нам ни оружия, ни боевых снарядов для подавления бунта, но она принесла с собой самое важное – чувство международного братства, свою моральную

[70] Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 696 с. – С. 466.
[71] Левитас И. Русские эскадры в Америке / Исаак Левитас // Вестник. – № 26. – 1998 [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.vestnik.com/issues/98/1222/win/levitas.htm.

поддержку». «Россия, – говорил другой выступающий, – показала себя в отношении к нам мудрым, постоянным и надёжным другом».[72]

Таким образом, дислокация российских эскадр в американских водах сыграла важную роль в укреплении международного положения Севера. Позиция Петербурга в этой войне и его готовность воевать в интересах «свободных штатов» против Лондона и Парижа не дала вступить уже готовым к войне на стороне рабовладельцев английским и французским войскам. Соединённые Штаты возобновили и сохранили своё единство, хотя и понесли в гражданской войне большие потери, чем в XX веке в течение двух мировых войн.

Кардинальным образом отношения Петербурга и Вашингтона изменились на заре следующего, XX века, когда роль второго в мировой политике изменилась коренным образом. Тогда рассматриваемые нами отношения приобрели противоречивый характер, обусловленный поэтапной сменой циклов «соперничество-сотрудничество». Победив Испанию в войне 1898 года, США громко заявили о себе как о важной фигуре на «мировой шахматной доске»; вес этой фигуры имел тенденцию к постоянному увеличению.

Даже не имея с Россией общей сухопутной границы, американские стратеги не могли не смотреть на неё как на соперника. При этом, русская администрация стремилась сохранить отношения и делала шаги к их укреплению. Вопреки этому, Президент Т. Рузвельт в 1904 году вполне уверенно заявил, что если возглавляемое им государство и имеет в современном мире естественного врага, то им является Россия. Свои слова американский лидер подкрепил действиями в ходе войны Петербурга с Токио 1904–1905 годов: не выступив с явной поддержкой Империи солнца, он помогал ей опосредованно, при этом открыто заявляя, что ослабление России – в интересах Соединённых Штатов. По окончании этого конфликта Рузвельт одобрительно отозвался о японской военной мощи, отметив, что «японцы играют с американцами в одну игру».[73]

---

[72] Там же.

[73] Цит. по: Киссинджер Г. А. Дипломатия / Генри Альфред Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 849 с. – С. 120.

Парадоксально, но американское общественное мнение этого периода также части было настроено против Санкт-Петербурга.

Таким образом, напряжение усиливалось, и следующий президент, У. Тафт в 1911 году выступил с инициативой денонсации русско-американского торгового договора, который действовал уже более полутора веков. Три года спустя обе стороны всё же подписали соглашение об урегулировании противоречий, которое вступило в действие во время Первой мировой войны, тем не менее, такое согласие имело ситуативный и временный характер.[74]

2. Политика США в отношении советского государства как субъекта международных отношений (1917–1981)

Переломным этапом в развитии американо-российских отношений оказались события Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Изменения, которые претерпела империя Романовых, в течение длительного времени находились в центре внимания общественности, политических, академических и деловых кругов США. В оценке событий они были единодушны: в России произошла радикальная революция новейшего (на тот момент) времени, которая способна в корне изменить ход мировой истории. С того момента, напряжение и в без того не простых отношениях двух сторон непрестанно росло.

Обескровленная войной и революцией, Россия не представляла собой угрозы, но американское руководство было о ней другого мнения. Известно, что сразу же после революционных событий в Петрограде Госсекретарь США Р. Лансинг заявил, что «большевизм представляет опасность для существующего государственного строя всех европейских стран, а потому должен быть уничтожен».[75] Учитывая это, 3 августа 1918 года США и ещё 14 государств объявили о начале интервенции в Советскую Россию, оправдывая свои действия «защитой» чехословацких военнослужащих от «вооружённых австрийских и

[74] Там же. – С. 126.
[75] Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада / Владимир Олегович Рукавишников. – М.: Академический Проект, 2005. – 864 с. – С. 23.

немецких военнопленных».[76] Соединённые Штаты реализовывали план экономического окружения центральной России путём отрыва от неё наиболее важных окраин. Экспедиционные корпуса высадились во Владивостоке, а также в Мурманске и Архангельске, однако главным объектом внимания были богатые ресурсами Дальний Восток и Сибирь. Важное значение также придавалось Кавказу с его месторождениями нефти, следовательно, в сентябре 1918 года американское командование разрабатывало план переброски частей на Волгу.

Как только закончилась война с Германией, потребовался новый повод, и Президент В. Вильсон заявлял, что оккупационные войска теперь необходимы для того, чтобы восстановить порядок и предотвратить жестокость. Затем он говорил, что интервенция была необходима для того, чтобы заставить большевиков вернуть деньги, которые свергнутое царское правительство взяло в долг у Европы. Впоследствии американский лидер всё же признал реальную причину агрессии – он «терпеть не мог большевиков».[77]

Избрав подобное решение советской проблемы, американцы попытались легитимизировать своё военное присутствие. В частности, 22 января 1919 года вильсоновская администрация призвала участников Антанты к переговорам на Принцевых островах в Мраморном море, целью которых должна была быть аннексия части территорий Советской России. После того, как планы этой конференции провалились, на Парижской мирной конфереции 1919 года Совет четырёх в одностороннем порядке 14 мая того же года принял решение о расчленении России. США должны были получить в качестве подмандатной территории Армению, к которой впоследствии было решено присоединить остальную часть Южного Кавказа с выходом к Чёрному и Каспийскому морям; проводниками американских интересов в регионе должны были выступить марионеточные национальные правительства. «Нагуляв аппетит», представители американской администрации 19 ноября 1919 года обратились к российскому

---

[76] Там же. – С. 24.

[77] Рогачёв И. В. Новые подходы к осмыслению советско–американских отношений в 1917–1920 годах / Иван Викторович Рогачёв // XIX Ломоносовские междунар. науч. чтения. – Архангельск: Поморский университет, 2008. – С. 128–138.

народу с призывом сохранять «благоразумие» и передать им Транссибирскую магистраль.[78]

Несмотря на амбициозные планы своего правительства, американский экспедиционный корпус не смог выполнить поставленных перед ним задач и в 1921 году был эвакуирован. Впрочем, стремясь сохранить рычаги воздействия на молодую Советскую республику, Госсекретарь Б. Колби выпустил меморандум о применении в отношении неё политики «открытых дверей». По мнению Дж. Спарго, автора этого меморандума, он был «одним из важнейших документов послевоенного периода, которые принадлежали к традиции документов, провозглашавших “доктрину Монро” и политику “открытых дверей”».[79]

Вместе с тем, меморандум отражал противоречивость этого вектора внешней политики Соединённых Штатов. Так, с одной стороны, его создатели утверждали, что он заложил основу американского курса в отношениях с Советской Россией, с другой стороны, Дж. Спарго подчёркивал, что её разрушение является основной задачей американской дипломатии. Продолжение существования России в её новом виде могло служить серьёзным препятствием для полномасштабного осуществления политики «открытых дверей» США.[80]

Таким образом, как итог событий гражданской войны, в отношениях между двумя сторонами наметилась тенденция, определившая их характер до конца века: Москва воспринимала действия Вашингтона как посягательство на свой суверенитет и государственные интересы; Соединённые Штаты считали Россию опасным соперником, которого следует уничтожить, а при невозможности достижения этой цели – сдерживать и ослаблять любыми средствами. Американским истеблишментом, который боялся, что пламя пролетарской революции перекинется из Европы за океан, было приложено максимум усилий, чтобы сформировать у своих граждан негативное отношение к СССР и

---

[78] Паренти М. Власть над миром: истинные цели американского империализма / Майкл Паренти. – М.: Поколение, 2006. – 288 с. – С. 45.

[79] Quot. for: Smith P. America enters the world: a people’s history of the progressive era and World War II / Page Smith. – N.-Y.: McGraw-Hill, 1985. – 1205 p. – P. 734.

[80] Вялых В. В. Диалектика развития внешнеполитических отношений России и США в глобальном мире: дисс... канд. полит. наук: 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» / Владимир Владимирович Вялых. – М., 2010. – 195 с. – С. 18.

одновременно усилить и закрепить в массовом сознании страх перед местными левыми силами. Именно тогда, в начале 1920-х годов, в американский политический лексикон вошла идеологема «красная угроза», а борьба с ней (внутренний и внешний антикоммунизм) на долгие годы определила направления внешнего и внутреннего государственного курса.

Проявлением этого было то, что почти до начала 1930-х годов власти Соединённых Штатов проводили политику, препятствовавшую установлению официальных дипломатических отношений с Советским Союзом. В 1923 году Госсекретарь Ч. Хьюз мотивировал такую позицию ссылками на то, что советское правительство аннулировало внешние займы и долговые обязательства, экспроприировало иностранную частную собственность, ведя пропаганду и подрывную деятельность ради «свержения существующих правительств во всём мире».[81]

В ответ, Нарком иностранных дел Г. Чичерин 16 декабря 1923 года направил Президенту К. Кулиджу телеграмму, в которой выразил готовность начать переговоры с тем, чтобы на равноправной основе решить все спорные вопросы, включая и проблему денежных претензий. Комментируя это предложение, Хьюз два дня спустя выступил в американском Сенате с заявлением, которое было передано американским консулом в Таллине советскому представителю в Эстонии. По сути это был ультиматум, который отвергал возможность любых переговоров и требовал от СССР в одностороннем порядке отказаться от основных принципов своей внутренней и внешней политики. Как результат, в вопросе о юридическом признании Союза ССР правительство США заняло совершенно непримиримую позицию.

Впрочем, враждебность не помешала им выстраивать отношения на сугубо прагматической основе, базировавшейся, прежде всего, на экономических интересах: к концу 1920-х годов хозяйственное сотрудничество всё же налаживалась, и объём торговли почти утроился.[82] Именно в этот период

---

[81] Цит. по: История США: в 4 тт. – Т. 3: 1918–1945 / Под ред. Севостьянова Г. Н. – М.: Наука, 1985. – 672 с. – С. 143.

[82] Внешняя торговля СССР: статистический сборник, 1918–1966. – М.: Междунар. отношения, 1967 – 241 с. – С. 8.

отношения между СССР и США получили неожиданный оборот – последних постигла Великая депрессия, пик которой пришёлся на 1932 год, когда разорились 85000 предприятий, а безработица достигла 23,6% против 3,24% в 1929 году. Именно Советский Союз помог американской экономике избежать полного краха: в первые годы кризиса из Америки ему шло до двух третей экспорта оборудования для сельского хозяйства и металлообрабатывающей промышленности. Вопреки отсутствию дипломатических отношений между двумя государствами, в начале 1930-х годов СССР занимал седьмое место в американской внешней торговле, более того, по оценке журнала «Бизнес уик», «именно Советский Союз, а не кто-либо иной, пришёл на помощь американской индустрии в эпоху кризиса».[83] В деловые отношения и переговоры с советскими организациями вступали всё новые и новые американские фирмы, в том числе такие крупные, как монополистические объединения Рокфеллера, Форда, корпорации «Бетлехем стол», «Болдуин локомотив», «Дженерал электрик», финансовые учреждения. Поставщиками промышленного оборудования в СССР в этот период выступали около 800 американских заведений, а общее число предприятий, с которыми «Амторг» имел контакты по запросам советских организаций, достигло 2 тысяч.[84]

В последующее время по мере роста намеченных связей наблюдалось заметное стремление американского делового мира к нормализации политических отношений с Советским Союзом, по причине чего давление бизнес-элиты на Белый дом постоянно росло. В этом смысле показательна, например, деятельность влиятельного издания деловых кругов «Джорнал оф коммерс» и его редактора П. Уиллиса, которые высказались за признание СССР для обеспечения этим путём экономических интересов США.[85] Однако нельзя сказать, что деловой мир США имел единую позицию по вопросу о характере политических и экономических отношений с Советским Союзом. Наряду со сторонниками их

[83] The Soviet Union and the United States. Early cooperation: economic cooperation [Электронный ресурс] // Library of Congress. – Режим доступа к статье: http://www.loc.gov/exhibits/archives/sovi.html.
[84] История США... – Т. 3: 1918–1945… – С. 143.
[85] Фураев В. К. О торговых и экономических отношениях между СССР и США в 1924–1929 гг. / Виктор Константинович Фураев // Проблемы истории международных отношений. – Л.: Наука, 1972. – 427 с. – С. 101.

нормализации, определённые влиятельные круги выступали в поддержку политики правительства или вели двойственную линию. Так, оставаясь убеждённым противником советского строя, гигантский нефтяной трест Рокфеллера в советском вопросе одновременно выступал в двух лицах. Одна из его компаний – «Стандард ойл К° оф Нью-Джерси» купила акции фирмы Нобеля, демонстрируя крайнюю нетерпимость и враждебность ко всему, что касалось советской власти и равноправных деловых отношений с её представителями. Зато две другие рокфеллеровские компании – «Стандард ойл К° оф Нью-Йорк» и «Вакуум ойл Кº» вступили в постоянные контакты с советскими организациями и осуществляли в СССР крупные закупки нефтепродуктов. При этом, председатель треста отнюдь не стремился привести действия своих компаний к общему знаменателю.[86]

Одновременно с Великой депрессией на Западе, на Востоке была начата индустриализация, инициированная В. И. Лениным, однако реализованная И. В. Сталиным, который объявил о своих амбициозных планах превращения СССР в технологически независимое и наиболее развитое государство континента.[87] Пережитый Страной Советов экономический подъём (хотя и достигнутый ценой невероятного социального напряжения), на фоне американского кризиса ставил под сомнение критику директивно-плановой социалистической системы. Более того, Москва начала возвращать те позиции на мировой арене, которые ранее занимал Санкт-Петербург, важным шагом на пути к чему было вступление в Лигу Наций.

Всё это позволило Советскому Союзу избежать имиджа «государства-затворника» и продемонстрировать, что он является полноправным участником мирового политического процесса. В свою очередь, это потребовало нормализации отношений с США, поэтому существенным сдвигом в этом направлении было взаимное открытие посольств в ноябре 1933 года. Решение о дипломатическом признании СССР было принято Президентом Ф. Д. Рузвельтом

[86] Фурсенко А. А. Династия Рокфеллеров / Александр Александрович Фурсенко. – Л.: Наука, 1985. – 488 с. – С. 154.
[87] Sloan P. Russia: friend or foe? / Pat Sloan. – London: Frederick Muller, 1981. – 200 p. – P. 51.

после оживлённых дискуссий, однако антисоветская кампания не прекратилась и после этого, продолжаясь в течение первых двух сроков его пребывания в Белом доме. Такая ситуация в американском политикуме объяснялась тем, что усиление СССР и его лозунги «мировой революции» в полной мере противоречили интересам Соединённых Штатов, которые начали смотреть на другую сторону океана с ещё большей осторожностью.

Итак, в отношениях двух сторон 1930-е годы были скорее временем соперничества, чем партнёрства. Изменить ситуацию могло только появление общих политических интересов экстраординарного характера. Над Европой, тем временем, снова нависла тень глобального конфликта. Впрочем, по свидетельству французского генерала Ш. Де Голля, накануне и в начале Второй мировой войны Вашингтон и Лондон больше думали о нападении на Советский Союз, чем о действиях против Третьего Рейха. Даже после молниеносных успехов Гитлера в Западной Европе англо-саксонские союзники продолжали разработку планов открытия фронта против СССР на его северных и южных рубежах (прежде всего, в районах нефтяных промыслов).[88]

В этом смысле примечательным является заявление, сделанное будущим Президентом США Трумэном вскоре после нападения вермахта на СССР: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях. Никто из них не думает выполнять свои обещания».[89] Впрочем, фюрер всё же представлялся большим злом, о чём говорилось в специальном исследовании «Стратегическая политика Объединенных Наций и Соединённых Штатов в случае разгрома России». Согласно этому документу, в случае поражения последней, Третий Рейх мог получить контроль над её богатейшими ресурсами, став таким образом, практически непобедимым. Единственное, что в этой ситуации могла сделать

[88] Ерофеев В. И. Дипломат / Владимир Иванович Ерофеев. – М.: Зебра Е, 2005. – 489 с. – С. 210.
[89] Цит. по: Иванян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 368 с. – С. 88.

Америка – заключить с немцами сепаратный мир, оставив союзникам возможность самим решать свою судьбу.[90] Тем не менее, американцы не имели уверенности, что их помощь советской стороне не будет использована против них самих: так, о роли и значении поставок по ленд-лизу существуют разные мнения. Большинство исследователей оценивает их как незначительные, поскольку по сравнению с собственным производством, они составили: по артиллерийским орудиям – 1,9%, по танкам – 7%, боевым самолётам – до 13%, автомобилям – 19%. Общий же объём союзных поставок составил около 4% советской военной продукции.[91] Сталин прямо заявил о том, что незначительность предлагаемой союзниками помощи заставляет думать, что они хотят видеть руководимое им государство побеждённым;[92] примечательным в в этом смысле является заявление Черчилля об антигитлеровской коалиции как о «печальной необходимости».[93]

Кроме того, глава британского правительства постоянно обращал внимание Президента Рузвельта на тот факт, что Англию и Соединённые Штаты объединяет общая идеология, основанная на свободе и принципах, изложенных в американской Конституции, тогда как советское правительство, по словам Черчилля, «придерживается другой философии, а именно – коммунизма, в полной мере используя методы полицейского правления, применяемые во всех государствах, которые становились жертвой его «объятий».[94] Более того, для борьбы против СССР Черчилль был готов объединиться с остатками немецкой армии.[95]

Учитывая нелояльность Великобритании по отношению к советскому руководству, последним было решено попробовать установить более тесные отношения с США. В начале эти попытки имели обоюдный характер, что во многом объяснялось личными взаимоотношениями Сталина и Рузвельта.

---

[90] Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 тт. – Т. 2: Их самый славный час / Уинстон Спенсер Черчилль. – М.: Терра, 1998. – 319 с. – С. 252.
[91] Якушевский А. Реферат на книгу Р. Джоунса «Дороги в Россию: помощь США Советскому Союзу по ленд-лизу» // Информационный бюллетень Института военной истории Министерства обороны СССР. – № 10. – 1972. – С. 35.
[92] Ерофеев В. И. – Указ. соч. – С. 214.
[93] Черчилль У. – Указ. соч. – Т. 2… – С. 252.
[94] Черчилль У. – Указ. соч. – Т. 3: Великий союз. – М.: Терра, 1998. – 367 с. – С. 333.
[95] Боффа Дж. История Советского Союза: в 2-х тт. / Джузеппе Боффа. – М.: Междунар. отношения, 1994. – 632 с. – С. 230.

Знаменитое «дядя Джо», сказанное американским лидером, было не простой фамильярностью, а знаком доверительно-дружеского расположения. Пытаясь укрепить эти связи и стремясь создать видимость разделения некоторых американских ценностей, Сталин объявил в 1943 году о роспуске Коминтерна – официального органа коммунистических партий в деле победы мировой революции. Хотя на советско-американских отношениях этот шаг никак не сказался, США временно сохраняли своё специфическое отношение к СССР как к союзнику. В большой антигитлеровской коалиции все три её участника имели номинальное равенство, однако в реальности американская сторона делала большую разницу между своими британскими и советскими союзниками. Великобритания, с населением более чем втрое меньшим, чем население Советского Союза и страдавшая от боевых действий несравнимо меньше, получила по ленд-лизу товаров втрое больше; получали они из рук американцев и военные секреты.[96] Показателем т.наз. «равенства» трёх союзников были действия в первой оккупированной вражеской стране – Италии: американо-английская администрация не включила в органы её управления ни одного советского представителя.

Другим проявлением ненадёжности Америки как военного союзника был вопрос об открытии второго фронта, весьма необходимого для победы в Европе. Позиция Рузвельта относительно этого во многом формировалась под влиянием британского Премьер-министра, который выступал за высадку союзников на Балканах. Впрочем, Президент всё же указал на север Франции, рассчитывая на скорейшее продвижение к Германии и её столице, куда американская армия должна была попасть первой. Вместе с тем, всякое оттягивание этого события западными союзниками, в конце концов, сыграло против их интересов: Советский Союз смог не только освободить страны Центрально-Восточной Европы, обеспечив условия для их вывода на свою орбиту, но и углубился на Запад.[97]

---

[96] Лаптев А. Н. Союзнические отношения в годы Великой Отечественной войны и проблема ленд-лиза: дисс... канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история» / Алексей Николаевич Лаптев. – М., 2004. – 182 с. – С. 47–48.

[97] Фалин В. М. Второй фронт: антигитлеровская коалиция – конфликт интересов / Валентин Михайлович Фалин. – М.: Центрполиграф, 2000. – 572 с. – С. 565–566.

Даже с учётом того, что благодаря высадке союзников в Нормандии сроки войны и сократились, решающая роль в победе всё же принадлежала действующей на основных направлениях Красной Армии. Советские граждане сумели доказать, что сила страны не сводится только к показателям развития экономики, по которым СССР в предвоенные годы всё ещё заметно отставал от США, но прежде всего, определяется духом её народа, его способностью жертвенно выполнять государственные задачи, отождествляя их с собственными, личными интересами.[98]

Итак, первая половина 1940-х годов была самым значительным этапом развития американо-советских отношений. Этот промежуток времени вместил в себя соперничество, сотрудничество и даже партнёрство двух государств. В течение нескольких лет Советский Союз и Соединённые Штаты действовали как союзники, но даже в этот короткий период снижения уровня конфронтации советские руководители вполне осознавали, что отношение западных политиков к ним как к равноправным партнёрам является временным. Таким образом, общая победа не могла изменить атмосферы взаимного недоверия, в которой развивались отношения вчерашних союзников, и объём их сотрудничества стал стремительно падать.

Неизбежность конфликта подкреплялась диаметрально противоположными интересами сторон на мировой арене. Понимая, что начало открытого противостояния является лишь вопросом времени, советское правительство стремилось окружить себя поясом дружественных стран, следовательно, приложило максимум усилий для того, чтобы в регионе Центрально-Восточной Европы властные позиции заняли союзные силы, прежде всего, коммунистические партии. Кроме того, Сталин предъявил территориальные претензии Турции и потребовал изменения статуса черноморских проливов, включая право на создание советской военно-морской базы в Дарданеллах; выдвинул он и претензии на предоставление права опеки над Триполитанией (Ливией) для обеспечения присутствия в Средиземноморье. Позиции СССР в

[98] Вялых В. В. – Указ. соч. – С. 27.

этом регионе всё более укреплялись: в Греции набирало мощь партизанское движение, управляемое коммунистами и подпитываемое поставками из соседних Албании, Югославии и Болгарии, где коммунисты уже находились у власти. Кроме того, сильны были позиции левых сил и в Италии. Более того, после вывода из Европы основной части американских войск, Советский Союз превратился в её континентальной части в доминирующую силу.

Наблюдая за этим, западные лидеры испытывали тревогу и стремились остановить распространение влияния Кремля в Европе и в мире. Относительно инициаторов и даты начала системного противостояния двух сторон, получившего название Холодной войны, существуют разные мнения. Например, политолог Г. Арбатов считает, что начали Холодную войну именно американцы, и начало это было ознаменовано бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. Кроме того, он в качестве примера приводит высказывание американского военного Г. Стимсона, который утверждал, что ядерный удар по японским городам, прежде всего, был уроком для СССР.[99] Эта мысль подтверждается признанием руководителя Манхэттенского атомного проекта генерала Гровса: «У меня не было никаких сомнений, что Россия наш враг, и Манхэттенский проект осуществляется на этой основе».[100] Не вдаваясь в детали этой дискуссии, отметим, что наиболее очевидной начальной её точкой всё же была Фултонская речь У. Черчилля в марте 1946 года с призывом защитить всеми возможными средствами западный мир от «распространения влияния СССР». Таким образом, согласимся с выводом А. Уткина о том, что Холодную войну породил двойной стандарт, носителям которого свойственно сакрализовать собственные интересы и позиционировать чужие как лишённые смысла.[101]

В соответствии с указанными в начале параграфа циклами американской внешней политики, напомним, что Холодную войну можно разделить на

---

[99] Арбатов Г. А. Нам грозит более опасный период, чем холодная война / Георгий Аркадьевич Арбатов // Россия в глобальной политике. – № 6. – 2008. – С. 132.

[100] Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина / Валентин Михайлович Бережков. – М.: ДЭМ, 1993. – 400 с. – С. 241.

[101] Уткин А. И. СССР в осаде / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, 2010. – 288 с. – С. 12.

несколько этапов. Первый её период, продолжавшийся до начала 1960-х годов, был самым сложным, поскольку отличался крайней остротой противостояния.

В поисках ответа на новые мировые вызовы, американские лидеры усиленно готовились к войне. В частности, в 1947 году Конгрессом был принят закон о национальной безопасности, который предусматривал создание единого органа управления вооружёнными силами, на который возлагалась задача реорганизации армии США для нужд Холодной войны; также были созданы Центральное разведывательное управление и Совет национальной безопасности – специальный консультативный орган при администрации Президента. В качестве конечной цели своей внешней политики американские политики указывали свержение советской власти, что было отражено в директиве Совета национальной безопасности США NSC-20.[102] В контексте реализации этого документа Вашингтон направил свои силы на экономическую, финансовую и военную помощь некоммунистическим, в том числе антидемократическим, режимам Европы и мира. Этот курс был отражён в новой внешнеполитической доктрине, положения которой были изложены Президентом Трумэном в его выступлении 12 марта 1947 года в стенах американского Конгресса. Заявив, что «мир не стоит на месте и что статус-кво не нерушим», глава государства дал понять, что согласится лишь с такими изменениями на Земном шаре, которые считает правильными именно он. Свою доктрину Трумэн сравнивал с «доктриной Монро»; однако между ними была существенная разница: «доктрина Монро» предусматривала невмешательство Америки в дела других континентов. Зато Трумэн не только распространил свою доктрину на государства, расположенные в Европе и в Азии, но и пошёл гораздо дальше, взяв на себя защиту существующего строя ключевых стран не только против внешней, но и против внутренней угрозы. Он поступил так же, как за столетие до него «Священный союз» европейских монархов, который защищал реакционные режимы и против которого как раз выступил Дж. Монро. Другие меры по «спасению Европы от красной экспансии»

[102] NSC 20/4. US Objectives with respect to the USSR to counter Soviet threats to US security. November 23, 1948. Foreign relations of the United States. – Washington, D.C.: GPO, Department of State, 1948. – 15 p.

включали создание военно-политических блоков и сети военных баз вблизи советских границ, экономической основой для чего послужил «план Маршалла». Через двадцать лет после его старта в Сенате Соединённых Штатов открыто признали: «План Маршалла заложил основу Североатлантического союза».[103]

Политическая реакция СССР не заставила себя ждать: в 1949 году в ответ на план Маршалла был создан Совет Экономической Взаимопомощи, основной задачей которой была координация развития хозяйственного и научно-технического сотрудничества центрально- и восточноевропейских стран. Кроме того, был заключён Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи с Китайской Народной Республикой. Этот документ расширил сферу советско-китайского сотрудничества, одновременно существенно ослабив в Восточной Азии позиции США.[104]

Под влиянием того, что союз Москвы и Пекина способствовал смещению мировых геополитических горизонтов от гегемонии Запада к равновесию сил, большинство стран с колониальным статусом поспешили воспользоваться историческим шансом. В 1951 году суверенитет получила Индия, а через некоторое время полностью изменилась политическая карта Африки. «Второй» (социалистический) мир помог «третьему» – Азии, Африке и Латинской Америке, молодые элиты которых, стремясь получить и сохранить власть, противостояли бывшим хозяевам. Среди государств, которые получили на этом этапе прямую или косвенную военную помощь от СССР, прежде всего стоит упомянуть Алжир, Египет, Сирию, Вьетнам и Индонезию.[105] Локальные конфликты этого периода увеличили расходы на оборонные нужды, способствуя дальнейшей милитаризации науки и экономики, увеличивая влияние силовиков и военно-промышленного комплекса на внешнюю и внутреннюю политику как Советского Союза, так и Соединённых Штатов.

Итак, в 1950-е годы линия «Восток–Запад» окончательно разделила мир на сферы влияния СССР и США. В арену напряжённого соперничества превратился

---

[103] Батюк В. И. Истоки «холодной войны»: советско-американские отношения в 1945–1950 гг. / Владимир Игоревич Батюк. – М.: РНФ, 1992. – 57 с. – С. 23–25.
[104] Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с. – С. 324.
[105] Кіндер Г. Всесвітня історія / Герман Кіндер, Вернер Хільгеман. – К.: Знання-Прес, 2001. – 631 с. – С. 556–557.

весь Земной шар, однако, наиболее драматическим оказался раскол ранее единых народов и стран: Германии, Кореи, Вьетнама, Китая (от которого отпал Тайвань) и Палестины, поскольку арабо-израильский конфликт, по сути, является следствием геополитических манёвров великих держав.[106]

При этом, опасаясь прямого военного столкновения, которое в условиях наличия оружия массового поражения могло иметь фатальные последствия, супердержавы и их союзники изобрели суррогат боевых действий в форме интенсивного соревнования по подготовке к войне – гонку вооружений. В наиболее острые периоды противостояния в арсеналы вводилось в среднем по одной межконтинентальной баллистической ракете ежедневно и по одному стратегическому подводному ракетоносцу в месяц, в другие времена – по тысяче и более ядерных боеголовок ежегодно.[107] Впрочем, масштабы наращивания и модернизации обычных вооружений были не менее впечатляющими: каждая сторона ежегодно вводила в действие сотни боевых самолётов и тактических ракет разного класса, тысячи единиц бронетехники и артиллерии, десятки военных кораблей и многоцелевых подводных лодок. Обосновывая собственные глобальные амбиции и оправдывая связанные с этим жертвы, правительства вели непримиримую информационную борьбу. Это устраняло необходимость понимать точку зрения другой стороны, считаться с её интересами и соблюдать по отношению к ней те или иные нормы морали и права.

Определённую корреляцию ход событий претерпел после смерти Сталина и проведения XX съезда КПСС. Хрущёвская «оттепель» не изменила государственных приоритетов, главным из которых была безопасность, реальную (или мнимую) угрозу которой представляли США. Однако, определённая либерализация внутренней жизни нашла отражение и во внешней политике. В частности, Генеральный секретарь ЦК КПСС инициировал встречу с американским Президентом Д. Эйзенхауэром, имевшую место в Женеве 1955 года, выдвинув предложение «открытого неба» для взаимных полётов

[106] Шенин С. Ю. История холодной войны / Сергей Юрьевич Шенин. – Саратов: СГУ, 2003. – 31 с. – С. 18.
[107] Хуберт М. История атомной бомбы / Мания Хуберт. – М.: Текст, 2012. – 352 с. – С. 142; Черток Б. Е. Ракеты и люди / Борис Евсеевич Черток. – М.: Машиностроение, 1999. – 416 с. – С. 149.

разведывательных самолётов с целью укрепления доверия. Хотя такой вариант был встречен негативно, и договориться о контроле над вооружениями не удалось, советское руководство во главе с Н. Хрущёвым получило приглашение посетить США.

Вопреки шагам соперников навстречу друг другу, международная атмосфера закипала, и в 1956 году взорвались два кризиса – венгерский и суэцкий, сущность которых была оценена лидерами по-разному. Последствия событий вокруг Суэцкого канала грозили обрести глобальный масштаб, однако руководители Советского Союза и Соединённых Штатов сумели не допустить эскалации напряжённости и решить конфликт дипломатическим путём, в результате чего в декабре 1956 года Англия и Франция вывели из Египта свои войска, и их примеру вскоре последовал Израиль. Среди других дипломатических успехов СССР того времени следует указать созыв в августе 1958 года чрезвычайной сессии ООН, на которой была принята резолюция об эвакуации иностранных сил из Ливана и Иордании.[108]

Менее успешными действия Кремля были в «берлинском вопросе», который оставался острым углом в советско-американских отношениях в течение всего периода Холодной войны. СССР потребовал от НАТО вывода войск из западной части Берлина и объявления его свободным. США, в свою очередь, требование отклонили как неприемлемое и перенесли обсуждение проблемы на май 1960 года, когда в Париже должна была открыться конференция четырёх держав. Ситуация обострилась ещё в большей степени, когда 1 мая того же года над Уралом был сбит американский самолёт-разведчик У-2, а его пилот Ф. Пауэрс захвачен в плен. Требование Хрущёва относительно извинений не было удовлетворено, соответственно, «берлинский вопрос» был передан Эйзенхауэром в наследство следующей администрации. Новый глава Соединённых Штатов, демократ Дж. Ф. Кеннеди продолжил диалог касательно этой горячей точки, для чего 3–4 июня 1961 года встретился в Вене с советским главой. Впрочем,

[108] Бузань В. Ю. Вплив американсько-радянського суперництва на перебіг арабсько-ізраїльського конфлікту (1956–1991 рр.) / В. Ю. Бузань // Гілея. – № 69. – 2013. – С. 219–220.

конструктивными эти переговоры не были: хозяин Белого дома настаивал на том, что нахождение американских войск в Берлине соответствует жизненным интересам США, и их уход будет означать уход из Европы. В результате обе стороны так и не пришли к консенсусу, а вокруг Западного Берлина была построена бетонная стена, выступавшая до конца 1980-х годов символом мирового раскола.

Менее чем через два года спустя разгорелся следующий международный кризис, который также мог иметь фатальные последствия для всего человечества. Следуя букве двусторонних договоров и своим принципам поддержки прогрессивных сил во всём мире, СССР оказал помощь Кубе, прикрыв её осенью 1962 года своим «ракетным щитом». В ответ на это, американский Президент обвинил Хрущёва в подготовке к нанесению ядерного удара по Соединённым Штатам, установив военную и морскую блокаду острова, приказав обыскивать, а в случае необходимости – топить суда, нарушающие её. Тем не менее, несмотря на остроту напряжения, кризис был довольно быстро урегулирован: Кремль согласился вывезти ракеты с Кубы в обмен на аналогичный шаг американцев в Турции. В США набрало обороты антивоенное движение, пик которого пришёлся на 1960-е – 1970-е годы; по другую сторону океана также стали раздаваться голоса, призывающие к прекращениию «ядерной лихорадки» и усилению роли общества в принятии политических решений.[109]

Итак, с окончанием кризиса вокруг «острова Свободы», в мире сложилась достаточно стабильная двухполюсная политическая система: Восточный и Западный блоки, возглавляемые соответственно Советским Союзом и Соединёнными Штатами, достигли стратегического равновесия, основанного на доктрине гарантированного взаимного уничтожения. Поэтому, второй этап Холодной войны, продолжавшийся до конца 1970-х годов, характеризовался определённой «разрядкой» международной напряжённости.

[109] Фурсенко А. А. Адская игра: секретная история Карибского кризиса 1958–1964 гг. / Александр Александрович Фурсенко, Тимоти Нафтали. – М.: Гея итэрум, 1999. – 560 с. – С. 278–281.

Серьёзным испытанием американо-советских отношений этого времени оказалась Индокитайская война. С самого начала вмешательства Соединённых Штатов в события Юго-Восточной Азии, Советский Союз выступил с резкой критикой эскалации насилия, а также обязался предоставлять Северному Вьетнаму дипломатическую и политическую поддержку в его борьбе за независимость и воссоединение, одновременно осознавая, что такие действия существенно ослабляют позиции американцев. Советская военная и гражданская помощь включала широкий спектр техники, материалов и услуг (прежде всего, подготовку кадров); кроме того, с 1965 по 1974 годы по линии Министерства обороны во Вьетнаме побывали более 13 тысяч военных специалистов, которые принимали непосредственное участие в создании инфраструктуры и отражении воздушных атак американской авиации. Потери советской стороны при этом составили 16 человек, тогда как американской – более 58 тысяч; кроме того, ежегодные расходы американцев на войну в Индокитае достигали 30 млрд. долл., в то время как многие социальные проблемы в самих США оставались нерешёнными.[110]

Этот конфликт серьёзным образом подорвал престиж Вашингтона и его политические, военные и экономические позиции в мире, стимулировал углубление морально-политического и социально-экономического кризиса, который потряс основы американского общества. В результате развилось мощное антивоенное движение, произошло радикальное, хотя и временное изменение ментальности американской нации, которое, собственно, и можно назвать «вьетнамским синдромом» в широком смысле. Ведя войну на протяжении многих лет и неся огромные человеческие и материальные потери, Соединённые Штаты так и не смогли реализовать поставленные перед собой цели. «Вьетнамский синдром» привёл к значительной коррекции внешнеполитического курса США,

[110] Байрамкулова А. А. Военно-политическая экспансия США во Вьетнаме (1950–1975 гг.): дисс... канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Аминах Ахматовна Байрамкулова. – Ставрополь, 2005. – 248 с. – С. 173–174; Ильинский М. М. Вьетнамский синдром. Война разведок / Михаил Михаилович Ильинский. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 672 с. – С. 525–526.

ценностной переориентации средних американцев и даже внутренней социальной политики.[111]

Руководство СССР, в свою очередь, ощутимо усилив свои позиции в мире, осознавало и увеличение обязательств перед ним. Согласно социалистической философии, интересы общего блага имеют приоритет по сравнению с интересами того или иного государства. Считается, что в наиболее концентрированном виде эта доктрина была изложена в газете «Правда», где 26 сентября 1968 года появилась статья «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран». В частности, в статье говорилось о том, что «народы социалистических стран, безусловно, имеют и должны иметь свободу для определения путей развития государства. Однако любое их решение не должно наносить ущерб как социализму в своей стране, так и коренным интересам других социалистических государств, всему мировому рабочему движению, которое ведёт борьбу за социализм. Это означает, что каждая коммунистическая партия несёт ответственность не только перед собственным народом, но и перед всеми социалистическими государствами, прежде всего, коммунистическим движением».[112]

Западными политиками и общественными деятелями эта концепция была названа «доктриной Брежнева» или «ограниченного суверенитета». Впоследствии она нашла практическое воплощение в целом ряде конфликтов в различных частях мира, апофеозом которых выступили события в Афганистане. Менее драматичными, хотя и не менее резонансными были события, за десять лет до того имевшие место в Чехословакии, для восстановления стабильности которой были введены войска ОВД, а первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек был заменён более лояльным генералом Л. Свободой. Тем самым, СССР доказал в качестве своего приоритета сохранение стабильности, прежде всего, по соседству с

[111] Кертман Г. Л. Массовое сознание. «Вьетнамский синдром» и его последствия / Григорий Львович Кертман // Проблемы американистики. – М., 1989. – С. 255–271.
[112] Ковалёв С. Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран / С. Ковалёв // Правда. – 26 сентября 1968. – № 270 (18317). – С. 4.

собственными границами, – в отличие от агрессивной внешней политики США в отношении самых отдалённых уголков мира.[113]

Таким образом, период рубежа 1960-х – 1970-х годов отличался высокой активностью СССР на мировой арене. Ещё одним его заметным успехом была замена в 1971 году в Совете Безопасности ООН делегата Тайваня представителем КНР. Однако Брежнев, в отличие от своего предшественника, не имел склонности ни к рискованным мерам за пределами социалистического содружества, ни к экстравагантным мирным акциям, благодаря чему десятилетие 1970-х в целом прошло под знаком политики «разрядки», характеризовавшейся развитием диалога между Востоком и Западом, направленным на поиск взаимопонимания и обоюдное стремление к миру.[114]

Среди проявлений диалога назовём Хельсинкское Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и общий советско-американский полёт в космос по программе «Союз-Аполлон»; тогда же были подписаны договоры об ограничении стратегических вооружений. Одобрительное отношение всего мира также имело заключение в 1972 году первого договора по противоракетной обороне и Временного соглашения о мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Переговоры в этом направлении продолжались долгое время, – до 1979 года, когда был подписан Договор об ограничении ядерных вооружений (ОСВ-II).

В основу указанных документов был положен принцип равенства и одинаковой безопасности, который на практике означал готовность Советского Союза и Соединённых Штатов соблюдать военно-стратегическое равновесие. Переговоры об ограничении и сокращении стратегических вооружений существенно снизили риск ядерной войны и послужили хорошей школой для

---

[113] Менее чем за сутки и без потерь установив военное присутствие в стране, имевшей одну из наиболее оснащённых армий в Европе, СССР сделал для западных лидеров очевидным факт невозможности победы над собой силовым путём; аналитиками был сделан вывод, что этой цели можно достичь, лишь «задушив его в объятиях». Подробнее: «Доктрина Брежнева» и «Пражская весна» 1968 г. // Советская внешняя политика в годы «холодной войны». Новое прочтение / Под ред. Л. Н. Нежинского. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 400 с. – С. 126.

[114] Ди Нольфо Э. «Большая разрядка» и её пределы // История международных отношений, 1918–1999 гг. / Эннио Ди Нольфо. – М.: Логос, 2003. – 1306 с. – С. 1126–1127.

выработки соглашений по всему спектру международных проблем.[115] Подобная позиция не могла не повлиять и на общую ситуацию в мире, напряжение в котором значительно снизилась.

Благодаря этому, СССР и США развивали сотрудничество и в других отраслях, в частности, экономической. Например, в 1972 году в рамках соглашения о двусторонней торговле между ними были достигнуты договорённости о сотрудничестве с компанией «Пепси Кº», в результате чего в 1973 году в Советский Союз началась поставка готового напитка, а год спустя в Новороссийске был заложен завод по его производству. В рамках компенсационного соглашения «Пепси Кº» получила эксклюзивные права на импорт и дистрибуцию водки «Столичная» в Соединённых Штатах: такая схема была вызвана отказом СССР вести валютные расчёты.

Активностью в этом направлении также отличились отдельные американские предприниматели и советские чиновники, в частности, глава корпорации «Оксидентал петролеум» Арманд Хаммер и советский Министр химической промышленности Л. Костандов, получивший оборудование для заводов своей отрасли.[116]

Несмотря на указанные выше позитивные тенденции, сотрудничество всё же осталось ограниченным. Например, принятая Конгрессом поправка Стивенсона ограничивала продажу в Советский Союз наукоёмких товаров и технологий, а также возможности получения кредитов. Поправка Джексона-Вэника к закону о торговле 1974 года привязала предоставление Союзу ССР статуса государства с режимом наибольшего благоприятствования для торговли с соблюдением прав человека и предоставлением свободы передвижения местным евреям.[117] Как результат, уже через год товарооборот СССР и США сократился почти вдвое. Таким образом, Москва по-прежнему воспринималась Вашингтоном

---

[115] Кальвокоресси П. Мировая политика 1945–2000: в 2 тт. – Т. 1 / Питер Ион Амброз Кальвокоресси. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 624 с. – С. 52–53.

[116] Печатнов В. О. Советско-американское сотрудничество как исторический прецедент разрядки в отношениях между СССР и США / Владимир Олегович Печатнов // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. – Вып. 1 / Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. – М., 2003. – С. 44–54.

[117] СССР–США: экономические отношения: проблемы и возможности / Под ред. Шершнева Е. С. – М.: Наука, 1976. – 415 с. – С. 240–242.

как соперник, а не как равноправный партнёр. Эта тенденция сохранялась независимо от того, кто занимал президентское кресло в Белом доме.

Негативные тенденции в американо-советских отношениях усилились вследствие внутреннего политического кризиса в Соединённых Штатах. Напомним, что в 1974 году, после Уотергейтского скандала, Президент Р. Никсон был подвергнут импичменту, после чего курс «разрядки» начал сворачиваться, а каденция Дж. Форда была обозначена как эпоха «постразрядки», для которой было характерно очередное «похолодание». «Температура» международного климата продолжала накалятся, и новая администрация Дж. Картера инициировала шумную кампанию защиты прав человека, по их мнению, нарушаемых в других (прежде всего, социалистических) странах. Сам Президент делал особый акцент на моральной стороне американской внешней политики, однако, по мнению местных «ястребов», демонстрировал нерешительность в отстаивании национальных интересов, в то время как СССР продолжал усиливать свои позиции в регионах «третьего мира», готовя почву для мировой революции.[118]

В действительности же, советское руководство давно отказалось от данной концепции, фактически уже не веря в возможность «саморазрушения капитализма» под давлением «внутренних противоречий» и обострения «классовых битв». Тем более, что левые партии индустриальных стран Запада, в том числе «еврокоммунистические», прекратили разделять идейно-политические взгляды советского руководства, следовательно, делать ставку на поддержку с их стороны уже не приходилось. Учитывая это, кремлёвские руководители отказалось от «расшатывания капитализма изнутри», переключившись на периферийную стратегию ограничения его влияния в окраинных регионах мира. «Советский проект» потерял свой глобальный характер. Такова была общая картина, однако идея «социалистического интернационализма» продолжала жить, оставаясь основой политики СССР в отношении участников содружества и

[118] Широков О. Н. Принципы формирования политики «защиты прав человека» США и механизм её реализации на международной арене в конце 60-х – 70-е годы XX века: исторические аспекты проблемы: дисс... канд. ист. наук: 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики» / Олег Николаевич Широков. – Нижний Новгород, 2001. – 280 с. – С. 8–9.

развивающихся стран. Кроме того, в идейном арсенале КПСС имелась доктрина «солидарности с борьбой народов за своё социальное и национальное освобождение».[119] При широкой интерпретации она позволяла обосновать участие Советского Союза в событиях любого региона мира, где наблюдались признаки освободительных движений, межэтнических споров или конфликтов социальной природы.

После десятилетия доминирования в советско-американской повестке дня европейской тематики, во второй половине 1970-х годов в ней снова заняли заметное место неевропейские проблемы. Вопрос о том, насколько сознательно советское руководство в этот период нарушало статус-кво на периферии мировой системы, остаётся в литературе дискуссионным. С прагматической точки зрения, Москва не имела потребности брать на себя бремя соперничества с Соединёнными Штатами в отдалённых точках планеты, где у неё не было существенных экономических интересов и не имеющих ключевого значения для безопасности собственной территории.

Но такой образ мыслей не был характерен для партийных лидеров, которые испытывали революционную солидарность с молодыми постколониальными республиками. В частности, на Чёрном континенте к уже имеющейся сети партнёрских отношений присоединились новые режимы левой ориентации: Эфиопия, и соседние со стратегически важной ЮАР Ангола с Мозамбиком.[120] В дополнение, Белый дом, второй раз после Кубы, «проглядел» опасность в Карибском бассейне, который был её «доменом» с XIX века: в июле 1979 году борьба никарагуанских марксистов закончилась победой над диктаторским кланом Сомосы. Председателем страны был избран Даниэль Ортега, который передал безземельным крестьянам обширные владения латифундистов, национализировав рудники и леса, а также банковскую систему, транспорт,

[119] История внешней политики СССР 1917–1980: в 2 тт. – Т. 2: 1945–1980 гг. / Под ред. Громыко А. А., Пономарёва Б. Н. – М.: Наука, 1981. – 596 с. – С. 549–552.

[120] Подробнее: Крисенко Д. С. «Ангольська карта» у «Великій грі» США та СРСР (1975–1991 рр.) / Дмитро Сергійович Крисенко // Гілея. – № 72. – 2013. – С. 248–253; Крисенко Д. С. Місце Мозамбіку у протистоянні США та СРСР на півдні Африки (1975–1991 рр.) / Дмитро Сергійович Крисенко // Збірник наукових праць ХНПУ імені Г. С. Сковороди. Серія «Історія та географія». – № 48. – 2013. – С. 79–84; Крисенко Д. С. Боротьба США та СРСР на Африканському Розі (1970-і – 1980-і рр.) / Дмитро Сергійович Крисенко // Вісник КиМУ. – № 6. – 2013. – С. 270–283.

энергетику и внешнюю торговлю. Таким образом, в стране произошла социалистическая революция, которую поддержали Москва и Гавана.[121] Одновременно советскую и кубинскую помощь начали получать партизаны, боровшиеся против диктаторского режима Карлоса Ромеро в соседнем Сальвадоре.[122]

В силу совпадений или согласно сознательной линии, СССР укрепил свои позиции и на Ближнем Востоке, к ситуации вокруг которого Соединённые Штаты с начала 1970-х годов были чувствительны в ещё большей степени, чем к ситуации в Латинской Америке. В этот период советские военно-морские силы получили ряд опорных точек на Красном море: в Сомали (порт Бербера), Эфиопии (порт Массауа) и Южном Йемене (порт Аден с островом Сокотра).[123] Эти пункты позволили создать инфруструктуру, достаточную для проекции военной мощи на важные для жизнеобеспечения США нефтяные коммуникации из Персидского залива (см. приложение 2). Шаги Советского Союза были восприняты особенно тревожно в контексте ухудшения отношений Запада с арабскими странами и Ираном, где в 1979 году был свергнут дружественный Вашингтону режим шаха Мохаммеда Реза Пехлеви.

Указанные выше достижения соответствовали новой советской военно-морской стратегии, которая предусматривала развитие мощного флота, способного уравновешивать мощь американского флота, создавая ему угрозу из любой точки мирового океана. Исходя из такого целеполагания, в интересы Москвы входило размещение сети военных баз в ключевых регионах Земного шара. Мировой геополитический баланс, таким образом, в определённой степени сместился в пользу СССР, поскольку он установил своё военное присутствие в зонах жизненно важных интересов США.

Трения между великими державами нарастали, поэтому Соединённые Штаты открыто и наступательно диверсифицировали свою силовую стратегию. В

---

[121] Строганов А. И. Латинская Америка в XX веке / Александр Иванович Строганов. – М.: Дрофа, 2002. – 416 с. – С. 308.

[122] Подробнее: Крисенко Д. С. «Карибський фронт» «холодної війни»: протистояння США та СРСР у Нікарагуа (1979–1990) / Дмитро Сергійович Крисенко // Науковий вісник ВДУ. – № 11 (236). – 2012. – С. 91–96.

[123] Окороков А. В. СССР в борьбе за мировое господство / Александр Васильевич Окороков. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. – 448 с. – С. 82.

её контексте осуществлялась модернизация средств передового базирования – тактического ядерного оружия, размещённого на территории Западной Европы или её побережье. Пущенный вашингтонскими политиками в оборот тезис говорил о существовании т.наз. «окна уязвимости» США – благодаря «гигантскому преимуществу» СССР в стратегических ядерных межконтинентальных ракетах наземного базирования. Эти заявления не соответствовали действительности, поскольку их авторы игнорировали тот факт, что при всём примерном равенстве стратегических сил сторон две трети американского ядерного потенциала размещалось на подводных лодках и стратегических бомбардировщиках, тогда как в Советском Союзе 70% ядерного арсенала приходилось на наземные МБР. Тем не менее, именно этот тезис оказался убедительным и заставил картеровскую администрацию объявить о начале создания новых МБР «МХ».[124] Одновременно американские инженеры создавали новое поколение крылатых ракет, способных максимально точно поражать заданные цели. С учётом того, что под угрозу была поставлена безопасность европейской части Страны Советов, такие разработки вызвали в Кремле серьёзное беспокойство. В 1976 году должность Министра обороны СССР занял Д. Устинов, склонявшийся к жёсткому ответу Западу и вскоре начавший симметричную модернизацию средств доставки ядерного оружия средней и малой дальности на европейском театре. Под предлогом модернизации устаревших комплексов РСД-4 и РСД-5 (СС-4 и СС-5, по НАТОвской классификации) Советский Союз приступил к развёртыванию на западных границах ракет средней дальности РСД-10 «Пионер» (СС-20, названных на Западе «Сатаной»). В декабре 1976 года ракетные системы были развёрнуты, а в феврале 1977 года – поставлены на боевое дежурство в европейской части страны. Всего было развёрнуто около 300 ракет подобного класса, каждая из которых была оснащена тремя боевыми головными частями индивидуального наведения. Это позволяло СССР за считанные минуты уничтожить военную инфраструктуру

[124] Стародубов В. Россия и США в 20-м веке: партнёрство или глобальная зависимость? / Виктор Стародубов. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 284 с. – С. 242.

НАТО в Западной Европе – центры управления, командные пункты и, особенно, порты, что в случае начала войны делало высадку американских войск на континенте невозможной. В то же время советские инженеры модернизировали размещённые в Центральной Европе силы общего назначения, в частности, усовершенствовав дальний бомбардировщик Ту-22М до стратегического уровня.

В свою очередь, действия СССР вызвали негативную реакцию в США, в высших эшелонах власти которых 12 декабря 1979 года было принято решение о развёртывании собственных ракет средней и малой дальности на территории Западной Европы. В результате, диалог по сокращению стратегических вооружений, как и политика «разрядки» в целом, зашли в тупик. Однако, жирную точку в них поставили события вокруг Афганистана. В послевоенное время американские политико-дипломатические круги и экспертно-академическое сообщество на эту страну особого внимания не обращали. В азиатской стратегии Соединённых Штатов афганские дела занимали третьестепенное место, явно уступая по актуальности иранским, а также пакистанским – именно эти страны наряду с Турцией выступали основой блоковой политики на Среднем Востоке и в Южной Азии.[125] Однако потеря союзника в Тегеране заставила американцев посмотреть на эту горную, бедную ресурсами республику под новым углом зрения, следовательно, приход в ней к власти просоветски ориентированной Народно-демократической партии явил новый удар по их национальным интересам. Соответственно, установление советского военного присутствия в Афганистане, которое состоялось в декабре 1979 года, было расценено как попытка СССР расширить свои южные границы для закрепления в регионе. Это продвижение на юг, казалось, предшествовало дальнейшему движению на восток в сторону Пакистана и на запад – в Иран. Американский Президент Дж. Картер опасался, что Кремль намерен получить контроль над ближневосточной нефтью, из-за чего подписал приказ, который предусматривал финансирование афганских сил оппозиции. Вскоре хозяин Белого дома сделал заявление о том, что США не

[125] Иващенко А. С. Место Афганистана во внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки на азиатском континенте (20-е годы XX в. – апрель 1978 г.) / Александр Стефанович Иващенко // Вопросы теории и методологии истории. – Вып. I. – Майкоп, 1995. – С. 74–87.

допустят контроля какой бы то ни было внешней силы над Персидским заливом.[126] Он фактически прекратил торговлю с СССР и запретил американцам участвовать в московских летних играх XXII Олимпиады. Тревожным звонком было также восстановление регистрации молодых людей для прохождения военной службы.[127]

Подводя итог, отметим, что диалог 1960-х – 1970-х годов был построен на прагматической основе, исключавшей идейно-философский компонент; фонд совместных моральных ценностей, которыми могли бы руководствоваться стороны, по-прежнему, не существовал. Впрочем, другие варианты сохранения мира в тот период логика устраняла. Именно поэтому, «разрядка» выполнила своё историческое предназначение, сформировав, а также политически и юридически закрепив правила международного поведения, которыми пользовались не только сверхдержавы, но и другие члены мирового сообщества. Было найдено решение ряда проблем, которые представлялись непреодолимыми, поскольку получили развитие политические контакты между оппонентами.

На основании проведённого нами анализа можно установить следующие этапы эволюции двусторонних отношений:

1. кон. XVII – послед. четверть XVIII вв. – спорадические контакты и зарождение отношений;
2. 1775–1807 гг. – сближение и интенсификация двусторонних связей;
3. 1807 – кон. XIX в. – дипломатическое признание и широкие военно-политические контакты;
4. кон. XIX в. – 1914 г. – похолодание и латентное соперничество;
5. 1914–1917 гг. – вынужденное союзничество;
6. 1917 – нач. 1920-х гг. – противостояние и американская интервенция;
7. 1920-е гг. – напряжение и идеологизация;
8. 1933–1941 гг. – попытки налаживания диалога;

---

[126] Иващенко А. С. Реакция США и международного сообщества на ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. / Александр Стефанович Иващенко // Проблемы теории и практики интегративной антропологии / Материалы науч.-практ. конф. 23–25 мая 1996 г., г. Майкоп. – Майкоп, 1996. – С. 104–106.

[127] Млечин Л. М. Холодная война: политики, полководцы, разведчики / Леонид Михайлович Млечин. – М.: Центрполиграф, 2009. – 574 с. – С. 461–462.

9. 1941–1945 гг. – союзничество в составе антигитлеровской коалиции;
10. 1946–1953 гг. – противостояние и начало Холодной войны;
11. 1953–1962 гг. – балансирование на грани ядерной войны;
12. 1962–1979 гг. – «разрядка».

Завершая параграф, отметим, что характер и наполнение двусторонних отношений рассматриваемых нами стран определялись, прежде всего, внутренней логикой становления и развития американской государственности; вместе с балансом сил на мировой «геополитической» доске большое значение имели иррациональные факторы доминирующих настроений элиты и чередование внешнеполитических циклов США. Общей тенденцией этого почти трёхсотлетнего периода взаимоотношений было усиление напряжения и взаимного недоверия даже в моменты официального союзничества и партнёрства.

3. Американская политика относительно Союза ССР в период первой президентской администрации Р. Рейгана (1981–1985)

Первая половина 1980-х годов вошла в историю как пик мирового влияния СССР и одновременно начало его упадка. Итак, в рамках данного параграфа мы попробуем установить причины этой ситуации: проанализируем цели и задачи стратегии Вашингтона в отношении Москвы и тактику её реализации; осветим основные события международно-политической жизни данного периода, которые одновременно были причиной и следствием эскалации Холодной войны.

Впоследствии, этот отрезок истории получил ретроспективное название «периода застоя», в течение которого в Советском Союзе складывались предпосылки кризиса (который, подчеркнём, не имел системного характера). Так, в 8-й пятилетке (1965–1970) национальный доход ежегодно рос в среднем на 7,5%, в 9-й (1971–1975) на 5,8%, а в 10-й (1976–1980) – только на 3,8%.[128] В то же время, аналогичные процессы развивались и по другую сторону океана:

[128] Ханин Г. И. Альтернативные оценки развития Советской экономики и их использование для управления народным хозяйством: автореф... докт. экон. наук: 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством: теория управления экономическими системами; макроэкономика» / Гирш Ицыкович Ханин. – М., 1991. – 65 с. – С. 32.

Соединённые Штаты находились в полосе длительного застоя с низким экономическим ростом и повторяющимися энергетическими кризисами. На пороге десятилетия 1980-х годов мелкий и средний бизнес сворачивал производство, безработица выросла до 8 миллионов, инфляция достигла 12,5%, а учётные банковские ставки «взлетели до небес».[129]

В поисках причин этих тенденций, отметим, что в менеджменте существует закономерность «кризиса целей»: сбои в функционировании социально-экономической системы в большинстве случаев являются результатом неадекватно сформулированных перед ней задач. На широком уровне это означает, что движущей силой устойчивого развития великой державы может быть только наличие стратегической цели трансцендентного характера, собственного футурологического проекта переустройства мира. Историк и социолог, директор Центра русских исследований А. И. Фурсов выдвинул гипотезу, что советский кризис был вызван разочарованием населения в лозунгах «мировой революции» и (по марксистской терминологии) «классовым и идеологическим перерождением верхушки».[130]

Зато в США одной из главных причин, вызвавших застойные явления, был «вьетнамский синдром», о котором уже говорилось в предыдущем параграфе. Вина за имеющиеся внутренние и внешние проблемы возлагалась на правление Дж. Картера, из-за чего в ходе предвыборной кампании 1979–1980-го годов надежды на выход из национальной депрессии связывались с именем его конкурента – Рональда Уилсона Рейгана. Оба кандидата имели один рецепт: увеличение военных расходов, наращивание военной мощи и утверждение таким образом американского господства в мире. Впрочем, Картеру избиратели больше не доверяли, а Рейган выступал за более радикальные меры, заостряя вопрос: «Лучше ли вам живётся, чем четыре года назад?».[131]

---

[129] Коржубаев А. Г. Трансформация системы регулирования экономики США в 80-е годы: концепции и реальность: дисс… канд. экон. наук: 08.00.01 «Политическая экономия» / Андрей Геннадьевич Коржубаев. – Новосибирск, 1999. – 234 с. – С. 14–15.

[130] Фурсов А. И. Мифы перестройки и мифы о перестройке / Андрей Ильич Фурсов // Социологические исследования. – № 1. – 2006. – С. 31–36.

[131] Quot. for: 1980 Presidential Debates [Электронный ресурс] // Cable News Network. – Режим доступа к документу: http://edition.cnn.com/ALLPOLITICS/1996/debates/history/1980/index.shtml.

Однако наиболее действенной оказалась игра Рейгана именно на ощущении национального унижения после поражения в Индокитае. Картеру не удалось преодолеть его, и Рейган подчёркивал, что во время его президентства глобальные позиции США ослабли, а Советского Союза – укрепились. Внешняя политика администраций 1970-х годов была раскритикована ним за чрезмерную уступчивость Москве и сдачу позиций во многих регионах мира. Просоветские правительства появились не только в Азии и Африке, но и под боком у США: к Кубе прибавилось Никарагуа, и борьба теперь шла за Сальвадор. Рейган обещал восстановить былую славу Америки, «даже если остальной мир не будет одобрять» его поведения и обещал стать «сильным Президентом», который возродит государство.[132] Для того, чтобы переломить неблагоприятные мировые тенденции, требовалось преодолеть негативное отношение собственной общественности к участию американских войск в конфликтах на территории стран «третьего мира». Борясь с этим комплексом, Рейган ещё в середине 1970-х годов выпустил брошюру под названием «Призыв к действиям», которой стремился «открыть глаза» своим согражданам, изложив свою версию событий недавнего прошлого.[133] По его мнению, Корейская и Вьетнамская войны (которые были названы «незавершёнными»), при более решительных действиях сплочённой нации, могли быть выиграны. Соответственно, либералы и правительство Л. Джонсона «не смогли объяснить народу, почему мы были там, из-за чего возник вопрос о цене войны».[134] В результате возникло множество необоснованных стереотипов о «военных преступлениях» и бесполезности жертв. Не соглашаясь с такой трактовкой событий, Рейган утверждал, что цели США во Вьетнамской войне были «благородными», ведь действуя в интересах всего свободного мира, американские войска выступили «щитом против

[132] Фурсенко А. А. Президенты и политика США: 70-е годы / Александр Александрович Фурсенко. – Л.: Наука, 1989. – 290 с. – С. 250.
[133] Reagan R. Ronald Reagan call to action: the candidate's office positives on every major issues of the ages / Ronald Wilson Reagan, Charles D. Hobbs. – N.-Y.: Thomas Nelson Inc., 1976. – 190 p. – P. 174.
[134] Ibidem. – P. 36–39.

коммунистической опасности». Сдача Южного Вьетнама, по словам Рейгана, была предательством и грубой ошибкой.[135]

Критикуя Форда и Картера, он одновременно оправдывал Никсона, отставка которого была ещё большей трагедией, чем поражение в Индокитае, поскольку пошатнулся авторитет президентской власти вообще. Как следствие, подчёркивал Рейган, в международной политике возросла роль Конгресса, который в 1973 году ограничил компетенцию Президента «Резолюцией о военных полномочиях». В условиях глобального противостояния и сохранения ядерной угрозы дебаты по вопросам безопасности могли иметь крайне негативные последствия. Характеризуя упомянутую резолюцию, Рейган предполагал, «что, вероятно, она написана в сотрудничестве с коммунистами».[136] Эти взгляды Рейган изложил и в речи по поводу официального вступления в предвыборную борьбу осенью 1979 года, в ходе которой он заявил, что «не может и не будет наблюдать за тем, как наша великая держава занимается самоуничтожением». Таким образом, на выборах, прошедших 4 ноября, республиканец Рейган получил 51% голосов – на 8 миллионов больше, чем демократ Картер, что для Америки было значительной победой.[*] В двадцатиминутном выступлении на церемонии инаугурации, которая прошла 20 января 1981 года, он предупреждал «врагов свободы», что самым большим желанием американского народа является мир, однако США «не сдадут своих позиций только ради того, чтобы его сохранить».[137] Рейган стремился возродить «дух Америки», а для этого необходимо было вернуть ей врага. У него лично не было сомнений в том, что таким врагом были и остаются коммунисты. Борьбу с ними новый Президент рассматривал как «священную борьбу добра и зла». Вскоре после прихода к власти, Рейган заявил, что Советы готовы «совершать любые преступления, лгать и обманывать» для того, чтобы утвердить

---

[135] Reagan R. Foreign policy and world realities / Ronald Wilson Reagan. – Stanford: Stanford University Press, 1977. – 48 p. – P. 4.

[136] Цит. по: Иванян Э. А. Рональд Рейган – хроника жизни и времени / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Мысль, 1991. – 411 с. – С. 227.

[*] Примечательно то, что в истории США не было человека, который бы стал во главе страны в столь пожилом возрасте, как Рональд Рейган – в 69 лет. Для сравнения напомним возраст, в котором критикованные «кремлёвские старцы» возглавляли СССР: Брежнев – 58, Андропов – 68, Черненко – 72.

[137] Reagan R. First inaugural address. January 20, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=18725&st=&st1=.

на Земном шаре «единое всемирное социалистическое или коммунистическое государство».[138]

Учитывая это, неудивительно, что с приходом к власти Рейгана ключевые должности в высшей американской администрации заняли консерваторы, стремившиеся перевести Холодную войну в горячую; от власти были отстранены не только либеральные, но и центристские силы тогдашнего политикума США. В частности, советником Президента по вопросам национальной безопасности был назначен Ричард Аллен, Министерство обороны возглавил Каспар Уайнбергер, а должность директора ЦРУ получил Уильям Кейси. Несколько особняком от них стоял новый Государственный секретарь Александер Хейг (бывший командующий вооружёнными силами НАТО в Европе), который не имел с Рейганом тесных взаимоотношений. Но именно он рассматривал формирование и проведение внешней политики как собственную «вотчину», в которой будет властвовать, о чём прямо заявил новоизбранному Президенту во время их встречи 6 января 1981 года и, как он пишет в своих мемуарах, тот «благосклонно кивал головой».[139] Советский посол А. Ф. Добрынин охарактеризовал Хейга как человека жёсткого и не склонного к компромиссам, с агрессивными и далёкими от дипломатии манерами. Кроме того, Добрынин сообщал из Вашингтона о том, что Хейг доверительно сказал: Рейган «безоговорочно» связал себя с курсом на резкое увеличение военных расходов. Это приоритет во внутренней и внешней политике администрации, ведь она полна решимости ликвидировать «отставание США» в этой области от СССР. А Министр обороны Уайнбергер подтвердил, что его миссия – «перевооружить Америку». Имея в виду Аллена и его окружение, американский политический обозреватель Р. Стил отмечал: «В аппарате Совета национальной безопасности сплотилась группа ортодоксов, мыслящих категориями Холодной войны. Они считают, что в мире нет места одновременно

[138] Reagan R. The President's news conference. January 29, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=44101&st=&st1=.
[139] Heig A. M., Jr. Caveat: realism, Reagan and foreign policy / Alexander Meigs Haig, Jr. – Macmillan, 1984. – 367 p. – P. 56–58.

для нас и русских».[140] Характеризуя центральные компоненты внешнеполитического курса администрации, которыми стали антисоветизм и антикоммунизм, этот журналист подчёркивал: «Есть что-то удивительное в склонности видеть везде одного-единственного противника. Ведь при подобном подходе мир становится таким простым и понятным... Такое объяснение может показаться в высшей степени отрадным. Оно также удивительно наивное».[141] В этом же признавались и сами американские чиновники: «Советский Союз стал навязчивой идеей нынешней администрации», – писал бывший заместитель Госсекретаря Дж. Болл; ещё большую открытость позволил себе Вице-президент Дж. Буш, назвав новое правительство командой «отпетых убийц-интеллектуалов».[142] Анализируя настроения в высших эшелонах власти, отметим, что в западной литературе бытует мнение о том, что «искажённый образ Соединённых Штатов, существовавший у советских лидеров, был удивительно похож на в такой же степени искажённый образ Советского Союза у американских лидеров, и эти безрадостные “зеркальные изображения” представляли систему, которая сама себя поддерживала».[143]

Второй и третий эшелоны власти заполнили выходцы из «мозговых центров», которые были известны как оплот американского консерватизма: Институт Гувера Стэнфордского университета в Калифорнии и Центр международных и стратегических исследований Джорджтаунского университета (каждое заведение поставило в администрацию по 40 человек), Институт американского предпринимательства в Вашингтоне и Комитет по существующей опасности (по 32 человека). Наиболее известными из них были Р. Пайпс и Дж. Кемп (Совет национальной безопасности), Р. Перл, Ф. Айкл, Дж. Леман (Министерство обороны) и Ю. Ростоу (агентство по контролю над вооружениями и разоружением). Позже переговоры с Советским Союзом по разоружению возглавили именно представители этих кругов: Э. Рауни, П. Нитце и Р. Стаар.

---

[140] Цит. по: Кокошин А. А. Серые кардиналы Белого дома / Андрей Афанасьевич Кокошин, Сергей Михайлович Рогов. – М.: АПН, 1986. – 352 с. – С. 332.
[141] Там же.
[142] Бешлосс М. Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачёва с американцами / Майкл Бешлосс, Тэлботт Строуб. – М.: Алгоритм, 2012. – 352 с. – С. 7.
[143] Рукавишников В. О. Холодная война... – С. 439.

Кроме указанных четырёх центров, в начале 1980-х годов разработку советской тематики вели более 400 крупных учреждений; кафедры славистики и русской истории имели большинство университетов. Только в США изучением СССР занимались 170 университетов и исследовательских центров, более 50 учебных заведений и 20 «русских» центров делали это на постоянной основе.[144]

Все эти заведения поставляли в Белый дом не только людей, но и идеи: «Что бы ни происходило в прошлом и настоящем, американская политика исходит из главной предпосылки – доминировать в мире, добиваясь беспрекословного мирового лидерства, опираясь прежде всего на свою военную мощь». Единственной помехой этому был Советский Союз, который рассматривался в качестве угрозы наиболее важным интересам Соединённых Штатов и главного источника проблем, с которыми они сталкивались в международной сфере. Один из советников Белого дома, ведущий специалист по Советскому Союзу Р. Пайпс заявил: «советские лидеры должны выбирать между мирным изменением их коммунистической системы в направлении, по которому идёт Запад, или войной».* Таким образом, наряду с национальной экономикой, внутреннюю и внешнюю политику новой администрации в значительной степени формировал советский вопрос. Его рассмотрение началось уже 20 января 1981 года, когда в день своей инаугурации Рейган встретился с У. Кейси. Докладывая, последний отметил: «ситуация [в СССР] хуже, чем мы себе представляли. Я хочу, чтобы вы сами увидели, насколько больной представляется их экономика, и как следствие, насколько лёгкой целью они могут стать. Они обречены. В экономике полный хаос. В Польше восстание. Они застряли в Афганистане, на Кубе, в Анголе, во Вьетнаме; их империя стала для них бременем. Господин Президент, у нас есть исторический шанс – мы можем нанести им серьёзный ущерб»; учитывая это, Рейган записал в своём дневнике: «Информация о советской экономике.

---

[144] Некрасов А. А. Становление и этапы развития Англо-Американской советологии: дисс... канд. ист. наук: 07.00.02, 07.00.09 «Отечественная история» / Андрей Анатольевич Некрасов. – Ярославль, 2001. – 180 с. – С. 124–130.

* Весьма меткой нам кажется формулировка сущности политики США в отношении Москвы бывшим начальником советской внешней разведки: «Запад хочет от России только одного – чтобы её не было». Детальнее: Шебаршин Л. В. Рука Москвы. Записки начальника советской разведки / Леонид Владимирович Шебаршин. – К.: Стодола, 1993. – 303 с. – С. 17.

Советы в очень плохом положении. Если мы воздержимся от кредитов, они будут просить помощи у “дяди” или голодать».[145] Однако мнение аналитиков ЦРУ, которым руководил Кейси, было гораздо сдержаннее: в докладе «Оценка национальной разведки» прямо указывалось, что экономические трудности не повлияют существенным образом на величину и размеры будущих советских стратегических сил.[146]

Несмотря на разногласия в оценках, Соединённые Штаты пытались давать Москве «уроки хорошего тона»: 28 января 1981 года Хейг выступил с заявлением, в котором обвинил её в «обучении, финансировании и вооружении международного терроризма»,[147] имея в виду поддержку национально-освободительных движений. Выступление заканчивалось грозными нотами: «наш сигнал Советам заключается в простом предупреждении, что время их необузданного авантюризма в третьем мире кончилось, что терпение Америки смотреть на происки ставленников Москвы на Кубе и в Ливии закончилось».[148] На следующий день Президент пошёл ещё дальше. Он заявил, что «разрядка была улицей с односторонним движением, которую Советский Союз использовал в своих собственных целях». Советские лидеры, говорил он, не раз заявляли на съездах Коммунистической партии, их цель – мировая революция и создание всемирного коммунистического государства».[149] Проводя свою внешнюю политику, американские лидеры от Трумэна до Картера рассматривали СССР как долговечный элемент структуры мировой политики, примером чего была опубликованная в 1988 году Никсоном книга под названием «1999: Победа без войны». В ней приводились доводы о том, что победа над коммунизмом может быть достигнута только обновлённой политикой «разрядки».[150] Зато Рейган демонстрировал гораздо более выраженную воинственность: «Запад не будет

---

[145] Quot. for: Ronald Reagan and the fall of the Soviet Union: plot or serendipity [Электронный ресурс] // Reliable security information. – Режим доступа к статье: http://www.globalsecurity.org/military/library/report/1995/BMH.htm.
[146] Witness to the end of the Cold War / Ed. by Wohlforth W. C. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1996. – 540 p. – P. 307–308.
[147] Alexander Meigs Haig, Jr. Press Conference [Электронный ресурс] // Television news archive. – Режим доступа к документу: http://tvnews.vanderbilt.edu/program.pl?ID=273544.
[148] Ibidem.
[149] Reagan R. The President’s news conference. January 29, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=44101&st=&st1=.
[150] Nixon R. 1999: Victory without war / Richard Milhous Nixon. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1988. – 336 p.

сдерживать коммунизм, он переступит через него. Он не будет заниматься... его осуждением, он сдаст его как некую странную главу в истории человечества, и в этом разделе сейчас как раз пишутся последние страницы».[151]

К концу 1981 года американская администрация объявила о введении дополнительных санкций против СССР; ограничения на торговлю с ним были введены ещё предыдущей администрацией, в качестве повода для чего было использовано советское присутствие в Афганистане. В свою очередь, Рейган сотрудничество свернул почти полностью, и в качестве повода для обструкции выдвинул дополнительные вопросы и требования, которые представляли собой прямое вмешательство во внутренние дела Союза ССР. В течение короткого времени было разрушено всё здание советско-американских отношений, а на её месте построена система всеобъемлющих ограничений: закрыта советская закупочная комиссия в Нью-Йорке, ликвидирован режим наибольшего благоприятствования и введён жёсткий контроль над экспортом, прекращены поставки нефтегазового оборудования, остановлена выдача лицензий на продажу электронно-вычислительной техники, отсрочены переговоры о новом долгосрочном соглашении по зерну; было отказано в возобновлении соглашения по энергетике и других видам научно-технического сотрудничества; были приостановлены рейсы «Аэрофлота» в США. Распространялись ограничения импорта и на остальные страны социалистического содружества. «Разрядка» была окончательно отвергнута, а её место заняло «отбрасывание» коммунизма; вернулись старые фобии, начался новый виток гонки вооружений. Действия американских чиновников и публичный характер их выступлений позволили советским аналитикам сделать вывод о взглядах Рейгана на их страну:

1. Коммунизм, как неоднократно заявлял Рейган, является заблуждением и злом. При этом не нужно ждать его падения, а следует ускорить его крах.

2. Советская экономика, по мнению Вашингтона, переживает сложные времена. Поэтому надо навязать СССР гонку вооружений, которая его истощит.

[151] Reagan R. The President’s news conference…

3. Коммунистические режимы силой навязаны многим народам мира. Следует помочь им сбросить это иго и получить свободу. В этом заключалась суть призывов Рейгана к «крестовому походу за свободу».[152]

Основным положением новой американской доктрины национальной безопасности выступал тезис о советском военном доминировании. Основной угрозой Соединённым Штатам, по мнению хозяина Белого дома, оставался мощный арсенал новых стратегических вооружений, созданный в СССР в течение 1970-х годов и способный уничтожить управляемую им страну. В качестве иллюстрации, Рейган приводил впечатляющие данные: «С 1969 года СССР построил пять новых классов межконтинентальных баллистических ракет и восемь раз модернизировал их... За то же время Советский Союз усовершенствовал четыре класса баллистических ракет и подводных лодок, построил более 60 субмарин».[153] Этот глобально дестабилизирующий фактор создавал «смертельную опасность» для существования США, «свободы и либеральных ценностей» во всём мире. Учитывая это, он подчёркивал, что в отличие от Картера, не будет основывать свою политику на «наивных ожиданиях, односторонних уступках, бесполезной риторике».[154] В реальности же, в начале первого президентского срока Рейгана, определённое стратегическое преимущество было на стороне американцев, которые имели 10688 ядерных боеголовок против 8296 советских, то есть Соединённые Штаты превосходили Советский Союз в соотношении 1,3 к 1.[155]

Новый Президент заявил о том, что не продолжит переговоров о сокращении вооружений, пока ещё в большей степени не укрепит ядерные силы США. Уже через две недели после смены администрации в Белом доме Министр обороны Уайнбергер публично объявил о намерении разместить американские

---

[152] Гриневский О. А. Сценарий для третьей мировой войны. Как Израиль чуть не стал её причиной / Олег Алексеевич Гриневский. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 383 с. – С. 24.

[153] Reagan R. Statement on direct communication links between the United States and the Soviet Union. April 12, 1983 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=41172&st=&st1=.

[154] Kegley Ch. The Reagan administration world view / Charles W. Kegley, Jr., Eugene R. Wittkoph // Orbis. – Spring. – 1982. – P. 227–228.

[155] Stockholm International Peace Research Institute. Yearbook 1990: World Armaments and Disarmament. – 21st ed. – Oxford, N.-Y.: Oxford University Press, 1991. – 714 p. – P. 23.

ракеты на территории Западной Европы. В этом же ключе заметно изменилась тональность речей чиновников и более низкого ранга. В них впервые после 1950-х годов зазвучали ноты неизбежности третьей мировой войны. В частности, председатель Объединённого комитета начальников штабов США М. Тайлор, выступая вместе с рядом высокопоставленных военных за нанесение по Советскому Союзу первого удара, достаточно сильного для паралича его государственного аппарата, экономики и способности вести длительную войну, заявил: «Я считаю, что наши вооружённые силы могут нанести такой удар в нынешнее время и они должны сохранить такую способность в будущем... Стратегические силы... должны быть способны спастись от массированного первого удара и быть в состоянии уничтожить достаточно целей врага, чтобы ликвидировать Советский Союз – его правительство, общество и экономику».[156] Ситуация обострялась, и в октябре 1981 года году эти тезисы были повторены Президентом. По сути, американская администрация провоцировала конфликт, который вполне мог обрести силовую форму.[157]

Советское правительство расценивало подобную риторику как подготовку к войне. На закрытом совещании сотрудников КГБ, состоявшемся в мае 1981 года, председатель этой организации Ю. В. Андропов сообщил, что американская администрация активно готовится к термоядерному конфликту и создаёт возможность нанесения Соединёнными Штатами первого ядерного удара по СССР. Своеобразным «символом» этого периода Холодной войны можно с полным правом считать «шутку» Рейгана в прямом эфире: «Дорогие соотечественники, я рад сообщить вам, что я только что подписал приказ, который навеки объявляет Россию вне закона. Ядерная бомбардировка начнётся через 5 минут».[158] Вспоминая этот случай, британский исследователь Р. Сервис

[156] Heig A. M., Jr. Caveat: realism, Reagan and foreign policy / Alexander Meigs Haig, Jr. – Macmillan, 1984. – 367 p. – P. 86–87.
[157] «Ядерная зима» и ядерный курс США // МЭ и МО. – № 6. – 1985. – С. 77–80.
[158] Reagan jokes about bombing Russia. August 11, 1984 [Электронный ресурс] // National History. – Режим доступа: http://www.history.com/this-day-in-history/reagan-jokes-about-bombing-russia.

отметил, что «выглядело так, будто на волю выпустили пациента психбольницы».[159]

В предыдущие почти сорок лет глобальная стабильность основывалась на принципе «гарантированного взаимного уничтожения», т.е. на признании и Кремлём и Белым домом того факта, что в случае ядерного нападения противник непременно должен получить удар. Этот принцип был убедительным сдерживающим фактором в периоды перетекания Холодной войны в «горячие кризисы». Ядерная война, учитывая это, теряла смысл, поскольку в ней невозможно было победить.[160] Администрацией Никсона было выработано чёткое понимание мирового баланса сил, основанного на воздержании от взаимного нанесения неприемлемого ущерба. В мае 1972 года эта концепция была закреплена в московских договорах ОСВ-I и ПРО, по сути, выступивших основой стратегической стабильности в мире на протяжении всего десятилетия. Зато командой Рейгана этот порядок был поставлен под сомнение, и вскоре появилась стратегия ведения «длительной» ядерной войны с Советским Союзом, причём США в этой войне «должны возобладать». К большому удивлению Москвы, советник Президента по вопросам национальной безопасности У. Кларк публично изложил содержание американской стратегической доктрины во время выступления 21 мая 1982 года в Джорджтаунском университете. По его словам, главным изменением в американской стратегии была подготовка к ведению «длительной» ядерной войны с тем, чтобы в конечном счёте «одолеть»* Советский Союз: «Если сдерживание не сработает и произойдёт стратегическая ядерная война с СССР, Соединённые Штаты должны победить в ней и заставить Советский Союз стремиться к скорейшему прекращению враждебных акций на условиях, благоприятных для США». А далее речь шла об «обезглавливании» советского политического и военного руководства, нарушении линий коммуникации и разрушении экономики. Предусматривалось создание резервных

[159] Сервіс Р. Товариші. Комунізм: світова історія / Роберт Сервіс. – К.: Темпора, 2012. – 614 с. – С. 481.

[160] Попович О. І. Становлення і розвиток систем стратегічної протиракетної оборони: досвід провідних держав світу: автореф. дис… канд. іст. наук: 20.02.22 «військова історія» / Олександр Ілліч Попович. – Львів, 2009. – 22 с. – С. 16.

* В американской риторике произошла смена терминов – теперь говорилось о готовности не «победить» (to win), а «преодолеть» (to prevail), что, впрочем специалистами было расценено как несерьёзная игра слов.

ядерных сил, которые бы выдержали ядерный удар и были способны преодолеть сопротивление противника. Иными словами, речь шла о возможности нанесения первого внезапного удара и готовности выдержать ответный. Предыдущие президентские администрации также не исключали гипотетической возможности нанесения первого удара, однако в отличие от них, кабинет Рейгана перевёл вопрос в практическую плоскость. В частности, он запустил программу создания межконтинентальных ракет «МХ» с десятью боеголовками у каждой из баллистических ракет «Трайдент» на подводных лодках, также с разделяющимися головными частями. Кроме того, ускоренными темпами создавался новый тяжёлый бомбардировщик «Б-1», а также крылатые ракеты большой дальности воздушного и морского базирования; ещё большую тревогу советского руководства вызвали планы размещения в Европе ракет среднего радиуса действий «Першинг». Итак, Вашингтон поставил перед собой цель сломать паритет и добиться военного превосходства. Советский Министр обороны Д. Ф. Устинов даже указывал примерный срок для этого – 1990 год, когда ядерный арсенал США должен был достичь 20 тысяч зарядов.[161]

Примечательно, что политиков в Вашингтоне беспокоили те же проблемы – но в зеркальном порядке, свидетельством чего был доклад ЦРУ от 15 февраля 1983 года «Советские возможности в стратегическом ядерном конфликте 1982–1992». В этом документе, который был рассекречен в середине 1990-х годов, речь шла о том, что военно-стратегические программы Советского Союза направлены на «продолжение изменения военной компоненты в соотношении сил в пользу СССР и его союзников».[162] Американские аналитики считали, что Кремль стремится к «преимуществу» в ядерной войне и «работает над повышением своих шансов победить в таком конфликте». Далее примерно в тех же формулировках, что и у советских коллег говорилось о том, что Советский Союз продолжает модернизацию и развёртывание высокоточных баллистических ракет СС-18 и СС-19, бомбардировщиков дальнего действия, а также средних ракет СС-20 в

[161] Гриневский О. А. – Указ. соч. – С. 350.

[162] National Intelligence Estimate 11-3/8-82 «Soviet Capabilities For Strategic Nuclear Conflict, 1982–1992» [Электронный ресурс] // Declassified National Intelligence Estimates on the Soviet Union and International Communism. – Режим доступа к документу: http://www.foia.cia.gov/sites/...Soviet20Union20and20International20Communism.html.

Европе.[163] В конце 1982 года, по оценкам американской разведки, в СССР было 2300 МБР и БРПЛ, которые несли 7300 боеголовок. А до 1990 года число боеголовок должно было достичь 21 тысячи. Так же ЦРУ считало, что Советский Союз «стремится к превосходству в возможности ведения и победы в ядерной войне».[164] Однако, вопреки этому мнению, советское руководство не имело единства относительно перспективы ядерной войны. Члены Политбюро считали, что такая война, где бы она не началась, прекратит жизнь на Земле, поэтому победить в ней невозможно, следовательно, она является бессмысленной и, соответственно, сообщения об этом тиражировались советской прессой и телевидением. Неприятие термоядерного конфликта представляло один из центральных элементов официально декларируемой кремлёвской политики. Подтверждая это, Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС объявил расчёты на победу в такой войне «опасным безумием», этот же тезис был повторен Ю. В. Андроповым и К. У. Черненко в должности Генеральных секретарей ЦК КПСС. Следуя этой линии, Д. Ф. Устинов осудил новую американскую доктрину и заявил: «Советский Союз не делает ставку на победу в ядерной войне».[165]

Впрочем, интересным было то, что советская военная доктрина кроме политической, имела и техническую сторону, которая предусматривала разработку конкретных операций и подготовку войск к масштабным наступательным операциям, применение оружия массового поражения, в том числе первыми, и решительную победу. В частности, начальник Генерального штаба ВС СССР, маршал М. В. Огарков отмечал, что «современная мировая война, если империалисты всё же развяжут её, приобретёт небывалый пространственный размах, охватит все континенты и океанские просторы и неизбежно втянет в свою орбиту большую часть мира. Она обретёт беспрецедентно разрушительный характер». Но такая война, – считал Огарков, –

[163] Ibidem.
[164] Ibidem.
[165] Устинов Д. Ф. Отвести угрозу ядерной войны / Дмитрий Фёдорович Устинов. – М.: Новости, 1982. – 16 с. – С. 7.

будет «продолжаться до полной победы над врагом», и победителем, конечно, должен быть Советский Союз.[166]

Итак, к новой американской доктрине советские силовики отнеслись с философским спокойствием, ведь, по сути, их позиция была близка к американской, но в том смысле, что победить должен СССР. Об этом говорилось и писалось открыто, правда, в основном для военной аудитории; зато во внутренних дискуссиях в этот период активно оговаривался тезис о том, что в случае столкновения двух военных блоков – НАТО и Варшавского договора – боевые действия между ними в Европе могут вестись исключительно конвенционным оружием. Причина тому – понимание обеими сторонами катастрофических последствий термоядерной войны, следовательно, атомный порог правительства вряд ли бы переступили. А в качестве доказательства приводилась Вторая мировая война, когда Гитлер так и не решился применить химическое оружие, боясь возмездия такими же средствами.[167]

Впрочем, психологическое давление Рейгана на СССР всё же имело результат, поскольку он взял курс на то, чтобы в случае конфликта США сами могли избежать ядерного ответа. 23 марта 1983 года он заявил, что намечает такое развитие космической технологии, при котором руководимое им государство будет защищено от советского ядерного удара.[168] Речь идёт о стратегической оборонной инициативе (СОИ). Её реализация на практике позволила бы уничтожать оснащённые средствами массового поражения ракеты в полёте и, тем самым, обеспечить неуязвимость американской территории. Для решения задачи перехвата ракеты противника, оружие перспективной противоракетной обороны (лазерные пушки) должно было размещаться в ближнем космосе, оплетая его паутиной орбитальных станций. Создание такой системы вооружений оказалось бы революцией не только в военном деле, но и в политическом балансе сил.

---

[166] Огарков Н. В. История учит бдительности / Николай Васильевич Огарков. – М.: Военное изд-во, 1985. – 94 с. – С. 17.

[167] Батюк В. И. Национальная оборонная стратегия США после неоконсервативной революции / Владимир Игоревич Батюк // США и Канада: экономика, политика, культура. – № 7. – 2007. – С. 21–38.

[168] Reagan R. Address to the nation on defense and national security. March 23, 1983 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=41093&st=&st1=.

Впрочем, СОИ выступала скорее психологическим, чем реальным оружием.[169] Простые математические подсчёты показывали, что её реализация невозможна – для того, чтобы попасть лазерным лучом по конкретному объекту, требовалась колоссальная энергия, без которой этот луч должен был рассеяться в пространстве. В качестве «энергетической накачки» для лазерных пушек предлагалось использовать энергию атомных взрывов на Земле, а затем передавать эту энергию в космос.

Взяв курс на достижение военного превосходства над стратегическим противником, Вашингтон повёл дело к свёртыванию переговоров по вопросам разоружения, денонсации уже достигнутых договорённостей в этой области и диалогу исключительно с позиций силы. Однако обструкция администрации вызвала в мире (в том числе и в самой Америке), широкий негативный резонанс, который заставил её изменить тактику и возобновить диалог. В результате напряжённой дискуссии в вашингтонских коридорах власти было достигнуто компромиссное решение, согласно которому американская официальная позиция на предстоящих переговорах с Советским Союзом будет предусматривать сокращение исключительно тех систем вооружений, которые составляли основу советской стратегической мощности (прежде всего МБР).[170] Сокращать количество стратегических носителей, в которых преимущество имели США, не предусматривалось вовсе. Фактически, Москве предлагали разоружиться в одностороннем порядке, в то время как Вашингтон должен был получить возможность беспрепятственно осуществлять все свои полномасштабные военные программы.

Советское руководство, со своей стороны, изложило собственные представления о взаимоотношениях с Соединёнными Штатами в открытом письме, направленном Р. Рейгану от имени Брежнева. Речь в нём шла о том, что СССР выступает за нормальные и хорошие отношения с США, от состояния военного равновесия с которыми зависело сохранение мира на Земле; советская

---

[169] Попович О. І. Протиборство США і СРСР у галузі протиракетної оборони напередодні розпаду Радянського Союзу (1983–1991 роки) / О. І. Попович // Схід. – № 2 (86). – 2008. – С. 81–85.

[170] Поттер У. Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации / Уильям Поттер, Николай Соков // Ядерный контроль. – № 4. – Июль-август 2000. – С. 31–39.

сторона готова без промедления продолжать соответствующие переговоры по ограничению вооружений и их сокращение – с сохранением всего положительного, что было достигнуто в этой области раньше. В частности, предлагалось договориться о моратории на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств и заморозить их существующий уровень в количественном и качественном отношениях.

Впрочем, этот и подобные ему жесты не смогли повлиять на ситуацию: личного доверия между лидерами двух сверхдержав так и не возникло. Официальные контакты также были сведены к минимуму, и советско-американские переговоры по размещению в Европе ядерных ракет, которые продолжались в Женеве в начале зимы 1983 года, априори не могли иметь положительных последствий. В основу американского подхода был положен «нулевой вариант» Рейгана, согласно которому США отказывались от размещения ракет в Европе в обмен на полную ликвидацию советской стороной своих ракет средней дальности – СС-4, СС-5 и СС-20. Фактически, американские политики были нацелены на создание тупика, и становилось очевидным, что они пошли на переговоры не для ограничения ядерных вооружений, а для того, чтобы выиграть время. В то же время, Советский Союз предлагал Соединённым Штатам симметричное сокращение стратегических сил. США должны были отказаться от дислокации на европейском континенте «Першингов», в свою очередь, СССР должен был сократить число своих ракет СС-20, базирующихся к западу от Урала, к суммарному количеству аналогичных ракет Великобритании и Франции (162 единицы), остальные же вывезти в Сибирь. Однако американцы отвергли этот вариант, считая, что в случае необходимости вернуть ракеты из-за Урала будет гораздо проще, чем доставить их из-за океана. К тому же, появление советских ракет в Азии, с точки зрения американцев, могло угрожать Японии и толкнуть к милитаризации Китай.[171]

[171] Соков Н. Н. Многополюсный мир в зеркале теории международных отношений / Н. Н. Соков // США: экономика, политика, идеология. – № 7–8. – 1998. – С. 19–31.

Тупик на переговорах устраивал вашингтонских «ястребов» (Уайнбергера, Рауни и Перла), но он перестал устраивать администрацию вцелом – прежде всего из-за позиции общественности и приближения следующих выборов. Проблема предупреждения ядерной войны, ограничения и сокращения стратегических вооружений становилась всё более актуальной, и Белый дом не мог себе позволить игнорировать рост антивоенных настроений. Возможный выход из тупика и на переговорах по вооружениям, и в отношениях сторон вообще, американский истеблишмент видел в концепции «строительства вниз». Сутью этого плана, предложенного группой сенаторов, было сокращение обоими государствами нескольких старых боеголовок в обмен на каждую принятую новую. Рейгану концепция пришлась по душе: модернизация и наращивание ядерной мощи США могли выдаваться за предложения по сокращению стратегических вооружений. План мог бы стать основой для будущей договорённости с СССР, но на тот момент, осенью 1983 года, отношения двух государств достигли своей низшей точки – из-за вторжения американских войск на Гренаду и ситуации вокруг Ливана. Однако в наибольшей степени непростые и ранее отношения между Соединёнными Штатами и Советским Союзом испортило событие с южнокорейским лайнером. Учитывая его влияние на дальнейший ход Холодной войны, следует кратко раскрыть суть этого инцидента. Напомним, что 1 сентября 1983 года направлявшийся из Нью-Йорка в Сеул «Боинг-747», принадлежавший авиакомпании «Корейские авиалинии» (рейс KAL007) «заблудился» и нарушил воздушное пространство СССР. В конечном итоге, по причине молчания его экипажа и после многих сигналов, он был сбит над Сахалином. Разъяснение советских официальных лиц по поводу этого события изначально были невыразительными, и только через некоторое время под давлением неопровержимых фактов, ответственность за гибель самолета всё же была признана. Комментируя это событие, Президент Рейган и Государственный секретарь Шульц выступили с резким осуждением Советского Союза, заявив, что «варварская, ничем не мотивированная атака на пассажирский самолёт с невиновными людьми является проявлением подлинной сущности Советов, …

преступлением против человечества, не имеет юридического или морального оправдания».[172]

Советские объяснения были отклонены как «путаные», а американские свидетельства названы «неопровержимыми», впрочем, точка в расследовании обстоятельств этой трагедии не поставлена и в наши дни. С одной стороны, экипаж лайнера и все пассажиры рейса KAL007 (т.е. 269 человек, находившиеся на борту) не могли не погибнуть. Однако в ходе поисковых работ были обнаружены лишь обломки самолёта, «чёрные ящики» и фрагменты нескольких человеческих тел, – скорее всего, членов экипажа. Огромного количества трупов пассажиров, которые должны были находиться под обломками фюзеляжа, найдено не было. Вопрос о том, куда они исчезли и были ли на борту пассажиры вообще, остаётся открытым. Таким же спорным является и вопрос о том, было ли отклонение лайнера от курса результатом навигационной ошибки или частью провокационной миссии.[173]

Итак, на сей день очевидно, что многие заявления рейгановской администрации относительно международных событий вообще и описанного инцидента в частности, очень часто имели дезинформирующий характер. Противопоставление «советской дикости» поведению «цивилизованных наций» было сформулировано в откровенно подстрекательской тональности. Не вызывает сомнения, что реакция руководства США на этот печальный инцидент была нацелена на подогрев антисоветских настроений в мире.

После трагедии, и без того холодные отношения Советского Союза и Соединённых Штатов остыли ещё больше, а замедленный переговорный процесс по контролю над вооружениями остановился окончательно.[*] Другим результатом

---

[172] Reagan R. Statement on the Soviet attack on a Korean civilian airliner. September 1, 1983 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=41779&st=&st1=.

[173] Иллеш А. В. Тайна корейского «Боинга-747» / Андрей Владимирович Иллеш, Александр Анатольевич Шальнев. – М.: Известия, 1991. – 203 с. – С. 180–185.

[*] Примечательно, что 3 июля 1988 года с Соединёнными Штатами произошёл аналогичный случай, когда пассажирский самолёт компании «Иранские авиалинии» (рейс 655) был сбит ракетой с американского крейсера «Винсеннес», в результате чего все 263 человека, находившиеся на борту, погибли. Разница заключалась в том, что в отличие от советских сил, которые защищали собственное воздушное пространство, американский корабль находился в территориальных водах Ирана, и никаких извинений Вашингтоном осуществлено не было.

был старт развёртывания американских крылатых ракет и ракет средней дальности «Першинг-II» на территории западноевропейских участников НАТО.

Вскоре после инцидента с корейским самолётом КГБ направил своим оперативным работникам на Западе срочное сообщение с предупреждением о возможности начала ядерной войны. В мемуарах бывших сотрудников ФБР и воспоминаниях бывшего чехословацкого агента, который работал в ЦРУ, можно найти информацию о том, что американские спецслужбы также были крайне обеспокоены вероятностью такого развития событий. В Западной Европе и Северной Атлантике были организованы учения НАТО, на которых отрабатывалось использование тактического ядерного оружия, а в Баренцевом море вблизи советских баз постоянно дежурили американские подводные лодки. Военное и политическое руководство СССР подозревало, что под прикрытием учений проходит подготовка вторжения в Центрально-Восточную Европу.

В мемуарах как советских, так и американских политиков можно встретить утверждение, что две сверхдержавы никогда не стояли так близко к войне, как осенью 1983 года. Однако решить советскую проблему Рейган вместе со своими советниками всё же стремился мирными средствами. Не исключая возможности масштабной технологической войны, ставка, вместе с тем, была сделана на другие методы давления на противника. В течение 1980-х годов выработка конкретных действий и координация аналитической работы на этом направлении осуществлялась У. Кейси, вокруг которого была сконцентрирована команда профессиональных советологов. Среди них важнейшую роль сыграли два деятеля еврейского и польского происхождения – Р. Пайпс и З. Бжезинский, не скрывавшие своих русофобских позиций. С помощью этих специалистов был подготовлен ряд «Директив национальной безопасности», которые ориентировали всю государственную машину Соединённых Штатов на тайную подрывную деятельность против Советского Союза. Интересным было то, что несмотря на высочайшую степень секретности этих документов, сообщения о них попадали в

Подробнее: Харченко П. Перерваний політ над Перською затокою / Петро Харченко // Світова географія. – № 1–2 (3–4). – 2009. – С. 84.

прессу почти сразу. К их числу относится и президентская директива NSDD-32 («Стратегия национальной безопасности США»), в которой была осуществлена концептуализация стратегии и тактики решения советской проблемы, актуализировано первоначальное намерение неоконсерваторов прекратить распространение советского влияния в мире и поощрить либеральные изменения в пределах социалистического содружества.[174] Цель политики США в отношении СССР и его союзников состояла в следующем:

- изменить их общественно-политическое устройство, трансформировать его в удобные для себя структуры;
- законсервировать выгодные позиции США в ключевых районах мира, где это возможно, изменить расстановку сил в свою пользу;
- влияя с помощью гонки вооружений на внешнюю политику стран социалистического содружества, заставить их отказаться от поддержки антиамериканских и шире, антизападных движений;
- экономически измотать СССР, заставляя его вкладывать значительные средства в оборону.

Для реализации этих задач внешнеполитическая стратегия требовала интенсификации дипломатических, информационных, экономических и военных компонентов, которые в своей совокупности вели к главной цели – вытеснению СССР из союзных ему территорий. Тактикой реализации этой цели была поддержка оппозиционных Москве движений, прежде всего – в Афганистане и Польше. Другим средством должно было быть экономическое истощение Советского Союза и препятствование передачи ему важных технологий и ресурсов.[175] Дальнейшая разработка указанных положений NSDD-32 была осуществлена в следующих директивах: NSDD-54, NSDD-66 и NSDD-77.[176] В

---

[174] NSDD 32. US national security strategy. May 20, 1982 [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-032.htm.

[175] Ibidem.

[176] NSDD 54. US policy towards Eastern Europe. September 2, 1982 [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-054.htm; NSDD 66. East-West relations and Poland related sanctions. November 29, 1982 [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-066.htm; NSDD 77. Management of public diplomacy relative to national security. January 14, 1983 [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-077.htm.

совокупности, данные документы легли в основу «доктрины Рейгана», реализованной до конца 1980-х годов. Директивы расширили комплекс мер, направленных на преодоление «советской угрозы», и кроме указанных выше, они включали атаку на слабые места социалистической системы фактически во всех сферах бытия. Особая роль при этом отводилась поддержке в долгосрочной перспективе центробежных тенденций и националистических групп внутри СССР, движений либерального толка в союзных ему государствах, использованию риторики «защиты гражданских прав и свобод человека» в странах Центрально-Восточной Европы, популяризации западного образа жизни среди их населения, поддержке развития частной собственности и ослаблению их политических и экономических связей с СССР. Официально подобный курс декларировался как стремление Америки «помогать дружественным народам в деле защиты от агрессии, подрывной деятельности и террора». Из этого следовало, что американцы должны поддержать тех, кто «на каждом континенте, от Афганистана до Никарагуа, бросает вызов агрессии, которая поддерживается Советским Союзом, и гарантировать права, данные людям от рождения... Поддержка борцов за свободу – это наша самооборона».[177]

С другой стороны, предполагалось усиление американского влияния на Земном шаре путём укрепления существующих союзов, продвижения отношений со странами «второго» мира, и оформления коалиций в «третьем».[178] Все локальные конфликты того периода были пересмотрены сквозь призму идеологии и соответственно, через противопоставление двух систем – либеральной демократии и коммунизма. Советский блок, по мнению американских аналитиков, держался исключительно на насилии. Государственный секретарь Хейг говорил о сети «международного терроризма», управляемой Кремлём, и о кубинском «экспорте революции».[179] Повстанческие и национально-

[177] LaFeber W. America, Russia, and the Cold War, 1945–1996 / Walter LaFeber. – N.-Y.: McGraw-Hill, 1997. – 408 p. – P. 307.
[178] NSDD 32. US national security strategy. May 20, 1982 [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-032.htm.
[179] Murphy K. Behind the «tough talk» from Alexander Haig. February 17, 1981 / Kathleen Murphy // Executive Intelligence Review. – № 7. – Vol. 8. – 1981 [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://www.larouchepub.com/eiw/public/1981/eirv08n07-19810217/index.html.

освободительные движения (направленные в большинстве случаев против диктатур, насаждаемых США), традиционно поддерживаемые Москвой и её союзниками, приравнивались Вашингтоном к международному терроризму и на этой основе объявлялись незаконными. По оценке многих специалистов, борьба с «международным терроризмом» заняла в риторике Рейгана место картеровской «защиты прав человека».

Напомним, что в течение Холодной войны ареной противостояния двух сверхдержав был весь мир, однако в контексте давления на СССР наибольшее значение имели пограничные с ним страны. Там, где существовал конфликтный потенциал, американские стратеги стремились проводить акции, направленные на дестабилизацию ситуации, которая могла существенным образом повлиять и на внутреннее положение Советского Союза. Детализация тактики на этом направлении была осуществлена З. Бжезинским. По его мнению, России был характерен «синдром проигранной войны» – внешние поражения исторически всегда были главным стимулом для внутренних перемен.[180] В этом контексте чрезвычайно важная роль была отведена Афганистану. План Бжезинского предусматривал дальнейшее втягивание СССР в политическую конфронтацию на территории этой страны и поддержку всех оппозиционных Москве сил. Реализация практических шагов в рамках этих задач осуществлялась Центральным разведывательным управлением и подразделениями Государственного департамента, ответственными за южноазиатское направление внешней политики США.

Операция по организации диверсионных действий против частей Советской Армии получила название «Циклон». Поскольку Соединённые Штаты избегали непосредственного вовлечения в афганские события, Рейган должен был быть уверенным в том, что моджахеды имеют всё необходимое для нужд ведения борьбы, поэтому в качестве посредника для распределения оружия, снабжения, финансирования и обучения афганских сил оппозиции была использована

[180] Brzezinski Z. Game plan: a geostrategic framework for the conduct of the US–Soviet contest / Zbigniew Kazimierz Brzezinski. – Boston: The Atlantic Monthly Press, 1986. – 288 p. – P. 98.

пакистанская разведка.[181] В период с 1978 по 1992 годы через неё прошли почти 100 тысяч боевиков из многих мусульманских стран мира. За посредничество в войне против советских войск, Пакистан получил от Соединённых Штатов два транша экономической помощи и военных контрактов на сумму более чем в 8 млрд. долл. Из года в год финансирование программы увеличивалась благодаря активной поддержке некоторых американских политиков, прежде всего, У. Кейси, заместителя Министра обороны Ф. Айкла и конгрессменов Чарльза Уилсона и Гордона Хамфри.[182]

Действия Бжезинского и его коллег из Вашингтона облегчались с учётом того, что среди афганского населения просоветское правительство НДПА не имело абсолютной популярности. Аграрная реформа и попытки уменьшения роли духовенства в жизни общества вызвали сопротивление большинства племён. В политической системе Афганистана не нашлось места никаким партиям, кроме правящей, остальные были запрещены. Основным противником властей выступили исламские религиозно-политические организации, которым было предоставлено убежище в пакистанском Пешаваре. Главными среди них были две – «Исламская партия» во главе с Гульбеддином Хекматиаром и «Исламская община» Бурхануддина Раббани; вместе с ними действовали и другие радикальные исламистские организации. Все вместе они объявили Кабулу и Москве «джихад» и начали вооружённую борьбу. Как следствие, правительство могло прочно контролировать только столицу, прилегающие провинции и городские центры. Наладить нормальную жизнь кабульское руководство было способно лишь опираясь на поддержку советской 40-й армии. Неудивительно, что решающую роль в государственном управлении стали играть советники из СССР, численность которых в середине 80-х годов превысила 5 тыс. человек. Соответственно, советские военнослужащие были вовлечены во внутриполитическую борьбу и были вынуждены воевать против партизан-

[181] Reagan R. National security strategy of the United States / Ronald W. Reagan. – Washington, D.C.: Pergamon-Brassey's Intern. Defense Pub, 1988. – 114 p. – P. 27–28.

[182] Иващенко А. С. Политическая борьба по вопросам внешнеполитического курса США в отношении Афганистана (1978–1989 гг.) / Александр Стефанович Иващенко // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. науч. трудов. каф. философии МПГУ. – Вып. 1. – М.: Прометей, 1998. – С. 63–81.

моджахедов. Вызвав в обществе на начальном этапе волну подъёма, сотрудничество Советского Союза с афганским правительством превращалась во всё больший груз. Как следствие, СССР столкнулся в Афганистане с теми же проблемами, что и США в течение 1965–1973 годов во Вьетнаме.[183]

Тем не менее, из всех регионов мира, первостепенное значение для Москвы и Вашингтона продолжал играть европейский континент. В свою очередь, ключевой страной Центрально-Восточной Европы была Польская Народная Республика. Представляя собой в военном и хозяйственном отношениях одно из важнейших государств социалистического содружества, ПНР, вместе с тем, была его «слабым звеном». Причинами этого было несоответствие собственной имперской традиции статусу «младшего партнёра» относительно исторического соперника (Москвы), преданность римско-католической церкви, культурные связи с западноевропейскими народами и проживание в США многочисленной польской диаспоры. Итак, после серии политических кризисов, периодически вспыхивавших в этой республике (1956, 1968, 1970) события начала 1980-х годов приобрели особую остроту. Отсчёт событиям, углубившим раскол между Варшавой и Москвой, был дан 14 августа 1980 года, когда началась забастовка на Гданьской судостроительной верфи им. Ленина. На следующий день забастовка распространилась и на другие предприятия, а в ночь на 17 августа образовался межзаводской забастовочный комитет во главе с Лехом Валенсой. События развивались стремительно, и вскоре возник первый в социалистическом блоке негосударственный профсоюз «Солидарность», который превратился в широкое социально-политическое движение. Впрочем, при наличии сильного аппарата государственной безопасности, эффективная деятельность и победа «Солидарности» была крайне затруднена. Поэтому, единственным выходом была ориентация на внешние силы, а именно – на западные государства, возглавляемые США.[184]

---

[183] Маначинский А. Я. Афганистан: когда дуют ветры войны / Александр Яковлевич Маначиский. – К.: Румб, 2006. – 576 с. – С. 106–114.

[184] История профсоюза «Солидарность» в Польше: сводный реферат / Сост. Шлычкова Ю. С. – М.: ИНИОН, 1991. – 30 с. – С. 14–15.

О большом значении Варшавы во внешней политике Вашингтона говорил тот факт, что новой американской администрацией «польский вопрос» был рассмотрен уже через десять дней после инаугурации Рейгана – на заседании Совета национальной безопасности 30 января 1981 года, когда обсуждалась тема тайных наступательных операций против Советского Союза. Выступая 17 мая 1981 года с речью в университете Нотр-Дам, Президент Рейган вспоминал и о польских событиях. В частности, он подчеркнул, что оппозиционное движение в Польше и создание «Солидарности» говорят о кризисе и неизбежности краха коммунизма. По его мнению, отрицание одной из базовых ценностей человеческого общества – свободы, является преступным, следовательно, и сама коммунистическая система ошибочна и аморальна в своей основе.[185]

Эффективным и недорогим инструментом давления на социалистическое правительство Польши, а вместе с тем и на Кремль, была массовая информация. По распоряжению Информационного агентства США, семь западных радиостанций начали массированное вещание диверсионных передач в эфир ПНР. В частности, подавалась фальшивая информация о характере связей Москвы и Варшавы, которые характеризовались как «неравноправные отношения», «экономический грабёж» Польши и «односторонние выгоды» для СССР, информация о дотациях со стороны последнего в энергетическом секторе, при этом, замалчивалась. Подобные настроения должны были способствовать ослаблению государственных структур, росту влияния оппозиционных группировок, усилению недоверия к правительству и, как следствие, укреплению антисоветских настроений. Кроме того, возросло количество подрывной литературы, нелегально ввозимой в страну.[186]

Несмотря на определённый эффект информационной борьбы, деятельность западных спецслужб всё же была осложнена – прежде всего, из-за отсутствия у ЦРУ развитой резидентуры в Польше. В таких условиях, важным каналом связи с

[185] Reagan R. Address at commencement exercises at the University of Notre Dame. May 17, 1981 [Электронный ресурс] // Ronald Reagan Presidential Library. – Режим доступа к документу: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1981/51781a.htm.

[186] Новак А. Информационная политика США по отношению к Польше в первой половине 80-х годов: автореф. дисс... канд. ист. наук: 23.00.03 «Политическая культура и идеология» / Анжей Новак. – М., 1993. – 22 с. – С. 15–16.

польской оппозицией был костёл. Контакты с Ватиканом относительно «польского вопроса» упрощались по причине избрания главой католической церкви в 1978 году Кароля Войтылы, поляка по происхождению. Его антимарксистские взгляды, как и способность влиять на массовое сознание, были широко известны. Наличие общих интересов администрации Рейгана и Престола способствовало установлению связей между ними, поэтому в течение своих президентских сроков американский лидер провёл несколько встреч с Папой Римским.[187]

Между тем, сказывалась «психологическая обработка» польского населения: на улицах происходили открытые провокации, население требовало выборов на многопартийной основе и независимых профсоюзов, в 1981 году проходили массовые забастовки. Такое положение вещей привело к сокращению промышленного производства, снижению импорта и ощутимой нехватке продовольствия в республике. Страна приблизилась к банкротству, поскольку имела значительную внешнюю задолженность, погашение которой требовало 12 млрд. долл. Вместе с тем, Министерство финансов Польши не могло вернуть и половины долга. Реакцией Москвы была передача Варшаве суммы в размере 4,5 млрд. долл. и увеличение поставок энергоносителей и сельскохозяйственной продукции.

Учитывая тяжёлое финансовое положение Варшавы, Белый дом стремился закрыть ей возможность получения краткосрочных кредитов западных банков, которые можно было бы безболезненно выплатить. В июле 1981 года Комитет американских банков выработал позицию, которая должна быть рекомендована другим банкам мира для переговоров по польским долгам: они должны занять бескомпромиссную позицию и поставить перед Варшавой требование их возвращения. Кроме того, условием получения следующих кредитов было проведение ряда реформ.[188] Давление в сочетании с предложением Вашингтоном финансовой помощи и торговли было направлено на вырывание Польши из

[187] Pope’s trip to Poland // Historic documents of 1983. – Washington, D.C.: Congressional Quarterly inc., 1984. – 683 p. – P. 577–595.
[188] Млечин Л. М. Холодная война: политики, полководцы, разведчики / Леонид Михайлович Млечин. – М.: Центрполиграф, 2009. – 574 с. – С. 523.

социалистического лагеря, поэтому её отказ от дефолта можно было расценивать как провал американской дипломатии. Соответственно, США продолжали свою борьбу за Варшаву. Было принято решение о «закручивании экономических» гаек, в роли которых могли выступить торговые санкции, введённые Соединёнными Штатами и поддержаные другими государствами западного блока. 9 октября 1981 года Президент Рейган остановил для ПНР режим наибольшего благоприятствования в торговле с США. На практике это означало, что тарифы на польскую продукцию, экспортируемую в Америку, выросли на 300–400 процентов, что практически исключило их с американского рынка.

Впрочем, свои действия Белый дом позиционировал как направленные против коммунизма, а не народа Польши. Условием восстановления торговли и отсрочки выплаты долгов была легализация «Солидарности» и начало «национального диалога». Санкции США против ПНР заставляли Москву предоставлять своему союзнику финансовую помощь от 1 до 2 млрд. долл. ежегодно. Вместе со значительными затратами на решение «афганского вопроса», подобные действия приносили советскому бюджету значительные убытки.[189]

Стремительное обострение ситуации в ПНР вызвало оживление интереса Белого дома к «Солидарности», поэтому к середине февраля 1981 года Кейси разработал план материальной поддержки данной организации, который предусматривал передачу современных средств связи и обучение пользованию её членов, а также передачу средств и разведданных ЦРУ. Помощь должна была поступать через Национальный фонд в поддержку демократии и благотворительные организации Ватикана. Их посредством из США в Польшу начали поступать литература и копировальная техника. В распоряжение профцентра «Солидарность» были предоставлены сотни радиостанций, печатных станков, телефонных аппаратов, коротковолновых передатчиков, ксероксов и телефаксов, компьютеров и другой оргтехники. Средства, прежде всего, направлялись в издательства, специализировавшиеся на публикации

[189] Garthoff R. Eastern Europe in the context of US–Soviet relations / Raymond L. Garthoff // Soviet policy in Eastern Europe / Ed. by Terry S. M. – New Haven: Yale University Press, 1984. – 375 p. – P. 318.

политической литературы. Другой задачей, которую было необходимо решить, оставалось налаживание каналов передачи от ЦРУ в руки «Солидарности» информации о ходе событий в высших эшелонах власти.

Кроме помощи польской оппозиции, Соединённые Штаты оказывали непосредственное военное давление и на сам Советский Союз, прежде всего тем, что увеличили количество вторжений авиации НАТО в советское воздушное пространство в районе Балтики. В свою очередь, СССР также оживил движение своих войск в этом регионе, рассматривая вариант повторения чехословацкого сценария 1968 года. В таком случае, Запад должен был готовиться, хотя и не стремиться к применению силы.[190] Поэтому, одним из главных факторов, которые стояли на пути силового решения «польского вопроса», была непредсказуемость реакции американского лидера. Впрочем, его возможности осуществлять активное вмешательство во внутренние дела стран ОВД были ограниченными, в отличие от способности эмоционально реагировать на них. Госсекретарь Хейг публично заявил, что советское вторжение в Польшу вызовет продажу Вашингтоном современного оружия Китаю, отношения Кремля с которым на тот момент не были дружественными. Кроме того, Рейган отправил в Москву сообщение о том, что военная акция вызовет ответную реакцию со стороны Соединённых Штатов.[191]

На силовую активность СССР и проведение учений странами Варшавского договора США отреагировали симметрично: на территории Дании и других европейских стран НАТО были проведены масштабные манёвры. Таким образом, «польская проблема» приобрела международный характер и спровоцировала новый виток конфронтации по линии Восток–Запад.

Учитывая угрожающую ситуацию в мире, польский Премьер-министр, генерал В. Ярузельский 13 декабря 1981 года объявил о введении военного

---

[190] Окороков А. В. СССР в борьбе за мировое господство / Александр Васильевич Окороков. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. – 448 с. – С. 55.

[191] The Reagan diaries. Ronald Reagan / Ed. by Brinkley D. – N.-Y.: Harper Collins, 2007. – 751 p. – P. 30.

положения, арестовав одновременно пять тысяч функционеров «Солидарности» и конфисковав средства и имущество организации.[192]

Американские политики уверяли, что введение военного положения, так же как и его молниеносность, оказались для них полной неожиданностью, а персонал Белого дома был захвачен врасплох. На следующий день, Президент Рейган обсуждал со своими ближайшими советниками (Дж. Бушем, В. Кларком, А. Хейгом, К. Уайнбергером, Э. Мизом, Р. Пайпсом и У. Кейси) ситуацию в Польше и возможные действия Соединённых Штатов. Финансирование «Солидарности» и её спасение было решено проводить вне традиционных государственных каналов и без информирования Конгресса.

Наличие у «Солидарности» отдела безопасности и разведки, в которой были заняты специалисты, прошедшие подготовку с помощью ЦРУ, было важным фактором действенности данной организации. Несмотря на пребывание за решёткой, её важнейшие деятели (Я. Куронь, А. Михник, С. Ромашевский, Г. Вуец) продолжали свою деятельность, рассылая, в частности, письма. Попадая на радиостанции «Голос Америки» и «Свободная Европа», они становились доступными для широкой общественности Западной Европы. В итоге, 22 июня 1983 года, под нарастающим международным давлением, военное положение было отменено.

Официальная власть была вынуждена пойти на диалог с оппозицией и под давлением «Солидарности» вести политику уступок. С учётом этого, СССР прилагал максимум усилий для сохранения в республике социалистического строя, предоставляя правительству Ярузельского экономическую, разведывательную и военную помощь. В то же самое время Вашингтон продолжал моральную и материальную помощь подполью, продлевая санкции против ПНР. В первой половине 1980-х годов поступления валюты для «Солидарности» достигали 8 млн. долл. в год, – соперничество США и СССР

[192] Дыбковская А. История Польши с древнейших времён до наших дней / Алиция Дыбковская. – Варшава: Научное издательство ПВН, 1995. – 380 с. – С. 301.

продолжалось. Таким образом, Польша оставалась «горячим фронтом» Холодной войны двух сверхдержав фактически до начала советской «перестройки».

Ещё одной горячей точкой Холодной войны в этот период было Восточное Средиземноморье, в частности, Ливан. В противоборство в этой стране израильских и сирийских сил была втянута и Москва, поскольку её договор о дружбе и сотрудничестве с Дамаском имел и военную составляющую: «Если третья сторона осуществит вторжение на территорию Сирии, то Советский Союз будет вовлечён в события». Естественно, речь шла об Израиле. Итак, из-за обострения ливанской ситуации, по просьбе Президента республики Х. Асада в октябре 1982 года было принято решение о доставке в Сирию трёх советских зенитно-ракетных полков ПВО, технического полка, а также подразделений радиоэлектронной борьбы. С их прибытием, численность советских военнослужащих возросла до 6 тыс. человек. К сведению США и Израиля Кремль довёл, что «не допустит резкого смещения военного баланса в регионе».[193] Прямого участия советского контингента в боевых действиях удалось избежать, однако ситуация на южном фланге СССР оставалась напряжённой.

Таким образом, в начале 1980-х годов советскую политику крепко заклинило в четырёхугольнике «Афганистан – американские ракеты в Европе – Польша – Ближний Восток». И в каждом углу Москву ждал военный конфликт. По мнению американских аналитиков, втягивание СССР в локальные конфликты с одновременной эскалацией ядерной гонки должно было оказаться для его экономики непосильным бременем; следовательно, именно материальная сфера была одним из наиболее эффективных инструментов, направленных на достижение конечных целей внешней политики США. Экономическая война против стран социалистического содружества была неотъемлемой частью американской стратегии в течение всего периода Холодной войны, но в начале 1980-х годов произошло её обострение. Об этом, в частности, пишет П. Швейцер (сотрудник Стэнфордского университета и Гуверовского института войны,

[193] Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму / Алексей Михайлович Васильев. – М.: Наука, 1993. – 397 с. – С. 149.

революции и мира) в своём труде «Победа». Детали реализации держались от общественности и Конгресса в секрете, поскольку они выходили за рамки международной законности.[194] Непосредственным автором данной стратегии был упомянутый выше сотрудник СНБ Пайпс. Среди американских экономистов бытовало устоявшееся мнение о слабости советской хозяйственной модели и возможности осуществления политического давления на Москву посредством материального сектора. Также были распространены мысли о замедлении темпов экономического роста СССР, серьёзных недостатках в работе ряда ведущих отраслей его промышленности и сельского хозяйства, искажённой структуре внешней торговли в связи с гипертрофированной зависимостью от экспорта энергоносителей и крупномасштабного экспорта зерна.[195] Экономическое давление на Страну Советов преследовало цель ослабления её могущества и авторитета, уменьшения влияния в Европе и остальном мире, а также доказание «экономической неэффективности» социалистической системы. Задача истощения Москвы должна была быть достигнута по нескольким направлениям: разрыв большинства торговых связей, а также энергетика, технологии и финансы.

Разрабатывая стратегию экономической войны против Кремля, американские аналитики учитывали важное значение, которое для продовольственной безопасности СССР (прежде всего, его Дальневосточного региона) имел импорт зерна. С середины 1970-х годов советскими экономистами отстаивалась мысль о целесообразности импорта сельскохозяйственного сырья именно из США (следовательно, с конца 1960-х он постепенно увеличивался), а не, скажем, из Аргентины или Австралии. Тем самым СССР давал понять, что он будет помогать традиционно дотационному североамериканскому АПК в обмен на геополитические уступки со стороны Соединённых Штатов.[196] Итак, важным шагом подрывных действий против Москвы было эмбарго на продажу этой продукции. Впрочем, такие действия существенно ударили только по интересам

[194] Швейцер П. Тайная стратегия развала СССР / Петер Швейцер. – М.: ЭКСМО, 2010. – 304 с. – С. 7.
[195] Schmickle W. Soviet interrepublican trade: domestic patterns and international possibilities / William E. Schmickle // The USSR and the world economy: challenges for the global integration of Soviet markets under perestroika / Ed. by Palmieri D. A. – Westport: Praeger, 1992. – 190 p. – P. 70–72.
[196] Куницын А. В. Экономические отношения стран СЭВ с США / Алексей Владимирович Куницын. – М.: Наука, 1981. – 171 с. – С. 57.

американских фермеров и подорвали репутацию США на международном рынке. Рейган был вынужден отменить эмбарго, но объём поставок американского зерна на советский рынок значительно сократился из-за переориентации Советского Союза на более надёжных поставщиков (прежде всего, страны Латинской Америки).

Одновременно в самих США была развёрнута инспирированная президентской администрацией кампания по дискредитации и запугиванию (главным образом путём судебного преследования по обвинению в нарушении законодательства о контроле над экспортом) тех представителей деловых кругов, которые продолжали поддерживать торговые и научно-технические связи с советскими внешнеторговыми организациями. В законодательство о регулировании экспорта были включены изменения, согласно которым штраф за нарушение правил экспортного контроля, установленного администрацией по соображениям «национальной безопасности», увеличился в 10 раз, – до 100 тыс. долл., а в случае серьёзного нарушения, компания могла быть оштрафована на сумму уже в 1 млн. долл.

Кроме того, Совет национальной безопасности США стремился сделать невозможным получение для СССР банковских кредитов. Сверхзадачей Белого дома был подрыв веры западноевропейских банкиров в платёжеспособность Москвы, оптимальным вариантом было бы их приобщение к санкциям. К началу 1980-х годов банки всего мира не только давали Москве крупные займы, но и делали это ниже рыночного курса. Американцы стремились затормозить предоставления субсидий, включив Советский Союз в группу «относительно богатых» стран (до этого он входил в число стран «средних получателей займов»).[197] По новой оценке, предложенной Вашингтоном, процент официальных экспортных кредитов для СССР должен был составить минимум 11,25%. Впоследствии и этот норматив был повышен и составил почти 17%.[198]

---

[197] History of the Organisation for Economic Co-operation and Development [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://www.oecd.org/pages/0,3417,en_36734052_36761863_1_1_1_1_1,00.html.

[198] The USSR: impact of credit restrictions on foreign trade and the economy. CIA historical review program release as sanitized. – Langley: Office of Soviet analysis, 1991. – 20 p. – P. 11–12.

Подобные действия оказались для Москвы неприятным «уколом», однако серьёзным образом подорвать стабильность её хозяйства не могли. Учитывая это, было необходимо получить более чёткое представление об источниках наполнения советского бюджета. Для этого американскими аналитиками было проведено специальное исследование. Основным источником поступления средств, направляемых Советским Союзом на достижение внешнеполитических целей, были определены энергоносители. Согласно разведданным, в послевоенный период 60–80% его валютных поступлений приходилось на торговлю нефтью и газом, и экспорт сырья приобретал всё большее значение. По мнению американских аналитиков, к началу 1980-х годов Москва уже прочно сидела на «нефтяной игле».

Учитывая это, были поставлены задачи сокращения советской способности продавать нефть и газ по высоким ценам – с одной стороны, и осложнения для СССР возможности покупать западные технологии – с другой. Мир превратился в нечто вроде виртуальной биржи, поэтому подрыв материальной мощи Советского Союза мог быть результатом нескольких искусственно вызванных кризисов. Итак, в вопросах экономики рейгановская стратегия в отношении Москвы предусматривала:

- кампанию по резкому уменьшению поступления средств в Советский Союз путём снижения цен на нефть в сотрудничестве со странами Персидского залива, а также ограничения экспорта советского природного газа в Западную Европу;
- комплексные акции мирового масштаба с применением тайной дипломатии, с целью максимального ограничения доступа Советского Союза к передовым технологиям;
- широко организованную техническую дезинформацию с целью нанесения ущерба советской экономике.

Юридическое закрепление и детализация очерченной политики состоялась в ряде президентских директив: NSDD-24 (противодействие Западной Европе в

торговле с СССР);[199] NSDD-41 (запрет на ввоз в Союз ССР нефтегазового оборудования);[200] NSDD-66 (призыв к участникам НАТО не заключать новые контракты на закупку советского газа);[201] NSDD-75 (ослабление связей между СССР и его союзниками среди стран «третьего мира»).[202] Реализация этого комплекса мероприятий должна привести к серьёзному ослаблению главного противника.

Администрация Президента и другие чиновники, ответственные за принятие решений, приложили значительные усилия для перекрытия источников поступления валюты в Советский Союз. Для этого было необходимо усложнить функционирование трубопровода в Западную Европу, находившегося на стадии проектирования, с одной стороны, и, с другой, снизить мировые цены на нефть, убедив руководство основного мирового экспортёра этого сырья – Саудовскую Аравию снять ограничения ОПЕК на её добычу.

Итак, газовый сектор был центральным направлением экономической войны против СССР. Однако победа на этом «участке фронта» могла быть обеспечена только при условии единства западных государств. Эксперты ЦРУ считали, что поставляя в Европу углеводородное сырьё, Советский Союз получал не только необходимую ему валюту, но и ослаблял атлантическую солидарность. Учитывая это, американцы стремились разорвать энергетическую цепь СССР–Европа, поскольку строительство газопровода Уренгой–Помары–Ужгород ещё продолжалось. Эта линия должна была соединить Советский Союз с европейской газовой системой, имевшей своё окончание во Франции, ФРГ и Италии.

Для Кремля этот проект можно было охарактеризовать как перспективный и чрезвычайно важный, ведь его ежегодный доход от продажи газа составлял 32 млрд. долл. Цена на газ была весьма привлекательной: Москва предложила

---

[199] NSDD 24. Mission to certain European countries concerning oil and gas equipment exports to USSR and restricting credits to Soviet bloc countries. February 9, 1982 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/index.html.

[200] NSDD 41. Sanctions on oil and gas equipment exports to USSR. June 22, 1982 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/index.html.

[201] NSDD 66. East–West relations and Poland related sanctions. November 29, 1982 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-066.htm.

[202] NSDD 75. US relations with the USSR. January 17, 1983 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-075.htm.

беспрецедентные условия – фиксированные цены на 25 лет. Взамен советское правительство рассчитывало на участие западных банков в финансировании закупок оборудования, а также самого строительства при пониженных процентных ставках, гарантированных их правительствами.[203] Вместе с тем, западноевропейские компании предложили продажу высококачественного оборудования за будущие поставки газа. Очевидно, что перспективы расширения сотрудничества СССР с Западной Европой противоречили планам США, поскольку они отражали стремление европейцев к «самостоятельному диалогу с Востоком». Соответственно, для Вашингтона максимальное подорожание и задержка строительства представляли важную задачу, на реализацию которой были направлены значительные силы.[204]

В качестве инструмента влияния на страны Запада был использован Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ). Это международное агентство, кроме Соединённых Штатов, включавшее в себя ещё 16 стран Запада, было создано в 1949 году для многостороннего контроля над экспортом в Советский Союз.[205] Участники организации разработали и реализовали стратегию «контролируемого технологического отставания», которая предусматривала заключение реестров стратегических товаров и технологий, которые не подлежали экспорту в страны Восточной Европы, а также установление ограничений по использованию товаров и технологий, разрешённых для поставок в качестве исключения.

На специальной встрече КОКОМ американцы объявили пакет экономических мер, направленных против СССР. Во-первых, это запрет на продажу Москве стратегических технологий, включая компьютеры, электронное оборудование, полупроводники и технологию металлургических процессов. Кроме того, предполагалось ограничение строительства западными компаниями

---

[203] Савченко П. В. Эволюция внешней торговли России и СССР (1911–1991 гг.) / Павел Владимирович Савченко // Национальная экономика / Под ред. Савченко П. В. – М.: Экономистъ, 2005. – 813 с. – С. 711.

[204] Сайчук М. Адміністрація президента США Р. Рейгана і газопровід Західний Сибір – Європа / Микола Сайчук // Вісник КНУ імені Тараса Шевченка: Історія. – Вип. 94–95. – 2008. – С. 51–58.

[205] Military technology and conventional weapons export controls: the Wassenaar Arrangement. CRS report for Congress. September 29, 2006 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/sgp/crs/weapons/RS20517.pdf.

промышленных предприятий на территории участников Варшавского договора. Во-вторых, Соединённые Штаты выдвинули предложение передачи на рассмотрение КОКОМ всех контрактов с социалистическими странами на сумму свыше 100 млн. долл. – во избежание возможной передачи секретных технологий. Как следствие, такое положение вещей давало Вашингтону право вето на все европейские торговые соглашения с Москвой. Третье предложение касалось создания строго секретного списка технологий и товаров, подпадающих под эмбарго. Подобные предложения противоречили интересам многих западноевропейских стран, поэтому попытки Вашингтона заставить их пойти нужным себе путём не увенчались успехом. Экономический шантаж США встретил сопротивление министров иностранных дел стран «Общего рынка»: европейцы заявили, что действия Вашингтона «противоречат международному праву» и что они не намерены им подчиняться. При этом правительства Франции, ФРГ, Великобритании и Италии подчеркнули, что не собираются отказываться от взаимовыгодного сотрудничества с СССР. Итак, на встрече «семёрки» в Версале (Франция) американские представители приложили максимум усилий, чтобы склонить на свою сторону главных союзников, но не встретили с их стороны понимания по этому вопросу. Интенсивное давление США на дочерние фирмы своих транснациональных корпораций, действующих на территории западноевропейских стран с целью их отказа от торговли с Советским Союзом, также потерпело фиаско. В ответ на это, Соединённые Штаты запретили зарубежным фирмам, производившим оборудование по американским лицензиям, торговать с СССР и поставили их перед перспективой введения санкций. Впрочем, встретив сопротивление, Вашингтон был вынужден объявить об отмене эмбарго в отношении западноевропейских компаний.[206]

Вместе с тем, часть зарубежных стран Соединённым Штатам всё же удалось склонить на свою сторону, и в течение первого президентского срока Рейгана технологическая блокада СССР достигла своего пика. Кампания по ограничению

[206] Cain F. Economic statecraft during the Cold War: European responses to the US trade embargo (Cold War history) / Frank Coin. – London: Routledge, 2012. – 240 p. – P. 34.

торговли (основной движущей силой которой выступал Пентагон) совпала с беспрецедентным для мирного времени наращиванием военной мощи США. В этих условиях линия на максимальное затруднение доступа Советского Союза к западным рынкам под предлогом борьбы с утеканием наукоёмких товаров вписывалась в американскую «большую стратегию», в рамках которой экономические отношения с СССР рассматривались как продолжение военного соперничества.[207]

Впрочем, Союз ССР был и оставался одним из наиболее развитых научно-технических государств мира, поэтому арсенал средств хозяйственного давления на него включал и прямой промышленный саботаж. В частности, Томас Рид (бывший секретарь по делам военно-воздушных сил СНБ) свидетельствует в своих мемуарах о том, что Президент одобрил специальный план по саботажу советской экономики, который предусматривал поступление в СССР технологий с заложенными скрытыми недостатками. Предусматривалась поставка фальшивых или частично фальшивых данных и информации, заставлявших советских специалистов принимать неверные решения, а значит, усиливать недостатки собственной экономики. Координировалась эта программа через различные каналы, по которым запускались неполные и ошибочные данные. Некоторые фиктивные предприятия за рубежом продавали советским агентам неправильную информацию, такую как устройство газовых турбин, технология бурения нефти, компьютерные схемы, химические составы. Программа дала быстрые результаты – например, многочисленные убытки были зафиксированы на советских предприятиях химической и машиностроительной отраслей, использовавших западные технологии. Через посредников, в Советский Союз поставлялись (будто в обход санкций), бракованные комплектующие к газовым турбинам, повреждённые детали компьютеров и другое оборудование.[208] Серьёзные акции по дезинформации проводились и Пентагоном. Прежде всего,

---

[207] US–USSR commercial relations issues in East–West trade / Ed. by Hardt J. P., Boone J. F. – Washington, D.C.: Congressional Research Service, 1986. – 19 p.

[208] Бокарев Ю. П. Технологическая война в системе «холодной войны» // СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е / Юрий Павлович Бокарев. – М.: Наука, 2007. – 381 с. – С. 215.

это касалось технологии термолокации, радаров и тактических самолётов.[209] В качестве наиболее успешного примера действий ЦРУ можно привести описанное Ридом попадание к советской стороне компьютерной программы, которая впоследствии спровоцировала сбои и мощный взрыв на газопроводе Сибири летом 1982 года. «Физических жертв при взрыве газопровода не было, однако советской экономике был нанесён значительный ущерб. В конечном итоге, банкротство, а не кровавые битвы или обмены ядерными взрывами привели к завершению Холодной войны. Со временем, Советы пришли к пониманию, что они получали подставные технологии, однако что они могли сделать? Мы понимали, что нужно заразить каждую клетку советского Левиафана. Они никак не смогли бы выяснить, какое оборудование было исправным, а какое – с начинкой. Под подозрение подпадало всё, что и было конечной целью всей этой операции».[210] Рид отмечает, что подрыв газопровода был лишь одним из примеров «хладнокровной экономической войны» против СССР, которую вело ЦРУ под руководством У. Кейси. Саботаж на газопроводе не разглашался, а в течение длительного времени держался в строгой тайне.[211] Вспоминает он и о других диверсиях, организованных американскими спецслужбами.

По причине комплекса очерченных факторов, СССР был вынужден отказаться от строительства второй ветки трубопровода для транспортировки природного газа в Западную Европу, и это ежегодно лишало государство выручки в размере 7–8 млрд. долл. В то же время, потерянный в результате спровоцированного падения цен на нефть на мировом рынке доход составлял 5–6 млрд. долл. в год. Кроме того, стоимость ведения «контрповстанческих операций» советскими войсками против обученных и вооружённых администрацией Рейгана моджахедов в Афганистане достигала 8 млрд. долл. в год.

Кроме того, военные расходы в ответ на новый виток гонки вооружений и программу «звёздных войн» США росли на 15–20 млрд. долл. ежегодно. Отметим, что перечень и суммарная цена советских потерь в результате действий

---

[209] Швейцер П. – Указ. соч. – С. 202–203.
[210] Reed T. C. At the abyss: an insider's history of the Cold War / Thomas C. Reed. – N.-Y.: Ballantine Books, 2004. – 368 p. – P. 65.
[211] Богатырёв А. На нефтяных дрожжах / А. Богатырёв // Азия и Африка сегодня. – № 1. – 1992. – С. 51–58.

Соединённых Штатов не исчерпываются даже этими данными, но их достаточно, чтобы реально представить масштабы экономической войны, которая велась против Советского Союза.

В совокупности с геостратегической и экономической борьбой политиков, продолжалась деятельность «рыцарей плаща и кинжала». По данным, приведённым генерал-майором КГБ В. Широниным, в 1980-е годы ЦРУ осуществляло программу глубоких прикрытий. Для этого было сформировано ядро разведчиков, которые не поддерживали контактов с резидентурой американского посольства, а группами по 4–5 человек замыкались вокруг своего руководителя. По данным КГБ, общая численность сотрудников ЦРУ, которые находились под «глубоким прикрытием» в СССР (по состоянию на середину 1980-х годов) составляла около трёх тысяч человек. Примерно 99% из них использовали неофициальное прикрытие, т.е. действовали под видом сотрудников различных коммерческих и промышленных фирм, предприятий, благотворительных обществ, международных и религиозных общин, студентов.[212] На эти группы американское правительство возлагало следующие задачи: собирать «индикаторную» информацию о Советском Союзе; оценивать и прогнозировать вероятное развитие ситуации и вырабатывать предложения относительно влияния на внутриполитические события; обеспечить проникновение в ведущие государственные учреждения, окружение чиновников, законодательные и общественные организации путём «выращивания и продвижения во властные структуры своих агентов влияния». Директива Президента США NSDD-75 предусматривала финансирование подготовки агентов влияния во многих странах мира, но прежде всего – в СССР. В 1983–1984 годах предусматривалось выделение 85 млн. долл. для подготовки будущих руководящих кадров и создания прозападных политических партий и профсоюзов в государствах социалистического содружества.

[212] Широнин В. С. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплёка перестройки / Вячеслав Сергеевич Широнин. – М.: Палея, 1996. – 400 с. – С. 60.

Указанные формы воздействия на советское руководство усиливались действием и т.наз. «мягкой силы». Русский философ И. Панарин не без основания назвал Холодную войну «первой мировой информационно-психологической войной», поскольку идеологическая сфера, в совокупности с гонкой ядерных и обычных вооружений, являла собой ключевое поле противостояния двух сверхдержав.[213] Учредительной программой информационной политики Соединённых Штатов в отношении Советского Союза выступила доктрина А. Даллеса, которая содержала общие принципы борьбы путём идеологического разложения населения.[*] Информационная война против СССР была начата уже в первые послевоенные годы, однако на качественно новый уровень она вышла именно в период рейгановской администрации. Выступая в британском парламенте в 1981 году, американский Президент заявил, что «результат борьбы, развернувшейся в мире, будет зависеть не от количества бомб и ракет, а от победы или поражения стремлений и идей».[214]

Сравнивая внешнеполитический потенциал двух сверхдержав, следует отметить, что при сохранении паритета в области ракетно-ядерных вооружений, превосходство США в информационной сфере было огромным. Обеспечивалось это доминирование, в частности, контролем над 75% мирового потока телевизионных программ, 50% демонстрационного времени кинофильмов и 90% телевизионных новостей (после того, как в 1980 году появилась CNN).[215]

Анализируя информационное противоборство двух государств, следует подчеркнуть, что СМИ являются сутью американской культуры и одним из основных инструментов её распространения. Телевизионное вещание западных каналов на медиапространстве Центрально-Восточной Европы началось только в конце 1980-х годов, и до того момента наиболее доступным методом воздействия

---

[213] Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР / Игорь Николаевич Панарин. – СПб.: Питер, 2010. – 256 с. – С. 7.

[*] Наиболее точно о доктрине Даллеса высказался историк и социолог, директор Центра русских исследований А. И. Фурсов: «Она не существует, но действует». Детальнее: Хлобустов О. М. Фальшивка ли план Даллеса? / Олег Максимович Хлобустов // Обозреватель. – № 1. – 2006. – С. 105–109.

[214] Reagan R. Address to members of the British parliament. June 8, 1982 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=42614&st=&st1=.

[215] Paddock A. Psychological operations in the early 1980's: the way we were / Alfred H. Paddock, Jr. // Special Warfare. – Vol. 6. – October 1993. – P. 29–33.

на сознание жителей СССР оставалось радио. По состоянию на начало того десятилетия, в Советском Союзе было около 20 миллионов приёмников, способных улавливать зарубежное вещание. По разным оценкам, радио слушали до 40 миллионов человек, поэтому администрацией Рейгана на этот вид СМИ было обращено максимальное внимание. Упоминавшаяся нами выше директива NSDD-77 («Руководство общественной дипломатией, связанной с целями национальной безопасности»), подписанная Рейганом в январе 1983 года, кроме всего прочего, предусматривала организацию и проведение широкого круга информационно-культурных мероприятий, координацию общественной, информационной и политической деятельности администрации США, а также работы теле- и радиовещания. Произошла оптимизация координации действий интеллектуальных центров с Советом национальной безопасности в области ведения информационной борьбы.[216] В 1983 году этими центрами был разработан проект «Демократия», в рамках которого был создан штаб при СНБ по психологическому воздействию на советскую общественность – посредством эмигрантских центров, организации прямого телевизионного вещания из Америки через спутники и с помощью американских посольств в социалистических странах, путём поддержки оппозиционных партий и профсоюзов.[217]

Важным шагом Рейгана на этом пути была реорганизация ЮСИА (Информационного агентства Соединённых Штатов) и назначение нового руководства. К. Роуэн (первый председатель этого органа, который был создан в 1953 году) определил роль информации во внешнеполитическом механизме следующим образом: «Мы являемся четвёртым измерением (четвёртой властью) во внешней политике, что означает добавление к дипломатическим, военным и экономическим инструментам информационного, психологического или пропагандистского оружия». Новым директором стал близкий друг Рейгана

---

[216] Волковский Н. Л. 80-е годы: основной компонент «стратегии национальной безопасности» // История информационных войн: в 2 ч. – Ч. 2 / Николай Лукьянович Волковский. – СПб.: Полигон, 2003. – 729 с. – С. 466.

[217] Детальнее: Ашин Г. К. Вторжение без оружия: идеологическая борьба в современном мире и буржуазная «массовая культура» / Геннадий Константинович Ашин. – М.: Советская Россия, 1985. – 160 с. – С. 88–91.

Ч. Уик, который руководил ЮСИА до 1989 года.[218] Он разделял мнение Президента о Советском Союзе как об «империи зла» и настаивал на необходимости наращивания контрпропаганды, для чего была начата масштабная программа, получившая в среде американских специалистов название «психополитической войны». С помощью проекта, официально известного под названием «Публичная дипломатия и развитие демократии», планировалось оказание воздействия на другие народы по воплощению в жизнь американских установок по их «демократизации». Эта программа была нацелена на укрепление «антикоммунистических сил» в других государствах, на развитие у них «стремления к свободе вместе с национализмом».[219]

В этом контексте, созданная в конце 1970-х радиостанция «Свобода» была поставлена под прямой контроль ЦРУ, которое с тех пор осуществляло подбор её сотрудников. В круг задач студии входила поддержка нонконформистских политических и общественных деятелей СССР, которым была предоставлена возможность выступать в эфире. На волнах радиостанции звучали их литературные произведения, философские эссе, мемуары, часто устраивались круглые столы и диспуты на культурные и политические темы.[220] Один из отделов учреждения (департамент «спецпроектов») отправлял в Советский Союз провокационную литературу; кроме того, в его компетенцию входила вербовка граждан социалистических стран, находившихся в зарубежных командировках и путешествиях. Негласным девизом студии было высказывание одного из её руководителей, который отметил, что «совсем необязательно формировать для советской молодёжи конкретные позитивные лозунги Запада, вполне достаточно вызвать у неё раздражение окружающей действительностью».[221]

---

[218] Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США / Георгий Юрьевич Филимонов. – М.: РУДН, 2010. – 212 с. – С. 66.

[219] Public diplomacy and democracy promotion [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://publicdiplomacy.wikia.com/wiki/Public_diplomacy.

[220] Подробнее: Кодин Е. В. Гарвардский проект / Евгений Владимирович Кодин. – М.: Росспэн, 2003. – 207 с.; Медведев А. П. Гарвардский проект: полвека спустя / А. П. Медведев // Приложение «Российской газеты» «Союз. Беларусь–Россия». – № 35 (135). – 2003. – С. 3–9.

[221] Родионов И. Как убивали СССР: «5-я колонна» – отнюдь не миф... / Игорь Родионов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1258648560.

Ради достижения поставленной цели, «Свобода» использовала запрещённые приёмы, часто откровенно фальсифицируя информацию, которая подавалась в эфир. В частности, историк и журналист Г. Н. Вачназде приводит примеры методов, которые активно использовались журналистами этой студии, прежде всего – фабрикации репортажей.[222] На любые замечания относительно неправомерности такой деятельности, руководители «Свободы» публично уверяли, что её деятельность не направлена на свержение социалистического строя, а имеет целью лишь помощь правительству, содействие его совершенствованию и укреплению взаимопонимания между народами.

Впрочем, среди иностранных радиостанций наибольшее влияние на советского слушателя производил всё же «Голос Америки», персонал «Русской службы» которой набирался в основном из числа советских эмигрантов. Согласно американским исследованиям, по сравнению с другими «голосами», еженедельная аудитория станции на территории СССР была наиболее значительной и достигала 30 миллионов слушателей.

Характеризуя западное радиовещание, следует указать на его бóльшую информативность по сравнению с неоперативными и закрытыми советскими СМИ, что давало первому значительные преимущества. О массе событий советские граждане впервые узнали именно из западного радио. Также оно выступало в качестве определённого культурного центра, с помощью которого советские слушатели получали возможность знакомиться с образцами западной культуры. В этом смысле, культовой фигурой того времени стал Сева Новгородцев, ведущий популярной музыкальной программы «Рок-посевы», выходившей в полночь по пятницам и повторявшейся по субботам. Выпуски продолжались 30 минут и знакомили слушателей со свежими западными хитами, а также включали рассказы о музыкальных коллективах и исполнителях.[223]

Определённые аскетические стандарты советского искусства и закрытость государственной системы СССР, который небезосновательно пытался отделиться

---

[222] Вачнадзе Г. Н. Идеологические диверсии империализма / Георгий Николаевич Вачнадзе. – М.: Педагогика, 1981. – 120 с. – С. 47.

[223] Дунаева Е. Радиодиверсия провалилась. «Вражеские голоса» прекращают эфирное вещание и уходят в Сеть / Елена Дунаева [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lenta.ru/articles/2011/06/20/radio.

от внешних информационных потоков, в разы повышали интерес слушателей к западным радиопередачам. Учитывая роль культуры как формирующего сознание фактора, эффект от подобных познавательных программ был огромным и такие передачи выполняли роль полноценного информационного оружия. Реакция советского правительства на трансляцию западных радиостанций была вполне адекватной: они почти сразу были признаны непосредственной угрозой государственной безопасности, а потому подавлялись т.наз. «глушилками» – специальными устройствами, которые создавали неприятный электронный шум.

По отношению к ряду зарубежных станций применялось советское идеологическое клише – «вражеские голоса». Однако, генераторы шума имели небольшой радиус действия, следовательно, в некоторых местах, особенно в сельской местности, радиовещание не испытывало препятствий. Также, пользуясь особенностью работы генераторов, перестававших работать, не находя волну, стандартным приёмом по избежанию действия «глушилок» были эфирные паузы. С целью информирования как можно большего количества слушателей, важнейшие русскоязычные программы повторялись трижды в неделю. Глушение западного вещания прекратилось лишь 21 января 1987 года, и «Радио Свобода» была последней радиостанцией, вещанию которой создавались препятствия.[224]

Вместе с радио, гораздо более скромное место в системе антисоветской информационной борьбы отводилось печатным изданиям. Хотя агентство и публиковало 8 журналов и несколько коммерческих бюллетеней на 18 языках, тиражи их были небольшими. Приоритетное значение традиционно отдавалось журналам: «Америка», выходившем на русском языке тиражом более 50 тыс. экземпляров и «Проблемы коммунизма», публиковавшемся на английском и испанском языках. Первое издание было призвано «размывать» у читателей негативный образ Америки, второе – предупредить все страны мира об «угрозе коммунизма» и выработать единую стратегию и тактику действий против него.

[224] Родионов И. Как убивали СССР: «5-я колонна» – отнюдь не миф... / Игорь Родионов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1258648560.

Аксиоматично, что путь к победе лежит через влияние образа, а не через философский диспут, поэтому настоящую революцию в массовом досуге вызвало появление в СССР в середине 1980-х годов видеомагнитофонов. Голливудская продукция демонстрировалась в домашних условиях и в подпольных кинотеатрах, оказавшимися окном в ранее закрытый западный мир. По сравнению с упомянутым выше аскетизмом, присущим советскому общественному строю, роскошь и раскованность, направленные на бесконечное потребление, порождали неосознанное восхищение Соединёнными Штатами, которые стали своеобразным эталоном «счастливой жизни».

Идеалы добра, свободы, справедливости, честности, взаимопомощи опосредованно искажались и заменялись культами секса, насилия, неполноценности собственного государства и народа, преимущества Запада. Демонстрируемые на экране бытовые предметы (которые имели более яркий и оригинальный дизайн) представляли второстепенную, иногда даже не связанную с сюжетом информацию, однако оказывали ощутимое подсознательное влияние на аудиторию. Таким образом, у советского человека постепенно формировалось представление о безграничном благосостоянии Запада, вместе с этим приобретались и принимались западные социальные стандарты.[225] Значительная часть советского населения стала грезить понятиями западного образа жизни, «американской мечты», моды и манер поведения. Произошло это благодаря эффективной официальной, а главное неофициальной, культурной политике Соединённых Штатов с помощью, прежде всего, голливудского кинематографа, а также всей индустрии досуга. Представление о США постепенно менялось, причём исключительно с положительной точки зрения.

Указанная политика вызывала разочарование советского населения, особенно молодёжи, в своей идеологии и рациональности существующей системы. Вместе с пропагандой яркого и лёгкого американского образа жизни, это способствовало формированию в СССР нонконформистских движений различной направленности. Феномен «пятой колонны» играет исключительную роль в

[225] Панарин И. Н. – Указ. соч. – С. 147.

любых общественных беспорядках, революциях и, особенно, в психологически-информационных войнах, поскольку наличие противников системы внутри неё самой – прямой путь к её постепенной ликвидации.[226] Вне сомнений, прежде чем поражение той или иной стороны проявится в явных формах военной или геополитической неудачи, её основы закладываются в духовной сфере. Итак, эпоха 1980-х годов отличалась тем, что тонкие духовные технологии разложения противника (деморализация и подкуп элит, опустошение пантеонов и дискредитация принципов и святынь) применялись системно и целенаправленно. Запад перманентно поддерживал и финансировал любые пагубные для социалистической системы идеи и их носителей. В Советском Союзе ядром диссидентского движения выступала, прежде всего, «творческая молодёжь» и космополитические круги интеллигенции.[227] Использование данных слоёв было удачным ходом, поскольку к их мнению, по умолчанию, прислушивалась большая часть населения (пассивного и управляемого), которое приветствовало либерализацию государства и вследствие этого, фактически не оказывало сопротивления дальнейшей его дезинтеграции.

Отвечая на вопросы, поставленные в начале параграфа, отметим, что цели первого кабинета Рейгана в отношении Москвы, по сравнению с предыдущими администрациями, претерпели определённые изменения и теперь сводились не только к смещению союзников СССР с социалистического пути развития, но и трансформации этого строя внутри него самого, свидетельством чего была радикализация публичной риторики. Корректив также претерпела тактика реализации этой задачи, которая сводилась к таким направлениям:

- в военно-политической сфере – прекращение диалога по сохранению мира и контроля над стратегическими силами, усиление гонки вооружений, провокации и дестабилизация ситуации в приграничных с СССР республиках;
- в экономическом секторе – полное прекращение хозяйственного сотрудничества с приобщением к эмбарго максимально широкого круга

[226] Лисичкин В. А. Война после войны: информационная оккупация продолжается / Владимир Александрович Лисичкин, Леонид Александрович Шелепин. – М.: Алгоритм, 2005. – 416 с. – С. 20.
[227] Почепцов Г. Г. Информационные войны / Георгий Георгиевич Почепцов. – К.: Ваклер, 2000. – 528 с. – С. 268.

государств и формирование международной конъюнктуры, направленной на сужение доходной части советского бюджета;

- в идеологической области – расшатывание нравственных устоев советского населения и подрыв авторитета власти методами «мягкой силы».

Детальный анализ причин начала «перестройки» и дезинтеграции мировой социалистической системы в круг задач данного исследования не входит, однако, по нашему мнению, наибольший эффект имело именно последнее из указанных направлений политики США. Согласимся с признанным немецким теоретиком и историком, генерал-майором прусской армии Карлом фон Клаузевицем, который считал, что «победа в войне достигается тогда, когда противник уверен в поражении».[228] Развитие событий середины 1980-х годов показало, что в отношении СССР эта цель была достигнута именно путём информационного воздействия.

4. Новая концептуалистика американо-советских отношений во время «перестройки» (1985–1989)

«Перемен невозможно избежать» – эти слова, сказанные Бенджамином Дизраэли[229] в XIX веке, для второй половины 80-х годов XX-го оказались особенно актуальными, поскольку именно в этот период произошло ослабление Советского Союза и его уход с исторической арены. Исходя из этого, нашей задачей в рамках данного параграфа является анализ политики США в отношении СССР с учётом новой ситуации, сложившейся в последнем.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что противоборствующие стороны – Советский Союз и Соединённые Штаты по уровню военно-политической и экономической мощи сохраняли относительный паритет, однако внутренняя жизнь в обеих странах развивалась в разных направлениях: в СССР –

---

[228] Головко В. Аспекты информационной войны «арабской весны» / Владимир Головко // Волонтёр. – № 1. – 2013. – С. 55.

[229] Benjamin Disraeli quotes [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.thecoachingpartnership.com/quotes.htm.

либеральном, в США – неоконсервативном. Вопреки тому, что эффект от принятого в контексте «рейганомики» пакета мер был весьма незначительным, рядовые американцы выражали доверие своему лидеру и тому курсу, который он проводил на внутренней и внешней арене.

Итак, в результате выборов 1984 года Белый дом не изменил своего владельца: Рейган одержал полную победу над демократом Уолтером Мондейлом, выиграв в 49 штатах, повторив, таким образом, ошеломительный успех Никсона на выборах 1972 года.[230] По состоянию на тот момент, геополитические позиции СССР и США были примерно равными, их экономики переживали застойные явления, однако американские высшие должностные лица, в отличие от советских коллег, были настроены на продолжение жёсткой и неуступчивой линии, направленной на реализацию национальных интересов. Об этом Рейганом было заявлено в ходе второй инаугурации, состоявшейся 21 января 1985 года. В его риторике доминировали милитаристские лозунги, о том, в частности, что армия Соединённых Штатов вооружена лучшей техникой в мире, а её моральный дух высок.

По мнению Президента, Америка – это одновременно и наиболее сильная, и наиболее миролюбивая страна в современной истории, однако ради своей и чужой свободы она не будет ограничивать себя в выборе средств. Он подчеркнул, что вооружённые силы нужны не для развязывания войны, а для укрепления мира, одновременно инкриминируя Москве подавление демократии в Польше и Афганистане, а также оккупацию значительных территорий по всему миру.[231] Продолжив наибольшее усиление военного потенциала в мирные времена, Рейган был убеждён, что укрепление обороны было ключевым моментом в восстановлении уважения к США на международной арене. Законопроект о бюджете страны предусматривал дальнейший рост военных расходов. Зато советская элита подобного единодушия относительно взглядов на будущее не имела. Борьба за выбор дальнейшего пути развития государства между

[230] Leuchtenburg W. The 1984 election in historical perspective / William Edward Leuchtenburg. – Waco: Markham Press Fund of Baylor University Press, 1986. – 43 p. – P. 5.
[231] Reagan R. Inaugural address. January 21, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38688&st=&st1=.

консерваторами и либералами развернулась ещё в момент пребывания во главе государства К. У. Черненко. Не углубляясь в детали их дискуссии, отметим лишь, что лагерь первых возглавлял первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов, вторых – руководитель ставропольской партийной организации, профессиональный агроном Михаил Горбачёв. Победили реформаторские силы, что означало радикальный пересмотр основ внутренней и внешней политики. В условиях сохранения за океаном консервативных сил, продолжавших бескомпромиссную борьбу с «империей зла», «смена коней на переправе» могла означать только самоликвидацию.[232]

Череда похорон советских глав и приход к власти энергичного и относительно молодого Горбачёва вызвали в США неоднозначную реакцию. На пресс-конференции, созванной 11 марта 1985 года – в день его избрания Генеральным секретарём ЦК КПСС, Рейган заявил, что «крайне сложно предсказать что бы то ни было» относительно нового советского руководителя.[233] Месяц спустя между американским Президентом и послом в СССР А. Хартманом, приехавшим в Вашингтон для консультаций, в Белом доме состоялось специальное совещание. В ходе разговора у Рейгана сложилось впечатление, что новый глава ничего нового по своей сути не представляет, всецело предан традиционным коммунистическим целям и «будет не менее жёстким, чем любой из их вождей».[234] Аналогичным образом высказывалась тогда и американская пресса. «Безусловно, что пока в начальный период правления господина Горбачёва старейшина русской дипломатии Андрей Громыко будет управлять в Кремле внешней политикой, а сам господин Горбачёв имеет небольшой опыт в делах огромного военно-промышленного сектора страны, почти невозможно выражать какие-либо суждения о дальнейших направлениях его политики», –

---

[232] Грачёв А. С. Горбачёв. Человек, который хотел, как лучше… / Андрей Серафимович Грачёв. – М.: Вагриус, 2001. – 496 с. – С. 110.

[233] Reagan R. Remarks and a question-and-answer session with regional editors and broadcasters. March 11, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38306&st=&st1=.

[234] Мэтлок Д. Ф. Рейган и Горбачёв: как окончилась «холодная война»… и все выиграли / Джек Фост Мэтлок (мл.). – М.: Р. Валент, 2005. – 328 с. – С. 126.

писал советолог Марк Улиг.[235] Если обобщить характеристику Горбачёва зарубежными СМИ, то получится следующая картина: во главе партии стал 54-летний политик, который пышет здоровьем, выгодно отличаясь от больных и престарелых членов Политбюро ЦК КПСС того времени, которых не без ехидства называли «кремлёвскими старцами». Его партийно-комсомольская карьера началась после смерти Сталина, а в состав высшего руководства государства этот провинциальный аппаратчик вошёл в эпоху Брежнева, однако в высших кругах советской партийной элиты, которая фактически не обновлялась, он оставался новичком. Горбачёв любил подолгу и витиевато говорить на публике, следовательно, судя по этой риторике было сложно сделать вывод о его истинных убеждениях. Тем не менее, в западной прессе высказывалось мнение, что по психологическим характеристикам Горбачёв вряд ли отличался от своих сверстников, которые успешно прошли школу комсомольской бюрократии и сумели выйти на вершины партийной власти. По мнению американских аналитиков, отличительными чертами поведения и стиля работы большинства этих людей были лицемерие и цинизм, беспринципность и безграничная демагогия, презрение к массе, пренебрежение к правде, за которой скрывалась идеологическая пустота – неверие в коммунистические идеалы.

Все вышеуказанные качества, и особенно неравнодушие к знакам внимания, подаркам и лести, были замечены экспертами, проектировавшими внешнюю политику западных государств, и использованы для «приручения» как Горбачёва, так и его супруги, которая оказывала на мужа большое влияние. Западные лидеры довольно быстро почувствовали, что на Горбачёва можно легко давить, не уступая при этом своими принципами и интересами. Маргарет Тэтчер, британская «железная леди», назвала его «парнем, с которым можно иметь дело».[236]

Впрочем, даже после устранения из состава кремлёвского руководства наиболее опытных и квалифицированных деятелей (прежде всего, А. А. Громыко

[235] Grasping at the whirlwinds of change: transitional leadership in comparative perspective. The case studies of Mikhail Gorbachev and F. W. de Klerk [Электронный ресурс] // Documents & Resources. – Режим доступа к документу: http://www.docstoc.com/docs/55902680/Grasping-at-the-whirlwinds-of-change.

[236] Thatcher M. TV interview for BBC. December 17, 1984 [Электронный ресурс] // The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. – Режим доступа к документу: http://www.margaretthatcher.org/document/105592.

– с должности Министра иностранных дел), Белый дом продолжал позиционировать Кремль как стратегического соперника и исторического врага. Влиятельные американские аналитики и политические эксперты, как и ранее, рассматривали внутреннее бытие с точки зрения противоборства между Москвой и Вашингтоном за мировое доминирование. Именно в таком ключе анализировал международную ситуацию З. Бжезинский. Он акцентировал внимание на необходимости для США продолжения противостояния «советским атакам» в разных частях мира и поддержания своей военной мощи.[237] В русле эскалации Холодной войны для Государственного департамента ним был подготовлен специальный доклад о методах борьбы против «красной угрозы», названный «План игры. Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР». Автор документа не ограничился констатацией слабых мест противника и освещением тенденций последних лет, но предлагал свой план как руководство к действию, в основу которого легло изучение опыта русской истории. Опираясь на данные о сокращении процента русских в общей численности советского населения, Бжезинский отмечал ослабление их позиций среди других народов и поэтому рекомендовал сделать ставку на организацию разжигания враждебности по отношению к ним. Автор предлагал резко увеличить финансирование управляемого ЦРУ националистического подполья в советских союзных республиках, и как результат этого, усилить центробежные тенденции. «Децентрализовать империю – значит вызвать её распад... любая значительная децентрализация – даже исключительно в экономической сфере – усилит потенциальные сепаратистские настроения среди граждан Советского Союза нерусской национальности. Экономическая децентрализация будет неизбежно означать политическую децентрализацию... Реальные конфликты, – планировал Бжезинский, – в первую очередь должны взорваться в прибалтийских республиках… и особенно на Кавказе и среднеазиатских республиках».[238] В заявлении, сделанном группе репортёров и редакторов газеты «Вашингтон

[237] Brzezinski Z. Game plan: a geostrategic framework for the conduct of the US–Soviet contest / Zbigniew Kazimierz Brzezinski. – Boston: The Atlantic Monthly Press, 1986. – 288 p.

[238] Цит. по: Широнин В. С. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплёка перестройки / Вячеслав Сергеевич Широнин. – М.: Палея, 1996. – 400 с. – С. 87–88.

таймс», Бжезинский предрекал: «В следующие 20–30 лет центром национальных и этнических конфликтов в мире будет Советский Союз. Национализм там станет живой динамической силой. Советы не смогут вернуть под контроль проблему своих национальностей. Их система находится на грани смертельного кризиса».[239] Бжезинский не указал конкретных территорий и этносов, но прогноз его оказался настолько точным, что уже через полтора года на витринах книжных магазинов появился его бестселлер «Грандиозный провал: рождение и гибель коммунизма в XX веке».[240] Характерно то, что этот аналитик в большинстве случаев на шаг-два опережал события, – подобно архитектору, который представляет своё творение завершённым в тот момент, когда оно ещё в строительных лесах.

Отметим, что в послевоенном СССР противоречий на межэтнической почве фактически не было, однако в тех районах, где существовал конфликтный потенциал, они могли появиться; катализатором могли послужить падение авторитета центральной власти и общее ухудшение социально-экономической ситуации. Итак, в течение второй президентской каденции Рейгана экономическое давление продолжало быть одним из центральных направлений борьбы против Страны Советов. Это подтверждает П. Швейцер: «Запрет в отношении экспорта технологий советскому блоку оставался практически неизменным до самого развала Советского Союза в 1991 году. Низкие цены на энергоносители и уменьшение доходов в твёрдой валюте пугают Москву и по сей день... Параметры гонки сверхдержав в области стратегии и ресурсов, установленные в начале срока полномочий Рейгана, не изменились и до самого развала СССР».[241]

Важную роль в экономическом истощении Советского Союза второй половины 1980-х годов продолжало играть сотрудничество США с Саудовской Аравией. Это королевство, которое давало более 10% мировых поставок нефти и 40% всей продукции ОПЕК, было единственной страной, способной напрямую влиять на стоимость энергоносителей. Американо-саудовский проект по

[239] Помпеев Ю. А. Карабахский дневник / Юрий Александрович Помпеев. – М.: Канон, 2010. – 416 с. – С. 21–22.
[240] Brzezinski Z. The grand failure: the birth and death of communism in the twentieth century / Zbigniew Kazimierz Brzezinski. – N.-Y.: Charles Scribner's Sons, 1989. – 278 p.
[241] Швейцер П. – Указ. соч. – С. 298.

снижению цены на нефть начал готовиться сразу после принятия упомянутой директивы NSDD-75. И вот, в августе 1985 года, как писали западные журналисты, «в сердце советской экономики был вогнан нож – Саудовская Аравия открыла шлюзы и залила мировой рынок нефтью».[242] К середине 1980-х годов ежегодная добыча саудовской нефти в среднем составляла 2 млн. баррелей. Летом 1985 года она выросла почти до 6 млн., осенью – до 9 млн. баррелей, а в начале 1986 года саудиты добывали 10 млн. баррелей в год. Для советского хозяйственного комплекса подобное положение вещей означало катастрофу. Мировые цены на это сырьё начали стремительно падать, и если в ноябре 1985 года стоимость нефти-сырца составляла 27–30 долл. за баррель, то уже через пять месяцев – всего 10–12 долл. СССР, таким образом, терял 10 млрд. долл. ежегодно, т.е. почти половину всех валютных поступлений от экспорта. Рейган, который «...надеялся разорить Советов», в значительной степени, достиг своей цели: если в 1985 году дефицит советского бюджета составил 18,3 млрд. руб., то в 1987 году этот показатель достиг 69,2 млрд.[243]

При таких обстоятельствах, политическое руководство советского государства было вынуждено удвоить продажу золота и увеличить импорт кредитов. Со своей стороны, американские экономисты подготовили ещё один удар – обесценили доллар. Вследствие этой операции Москва теряла ещё около двух млрд. долл. ежегодно. При этом, для США снижение цен на углеводороды означало колоссальное экономическое преимущество: уменьшение стоимости с 27–30 до 10–12 долл. за баррель сократило американские расходы на энергию на 71,5 млрд. ежегодно. Это означало прибавку к доходам американских потребителей на уровне одного процента существующего роста национального дохода.[244]

Таким образом, экономическая война против СССР начала приносить результаты именно в начале правления Горбачёва – кредиты, твёрдая валюта и технологии с Запада почти не поступали. Принципиально важное для советского

---

[242] Богатырёв А. – Указ. соч. – С. 36–37.
[243] Консолидированный бюджет СССР и России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/Ve/1995/95-7illarionov/95-7illarionov020.htm.
[244] Лоран Э. Нефть: ложь, тайны, махинации / Эрик Лоран. – М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007. – 432 с. – С. 204–206.

бюджета строительство сибирского газопровода продолжалось, однако сроки его окончания были отодвинуты. Срыв его запуска оказался для Москвы серьёзным ударом: по осуществлённым в 1980 году расчётам, Уренгойское месторождение должно было приносить от 8 до 10 млрд. долл. ежегодно, а начиная с 1985 года – от 15 до 30 млрд. долл. (в зависимости от цен на энергоносители), с момента введения в эксплуатацию второй очереди. Однако из-за действий Вашингтона, вторая ветка трубопровода так и не была построена, к тому же Советский Союз уже потерял от 15 до 20 млрд. долл. из-за срыва сроков эксплуатации первой очереди.

Снижение стоимости нефти и газа (цена которого привязана к «чёрному золоту») было отмечено для СССР ещё одним «неприятным сюрпризом» – неплатёжеспособными оказались основные покупатели советского оружия. Для Кремля военная техника была второй по значению после энергоносителей статьёй экспорта и шла, в основном, в страны Ближнего Востока, обогащавшиеся за счёт нефти. Продажа советской техники странам этого региона во время нефтяного бума 1970-х годов выросла в пять раз. Однако наиболее богатые и стабильные покупатели оружия в результате обвала цен на энергоносители сами оказались в чрезвычайно сложной ситуации. Доходы от продажи нефти в таких странах, как Иран, Ирак и Ливия снизились в первой половине 1986 года почти наполовину. Как следствие, в том же году снизился и объём продаж оружия в среднем на 20%, или 2 млрд. долл.[245]

Доходная часть советского бюджета сужалась ещё в большей степени учитывая то, что «ядерная гонка» продолжалась, требуя значительного финансирования. В этой связи, особенно удачным шагом неоконсерваторов было продолжение разработки Стратегической оборонной инициативы. Хотя реализация этой программы, с технической точки зрения, как уже говорилось, была маловероятна, однако была действенной с позиций психологического давления на советское руководство. Теоретическое завершение данного проекта

[245] Пономарёва Е. Г. Торговля оружием и борьба за мировую гегемонию / Е. Г. Пономарёва // Фонд стратегической культуры [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://www.fondsk.ru/article.php?id=2699.

могло свести на нет преимущество СССР в межконтинентальных ракетах наземного базирования, что значительно ослабило бы советские позиции на мировой арене.

Итак, гонка вооружений ставила Кремль в непростое положение, которое осложнялось ещё в большей степени из-за обязательств по поддержке союзников, самым проблемным среди которых оставался Афганистан. Советское руководство начало поиск путей выхода из тупика, пытаясь расширить социально-политическую базу союзного правительства внутри этой республики. В мае 1986 года под влиянием Москвы глава афганского государства Бабрак Кармаль передал свою должность Мохаммеду Наджибу, руководившего ранее одной из афганских спецслужб. Кандидатура была одобрена старейшинами племён и духовенством, следовательно, новый лидер попытался нивелировать реформы в социалистическом духе. Стране был возвращён традиционный вид: в школах снова разрешили преподавать основы ислама, возобновилось строительство мечетей, на телевидении появились религиозные программы, были введены ограниченная многопартийность и свобода печати; Демократическая Республика Афганистан переименована в Республику Афганистан, а сам Наджиб сменил фамилию в исламском стиле – Наджибулла.[246] Однако главной задачей оставалось примирение с оппозицией. В январе 1987 года афганское правительство объявило об одностороннем прекращении боевых действий и предложило начать переговоры, зато оппозиция это предложение отвергла, заявив, что вступит в диалог с правительством только после вывода 40-й армии. Более того, под угрозу была поставлена безопасность даже собственно советских территорий: с 1985 года специально подготовленные группировки моджахедов проводили в Средней Азии диверсии, используя высокотехнологичные взрывные устройства ЦРУ и китайские пусковые установки, с помощью которых повреждали объекты инфраструктуры.[247]

---

[246] Коргун В. Г. История Афганистана. XX век / Виктор Григорьевич Коргун. – М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2004. – 528 с. – С. 391–396.

[247] Schweizer P. Reagan’s war: the epic story of his forty year struggle and final triumph over communism / Peter Schweizer. – N.-Y.: Doubleday, 2002. – 339 p. – P. 234–235.

Другим следствием участия СССР в афганских событиях был подрыв единства советского общества. К середине 1980-х годов это участие обрело высокую непопулярность и вызывало страх, провоцируя стремление молодёжи призывного возраста во что бы то ни стало уклониться от службы в армии. Значительные материальные затраты на содержание 80-тысячного контингента и жертвы из его числа вызывали внутри Советского Союза глухие протесты – не только широких слоёв населения, но и части партийной и армейской элиты.[*] В то же время, поддержка сил афганского сопротивления со стороны администрации Рейгана продолжалась, и не была прекращена даже после развёртывания скандала «Ирангейт», связанного с нарушением эмбарго против Тегерана и продажей ему оружия в обход санкций для финансирования никарагуанских повстанцев-контрас.[248]

Кроме конфликта в Афганистане, внимание советского правительства было приковано и к ситуации в Польше, на которую также давил «американский фактор»: в пятую годовщину образования «Солидарности» Рейган выступил со специальным заявлением, в котором обещал продолжить поддержку прозападной оппозиции.[249] Варшава продолжала быть приоритетом американской внешней политики как один из локальных фронтов глобальной Холодной войны. Задачи относительно СССР, которые реализовывались посредством «польского вопроса», заключались в его материальном и психологическом истощении и дискредитации в глазах мирового сообщества. Стратегия Вашингтона в отношении Варшавы заключалась в стимуляции оппозиционного движения, в перспективе – его приведении к власти, проведении либерально-демократических реформ и выводе страны из Варшавского договора. Тактика сводилась к продолжению

[*] Следует подчеркнуть, что действия советских офицеров в отношении своих солдат и гражданского населения отличались высоким профессионализмом и бережливостью. Достаточно сказать, что за подобный временной период и при подобной интенсивности боёв на несравненно меньшей территории Вьетнама, вооружённые силы США потеряли более 50 тысяч военнослужащих (вместе с теми, кто покончил жизнь самоубийством эта цифра достигает 60 тысяч). Зато потери 40-й армии составили менее 15 тысяч человек (вместе с пленными, около трети из которых были возвращены). Детальнее: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование / Под ред. Кривошеева Г. Ф. – М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2001. – 608 с. – С. 537.

[248] Agreements on Afghanistan // Historic documents of 1987. – Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc., 1988. – P. 257–267.

[249] Reagan R. Statement on the fifth anniversary of the Solidarity movement in Poland. August 31, 1985 [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1985/83185b.htm.

информационного воздействия путём оживления деятельности антиправительственных телерадиосетей, что осуществлялось вместе с экономическими (торговое эмбарго и финансовое давление), военно-политическими (проведение учений в смежном регионе) и дипломатическими (создание максимально широкой коалиции государств, поддерживающих польскую оппозицию) акциями США. Не изменила ситуацию даже амнистия, объявленная «Солидарности» – её лидер Лех Валенса обещал «продолжать борьбу до полной победы». Активная роль ЦРУ и посредничество Ватикана в эскалации польского кризиса были очевидными, однако возможность противодействия им была ограниченной.[250] В конечном счёте, политика Соединённых Штатов оказала нужный её разработчикам эффект: продолжив своё существование, «Солидарность» смогла заставить официальную власть сесть за стол переговоров и делать шаги на выход из социалистического содружества.[251]

Учитывая недостаток внутренних ресурсов (прежде всего, моральных) для решения этих проблем, партийное руководство СССР установило смягчение конфронтации с Западом в качестве одной из главных внешнеполитических задач. Горбачёв стремился сократить военные расходы для направления средств на хозяйственные нужды, поэтому в повестку дня дипломатических кругов был внесён вопрос проведения в одной из нейтральных стран советско-американской встречи на высшем уровне и возобновления диалога по стратегическим вопросам, прерванного в 1983 году. Отметим, что советская сторона выдвигала инициативы возобновления переговоров и до прихода к власти младореформаторов – в течение всего 1984 года. При этом, руководители СССР (Громыко, Андропов, Черненко) стремились к возвращению «разрядки», хотя и сомневались в возможности добиться этого при Рейгане. В этом контексте примечательным является то, что концу 1984 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью, где приводились данные о том, сколько каждый из послевоенных американских президентов приложил усилий для нормализации отношений с Советским

[250] Лыкошина Л. С. «Солидарность»: легенда 80-х и реальность / Лариса Семёновна Лыкошина [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://urokiistorii.ru/польша/1254.
[251] Busch A. Ronald Reagan and the defeat of the Soviet empire / Andrew E. Busch // The Cold War. – Vol. 2. – N.-Y.: Routledge, 2001. – 532 p. – P. 410.

Союзом. Была приведена таблица конкретных переговоров и соглашений, заключённых обеими сторонами в целях предупреждения опасности глобальной войны. В графе перед именем действующего на тот момент хозяина Белого дома стоял красноречивый прочерк.[252]

Учитывая это, перед выборами Рейган пытался несколько нивелировать имидж «поджигателя войны», который он стяжал в период своей первой каденции. Поэтому, он был вынужден принять советские предложения о встрече на уровне министров, которыми должен быть определён комплекс вопросов относительно ядерных вооружений, которые, в свою очередь, должны были быть вынесены на предстоящий саммит глав государств. Кроме того, американские аналитики пришли к выводу о том, что «советский лидер имеет сильную мотивацию стремления к соглашению с Соединёнными Штатами с целью ослабить гонку вооружений, поскольку военные расходы ложатся огромным бременем на ограниченные экономические ресурсы России».[253] Итак, встреча Министра иностранных дел Громыко и Госсекретаря Шульца, состоявшаяся 7–8 января 1985 года в Женеве, явила собой определённый прорыв.[254] Однако, команда Горбачёва–Шеварднадзе обозначенные планы превзошла: подчинённый им МИД заявил о дальнейшем невмешательстве в дела стран НАТО по размещению американских ракет на их территории, что западноевропейскими союзниками США было встречено с облегчением. Другим беспрецедентным шагом Кремля было подписание с МАГАТЭ соглашения об установлении международного контроля над некоторыми реакторами советских атомных электростанций.

Первая встреча американского Президента и советского Генерального секретаря состоялась в ноябре 1985 года в Женеве, ознаменовав начало серии американо-советских саммитов, которые с небольшими интервалами проводились в течение последующих лет. Советское руководство считало, что время работает

---

[252] Бурсов А. В. Лоббисты катастрофы (О военно-промышленном комплексе США) / Анатолий Владимирович Бурсов, Алексей Иванович Подберёзкин. – М.: Московский рабочий, 1987. – 128 с. – С. 32.

[253] Wise advice from American business for the President at the summit // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S32219.

[254] Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно / Анатолий Фёдорович Добрынин. – М.: Автор, 1996. – 688 с. – С. 592–593.

против него, потому торопило переговорный процесс, особенностью которого стал отказ от практики предварительных проработок соглашений на уровне военных экспертов, в предыдущие десятилетия продолжавшихся в течение нескольких лет. Такая позиция указывала на согласие Кремля подчинить военно-технические вопросы целям временной выгоды. Примечательно, что в своих мемуарах Горбачёв назвал беседу двух лидеров диспутом «коммуниста № 1» с «империалистом № 1»,[255] однако, в одностороннем порядке проявил готовность сокращать стратегические наступательные вооружения. Уже тогда, в первые месяцы пребывания у власти, проявились такие черты его личной дипломатии, как податливость к внешнему давлению и неспособность контролировать свои эмоции.[256] В дальнейшем эти негативные качества усилились в ещё большей степени. По признанию Дж. Бейкера, в ходе переговоров Горбачёв предстал перед ним как «диссидент на вершине советской партийной иерархии», который, провозгласив демократию и гласность, представлял собой единственный в веке шанс для США одолеть «империю зла». При разработке своего курса, рейгановская администрация учитывала подчёркнуто миролюбивые заявления нового кремлёвского главы, положительное отношение к нему руководителей других участников НАТО, сдвиги в общественных настроениях внутри страны, как и факт рецессии и замедления темпов роста американской экономики. Вопреки всему, Рейган оставался верным своим антикоммунистическим убеждениям.

В первой половине своего второго президентского срока он не доверял Москве ни на йоту. Вместе с тем, определённые положительные моменты переговоры всё же принесли, в частности – заявление лидеров о невозможности победы в ядерной войне и декларирование отказа от стремления достичь военного превосходства.[257] Оказались возможными договорённости по ряду других вопросов: продолжение на регулярной основе обмена мнениями по региональным

[255] Горбачёв М. С. Жизнь и реформы: в 2 кн. – Кн. 2 / Михаил Сергеевич Горбачёв. – М.: Новости, 1995. – 656 с. – С. 14.
[256] Soviet diplomacy and negotiations behavior – 1977–1988: new tests for US diplomacy. – Vol. II. – Washington, D.C.: Committee on foreign affairs, 1988. – 876 p. – P. 314.
[257] Батюк В. И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы: дисс... канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Владимир Игоревич Батюк. – М., 2008. – 497 с. – С. 193.

проблемам, расширение программы двустороннего сотрудничества в области культуры, науки и техники. На этом основании в течение следующих нескольких лет сторонам удалось не только в полном объёме восстановить двусторонние режимы, сформированные в период «разрядки», но и создать новые. Однако важнейшим результатом женевской встречи в верхах было то, что именно тогда между двумя лидерами был «установлен мостик», и взаимное предложение посетить противоположную сторону было воспринято общественностью обоих государств как переломный момент конфронтации.[258]

Итак, диалог Москвы и Вашингтона формально был восстановлен. Политический эффект женевского саммита был ощутимым: ценой односторонних уступок, Советский Союз стал добиваться сотрудничества и доверия со стороны США. Прибегнуть к этому шагу руководство СССР заставили обстоятельства, в первую очередь, политического характера. Авторы «Системной истории международных отношений» отмечают, что в истории ранее уже бывали случаи, когда обеспечение мира в системе международных отношений вцелом противоречило интересам безопасности отдельных государств. Однако во второй половине 1980-х годов было важно, с одной стороны, предупредить мировую войну, с другой – обеспечить выживание Советского Союза. Этот вопрос решился в пользу глобальной стабильности: общий мир был сохранён, но оборотной стороной этого процесса оказалась дальнейшая децентрализация и ликвидация СССР.

Показателем этого выступала публичная сфера: следующий год начался со знакового события – 1 января 1986 года Горбачёв выступил с телеобращением к американскому народу, а Рейган – к советскому.[259]

Вместе с тем, эффектным и идеологически важным признаком налаживания советско-американского диалога была спортивная отрасль. Две летние Олимпиады – в 1980 году в Москве и 1984 году в Лос-Анджелесе – были взаимно проигнорированы. Это была самая низкая точка отношений двух государств, в

[258] Горбачёв М. С. Жизнь и реформы... – Кн. 2. – С. 17.
[259] Reagan R., Gorbachev M. New year's messages of President Reagan and Soviet General Secretary Gorbachev. January 1, 1986 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=36367&st=&st1=.

которых лозунги «О, Спорт – ты мир» и «Спорт – вне политики» вызывали лишь иронию. С учётом этого, начатое в рамках общего соглашения 1985 года сотрудничество Спортивной федерации СССР и Национального олимпийского комитета США имело весомое гуманитарное значение. Очень показательно, что выход из тупика Холодной войны начался с возвращением на спортивную арену советских и американских атлетов для совместных соревнований. Замысел проведения «Игр Доброй воли» заключался именно в том, чтобы организовать соревнования между спортсменами СССР и США. В 1985 году советская сторона выдвинула предложения, предусматривавшие проведение соревнований более чем в 20 видах спорта с участием до 50 делегаций. Итак, в следующем году замысел был реализован, и в ходе этого праздника мира выступили более 600 участников двух стран в 19 видах спорта. Тем не менее, вопреки потеплению мирового политического климата, в Америке голоса противников проведения «Игр Доброй воли» и участия в них США раздавались довольно громко. Тем более парадоксально, что согласно данным социологических опросов, отношение рядовых американцев к Советскому Союзу оставалось отрицательным. В 1985 году «благоприятно» и «очень благоприятно» к нему относились лишь 3% американцев. Такой же низкий рейтинг имели Иран (в 1979 году – 5%) и Ирак (в 1991 году – 3%). «Угрозу» со стороны СССР большинство американцев продолжали испытывать фактически до самого момента его распада. Так, в середине 1980-х годов опасность со стороны Советского Союза как «очень сильную» охарактеризовали 60% опрошенных, «минимальной» её считали в два раза меньше респондентов – 29%.[260] Так что не удивительно, что Рейган продолжал во внутренних воззваниях заявлять, что «угроза от советских войск, обычных и стратегических, от стремления СССР к мировому доминированию, от увеличения шпионской активности и поддержки государственного терроризма, остаётся высокой. Это реальность».[261]

---

[260] Рябцева Е. Е. Внешнеполитические предпочтения американской общественности (вторая половина XX века) / Елена Евгеньевна Рябцева. – Астрахань: Изд-во Астраханского социального института, 2001. – 223 с. – С. 202.

[261] Промежуточный финиш: первые оценки американских экспертов [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.moldova.ru/index.php?tabName=articles&owner=36&id=773.

Несмотря на это, Москва продолжала «раскручивать» гайки мировой конфронтации. В этой связи, в ходе XXVII съезда КПСС, который проходил в феврале–марте 1986 года, впервые со времён Хрущёва зазвучали реформаторские ноты. Как и ранее, партийная элита призывала западные государства принять тезис о недопустимости ядерного шантажа как политического средства; с другой стороны, международной обстановке давались новые оценки. Соединённым Штатам было предложено отказаться от попыток добиться силового превосходства над СССР, который также не стремился бы к преимуществу над ними. Эти идеи были воплощены в тезисе об «одинаковой безопасности», который, по словам Горбачёва, должен был вытеснить «одинаковую опасность», определявшую логику взаимозапугивания на базе доктрины взаимно гарантированного уничтожения. Кроме того, документы съезда были бедны на критику «мирового империализма» и рассуждения о росте опасности новой мировой войны, как это было характерно для всего послевоенного времени. Добившись от съезда одобрения своего генерального курса, команда Горбачёва–Шеварднадзе получила возможность действовать в сфере международных отношений более смело; настроения партийцев настраивали на режим диалога с Западом.[262]

Итак, отталкиваясь от решений съезда, младореформаторские круги советского правительства разработали систему взаимосвязанных тезисов, которые легли в основу того, что в прессе было окрещено «новым политическим мышлением». Из уст Генерального секретаря этот термин тогда не прозвучал, однако совокупность положений фактически представляла собой новую внешнеполитическую философию. Горбачёв говорил: «не надо ставить нереальные задачи соперничества со всеми противниками... мир – высшая ценность».[263] Содержание концепции определялось следующими принципами:

---

[262] Бобков Ф. Д. Андропов. КГБ отвечает за всё / Ф. Д. Бобков, В. А. Крючков, В. С. Широнин. – М.: Алгоритм, 2012. – 256 с. – С. 108.

[263] Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке / Карен Нерсесович Брутенц. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 656 с. – С.130–131.

- Приоритет «общечеловеческих ценностей» над государственными интересами; отказ от тезиса о господстве в международной политике классовых идеалов и национально-освободительной борьбы. По сути, это означало призыв к деидеологизации международных отношений и разрыву с традицией политического и силового противостояния Востока и Запада.
- Выживание человечества как главная цель правительств и международных организаций; вынесение в центр мировой политики проблемы обеспечения мира и предотвращения ядерного холокоста. Этот интерес провозглашался общим и объединяющим («синтезирующим») для всех стран мира, независимо от их общественного строя, идеологии и силы.

Из такого целеполагания вытекали важные установки для советской внешней политики:

- компромисс с США по вопросу сокращения стратегических вооружений;
- экономическое и политическое сближение с Западом, в том числе путём уступок в проблеме объединения Германии;
- сотрудничество с западноевропейскими странами в урегулировании региональных конфликтов в Азии, Африке и Латинской Америке;
- содействие реформированию политических режимов стран Центрально-Восточной Европы;
- приведение внутреннего законодательства и политической практики в области прав человека в соответствие международным стандартам.[264]

Анализируя положения XXVII съезда и тексты выступлений Генерального секретаря, американские политико-академические круги пришли к мнению, что «новое мышление» было следствием стремления советской стороны уменьшить расходы на противостояние с их государством. Объяснялось это успехом США в области работы над СОИ и их экономическим потенциалом. Это заключение было изложено в документе «Согласованная разведывательная оценка», в котором также приводился прогноз советского курса в отношении Соединённых Штатов

[264] Горбачёв М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / Михаил Сергеевич Горбачёв. – М.: Политиздат, 1988. – 271 с. – С. 19–21.

на ближайшие два года. Был сделан вывод, что «режим Горбачёва ставит целью воссоздать отношения с США по типу разрядки, чтобы уменьшить бремя соперничества в вооружениях и, соответственно, облегчить выполнение задачи экономического возрождения страны».[265] Учитывая это, Рейган мог требовать от своего советского коллеги всё новых уступок.

В вопросах разоружения риторика Горбачёва не расходилась с практикой, и на момент женевского саммита он демонтировал 540 стратегических носителей – почти втрое больше, чем американцы. Учитывая данные о кризисном состоянии советской экономики, Рейган по предложению Министра обороны К. Уайнбергера в конце мая 1986 года объявил о намерении отказаться от соблюдения договоренностей ОСВ-I и ОСВ-II. Соответственно, Горбачёв в своём личном послании Рейгану от 15 сентября 1986 года констатировал, что в отношении ключевых проблем разоружения, «никакого движения за почти год после Женевы нет», подчеркнув, что переговоры «ни к чему не приведут, если мы с вами не вмешаемся лично».[266] Неожиданно быстро Рейган дал согласие на встречу, предложив в качестве места для её проведения столицу Исландии.

Вскоре, 11–12 октября 1986 года Рейкьявик принял новый советско-американский саммит. Как и за год до того, инициатива вцелом была на стороне США, а переговорная позиция СССР продолжала мягчать: теперь Горбачёв согласился принять за основу предложенный Рейганом ещё в 1981 году «нулевой вариант», который предусматривал вывод советских ракет средней дальности из Европы при условии, что американцы выведут из Европы свои ракеты «Першинг-II» и крылатые ракеты; советская сторона также предлагала за два года сократить на 50% численность ракет дальнего радиуса действия. Оценивая общее соотношение ударных потенциалов СССР и США, Москва пошла на уступку, согласившись не относить к ним численность ядерных потенциалов Великобритании и Франции.[267] В ответ Соединённым Штатам предлагалось

---

[265] Цит. по: Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя (критический анализ): сборник статей / Под ред. Кувалдина В. Б. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 436 с. – С. 156.
[266] Shultz G. Turmoil and triumph: my years as Secretary of State / George P. Shultz. – N.-Y.: Scribner's, 1993. – 1184 p. – P. 679.
[267] Мэтлок Д. Ф. – Указ. соч. – С. 222–229.

подтвердить действенность договора по ПРО 1972 года, который накладывал ограничения на развёртывание противоракетных систем. Согласившись с Горбачёвым в этом вопросе, Рейган, тем самым, должен был отказаться от планов разработки системы СОИ, чего и добивалась советская сторона взамен уступок, на которые она была согласна. Однако Рейган слишком «дорожил» «звёздными войнами», поэтому оказался не готовым принять советский вариант. Рассмотрев его, американцы предложили в течение 10 лет уничтожить межконтинентальные ракеты как класс носителей, оставив на вооружении обоих государств только ракеты среднего радиуса действия и одновременно пойдя на создание систем ПРО, способных от таких ракет защищать. Москва взамен выдвинула идею ликвидировать за 10 лет ядерное оружие вообще, ограничив создание данных систем лабораторными испытаниями в течение этого десятилетнего периода. После некоторых колебаний Президент Рейган на этом месте решил прервать дискуссию, ответив на советское предложение экстравагантным с дипломатической точки зрения способом: он вышел из переговорной комнаты и больше в неё не вернулся.[268] Причина в том, что по мнению Рейгана, СОИ не могла быть предметом торга. Согласно его расчётам, эта программа должна была заставить руководителей СССР пересмотреть оценки способности советской экономической системы к соперничеству, и усилить мнение о необходимости окончательной её трансформации в рыночную сторону.[269] Сторонники СОИ настаивали на переориентации американского стратегического инвестирования, а иллюстрация относительных преимуществ в высоких технологиях должна была, по их мнению, убедить Москву в том, что Вашингтон опережает её на целое технологическое поколение, что сделало бы демонстрацию ею своей силы более умеренной.[270]

Итак, встреча в Рейкьявике не принесла конкретных результатов, однако дипломаты обеих стран вынесли из неё твёрдое убеждение, что советско-

[268] Системная история международных отношений (1918–2003): в 4 тт. – Т. 3: События 1945–2003 / Под ред. Богатурова А. Д. – М.: Научно-образовательный форум по междунар. отношениям, 2003. – 718 с. – С. 470.
[269] Garthoff R. The great transition: American-Soviet relations and the end of the Cold War / Raymond L. Garthoff. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1994. – 848 p. – P. 111.
[270] McFarlane R. Effective Strategic Policy / Robert Carl McFarlane // Foreign Affairs. – № 1. – Vol. 67. – 1988. – P. 40–41.

американский компромисс возможен, хотя условия для него на тот момент ещё не созрели.[271] Военные лидеры, впрочем, расценивали её как шаг на пути усиления конфронтации. Заявления советского лидера были восприняты американскими военными экспертами как «не имевшие большого значения с военной точки зрения, однако направленные на создание атмосферы оптимизма, чтобы заставить Америку перейти к психологической обороне».[272] В частности, руководство Пентагона не оставляло попыток так или иначе подорвать режим контроля над стратегическими наступательными вооружениями. 28 ноября 1986 года в боевой состав ВВС США был введён 131 тяжелый бомбардировщик Б-52, оснащённый крылатыми ракетами большой дальности. Тем самым, американская сторона перешла предусмотренный договором ОСВ-II суммарный лимит для стратегических носителей. «Решение увеличить арсенал своих стратегических средств, перечеркнуть договор ОСВ-II продиктованы ни чем иным, как стремлением Вашингтона сломать военный паритет между СССР и США, обеспечить себе военное превосходство» – говорилось в заявлении советского правительства от 5 декабря 1986 года.[273] Таким образом, можно констатировать, что при видимости потепления, отношения между Москвой и Вашингтоном в первые годы «перестройки» оставались напряжёнными.

Другим следствием встречи был отказ хозяина Овального кабинета от тотальной торговой войны против Советского Союза. Политика в этой сфере обрела более умеренный характер. Провозглашённый «новый подход» предусматривал, согласно заявлениям американских чиновников, создание «более конструктивных рабочих отношений» с Москвой, в том числе, посредством улучшения ситуации в торговле. Вашингтон с тех пор высказывался за увеличение торгового обмена т.наз. «нестратегическими товарами», преследуя две цели: во-первых, способствовать росту экспорта американских промышленных компаний, явно обеспокоенных почти полной потерей позиций на

---

[271] Дубинин Ю. В. Время перемен. Записки посла в США / Юрий Владимирович Дубинин. – М.: Авиарус-XXI, 2003. – 464 с. – С. 162–163.
[272] Bush G. A world transformed / George Herbert Walker Bush, Brent Scowcroft. – N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1998. – 590 p. – P. 13.
[273] Батюк В. И. – Указ. соч. – С. 204.

советском рынке, и, во-вторых, расширить материальную базу для политики «увязки». В Вашингтоне происходило перемещение акцента с вопроса о том, стоит ли торговать с СССР на вопрос о том, каким образом и в каких объёмах это делать. В декабре 1986 года состоялось десятое годовое собрание Американо-советского торгово-экономического совета и девятая сессия совместной Советско-американской комиссии по вопросам торговли. Эти меры продемонстрировали рост интереса деловых кругов к возможностям расширения хозяйственных связей с СССР. Председатель советской делегации Б. И. Аристов был принят представителями предприятий, которые высказывались за расширение взаимной торговли. На сессии комиссии американская сторона демонстрировала заинтересованность в развитии экономических отношений с Советским Союзом и увеличении их объёма в рамках действовавшего на тот момент законодательства. Американцы информировали, в частности, о решении продолжать работу по отмене эмбарго на импорт советского меха и снятия запрета на поставки в США никеля.[274] В ходе заседания была достигнута договорённость активизировать работу по выявлению и оказанию содействия практической реализации проектов, которые составляли взаимный интерес, в частности, в таких отраслях, как пищевая промышленность, производство строительного оборудования, обогащение железной руды, строительство углепроводов, производство ирригационного оборудования, химическая промышленность.

Впрочем, позиция Белого дома относительно полной нормализации условий двусторонних торгово-экономических связей на недискриминационной основе, как и ранее, оставалась неизменной. По-прежнему, вопросы взаимной торговли привязывались к проблемам, которые не имели к ней отношения. Характерной чертой политики Рейгана этого периода было продолжение кампании по запрету продажи в СССР тех видов передовой техники и технологий, которые, по мнению США, могли способствовать усилению его военного потенциала. Причём,

[274] Спандарьян В. Б. Советско-американские экономические отношения: прошлое, настоящее, будуще / Виктор Борисович Спандарьян // США: экономика, политика, идеология. – № 11. – 1987. – С. 46.

американская сторона сознательно пыталась придать этому списку весьма широкое толкование, включив в него продукцию и технологии гражданского назначения. Определённое стабилизирующее влияние на объёмы двусторонней торговли оказывали заключённые ещё в 1970-х годах долговременные соглашения с компаниями «Оксидентал петролеум» (о взаимных поставках химической продукции) и «Пепси К°» (о продаже в США советской водки в оплату закупок концентрата напитка «пепси-кола» и оборудования по его разливу). На долю поставок по этим сделкам приходилась почти треть двусторонней торговли несельскохозяйственными товарами.[275]

В ходе советско-американских переговоров, состоявшихся во время визита Госсекретаря Дж. Шульца в Москву в апреле 1987 года, среди прочих проблем оговаривались и перспективы торгово-экономического партнёрства. В тот момент на Советский Союз и Соединённые Штаты приходилось 45% мирового промышленного производства, их удельный вес в мировой торговле превышал 17%, по многим направлениям научно-технического прогресса они занимали ведущее место. Однако доля США во внешней торговле СССР составляла всего 1,3%, а во внешнеторговом обороте США доля СССР – и того меньше, причём абсолютные нормы советско-американской торговли имели тенденцию к снижению.[276]

В последний год пребывания Рейгана в Белом доме, экономические трудности, которые испытывал Кремль по обеспечению собственных граждан продуктами первой необходимости, уже стали вполне очевидными; советское правительство впервые признало наличие бюджетного дефицита. Всё это способствовало пересмотру американскими аналитиками курса и статуса СССР: политика его руководства больше не интерпретировались как «передышка» в гонке вооружений для улучшения внутренней ситуации и возвращения к глобальному противостоянию с Америкой. Новое объяснение причин

[275] Детальнее: Крисенко Д. С. Торговельна політика адміністрації Р. Рейгана щодо СРСР (1981–1989 рр.) / Дмитро Сергійович Крисенко // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України. – № 4. – 2012. – С. 93–97.

[276] Прокудин Е. В. Администрация Рейгана и торговля с СССР / Е. В. Прокудин // США: экономика, политика, идеология. – № 3. – 1986. – С. 23.

«перестройки», как и внешней политики Советского Союза, хорошо «читалось» в названии книги, предназначенной для широкого читателя – «Грядущий советский крах: отчаянные поиски Горбачёвым кредитов на западных финансовых рынках». Автор этой книги Дж. Шелтон (сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира) доказывала, что «наступающий советский крах» – это и есть как раз то, что Горбачёв стремится предупредить своей политикой «перестройки».[277]

В то время процесс «самосовершенствования» СССР уже не «шёл», а «разворачивался» и «углублялся»; вопросы демократизации стали занимать во внутриполитическом развитии государства всё более важное место. В контексте этого, в 1987 году состоялся Январский Пленум ЦК КПСС, на котором была одобрена радикализация курса преобразований в Советском Союзе. Именно тогда линия на «перестройку» и «гласность» во всех сферах советской действительности была провозглашена официально.[278]

Вскоре после завершения пленума советская сторона предложила Белому дому «распечатать пакет» переговоров по военным вопросам, выделив как наиболее дискуссионную проблему ракет среднего радиуса действия и крылатых ракет в самостоятельный блок. Исходя из этого, в ходе следующего раунда переговоров, состоявшихся между Рейганом и Горбачёвым во время его визита в Вашингтон 7 декабря 1987 года, успех американской стороны был более очевидным. Москва, со своей стороны, продолжала идти на односторонние уступки. Подписанный Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности предусматривал ликвидацию в течение трёх лет всех советских ракет наземного базирования с радиусом действия от 500 до 5500 км., – как в европейской, так и в азиатской частях территории СССР. При этом, Горбачёв отказался от требования увязки вопроса о ракетах с вопросом о СОИ. Предусмотренные меры верификации были абсолютно беспрецедентными: помимо обмена данными о ракетах, пусковых установках, вспомогательных вооружениях и оборудовании на

[277] Shelton J. The coming Soviet crash. Gorbachev’s desperate pursuit of credit in Western financial markets / Judy Shelton. – N.-Y.: The Free Press, 1989. – 246 p.
[278] Шевякин А. П. Как убили СССР. «Величайшая геополитическая катастрофа» / Александр Петрович Шевякин. – М.: Эксмо; Яуза, 2011. – 480 с. – С. 277–278.

каждом этапе их ликвидации, стороны должны были проводить инспекции в районах операционных баз.[279] После выполнения условий договора, в ФРГ осталось около 400 единиц американских ракет, которые, правда, не могли достигать территории Советского Союза, но были способны поражать цели на территории стран ОВД. Существенной уступкой со стороны Москвы было также фактическое согласие на то, что ограничению не подлежали крылатые ракеты морского базирования большой дальности, в которых США обладали преимуществом.

Хотя подписание договора о ракетах средней дальности свидетельствовало об отказе СССР от глобальных амбиций, отношение западных политиков к нему оставалось неоднозначным. В частности, Джеймс Бейкер, ставший позже Госсекретарём в администрации Буша-старшего, признался в книге воспоминаний, что в 1987 году он считал, что «стратегия Горбачёва базируется на стремлении раскола союза [НАТО] и выдавливании нас [США] из Западной Европы».[280] Зато Рейган в своём заявлении о советско-американских переговорах по разоружению, сделанном 16 ноября 1988 года, подчёркивал значимость достигнутого за последние годы прогресса. В наследство следующей президентской администрации оставался, по его словам, «надёжный фундамент для будущего строительства» и «решения задач, которые кажутся сложными».[281]

Действия американцев упрощались с учётом того, что в конце десятилетия социалистическое содружество уже не имело монолитности, характерной для предыдущих десятилетий: часть её элит (прежде всего, в странах с доминирующим католическим населением – Польши, Чехословакии и Венгрии) считала, что Советский Союз подчинил их своим интересам, заставив переориентировать на себя внешнеэкономические связи; безвалютные расчёты в рамках Совета экономической взаимопомощи расценивались ими как невыгодные

---

[279] Действующее международное право: в 3 тт. – Т. 2 / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: МНИМП, 1997. – 512 с. – С. 534–549.

[280] Baker J. The politics of diplomacy: revolution, war, and peace, 1989–1992 / James Addison Baker III, Thomas M. DeFrank. – N.-Y.: G. P. Putnam's Sons, 1995. – 687 p. – P. 442.

[281] Reagan R. Statement on the Soviet–United States arms control negotiations. November 16, 1988 PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=35169&st=&st1=.

и дискриминационные. В то же время, проблемой для американской администрации оставались те восточноевропейские страны, чьи лидеры не стремились следовать примеру Горбачёва и проводить либерализацию по советскому образцу. Речь идёт, прежде всего, о ГДР, Румынии и Болгарии, чьи лидеры, (соответственно, Эрих Хонеккер, Николае Чаушеску и Тодор Живков) демонстрировали преданность идеалам социализма; аналогичную позицию заняли и руководители Албании и Югославии, которые, впрочем, не были официальными участниками СЭВ. С учётом этого, в западных СМИ информация о данных республиках подавалась исключительно в негативном ключе, причём наиболее жёсткая позиция демонстрировалась относительно Белграда.[282]

Впрочем, ещё в большей степени реализация целей США облегчалась позицией самого советского руководства, в тот же период пришедшего к выводу о нецелесообразности продолжения финансирования ОВД и СЭВ. Когда в Москве открыто начали обсуждать вопрос эффективности сотрудничества в рамках этих организаций, на поверхность сразу же вышел факт многолетнего скрытого субсидирования Советским Союзом своих восточноевропейских партнёров. Согласно расчётам, за период 1970-х – 1980-х годов общая сумма выигрыша, полученного участниками СЭВ от торговли с СССР, достигла 196 млрд. долл., а в среднем на одного жителя – 1760 долл. (в ГДР – 3493, в БНР – 3486, в ЧССР – 2828, в ВНР – 1974, в ПНР – 1021, в СРР – 169).[283] Кремль рассчитал, что и в дальнейшем обеспечивать союзников нефтью и газом по ценам ниже мировых нецелесообразно, следовательно, было принято решение о переводе торговли энергоносителями со своими восточноевропейскими партнёрами на расчёты в свободно конвертируемой валюте и начале поэтапного перехода к договорам о поставках по объективным ценам.

Таким образом, экономический союз СССР с Центрально-Восточной Европой потерял смысл. Придя к выводу о «нерентабельности» сохранения зоны влияния в этом регионе, советское руководство перестало считать себя

[282] Картамышева С. Н. Восточная Европа в стратегических планах США (конец 80-х – начало 90-х гг.) / Светлана Николаевна Картамышева // Межвузовский сборник науч. работ. – Курск: КГПУ, 1999. – С. 82–98.
[283] Рожин Б. «Доктрина Горбачёва» и уход СССР из Восточной Европы / Борис Рожин [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://trueinform.ru/modules.php?name=News&username=colonelcassad.

ответственным за сохранение у власти социалистических правительств. Указанные страны должны были или реформироваться в соответствии с «моделью Горбачёва», или же должны были сами отвечать за своё будущее.

Американские СМИ, освещавшие изменения в восточном блоке, приписывали их исключительно Генеральному секретарю ЦК КПСС. После появления фотографии Горбачёва как «человека года» (подобно портрету Сталина) на декабрьской обложке журнала «Тайм» 1987 года, он стал восприниматься американским обывателем как едва ли не наиболее знаковая фигура советской и мировой истории.[284] Как следствие, в течение следующего, 1988 года популярность Горбачёва за пределами СССР достигла пика. В США и странах Западной Европы газеты писали о «феномене Горбачёва» и «горбимании». В то же время, стал очевидным тот факт, что одними призывами к «ускорению» изменить к лучшему социально-экономическую ситуацию в СССР не удаётся, а новой эффективной хозяйственной политики горбачёвская команда предложить так и не смогла. По оценкам ЦРУ, дефицит государственного бюджета Советского Союза вырос с 1985 по 1987 годы более чем в 4 раза, а к концу 1988 года – более чем в 5 раз и приблизился к 100 млрд. рублей. Именно в 1988 году был запущен механизм регионального сепаратизма и межнациональных конфликтов, который привёл к кровавым этническим чисткам и гражданским войнам, «параду суверенитетов» союзных республик, и в конечном итоге – к распаду государства.

Ещё одним шагом к сокращению роли СССР на мировой арене стала встреча советского и американского руководителей в Москве, которая проходила с 29 мая по 2 июня 1988 года. Кроме ратификации договора по ракетам средней и малой дальности, было подписано соглашение об урегулировании ситуации в Афганистане. В Москве Рейган заявил о своей вере в то, что Советы больше не «империя зла», и что «мы можем с оптимизмом смотреть в будущее».[285] Однако эти слова не следовало понимать как указание на изменение ориентации внешней

[284] Mikhail Gorbachev, Man of the Year // Time. – № 1. – Vol. 131. – 1988. – P. 1.
[285] Toasts of the President and General Secretary Gorbachev of the Soviet Union at the state dinner in Moscow. May 30, 1988 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=35895&st=&st1=.

политики американского государства, поскольку сороковой американский Президент вскоре должен быть покинуть должность, так что не имел реальной возможности повлиять на политику следующей администрации.

Относительно даты завершения Холодной войны в литературе существуют разные мнения, и в качестве одного из вариантов Дж. Мэтлоком указывается речь советского главы на сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке 8 декабря 1988 года, состоявшаяся в завершение президентства Рейгана. Обращаясь к мировому сообществу, Горбачёв произнес, возможно, самую противоречивую, с точки зрения государственных интересов, речь по вопросам международных отношений за всю свою политическую карьеру. Он публично отказался от принципа классовой борьбы как основы советской внешней политики, признал приоритетность «общечеловеческих ценностей», «глобальную взаимозависимость» и призвал конвертировать «экономику вооружений в экономику разоружения». Советский руководитель пригласил США к сотрудничеству в деле окончания Холодной войны путём прекращения гонки вооружений и к решению региональных конфликтов без применения силы или угрозы её применения. Одновременно Горбачёв сделал впечатляющее заявление об одностороннем сокращении численности советских сухопутных сил на 500 тыс. человек и выводе из Центрально-Восточной Европы 50 тыс. военнослужащих, а также 10 тыс. танков, 8500 артиллерийских систем и 800 боевых самолётов в ближайшие один-два года.[286]

Впрочем, М. Тэтчер «отпраздновала» окончание Холодной войны за три недели до выступления Горбачёва, – на следующий день после того, как посетила США и провела переговоры с Рейганом.[287] Итак, в январе 1989 года Президент выступил с посланием к нации, в ходе которого подвёл итоги своего правления. Рейган отчитывался о достигнутом успехе на переговорах с СССР и фактической победе в Афганистане. Говоря о политике США в мире, он подчёркивал, что

[286] М. С. Горбачёв в Нью-Йорке: 6–8 декабря 1988 года: документы и материалы / Под ред. Грибенко В. Я. – М.: Политиздат, 1988. – 29 с. – С. 20–21.
[287] Thatcher M. Press conference for Washington Post and Newsweek. November 17, 1988 [Электронный ресурс] // The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. – Режим доступа к документу: http://www.margaretthatcher.org/document/107390.

следует продолжать работать с теми правительствами и движениями, которые разделяют демократические ценности, поддерживать мир и стабильность, помогать дружественным нациям в обороне, способствуя росту их экономики, ориентированной на рынок. Кроме того, Рейган подчёркивал, что Соединённые Штаты должны продолжать распространять свои идеи в мире, чтобы помочь усилению демократических тенденций в авторитарных странах. Характеризуя оборону, он отметил, что силы государства модернизированы, а боевой дух воинов чрезвычайно высок. «Прочность и авторитет» Америки были восстановлены и, по словам Рейгана, победа демократии в масштабах всего мира была недалека.[288]

Завершая обзор американо-советских отношений периода второй половины 1980-х годов, отметим, что «перестройка» и «демократизация» Страны Советов, как и заявления её руководителей о преданности новому политическому мышлению не могли серьёзно повлиять на цели внешней политики Вашингтона, демонстрировавшего в советском вопросе твёрдость и последовательность. Главная задача американской внешней политики – дезинтеграция мировой социалистической системы была достигнута, однако Кремль продолжал рассматриваться в качестве угрозы интересам США. Несмотря на мягкую риторику и видимость восстановления торговли и культурного обмена, военное давление, экономическая и информационная война против СССР продолжались.

3 декабря 1989 года на острове Мальта в Средиземном море произошла встреча Горбачёва с новым Президентом Соединённых Штатов – Джорджем Гербертом Уокером Бушем, который в начале того года занял в Белом доме место Рейгана. Во время встречи окончание Холодной войны было признано теперь уже и советским руководителем.[289] Впрочем, факт её завершения, как и заявленная «победа обеих сторон» являются дискуссионными. Дальнейший ход событий, а именно, уменьшение численности населения постсоветских республик почти на 20 млн. чел., охватившая их экономическая, социальная и духовная деструкция,

[288] Reagan R. Farewell address to the nation. January 11, 1989 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29650&st=&st1=.
[289] Батюк В. И. Мальта–1989 / Владимир Игоревич Батюк // США и Канада: экономика, политика, культура. – № 12. – 2009. – С. 72–84.

свидетельствуют о том, что СССР и его правопреемница РФ (как и остальные участники СНГ) являются побеждённой стороной. В свою очередь, в Америке окончание Холодной войны было воспринято как безусловная победа Запада.

Р а з д е л I I .

СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ ЭКСТРАСОЦИЕТАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ США ОТНОСИТЕЛЬНО СССР

1. Циклы внешней политики США: преемственность и трансформация в условиях меняющегося мира

Размышляя над проблемами философии истории, американский писатель У. Фолкнер выразил мнение о том, что «...всё это – Сейчас. Вчера не закончится, пока не наступит Завтра, а Завтра началось десятки тысяч лет назад».[290] Учитывая это, реализация цели нашего исследования – выявление движущих сил политики Вашингтона в отношении Москвы может быть осуществлена только на основании освещения эволюции их отношений. Исходя из этого, задачей данного параграфа является установление и характеристика основных исторических этапов двусторонних отношений с момента появления Соединённых Штатов Америки в качестве политической данности до прихода к власти администрации Р. Рейгана. Любой вектор деятельности правительства на мировой арене не остаётся изолированным явлением, а является элементом общегосударственных процессов, поэтому выявление закономерностей и циклов внешней политики США также входит в круг задач параграфа.

Следует начать с того, что в правильно интерпретированном феномене времени укоренена центральная проблематика всей онтологии, учения о бытии. Характеристиками же времени являются линейность и цикличность, следовательно, развитие чего бы то ни было (как в природе, так и в обществе) проходит через определённые фазы, которые имеют свои закономерно-неравномерные циклы.[291] Понятие же цикла появилось в Античной Греции, где его понимали как движение по замкнутому кругу и периодическое возвращение к исходному пункту. Римский историк Полибий в 40-томной «Всеобщей истории» и китайский историк Сыма Цянь в «Исторических записках» рассматривали

[290] Faulkner W. Requiem for a Nun / William Cuthbert Faulkner. – N.-Y.: Vintage Books, 1975. – 245 p. – P. 5.

[291] Сапронов М. В. Цикличность исторического процесса: дисс... канд. ист. наук: 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» / Максим Викторович Сапронов. – Челябинск, 2003. – 207 с. – С. 4.

историю общества как круговорот и циклическое движение.[292] В начале нашей эры идею больших исторических циклов выдвинул арабский историк аль-Бируни; через два века его мысль развил Ибн Хальдун из Туниса.[293]

В эпоху Возрождения идею циклов в историческом процессе выразил французский историк Вико, именно в его время возникло понимание цикла как спирали, повторяющей похожие, но неодинаковые фазы в поступательном движении, имеющем волнообразно-прогрессивный характер. В эпоху Просвещения появился взгляд на взаимосвязь и непрерывное взаимодействие циклов, которые образуют сложный ритм и пульсацию человеческой истории.[294] В частности, немецкий философ и историк И. Гердер в конце XVIII века в своей работе «Идеи к философии истории человечества» подчеркнул генетические начала в истории, периодические перевороты между эпохами космического масштаба.[295] Полвека спустя К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали мысль о периодической смене общественно-экономических формаций как глубинной основе исторического прогресса. Следует вспомнить и о русском историке Н. Я. Данилевском, который в 1869 году разработал концепцию культурно-исторических типов локальных цивилизаций, которая нашла продолжение в опубликованной в 1918 году книге О. Шпенглера «Закат Европы». Кроме того, среди российских исследователей исторических циклов, видное место также занимают Л. Н. Гумилев и И. М. Дьяконов с его концепцией восьми фаз общеисторического процесса.[296] Тем не менее, наиболее полно учение о круговороте локальных цивилизаций трёх поколений и их циклическую динамику изложил английский историк А. Тойнби в 12-томном «Исследовании истории».[*] Кроме того, весомый вклад в анализ различных уровней циклов в истории

---

[292] Полибий. Всеобщая история / Полибий. – М.: Олма-Пресс Инвест, 2004. – 576 с.; Сыма Цянь. Исторические записки: в 9 тт. / Сыма Цянь. – М.: Наука, 1972–2010.

[293] Булгаков П. Г. Жизнь и труды Беруни / Павел Георгиевич Булгаков. – Ташкент: Фан, 1972. – 428 с.; Араби Б. Ибн-Хальдун – основоположник арабской социологии / Билал Араби // Социологические исследования. – № 11. – 1990. – С. 107–109.

[294] Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Юрий Владимирович Яковец. – М.: Наука, 1999. – 448 с. – С. 230–241, 252–261.

[295] Гердер Й. Идеи к философии истории человечества / Йоганн Готфрид Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.

[296] Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Лев Николаевич Гумилёв. – М.: Айрис-Пресс, 2013. – 560 с.; Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней / Игорь Михайлович Дьяконов. – М.: Восточная литература, 1994. – 382 с.

[*] Реферативная версия: Тойнби А. Постижение истории / Арнольд Джозеф Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 730 с.

общества внесла французская историческая школа «Анналов» во главе с М. Блоком, Л. Февром и выдающимся её представителем Ф. Броделем.[297] Их идеи общественной динамики имели популярность и были развиты американским футурологом Э. Тоффлером, который дал волнам человеческой истории названия аграрной, индустриальной и постиндустриальной.[298]

Однако наиболее полно идея цикличности используется в статистических методах экономической науки. В этой связи следует упомянуть Н. Д. Кондратьева, основоположника теории экономических циклов продолжительностью 40–60 лет.[299] Кроме того, внимание исследователей сосредоточено на корреляции больших циклов с циклами утопических учений и движений (М. Баркан, Е. Кизер, К. Драсс), динамике ценностных ориентаций (М. Вебер), цикличности избирательных кампаний (Д. Наменвирт), соотношении между экономическими циклами и внутри- или внешнеполитической ориентацией государства (Е. Кизер, Д. Холмс).[300]

Итак, циклические закономерности, которым подвергаются экономические и политические процессы всего мира, характерны и для США. В американском контексте, прежде всего, следует упомянуть об исследовании Дж. Ричлея, который выделил в политическом развитии Соединённых Штатов волны, определяющиеся их социально-экономическим положением: аграрная демократия (1796–1856); индустриальный национализм (1860–1928) и, наконец, либеральное государство всеобщего благосостояния, которое начало свой отсчёт в 1932 году с избранием Ф. Рузвельта на пост Президента.[301] Основой ритма с тех пор выступает воля большинства, приводящего в Белый дом людей, фокусирующих свою волю на проводимом политическом курсе. Впрочем, во внешней политике циклический ритм этого государства отличается от циклов политики внутренней.

---

[297] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – Т. 3 / Фернан Поль Ашиль Бродель. – М.: Прогресс, 1992. – 678 с.
[298] Тоффлер Э. Третья волна / Элвин Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
[299] Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики / Николай Дмитриевич Кондратьев. – М.: Экономика, 1989. – 523 с.
[300] Баркан Д. И. Международный менеджмент: организация и стратегия / Давид Иосифович Баркан. – СПб.: Питер, 2001. – 574 с.; Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения / Макс Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.; Namenwirth J. Dynamics of culture / J. Zvi Namenwirth, Robert Philip Weber. – L.: Unwin Hyman, 1987. – 288 p.
[301] Reichly A. J. That elusive political majority / A. J. Reichly // Fortune. – March 1971. – P. 69–151.

Эту идею убедительно и последовательно развил Артур Мейер Шлезингер на страницах своего труда «Циклы американской истории».[302] Данный автор опирается на исследования Г. Адамса, который отметил двенадцатилетний маятниковый ход в политической жизни Америки.[303] Оба исследователя рассматривали политические циклы с точки зрения внутренней политики государства. Анализируя приливы и отливы в национальной жизни, чередование тенденций к консерватизму и обновлению, фактор влияния смены поколений на политику страны, Шлезингер пришёл к выводу о наличии в политической истории США фаз продолжительностью примерно в 30 лет. Исследователь подчеркнул в этой связи большое значение того явления, которое в 1952 году впервые открыл Ф. Л. Клинберг, определив его как «историческую смену настроений в американской внешней политике». Он обнаружил периодические колебания от «экстраверсии» (готовности использовать прямое дипломатическое, военное или экономическое давление на другие нации для достижения политических целей) к «интроверсии» (сосредоточенности на внутренних проблемах американского общества).[304]

Характерно, что во внешней политике Соединённых Штатов две указанные тенденции достигли крайней степени выражения, о чём Шлезингер сожалеет: «И консерватизм и реформизм, выродились, доходя до крайностей». Прогноз, сделанный этим автором в 1949 году, оказался пророческим: «Уход от либерализма, который начался в 1947 году, должен прекратиться в 1962-м, возможно, на год-два раньше или позже. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что следующая консервативная эпоха наступит где-то около 1978».[305] Отметим и то, что авторы имеют разные мнения о хронологических границах американских внешнеполитических циклов. В частности, по Клинбергу, интровертные фазы имеют продолжительность в среднем по двадцать одному году, а экстравертные – по двадцать семь лет. Современный российский

[302] Шлезингер А. М. Циклы американской истории / Артур Мейер Шлезингер. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 688 с.
[303] Там же. – С. 41.
[304] Там же. – С. 47, 71.
[305] Schlesinger A. M. Path of the present / Arthur Meier Schlesinger. – N.-Y.: Macmillan, 1949. – 374 p. – P. 97.

исследователь В. Пантин проследил корреляцию циклов американской внешней политики за последние пару веков, обнаруженных Ф. Клинбергом, с повышающейся (экстравертность) и понижающейся (интровертность) волнами кондратьевских циклов, как это показано в таблице:[306]

Интровертные фазы циклов внешней политики	**Экстравертные фазы циклов внешней политики**
1776–1798	**1798–1824**
1824–1844	**1844–1871**
1871–1891	**1891–1918**
1918–1940	**1840–1960**
1960–1983	**1983–2009**
2009–2030	

Если сопоставить эти волны во внешней политике США с киндратьевськими волнами, то окажется, что они во многом коррелируют. «Интровертные» фазы американской внешней политики приходятся в основном на понижающиеся волны киндратьевських циклов, а «экстравертные» фазы – на повышающиеся. Эту интересную и многозначительную корреляцию, которую исследователи в основном обходят вниманием, можно трактовать как проявление цивилизационных особенностей Соединённых Штатов, поскольку для этого государства в силу его географического и геополитического положения характерно сочетание и противоборство двух противоположно направленных тенденций – изоляционизма и экспансионизма. При этом решающим стимулом для выбора ориентации в политической и общественной жизни «наружу» или «внутрь» выступает мировая рыночная конъюнктура. Если на мировом рынке она является благоприятной, то в американском обществе, обладающем богатыми ресурсами, преобладают настроения самодостаточности и экспансионизма, создающие благоприятную основу для распространения и навязывания другим странам собственного образа жизни. Если конъюнктура мирового рынка в целом

[306] Пантин В. И. Циклы и ритмы истории / Владимир Игоревич Пантин. – Рязань: Аракс, 1996. – 156 с.

неблагоприятна и нестабильна, то в американском обществе нарастает разочарование в международной экспансии и стремление сократить расходы, связанные с продвижением «американской модели», т.е. усиливается стремление решать, в первую очередь, свои внутренние экономические и социальные проблемы. Таким образом, вопреки распространенным стереотипам, североамериканская субцивилизация (по терминологии С. Хантингтона) не является ориентированной исключительно ни на экспансию, ни на изоляцию: обе тенденции реально сосуществуют, воплощаясь в волнах общественных настроений и внешней политики, сменяя друг друга.

Заметим, что выделенные выше «приливы» и «отливы» американской внешней политики в большей степени характерны для тактики, чем для стратегических средств реализации целей. Последние, как нами было показано во второй главе, выражая национальные интересы, остаются стабильными при любых обстоятельствах. Примером этого является «советский» («русский») вектор американской внешней политики, что отмечают в своих работах дипломаты обеих сторон: бывший советский посол в США А. Добрынин и американский Госсекретарь Г. Киссинджер.[307] В качестве «водоразделов» фаз в отношениях двух государств ними были указаны: 1917–1918 годы – отправная точка; 1933 год – признание Вашингтоном советского государства; вторая половина 1940-х годов – начало Холодной войны; 1962 – Карибский кризис, после которого в отношениях США и СССР следовала «оттепель», подолжавшаяся до начала афганского конфликта и совпавшая с концом президентства Картера; 1981 – начало работы администрации Рейгана, который придал внешней политике Соединённых Штатов экспансивный характер, несколько снивелированный на рубеже 1980-х – 1990-х годов. Если условно назвать одни периоды взаимоотношений умеренно-позитивными, а другие агрессивными, то рассмотренные во времени колебания напоминают движения маятника. Естественно, зигзаги внешней политики – это не колебания

[307] Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно / Анатолий Фёдорович Добрынин. – М.: Автор, 1996. – 688 с. – С. 27; Киссинджер Г. А. Дипломатия / Генри Альфред Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 849 с. – С. 269–270.

физического маятника, и её крайние точки не равноудаляются от центра. Если условно названная агрессивной политика отходила от центра довольно далеко, то умеренно-позитивная – лишь немного. Но если система уходила от центра слишком далеко влево, то создателей такой политики уничтожали – или физически (как Дж. Кеннеди), или морально-политически (как Р. Никсона).[308]

Как агрессивно-консервативный, так и позитивно-либеральный периоды американской внешней политики имели свои особенности. Первый характеризовался прекращением политических отношений с Москвой, военным противоборством или подготовкой к войне и гонкой вооружений; информационная политика в такие периоды носила подстрекательски-агрессивный характер, переходя в психологическую войну. Второй – это конструктивный диалог, который характеризовался активизацией экономических связей, попытками ограничить или сдержать гонку вооружений, мягкой пропагандой «американского образа жизни». Тенденция определялась не сразу, и новое направление определённое время преодолевало старую инерцию. Часто «новое» соседствовало с агонизирующим «старым»: победа союзников и проба «сил» Трумэна; операции на Кубе и становление новой политики Кеннеди; подписание договора ОСВ-II Картером и свёртывание советско-американских отношений; рейгановская «империя зла» и прорыв времён «перестройки». В каждой узловой точке можно видеть уходящую старую и новую, рождающуюся парадигму: разворачиваясь во времени, все волны идей и людей, то возникая, то прячась, уступают место новым. Вместе с тем, каждая «волна» (цикл) имела свои хронологические границы.[309]

Таким образом, в общих чертах, «маятниковый» ход политики Соединённых Штатов в отношении Советского Союза можно объяснить реакцией на неблагоприятные изменения окружающей среды – рост политического влияния и усиление присутствия СССР в «зонах жизненно важных интересов» США стимулировали негативизацию «имиджа» Кремля. Соответствующее сужение

[308] Чернов С. А. США: политика в отношении СССР (Циклы, волны, система) / Сергей Алексеевич Чернов. – М.: ФОН, 1997. – 260 с. – С. 142.
[309] Чернов С. А. Анализ политики США в отношении СССР: системно-циклический подход / Сергей Алексеевич Чернов // США и Канада: экономика, политика, культура. – № 6. – 2001. – С. 76–88.

поля деятельности Америки побуждало деятелей из Государственного департамента и Белого дома обращаться к опыту, накопленному в предыдущих теориях и доктринах, которые с соответствующим «совершенствованием» касательно обстоятельств ложились в основу новой концепции. В условиях ограниченности возможностей силового давления, на поверхность выталкиваются умеренные идеи.

2. Американо-советский конфликт в контексте исторического диалога «Восток–Запад»

Одной из задач гуманитарных наук является поиск ответа на вопрос о факторах, лежащих в основе поведения отдельного человека, влияющих на развитие обществ и цивилизаций, определяющих, в конечном счёте, ход самой истории. Вопрос отнюдь не праздный, ведь зная алгоритм глобальных процессов, протекающих в человеческом «общежитии», можно понять истинный смысл событий, которые происходят у нас на глазах, а значит, выработать адекватную линию поведения «на сейчас» и на обозримый отрезок времени. Более того, появится возможность с большой долей уверенности давать прогнозы, и, соответственно, рекомендации на средне- и долгосрочную перспективу. До нынешнего дня предложено множество «мотивационных схем» (т.е. комплексов причин и факторов), определяющих, по мнению их авторов, общее направление, содержание и темпы исторического прогресса (регресса, топтания на месте, сворачивания со столбовой дороги – в данном случае, конкретная характеристика действия, осуществляемая человечеством и его «отрядами», значения не имеет) и развитие международных отношений. Главный вопрос истории, относящийся к её смыслу и перспективам, касается примата Духа или Материи, следовательно, в общем плане «мотивационные схемы» также можно разделить на материалистические и идеалистические. Последние исходят из примата повелений Бога или предписаний религиозных взглядов, тех или иных светских идеологий или концепций; внутренних порывов человеческой натуры. В этом

контексте очевидно, что процесс восприятия народами друг друга базируется на их культурно-историческом опыте, продуктами которого являются определённые образы. Обеспечивая быстрое ориентирование личности в её непосредственном окружении, эти стереотипы одновременно превращаются в серьёзную преграду для формирования адекватного представления о другой стороне.[310] Во взаимоотношениях Москвы и Вашингтона одним из таких стереотипов является их взаимное восприятие как олицетворение Востока и Запада в рамках дихотомного сопоставления. Итак, в рамках данного параграфа попробуем рассмотреть системное противостояние указанных сторон с точки зрения социально-филофского подхода к проблеме «Восток–Запад».

Прежде всего, отметим, что «Восток–Запад» – укоренённая в сознании культурная контроверсия, выработанная для первоначальной типологии мировой культуры и обозначения поляризованности наборов смысловых систем; в более узком смысле это «дуализм», связанный со сложным ментальным комплексом «притяжений–отторжений».[311] Мировая история цивилизаций насчитывает несколько тысяч лет, и её неизменно сопровождает указанная «двуполушарность». Одним из факторов укрепления представления о делении мира на Восток и Запад была логика взаимоотношений западнохристианского мира с народами Азии, часто имевшая конфликтную окраску: различия в культурном плане перерастали в политическое и военное противостояние, в большинстве случаев продолжавшееся нескольких веков. Самым ярким примером являются конфликты христианских и исламских стран, в результате которых историческая память представителей обоих ареалов была глубоко травмирована. Как пишет К. Ясперс, «В разных модификациях изначальная полярность сохраняла свою жизненность на протяжении веков... Греки и персы, раздел Римской империи на Западную и Восточную, западное и восточное христианство, западный мир и ислам, Европа и Азия – таковы образы этого противоречия,

[310] Юнак А. Е. Диалог восток–запад как проблема философии культуры: автореф. дисс... канд. филос. наук: 09.00.13 «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры» / Анна Евгеньевна Юнак. – Р/н Дону, 2006. – 18 с. – С. 10.

[311] Мусина А. Б. Проблемы взаимодействия западной и восточной культуры // Глобализация как этап развития мирового сообщества. Материалы междунар. науч.-практ. конф. 25–26 сентября 2011 г. – Пенза–Сургут–Баку: Социосфера, 2011. – 154 с. – С. 40–41.

последовательно сменявшие друг друга...».[312] Отметим, что термины «Восток» и «Запад» используются в политической, философской и культурологической литературе не в качестве географических понятий, а для обозначения противоположных друг другу образов жизни. Если Запад характеризуется как свободолюбивый, реалистичный, логичный, активный и искусный в творчестве, то Восток противопоставлен ему как архаичный, субъективный, интуитивный, замкнутый, склонный к условностям, идеалистический, мистический и искушённый; часто в исторических исследованиях Восток или его часть освещались в духе застоя, рабства и нищеты.

Подобное деление оказалось устойчивым конструктом западной мысли, который интеграция мира в результате прогресса транспорта и коммуникаций разрушить не смогла. Сложившееся на рубеже XIX и XX веков превосходство Запада в технико-экономическом и военно-стратегическом отношениях породило в сознании определённого круга европейских интеллектуалов иллюзию «неполноценности» восточного мира, что дало им право силового приобщения «косного» Востока к благам цивилизации. В этот период отношения стран Запада и Востока носили одномерный характер: бедные и отсталые народы Азии смотрели в сторону Европы в поисках идей, моделей развития и руководства. Образно можно говорить о том, что людям Запада часто сложно смириться с существованием других сторон света. Поэтому неудивительно, что среди американцев и европейцев глубоко укоренилось убеждение, будто их миссия в Азии, т.е. на Востоке, заключается в цивилизировании, колонизации и вестернизации.[313] В 1940 году в одной из своих речей сенатор К. Уэрри из Небраски обещал, что «с божьей помощью мы будем улучшать и улучшать Шанхай – до тех пор, пока он не станет таким же, как Канзас-Сити».[314] Как система взглядов, «рейганизм» наиболее близок именно такой точке зрения о роли Америки в остальном мире.

---

[312] Ясперс К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с. – С. 115–116.
[313] Саїд Е. В. Орієнталізм / Едвард Ваді Саїд. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2001. – 511 с. – С. 437.
[314] Цит. по: Линник В. А. США: от Рейгана до Рейгана / Виктор Алексеевич Линник. – М.: Знание, 1985. – 64 с. – С. 15.

Интересную особенность взаимодействия культур Востока и Запада мы находим в философии Н. Бердяева. Проблему «Восток–Запад» он считал важнейшей в истории человечества, отправной точкой для тех, кто хочет понять мировую борьбу, рассматривая её через призму философии истории. «Проблема Востока и Запада, – писал Бердяев, – по сути, всегда была основной темой всемирной истории, её осью».[315] Среди характерных черт, которые отличают западные общества, исследователи приводят такие:

- Античное наследие, которое включает греческую философию и рационализм, римское право, латынь и христианство.
- Католицизм и протестантизм, являющиеся, несомненно, наиболее важным историческим фундаментом западной цивилизации. По мнению С. Ф. Хантингтона, народы западного христианства имеют хорошо развитое чувство единства и «осознавая свои отличия от турок, мавров, византийцев и других народов, ... шли завоёвывать мир ... не только во имя золота, но и во имя Бога».
- Генетически связанные с латынью европейские языки, объединённые в широкие категории романских и германских.
- Дуализм духовной и светской власти, отразившийся в более чётком, чем в остальном мире, разделении сфер религии и политики.
- Концепция центрального места закона в общественном бытии, лежащая в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности и отрицание деспотической власти.
- Социальный плюрализм, давший начало гражданскому обществу, предусматривающему право каждого участвовать в управлении, и политическим органам, призванным выражать интересы автономных групп общества. Данные органы обеспечили формы представительства, во время модернизации развившиеся в институты современной демократии.

[315] Бердяев Н. А. Судьба России (Опыт по психологии войны и национальности) / Николай Александрович Бердяев. – М.: Мысль. 1990. – 175 с. – С. 115.

- Индивидуалистическое мировоззрение, подчёркивающее первостепенное значение свободной личности, которая исповедует принцип «полагаться на самого себя». По мнению Хантингтона, именно индивидуализм остаётся главной отличительной чертой западных обществ.[316]

Приведённая выше характеристика не ставит своей целью полное перечисление отличительных черт западной цивилизации, однако именно такое уникальное сочетание придало Западу его современный вид. Эти практики и общественные институты стали факторами, которые позволили Соединённым Штатам занять ведущую роль в модернизации западного и всего остального мира. Без преувеличения можно сказать, что общественная и политическая система США – это символ Запада, логический результат его эволюции, стержнем которой было бурное экономическое и технологическое развитие, благодаря которому Америка превратилась в политического лидера и экономический локомотив мира.

В отличие от Запада, который представляет собой монолитную общность, Восток уместнее назвать «не-западом», поскольку включает в себя множество локальных цивилизаций. Всё же, несмотря на значительное разнообразие, их культуры имеют общие черты:

- Коллективизм и понимание ценности индивида как элемента более широкой данности. Не случайно одним из наиболее распространённых символов восточной культуры является изображение человека в лодке без вёсел, т.е. подчинённого «течению реки» – природе и государству.
- Стабильность и медленный темп изменений (новые культуры не разрушают старые, а вписываются и растворяются в них); верность традициям – в этом контексте восточные цивилизации называют «традиционными обществами».
- Общественная собственность на средства производства и природные ресурсы; отсутствие хозяйственной самостоятельности частных лиц и развитый бюрократический контроль.

[316] Гантінгтон С. П. Протистояння цивілізацій та зміна світового порядку / Семюел Піліпс Гантінгтон. – Львів: Кальварія, 2006. – 471 с. – С. 314.

- Деспотизм как общая линия социально-политического развития восточных цивилизаций и абсолютное преобладание над обществом государства, регулирующего всё многообразие человеческих отношений.
- Теократическая сущность власти, единой в своих религиозных и политических функциях.[317]

Раскрытый список характеристик не означает, что они присутствовали в Азии всегда и повсеместно; и в древности, и сегодня эта часть света не представляла и не представляет собой монолитного целого, движущегося в едином эсхатологическом направлении. Поэтому, самоидентификация разных её социокультурных сообществ на каждом конкретном этапе исторического развития весьма подвижна, примером чего была дискуссия российских западников и славянофилов об историческом пути их государства. По своей социальной матрице, Россия является восточной страной, поскольку в ней доминирует не индивидно-номиналистическое, а соборное начало.[318] Обращаясь к истокам такого положения вещей, отметим, что хронологические таблицы учебников русской истории не содержат даты 1257 года. Между тем, она весьма значима: в том году монголы, покорившие Русь, привезли из управляемого ими же Китая чиновников, которые устроили русскую действительность в соответствии китайскому образцу. Была проведена перепись и установлены новые отношения между властью и подчинёнными: определён размер «выхода» (дани), изменено фискальное деление (основной единицей обложения стал двор, как в Китае), введено понятие «чёрные земли» (точная калька с китайского), установлена круговая порука и челобитие (китайский обычай).[319] Всё это в совокупности определило формы жизненного уклада до настоящего времени; Восточная Европа, таким образом, была введена в азиатскую парадигму социального бытия и политическую культуру. В этом смысле не удивительно, что

---

[317] Ерасов Б. С. Феномен «восточного деспотизма» как явление нового мышления / Борис Сергеевич Ерасов // Восток. – № 4. – 2000. – С. 5–17.

[318] Трегуб С. В. Цивилизационная идентичность России в условиях глобализации: социально-философский анализ: дисс... канд. филос. наук: 09.00.11 «Социальная философия» / Сергей Вадимович Трегуб. – М., 2008. – 205 с. – С. 188.

[319] Подберёзский И. В. Восток – дело тонкое…: наблюдения и размышления, курьёзы и парадоксы / Игорь Витальевич Подберёзский. – М.: АСТ, 2007. – 286 с. – С. 71–72.

представители философско-политического движения евразийцев считают колыбелью, из которой выросла Российская империя, а соответственно, и СССР, не Киевскую Русь, а империю Чингисхана: «Монголы формировали историческую задачу Евразии, положив начало её политическому единству и основам её политического строя».[320] Другим шагом, который отдалил Москву от Запада, было перебирание первой на себя византийского наследия.[*] Вместе с тем, в результате использования идеологемы «Третьего Рима», Россия в мотивационном отношении была приобщена к европейскому прометеизму; вселенские проекты, захватывающие её, являются порождением именно западной фаустовской культуры. Эта «неусыновлённость» России ни в одной из цивилизационных ниш делает её существование рискованным, а историческую судьбу – драматической. На Востоке её воспринимают «полпредом» Запада, на Западе – носителем восточных начал.[**]

Учитывая указанные выше черты восточных цивилизаций, социализм с его командно-административно-распределительной структурой, вертикалью власти, доминированием государственной собственности при второстепенной роли частной, – был воспринят в США как символ Востока. По мнению западного обывателя, суть нового строя заключалась в сочетании восточной деспотии (диктатуры) большевиков в политике, государственного монополизма в экономике и коммунистической идеологии, отрицавшей частную собственность. Аксиоматично, что индивид не «видит» того, чего он не знает. Специфика национальной политической культуры настолько глубоко и тонко инкрустирована в сознание человека, он часто не может представить даже возможности

---

[320] Евразийство (опыт систематического изложения) // Вече: Альманах русской философии и культуры. – № 1. – 1994. – С. 34.

[*] Анализируя эту ситуацию, российский религиозный философ В. В. Розанов отметил: «Разлагаясь, умирая, Византия нашептала России все свои предсмертные ярости и стоны и завещала крепко их хранить. Россия, у постели умирающего, очаровалась этими предсмертными его вздохами, прижала их нежно к детскому своему сердцу и дала клятвы умирающему – смертельной ненависти и к племенам западным, более счастливым по исторической своей судьбе, и к самому корню их особого существоавания – принципу жизни, акции, деятельности». Розанов В. В. О себе и о жизни своей / Василий Васильевич Розанов. – М.: Московский рабочий, 1990. – 876 с. – С. 330–331.

[**] В наибольшей мере к истине приблизился советский поэт И. Губерман: «Российский жребий был жестоко однажды брошен волей Бога: немного западней Востока, восточней Запада – намного». Губерман И. М. Третий иерусалимский дневник / Игорь Миронович Губерман [Электронный ресурс] Режим доступа: http://thelib.ru/books/guberman_igor/tretiy_ierusalimskiy_dnevnik_sbornik-read.html.

существования альтернатив. «Реалии СССР заставили граждан западных стран ценить свободу и демократию, как приобретает ценность вода по мере того, как её становится всё меньше».[321] Именно на основе и по сравнению с собственной политической системой советский и американский народы воспринимали друг друга.

При этом парадоксально, что коммунизм, как и либерализм – продукт европейского Просвещения, это вариант идеи о линейном развитии человечества с конечной точкой в абсолютно справедливом и гуманном строе (Царстве Божием, из которого, впрочем, исключена фигура Творца). Цемент, которым советский социалистический строй сплавлял воедино различные народы и культуры Евразии – это европейский историцизм, нашедший проявление в процедуре перехода от пространственного принципа ко временному. В этом ключе примечательно, что даже противники марксизма почти единодушно признали, что путь, на который вступила Россия в результате Октябрьской революции, был порождён благородными стремлениями. В частности, Р. Арон осуждал сущность «реального социализма», тем не менее, признавался, что «с исторической точки зрения, советский режим порождён революционной волей, вдохновлён гуманистическими идеалами. Цель заключалась в создании наиболее гуманного общества, которое когда-либо знала история, где больше не было бы классов, а однородность общества способствовала бы взаимному сближению граждан».[322] Советская Россия, избрав иной, некапиталистический путь развития, стала образцом для подражания многих народов, идеалом, к которому надлежало приблизиться остальному миру, путём, которым должно было идти человечество к разумному и справедливому общественному строю.[323] Новый общественный строй за короткое время обрёл большое влияние и вступил в историю новейшего времени как равнозначная мировая система, наряду с западной либеральной. Великая депрессия значительно пошатнула веру незападных народов в

[321] Крашенинникова В. Ю. Российско-американский диалог как проблема политической культуры: дисс… канд. ист. наук: спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» / Вероника Юрьевна Крашенинникова. – М., 2007. – 178 с. – С. 117.
[322] Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Раймон Арон. – М.: Текст, 1993. – 303 с. – С. 234.
[323] Петров А. П. Мессианство русской культуры / Андрей Павлович Петров. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999 – 83 с. – С. 22.

способность либеральной хозяйственной системы к саморегулированию и показала, что дальнейшее сохранение полностью свободного рынка может привести к катастрофе.[324] Впрочем, и в этот, и в последующий период американцы сохранили глубокое убеждение в адекватности своей социально-экономической модели. Одной из наших исследовательских задач является анализ «рейганизма», следовательно, это общественно-политическое явление к такому взгляду на роль Америки по отношению к остальному миру весьма близко.

В контексте вышеизложенного не удивительно, что интеллектуальная инерция и стереотипы «инаковости» России как части Востока привели к выстраиванию в послевоенную эпоху политического противостояния по оси Восток–Запад, где СССР позиционировался как средоточие «зла». Советский исследователь А. С. Колесников, констатируя, что «мы разделили миры непроходимой бездной», задаётся вопросом: «не является ли эта картина мира плодом нашего ограниченного ума, связанного с идеологическими контроверсиями?»[325]

Вторая мировая война отразилась на взаимоотношениях социализма с Западом неизгладимым образом: обретение веры в собственные возможности вследствие разгрома военно-индустриальной машины Германии означало, что исторический спор с капиталистическим миром возможен, что социализм способен на глобальное соревнование с ним. «Холодная война» мыслилась как решающий акт всемирно-исторической драмы Востока и Запада, поскольку на передний план вышли противоположные, во многом взаимоисключающие общественные процессы, обнажив глубокие противоречия между двумя общественно-политическими системами – капитализмом и социализмом, «спор между которыми стал, по сути, главным спором новейшей истории», который, по мнению К. Поппера, являл собой борьбу за сохранение основ европейской цивилизации.[326] С другой стороны, советские интеллектуалы рассматривали своё

[324] Вялых В. В. – Указ. соч. – С. 50.
[325] Колесников А. Подготовка к проигранной войне / Андрей Колесников [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://ru-90.ru/content/колесников-а-подготовка-к-проигранной-войне.
[326] Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 тт. – Т. 1: Чары Платона / Карл Поппер. – М.: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с. – С. 34.

государство как протекционистский барьер на пути агрессии атлантического Запада против остального мира. В этом контексте лидер коммунистического Китая Мао Цзэдун заявил: «Это война между двумя мирами. Западный Ветер не может одержать победу над Восточным Ветром, Восточный Ветер должен взять верх над Западным Ветром».[327] Не случайно, после поражения во Вьетнаме, в интеллектуальном дискурсе США 1970-х годов доминировала тема «одиночества Запада в мире», хрупкости западной цивилизации, конструктивная сложность и уникальность которой противостоит «безыскусности» окружающего мира.

С легитимизацией двухполюсности мир механически расчленился на две части. Взаимоотношения двух систем стали трактоваться как полярное противопоставление самостоятельных и автономных лагерей. Основанная на взаимном отрицании двух экономических и политических систем, их идеологической несовместимости, Холодная война, война особого типа, превратилась в борьбу против распространения идей коммунизма по всей планете, – борьбу, на которую Запад бросил колоссальные человеческие и материальные ресурсы и целью которой было полное разрушение советской системы. Последняя демонстрировала значительную эффективность, поскольку произошло значительное пространственное распространение новой модели развёртывания истории. В глобальной ситуации высокого уровня альтернативности, как достижения «реального социализма», так и кризисы капитализма, деколонизация «третьего мира» способствовали обращению к социализму, который появился как истина истории, как самое спасение.[328] Можно сказать, что послевоенный период стал пиком нажима Востока на Запад: на значительной части планеты произошла кристаллизация мира «полярного» социального развития. Так, если в Центрально-Восточной Европе выбор социалистического пути развития выступил результатом не только совпадения обстоятельств, но и привлекательности этого выбора (в этих странах, развитие которых определилось победой над фашизмом и соперничеством двух мировых

---

[327] Цит. по: Кризис европоцентризма [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://maxbooks.ru/filhis/phils04.htm.

[328] Кива А. В. Социалистическая ориентация: аномалия или естественная фаза мирового развития / Алексей Васильевич Кива // Общественные науки и современность. – № 5. – 1997. – С. 17.

держав, существовали достаточно мощные общественно-политические силы, обеспечившие успех становления социально-экономической структуры по образцу СССР),[329] то в переходе к социализму стран Азии, Африки и Латинской Америки существовал свободный выбор пути исторического развития.[330]

Социалистический вызов Востока капиталистическому Западу оказался всеобщим, тотальным: просоветски настроенными стали такие страны, как Египет, Гана, Гвинея, Мали. При этом в числе республик, ориентировавшихся на Москву, можно назвать Ирак, Ливию, Индонезию (времён Сукарно). Ряд стран – Сенегал, Кения, Гвинея, Бирма, Сирия, Алжир – использовали отдельные принципы марксистско-ленинской теории построения социализма, в частности, следовали концепции социального прогресса, ориентируясь при этом на советский опыт. Большую группу составляли страны, лидеры которых открыто заявляли о своей приверженности научной теории социализма, создавали партии по образцу коммунистической, заимствовали элементы из практики социально-экономических преобразований в СССР, развивали широкие связи со странами социалистического содружества и часто координировали с ними свою внешнеполитическую деятельность. Это Ангола, Мозамбик, Конго, Эфиопия и Южный Йемен (см. приложение 2). Представляется, что социалистический строй для этих стран стал гарантом высоких темпов развития, в несколько раз превышающего темпы роста в условиях капитализма, был способен преодолеть многовековую отсталость. Например, танзанийский лидер Джулиус Ньерере заявлял, что освободившиеся страны не могут себе позволить роскошь идти другим путём, кроме социализма, ради того, чтобы как можно быстрее преодолеть свою глубинную отсталость».[331] Ни до, ни после, Западу не противостояла столь монолитная, полная решимости и обладающая стратегической глубиной коалиция на евразийском, соседнем с ним африканском и отчасти американском

---

[329] Гибианский Л. Я. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока / Леонид Янович Гибианский // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сборник статей / Под ред. Егоровой Н. И., Чубарьяна А. О. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 642 с. – С. 137–186.

[330] Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / Под ред. Нежинского Л. Н. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 512 с. – С. 69.

[331] Цит. по: Загайнова В. И. Всемирно-исторический процесс: дихотомии современной истории: дисс... канд. филос. наук: 09.00.11 «Социальная философия» / Валентина Ильинична Загайнова. – Йошкар-Ола, 2004. – 159 с. – С. 102.

континентах. Итак, на послевоенный период пришлась наибольшая поляризация сил в мировой истории, поляризация жёсткая, при которой оба антагониста были готовы идти почти на любые жертвы.[332]

Однако в конце 1980-х годов в результате действия многих факторов сама идея и способ реализации социалистического устройства общества оказались почти полностью вытесненными с исторической арены современным капиталистическим мироустройством, что во многом определило актуальность «старой» идеи конца истории. Так, американский философ, политолог, политический экономист и писатель японского происхождения Ф. Фукуяма отмечает, что то, чему мы являемся свидетелями, «не просто конец Холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной формы правления».[333] Анализируя последствия унификации мира в результате поражения СССР, отметим, что в масштабах человечества, отличия Запада и Востока имеют то же значение, что и различия левого и правого полушарий человеческого мозга. Понижение статуса Востока и ослабление исходящих от него импульсов, как и вестернизация мира и придание системе международных отношений однополярного характера, тождественны однополушарной работе мозга, лишённого своей правой, образно-интуитивной составляющей. Совсем не случайно, в начале XXI века западные исследователи отмечают негативную тенденцию усиления «одномерности» человека, который теряет свою надэмпирическую, духовную сущность.

3. Геополитические аспекты стратегии и тактики США в отношении Союза ССР

Среди явлений, оказывающих существенное влияние на все стороны человеческого бытия, в том числе на формирование идей и взглядов, а значит,

---

[332] Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с. – С. 241.
[333] Фукуяма Ф. Конец истории? / Ёсихиро Фрэнсис Фукуяма // Философия истории. Антология / Под ред. Кимелева Ю. А. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 351 с. – С. 290–291.

политику и её реализацию, важная роль принадлежит географии. Вместе с тем, феноменология взаимосвязи между политикой государства и его физическим окружением до конца не раскрыта. Поэтому, в рамках данного параграфа мы попытаемся осветить проблемное поле политической географии, рассмотреть узловые его аспекты и проанализировать их теоретическую рефлексию. Выполнив эту задачу, мы сможем выявить геостратегические особенности американской территории, очертить геополитические грани интересов Вашингтона, а значит, более полно установить истоки, логику и ключевые моменты стратегии в отношении СССР в рассматриваемый нами период; интерес также представляет вопрос имперского статуса Соединённых Штатов.

Аксиоматично, что человеческая деятельность, так или иначе, всегда является реакцией на условия внешней среды. Последняя влияет на поведение как отдельных людей, так и целых сообществ в рамках определённой территории, она же стимулирует их реализацию в соответствующих направлениях и ставит им определённые границы. Из всего множества движущих сил политики, в наименьшей степени подвержен изменениям именно географический фактор, из-за чего он служит основой преемственности политики государств, пока их пространственно-географическое положение остаётся стабильным. «География – отмечал Н. Спикмен, – наиболее фундаментальный фактор во внешней политике государств, так как он наиболее постоянен. Министры приходят и уходят, умирают даже диктаторы, но цепи гор остаются непоколебимыми».[334] Не случайно, конфликты между государствами, обусловленные территориальными причинами, продолжаются дольше и являются более трудноразрешимыми, чем международные противоречия иного характера.

Для более чёкого представления о геополитическом измерении Холодной войны следует кратко остановиться на категориях и закономерностях той отрасли знания, каковой является геополитика. Вопрос об авторе, открывшем в этой сфере причинно-следственные связи, остаётся открытым, однако с большой долей

[334] Цит. по: Поздняков Э. А. Философия политики / Эльгиз Абдулович Поздняков. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 391 с. – С. 347.

уверенности можно утверждать, что в западных странах геополитика как отдельное научное направление оформилась на рубеже XIX–XX веков. Как правило, её отцами-основателями считают А. Т. Мэхэна, американского историка флота и страстного поклонника военно-морской мощи, и Х. Дж. Макиндера, английского географа и политика. Однако их всё же точнее назвать родоначальниками «океанского направления» западной геополитики, которая, прежде всего, исходила из особенностей географического положения и политических традиций двух ведущих морских держав – США и Великобритании, обслуживая интересы элит этих государств.

Отметим, что работы Мэхэна в большей степени можно отнести к области истории. В его главной работе[335] теоретические обобщения и концепции занимают небольшой первый раздел, остаток массивного издания посвящён детальному описанию морских сражений. Гораздо больше внимания изложению теоретических конструкций уделял Макиндер, его собственные взгляды многократно уточнялись, дополнялись, а то и пересматривались. Свою первую работу он опубликовал в 1904 году, указав четыре основные закономерности:

- географические факторы оказывают непосредственное влияние на ход исторического процесса;
- географическое положение во многом определяет потенциальную силу, или, наоборот, слабость государства;
- технический прогресс меняет географическую «среду обитания» государств и определяет их потенциальную мощь;
- Евразия является центром глобальных политических процессов.[336]

По мнению Макиндера, геополитическая карта мира состояла из трёх основных частей: «осевой зоны», которая охватывала бассейны рек Северного Ледовитого океана и двух внутренних морей – Каспийского и Аральского; «внешнего полумесяца», который состоял из территорий США, Великобритании

[335] Mahan A. The influence of sea power upon history (1660–1783) / Alfred Thayer Mahan. – Mineola: Dover Pub, 1987. – 640 p.
[336] Mackinder H. The geographic pivot of history / Halford John Mackinder // Democratic ideas and reality. – London: Faber & Faber, 1999. – 248 p. – P. 112–113.

и Японии; и «внутреннего полумесяца», зажатого между ними – Индии, Китая, Ближнего Востока (см. приложение 1). Он считал, что к началу XX века основные соперники – страны «осевой зоны» и «внешнего полумесяца», находились в состоянии приблизительного равновесия. Морские державы «осевой зоны» не имели сил осуществить массированное вторжение в Евразию (конкретнее – в Российскую империю), завоевать и удерживать важные районы её территории. Но и сами они были гарантированы от применения (в основном наземной) силы со стороны Евразии как относительно собственной территории, так и своих колониальных владений. Однако соотношение сил было изменено в результате развития железных дорог и воздушных путей сообщения в «осевой зоне» Евразии. Центральная континентальная держава – Россия – открыла свободный доступ к богатым природным кладовым Сибири и, тем самым, получила средства для создания собственного мощного флота, а также упростила себе задачу массированной переброски наземных войск с одного стратегического направления на другое. Особенно беспокоило Макиндера, что определённое сходство в географическом положении – «континентальность» – приведёт к союзу России как ведущей и Германии как ведомой. Он предусматривал, что российско-германский союз (или даже одна Россия) сначала добьётся полного господства в Евразии, затем и в регионе «мирового острова», поставив все его природные и человеческие ресурсы на службу своим мессианским амбициям мирового господства. Подобной экспансии морские государства противостоять не смогут, ведь по мере расширения сферы влияния континентального союза (т.е. их ресурсной базы) в той же пропорции будет уменьшаться сила государств «внешнего полумесяца». Другой «естественной слабостью» этих государств указывалась их зависимость от уязвимых морских коммуникаций. Таким образом, Макиндер видел в сильной России угрозу Британской империи, которые непременно должны были вступить в конфликт.[337]

Несмотря на сотрудничество Лондона и Москвы в рамках антигитлеровской коалиции, Макиндер ещё до окончания Второй мировой войны чётко определил

[337] Дугин А. Основы геополитики / Александр Гельевич Дугин. – М.: Арктогея-центр, 2000. – 928 с. – С. 27–29.

будущее глобальное столкновение как противостояние между «центральным материком» и государствами «внешнего полумесяца», причём «сердцевинная земля» («хартленд») у него однозначно ассоциировалась с Советским Союзом. В своём геополитическом завещании Макиндер призвал западных лидеров сплотиться вокруг концепции «атлантической цивилизации» для совместного противостояния коммунизму.[338]

Наряду с «океанским направлением» в западной геополитике развивалось «континентальное», во весь голос заявившее о себе в нацистской Германии. Его прародителем следует считать шведского географа и страноведа Ю. Р. Челлена, одной из важнейших заслуг которого является введение в научный оборот термина «пространство». Он считал, что историей движет, прежде всего, борьба за власть над (географическими) пространствами: «вся история человечества – это борьба за пространство. Цель геополитики – битва за территорию. Смысл геополитики – экспансия. Любая великая держава всегда будет, опираясь на свою военную мощь, выдвигать политические требования другим странам, стремясь максимально далеко простирать на Земном шаре свою власть и сферу влияния».[339] В соперничестве правителей истощаются человеческие и материальные ресурсы, но присоединение новых территорий окупается многократным (в зависимости от количества и «качества» территорий и населения) увеличением государственного могущества, что покрывает расходы на их «освоение». Не отрицая значения морского флота и соглашаясь с макиндеровской оценкой стратегических преимуществ сухопутных государств, Челлен считал, что континентальная страна, которая стремится быть по-настоящему мощной, должна одновременно обладать морской и сухопутной компонентами силовой мощи. Анализируя перспективы России, основным фактором её мощи он рассматривал обширные пространства, имевшие ценность как «приз» для любого завоевателя, и через которые открывался бы доступ ко многим морям и океанам.

Идеи Челлена подхватил и развил К. Э. Хаусхоффер, долгое время бывший

---

[338] Сорокин К. Э. Геополитика современности и геополитика России / Константин Эдуардович Сорокин. – М.: Росспэн, 1996. – 168 с. – С. 7.
[339] Челлен Р. Государство как форма жизни / Рудольф Челлен. – М.: Росспэн, 2008. – 319 с. – С. 50.

одним из ближайших советников Гитлера. В трудах Хаусхоффера, как и самого фюрера, концепция борьбы за «пространство» превратилась в идею завоевания сакрализованого «жизненного пространства».[340]

Борьба за территорию, прежде всего, – борьба за власть. В связи с этим, уместно привести слова Ф. Ницше о том, что «воля к власти – главный императив человеческого развития», космическое начало, выполняющее функцию главного двигателя жизни.[341] В психоанализе воля к власти рассматривается как естественное состояние человека, связанное с проявлением бессознательных структур психики. Итак, власть – средство, которое при отсутствии цели может стать самоцелью, из-за чего Государственный секретарь США Генри Киссинджер называл её «самым сильным возбуждающим средством». Впрочем, власть над пространством была главным императивом политики американцев задолго до эпохи этого деятеля, а также ещё до появления Соединённых Штатов на политической карте мира.[342] Дело в свойственном западноевропейским народам «экспансивном инстинкте»: именно он не позволял переселенцам довольствоваться лишь прибрежными территориями Атлантики и толкал их в направлении безграничных пространств нового континента. После того как в результате Войны за независимость возникло самостоятельное американское государство, перед его «отцами-основателями» встал вопрос не стихийного, а целенаправленного расширения жизненного пространства, следовательно, продвижение к Тихому океану было вполне логичным и оправданным. Впрочем, менее оправданным было массовое уничтожение индейских племён, обитавших на этой территории. Итак, начиная с момента своего основания, молодая республика стремилась к геополитической завершённости, которая означала совпадение государственных границ с побережьем океанов, омывающих Американский континент. В контексте этого, крупнейшими достижениями были покупка в 1803 году у Франции Луизианы – территории к западу от реки

---

[340] Артамошин С. В. Карл Хаусхофер и формирование немецкой школы геополитики / Сергей Викторович Артамошин. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 480 с. – С. 151.

[341] Конфисахор А. Г. Системно-психологическое описание политической власти: дисс… канд. психол. наук: 19.00.12 «Политическая психология» / Александр Григорьевич Конфисахор. – СПб., 1999. – 175 с. – С. 46.

[342] Чернышёва А. В. Политология: конспект лекций / Алла Васильевна Чернышёва. – М.: МГИУ, 2008. – 158 с. – С. 13–14.

Миссисипи, по своим размерам почти равной начальной территории США; покупка в 1819 году испанской Флориды; захват в 1836 году мексиканской провинции Техас (объявление её сначала независимой республикой, а затем и включение в состав Соединённых Штатов); присоединение в 1846 году большей части Орегона, переданного Великобританией и аннексия в том же году половины мексиканской территории, на которой позднее образовались штаты Нью-Мексико, Калифорния и Юта; и наконец, покупка в 1867 году у Российской империи Аляски и Алеутских островов. Обширная и компактная территория со свободным доступом к двум океанам позволила создать эффективный хозяйственный каркас государства с двумя коммуникационными полюсами экономического и технологического роста на Атлантическом и Тихоокеанском берегах, открытых внешнему миру и к внутренним районам континента.[343] Эксцентрированная двухполюсная система размещения производственных сил открыла перед правительством уникальные геостратегические перспективы. Уже к концу XIX века Калифорния и штаты Атлантического побережья США по своей мощи были сопоставимы с крупными государствами тогдашнего мира, и как следствие, Вашингтон смог на равных взаимодействовать и влиять на ход ситуации как в Западной Европе, так и в Восточной Азии. Следует добавить и то, что изолированность Нового Света опосредовала становление новой нации без негативного влияния извне, поскольку соседние страны не угрожали безопасности и интересам Соединённых Штатов. Приведём в этом отношении высказывание Президента А. Линкольна о том, что «все армии Европы, Азии и Африки... с Бонапартом во главе не смогли бы с помощью силы выпить воду реки Огайо, даже если бы пытались это делать тысячу лет».[344] Эти слова точно передают чувство неуязвимости, царившее в Америке на протяжении многих десятилетий благодаря их географическому положению.

Итак, география оказалась благоприятным фактором становления могущества Соединённых Штатов. Отметим и то, что фундамент американской

---

[343] Черников И. И. Историческая география США // Русские Украйны. Завоевания Великой Империи / Иван Иванович Черников. – М.: АСТ; СПб.: Астрель, 2008. – 448 с. – С. 342–344.

[344] Цит. по: Линник В. А. США: от Рейгана до Рейгана / Виктор Алексеевич Линник. – М.: Знание, 1985. – 64 с. – С. 12.

мощи был обеспечен высокими темпами индустриализации и культурой, которая поощряла предпринимательский риск, авантюризм и новаторство. Поэтому о распространении своих геополитических амбиций на весь материк «короли республики» заявили ещё до окончания формирования собственной сухопутной территории. Об этом говорилось в ежегодном послании Дж. Монро Конгрессу, провозглашённом 2 декабря 1823 года.[345] Новая внешнеполитическая доктрина, которая носила определяющий характер до начала следующего века, в достаточно резкой форме гласила, что «американские континенты на свободных и независимых условиях, которые они примут и поддержат, с этого времени не должны рассматриваться как объекты будущей колонизации любыми европейскими государствами». Американская доктрина национальной безопасности на тот момент базировалась на геополитических принципах изоляционизма «континентального острова» при необходимости создания мощного наступательного военно-морского флота. Ближе к середине XIX века эта доктрина трансформировалась: усилия американцев были направлены на захват господствующего стратегического положения к югу от реки Рио-Гранде и в обе стороны от побережья Тихого океана. Среди инициаторов такой политики следует назвать, прежде всего влиятельную финансово-промышленную элиту. В указанных регионах геополитическая стратегия США свелась к ряду задач: во-первых, предупреждение вероятных захватов со стороны европейских стран; во-вторых, ослабление их позиций; и в-третьих, закрепление контроля Вашингтона над Латинской Америкой, островами Карибского моря и создание военно-морских баз в Тихом океане. Важным опорным пунктом на пути в Азию были Гавайские острова (которыми в течение определённого времени владела Россия), поэтому с течением времени американский бизнес завладел большинством природных богатств этого архипелага, подчинив его и политически.[346]

Лёгкой добычей американцев также оказались колонии Испании, переданные им в результате проигранной войны 1898 года: Куба, Пуэрто-Рико,

---

[345] Monroe J. Seventh annual message. December 2, 1823 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29465&st=&st1=.

[346] Цит. по: Кудряченко А. І. США в геополітичному просторі // Геополітика / А. І. Кудряченко, Ф. М. Рудич, В. О. Храмов. – К.: МАУП, 2004. – 296 с. – С. 98.

Филиппины и Гуам. Комментируя разгром испанского флота, сенатор Сульцер заявил о том, что «Пушечные выстрелы с кораблей Дьюи прозвучали новой нотой на Тихом океане, провозглашая миру, что мы находимся там для того, чтобы там остаться». Согласно Парижскому миру 1898 года, которым завершился вооружённый конфликт, Мадрид отказался от прав на все эти острова, которые были объявлены «свободными государствами», оказавшимися, однако, в той или иной форме зависимости от Вашингтона. Другим следствием этой войны было также усиление американского контроля в («банановых») республиках Карибского моря, которое превратилось во «внутреннее озеро» США. Экономическая и политическая жизнь этих стран направлялась двумя мощными американскими компаниями – «Юнайтед фрут» и «Кайямель фрут». Всего под полный американский финансовый контроль, схема которого была изначально апробирована на Доминиканской Республике, до конца Первой мировой войны попали одиннадцать из двенадцати стран Карибского бассейна. Большинство этих республик (некоторые даже по несколько раз) оккупировались армией США. Однако большая часть Южной Америки всё ещё оставалась вне сферы влияния Вашингтона.[347]

Овладев стратегическими точками Тихого и Атлантического океанов, Соединённые Штаты поставили перед собой стратегическую задачу по сооружению канала с целью их соединения и облегчения коммуникации восточного и западного побережий США между собой и с Восточной Азией. Именно для строительства этого объекта Президентом Т. Рузвельтом была образована Панамская Республика, а экономическое влияние на соседние страны дополнено «политикой большой дубинки». Алгоритм установления неформального протектората над Латинской Америкой послужил основой для разработки подобных схем в будущем и для других регионов Земного шара.[348]

---

[347] Травьесо Х. С. Транснациональные корпорации США в Латинской Америке: проникновение и последствия их деятельности для региона: автореф. дисс… канд. экон. наук: 08.00.17 «Экономика развивающихся стран» / Хулио Травьесо Серрано. – М., 1985. – 18 с. – С. 15.

[348] История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918 / Под ред. Куропятника Г. П. – М.: Наука, 1997. – 384 с. – С. 212.

Подчинив себе Центральную Америку с соседними акваториями, Вашингтон превратился в континентальный центр силы и направил усилия на распространение своего влияния и за пределы Западного полушария. Политические амбиции подкреплялись экономической мощью Соединённых Штатов, которые в XIX веке уверенно шли к мировому промышленному первенству. В тот период геополитическая экспансия окончательно превратилась в центральный императив американской внешней политики, согласно которому территориальное развитие США представляет собой историю подвижных (лабильных) властных рубежей, имеющих тенденцию постоянного расширения. В тот момент родилась идея Американской империи, обоснованная в трудах профессоров Дж. Фиске и Дж. Барджеса, а также пастора Дж. Стронга. Концептуальной основой этой геополитики выступила концепция «открытых дверей», сформулированная ещё в XIX веке и в 1899 году провозглашённая Госсекретарём Дж. Хэем одной из основ американской внешней политики. Характерно, что по сравнению с европейскими колониальными империями, американская имела «замаскированный» характер. Анализируя мировой исторический опыт, чиновники Соединённых Штатов («короли республики») пришли к выводу, что прямое владение «заморскими» территориями обременительно и экономически нерентабельно, следовательно, к формальной аннексии территорий других государств не стремились. Напротив, новая геополитика силы, произраставшая из недр американского прагматизма, имела гуманизированную окраску, сводясь к комплексу несиловых мер, направленных на «открытие» финансово-экономических и политических систем других стран для собственного проникновения. Такая стратегия вполне соответствовала интересам крупного бизнеса, стремившегося получить возможность беспрепятственного доступа к иностранным рынкам и сырьевых базам. Контроль промышленников и финансистов над формированием внешней политики, как писал В. Лафебер в своей работе «Новая империя», имел своим результатом создание неофициальной американской империи, в рамках которой Соединённые Штаты использовали экономическое преимущество для обеспечения своей

гегемонии, не «пачкая» себя при этом традиционным колониализмом: «Хотя американская опасность приходит не в виде войска и военных флотов, не в образе новых религиозных или политических течений, а в форме товарных тюков, они режут остро, как меч, а разрушительная сила прейскурантов не уступает новейшему взрывному снаряду».[349] Другой особенностью американского империализма было то, что наряду с коммерцией, весомым фактором распространения влияния выступала просветительская деятельность миссионеров. Отказавшись, таким образом, от военных форм традиционного западного колониализма, американский гегемонизм выдвинул принципиально новую геополитическую концепцию мировой империи. Характерно и то, что своё постоянное военное присутствие Вашингтон стремился сохранять только в ключевых стратегических точках мира, контролируя проливы, транспортные коридоры, места добычи полезных ископаемых стратегического назначения и в спорных со своими геополитическими противниками районах. В других случаях использовались спецслужбы, приводившие к власти в ведущих странах дружественные политические силы, чьими руками и осуществлялось управление административными и финансово-экономическими процессами на нужных территориях. Сохраняя внешние атрибуты суверенитета, эти страны, фактически всё же попадали в зависимость.

В начале XX века стратегический курс на создание империи в «мессианских одеждах» очертился окончательно. В частности, В. Вильсон подчёркивал, что «Мы пришли спасти мир, дав ему свободу и справедливость». Полковник Э. Хаус, его правая рука и советник, одним из первых обратил внимание на стремление Президента «захватить в свои руки моральное руководство человечеством». Новый внешнеполитический курс был охарактеризован как «революция», «конец старого порядка и поворот в международных отношениях». Подобная характеристика была вполне оправдана во время Первой мировой войны, когда Вильсон составлял планы создания Всемирной ассоциации государств, где ведущую роль играла бы руководимая им страна. Основой планетарного

[349] Цит. по: Кудряченко А. І. – Указ. соч. – С. 105.

лидерства Соединённых Штатов Президент считал их растущую экономическую и финансовую мощь, а также военную силу.[350]

Разрушительный характер Первой мировой войны обозначил начало конца культурного, политического и экономического господства Европы над миром. Подобно экосистемам, которые не терпят пустот, её ниша не могла оставаться незанятой: так возникла идея «нового мирового порядка», объединяющего планету под протекторатом Америки, которая должна служить социально-политическим, экономическим и культурным образцом для остальных народов. В этом курсе, политика «открытых дверей», провозглашённая в вильсоновских «14 пунктах» основным принципом организации глобального экономического пространства, знаменовала начало гомогенизации мира и появление перспективы его превращения в единую сферу влияния США.[351] Внешнеполитическая линия Вашингтона окончательно повернула в сторону глобализации своей империи и расширения сферы контроля над мировыми финансово-экономическими рынками. На основании этого сделаем промежуточный вывод, что американская империя – это система перераспределения природных ресурсов и материальных благ всего мира в пользу Соединённых Штатов.

Несмотря на установку и закрепление контроля над многими странами и опорными пунктами, регион, ключевой с точки зрения мирового господства («хартленд») в межвоенный период оставался для американцев фактически недосягаемым. Ситуация резко изменилась с началом Второй мировой войны: в 1941 году редактор журнала «Тайм» Г. Люс декларировал в своей работе «Американское столетие», что историческая миссия его державы заключается в том, чтобы в XX веке сделать весь мир «американским».[352] В этом смысле, открытие второго фронта активизировало действия США в Евразии в качестве мирового политического актора. Уже в конце 1944 года Президент Рузвельт

---

[350] Романов В. В. Внешнеполитическая доктрина вильсонизма и политико-академические круги США (1913–1921 гг.): дисс... докт. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Владимир Викторович Романов. – М., 2005. – 529 с. – С. 247.

[351] Address to a joint session of Congress on the conditions of peace. January 8, 1918 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=65405&st=&st1=.

[352] Brinkley A. The publisher: Henry Luce and his American Century / Alan Brinkley. – N.-Y.: Vintage Books, 2011. – 576 p. – P. 274.

подчёркивал, что «абсолютная свобода односторонних действий» должна стать главным принципом внешней политики его страны. Итак, главным итогом Второй мировой войны было формирование «клиент-патронных» отношений Вашингтона не только с бывшими странами «оси», но и с европейскими метрополиями. По причине материального и морального ущерба, наиболее мощная из них – Великобритания – окончательно потеряла статус мирового лидера. Таким образом, Соединённые Штаты избавились от перспектив мирового господства единого европейского государства (в случае победы Третьего Рейха), морской мощи Лондона и японских претензий на Тихий океан с Восточной Азией. В результате, Вашингтон сохранил и укрепил установленное во время войны военно-политическое присутствие на евразийском континенте, раскинув по его периметру сеть своих баз.[353]

Соответственно, преградой на пути окончательной победы «американского века» был находившийся в геополитическом центре «мирового острова» СССР, руководство которого также имело глобальные амбиции и мессианское мировоззрение. Как уже говорилось, одной из центральных тем англосаксонской геополитической мысли, которая отражала мировые процессы и сама, в свою очередь, влияла на них, было противостояние США и Советского Союза, а также регионы локальных конфликтов. Наконец, практическое воплощение нашла классическая геополитическая концепция противоборства Моря и Суши – мировой военно-морской державы, господствующей в Атлантике и Тихом океане, и крупнейшей сухопутной евразийской державы, контролирующей «хартленд». Таким образом, Холодная война, начатая Соединёнными Штатами и инспирированная У. Черчиллем, явила собой логическое продолжение борьбы за власть над мировым пространством. Более полная реализация геополитической стратегии Вашингтона проходила под лозунгами «крестовых походов» во имя борьбы с «врагами свободы». Собственно, «крестовый поход» против коммунизма и Советского Союза, ознаменовавший начало Холодной войны, был в значительной степени идеологическим оправданием «экспансивного

[353] Кудряченко А. І. – Указ. соч. – С. 113.

инстинкта», который продолжал определять как внешнеполитические цели США, так и средства их достижения. Итак, послевоенное устройство мира основывалось на биполярной модели, при которой две сверхдержавы вели борьбу за мировое лидерство.

Отметим, что процесс приспособления Америки к кардинально новой реальности – её стратегической уязвимости по причине появления у СССР ядерного оружия – протекал весьма болезненно. Поэтому, интенсивность конфликта сдерживалась возможными глобальными последствиями применения оружия массового поражения. Геополитические фронты проходили на рубежах евразийского внутреннего полумесяца («римленда»), протянувшегося от Берлина до Кореи, превратившись в передовые плацдармы Холодной войны, разделённые на Западный и Восточный Берлин, Северную и Южную Кореи.[354]

Анализируя американскую геополитику периода Холодной войны, следует упомянуть и обоснованную В. Ханридером концепцию «двойного сдерживания», которая предусматривала, с одной стороны – сдерживание Советского Союза, а с другой – Западной Европы и Японии в целях сохранения силового превосходства США в мире. Путём интеграции Бонна и Токио в сеть экономических и военных соглашений и договоров, Вашингтону удалось достичь двух важных целей. С одной стороны, Германия (одна из ключевых теллурократий – государств, связанных с освоением материковых пространств) и Япония (одна из ключевых талассократий – государств, жизнь которых, вследствие особого географического положения, сосредотачивается на деятельности, связанной с морем) были причислены к враждебной Советскому Союзу коалиции (как ранее и предлагал А. Мэхэн), а с другой – под контролем оказались давние соперники Соединённых Штатов. Вследствие этого, на основных стратегических фронтах «римленда» было проведено успешное наступление американских ценностей. Окончательно «покорена» и превращена в военном отношении в «вассала Америки» (по

[354] Дергачёв В. А. Холодная война // Геополитический словарь-справочник / Владимир Александрович Дергачёв. – К.: КНТ, 2009. – 592 с. – С. 489.

образному выражению Бжезинского) Западная Европа была благодаря «плану Маршалла».[355]

Американская внешняя политика этого периода явила собой геополитику силы с опорой на военные альянсы с формальным сохранением государственного суверенитета союзников при постулировании распространения ценностей западной демократии. Укрепление господствующего положения США в западном мире было осуществлено именно благодаря идее защиты «свободного мира» от «советской угрозы», которая определяла политический стиль Белого дома в течение всех послевоенных десятилетий.[356] Логика этого внешнеполитического алгоритма заставляла применять стратегию конструирования, эскалации и интернационализации различных кризисов, требующих участия Соединённых Штатов для собственного решения. В течение периода Холодной войны американские вооружённые силы были прямо вовлечены в десятки военно-политических конфликтов, наиболее резонансными среди которых были:

- 1945–1949 гг. – опосредованное участие морской пехоты в гражданской войне в Китае на стороне националистических сил;
- 1944–1946 гг. – оккупация Филиппинских островов;
- 1945–1950 гг. – оккупация Южной Кореи;
- 1946 г. – поддержка американскими силами установления контроля Италии над Триестом;
- 1947 г. – высадка морских пехотинцев в Афинах для восстановления монархии;
- 1950–1953 гг. – Корейская война;
- 1954 г. – высадка морских пехотинцев и организация государственного переворота в Гватемале против Президента Хакобо Арбенса, который провозгласил земельную реформу и национализацию земель компании «Юнайтед фрут»;

---

[355] Порохов С. Битва империй: Англия против России / С. Порохов. – М.: АСТ; СПб.: Астрель, 2008. – 349 с. – С. 331–333.

[356] Дергачёв В. А. Американская геополитика // Геополитический словарь-справочник / Владимир Александрович Дергачёв. – К.: КНТ, 2009. – 592 с. – С. 18–19.

- 1955–1964 гг. – участие американских военных советников в Индокитайской войне на стороне французской колониальной администрации;
- 1958 г. – интервенция в Ливан для поддержки Президента Камиля Шамуна;
- 1959 г. – организация государственного переворота в Иране против правительства М. Моссадыка;
- 1959–1962 гг. – блокада Кубы, её воздушное и морское патрулирование;
- 1959–1975 гг. – Вьетнамская война;
- 1960 г. – организация переворота в Демократической Республике Конго и убийство её лидера Патриса Лумумбы;
- 1962 г. – высадка морских пехотинцев в Таиланде для участия в подавлении революционного выступления;
- 1965–1966 гг. – оккупация Доминиканской Республики;
- 1962–1975 гг. – бомбардировки Лаоса и Камбоджи;
- 1982 г. – высадка морских пехотинцев в Гренаде и свержение правительства Мориса Бишопа;
- 1984 г. – бомбардировки Бейрута;
- 1986 г. – бомбардировки Ливийской Джамахирии.[357]

Результатом этих драматических событий было образование Соединёнными Штатами широкой сети военных баз по берегам Атлантического, Индийского и Тихого океанов, а также достижение экономического и политического доминирования в прилегающих к ним странах. По масштабу и влиянию США превратились в уникальную мировую державу, способную контролировать не только большинство морей всех океанов, но и с помощью берегового контроля силами десанта осуществлять власть на суше со значительными политическими последствиями.

Характерно, что в послевоенный период идеи Хаусхоффера приобретали среди творцов американской внешней политики всё большее влияние,

[357] Grimmett R. F. Instances of use of United States armed forces abroad, 1798–2004. Congressional Research Service report RL30172 / Richard F. Grimmett [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/crs/rl30172.htm.

свидетельством чего было провозглашение стратегически важных регионов мира «зонами жизненных интересов» США. Если обратить внимание на локализацию этих «зон», становится очевидным, что они совпадают с местами, намеченными в геостратегии Третьего Рейха – Средиземноморье и Турция, Персидский залив и Восточная Азия.[358]

Помня о стремлении Москвы установить присутствие на территории к югу от собственных границ до побережья Персидского залива и Аравийского моря (что было одним из положений советско-германской секретной договорённости), аналитики Госдепартамента США обращали особое внимание на северную береговую зону Индийского океана. Разрабатывая политику в этом направлении, американцы также опирались на труды А. Мэхэна, который, повторимся, рассматривал в качестве ключевого континента мира Евразию, а её пояс между 30-й и 40-й параллелями – как зону возможного конфликта между Великобританией и Россией. Итак, давление на последнюю (в её советской модификации) могло осуществляться с помощью цепи военных баз на суше и море вдоль южной периферии СССР. Сделано это было путём укрепления авторитарного режима Пакистана и поддержки исламистских сил в Афганистане, а также усиления масштабного присутствия на Ближнем Востоке и в Персидском заливе. Весомую роль в подобной талассократической практике также сыграла разработанная генералом Мак-Келланом «стратегия анаконды», предусматривавшая блокирование враждебных территорий с моря и вдоль береговых линий, что постепенно приводило к стратегическому истощению противника.[359] На всём протяжении Холодной войны США придерживались этого принципа, прочно контролируя свои собственные береговые линии и душа в кольцах «анаконды» евразийские государства – СССР и КНР, т.е. выводя из-под их влияния береговые территории, всё в большей степени блокируя для них возможность выхода к просторам мирового океана. Как следствие, со средины

---

[358] Фостер Дж. Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека»… / Джон Беллами Фостер. – М.: Поколение, 2007. – 319 с. – С. 90–94.

[359] Дергачёв В. А. «Анаконды стратегия» // Геополитический словарь-справочник / Владимир Александрович Дергачёв. – К.: КНТ, 2009. – 592 с. – С. 20–21.

1980-х годов геополитическое и геоэкономическое пространство «хартленда» начало стремительно сужаться.[360]

Постулаты, указанные выше, нашли отражение в концепции неоглобализма, названной в середине того же десятилетия доктриной Рейгана. Вместе с тем, её новым элементом было фактическое расширение «зоны жизненных интересов» на весь мир. Для установления американского доминирования в «оторванных регионах» декларировалась поддержка движений, выступавших за свержение просоветских, социалистических и антиамериканских режимов. В частности, к важнейшим государствам, в которых администрация США поддерживала дружеские относительно себя оппозиционные силы, были отнесены Афганистан, Ангола, Вьетнам, Иран, Кампучия, Лаос, Ливия, Никарагуа, Эфиопия, Польша и остальные страны Варшавского договора.[361] В некоторых государствах этого списка (Афганистан, Ангола, Никарагуа) в рассматриваемый нами период продолжались гражданские конфликты, которые могут рассматриваться как «косвенные войны» в рамках американо-советского противостояния (которые были образно названы российским политологом С. А. Карагановым «красными точками на белой ткани Холодной войны»).

Однако даже самые изысканные интеллектуалы не могли предвидеть появление союзников, помощь которых оказалась в размывании основ могущества «хартленда» наиболее весомой. Речь идёт о части советской партийной номенклатуры, ориентированной на западные стандарты потребления. Именно команда реформаторов, победившая в тактической борьбе за власть середины 1980-х годов и инициировавшая «перестройку», отказалась от поддержки дружественных сил и правительств в Центральной и Восточной Европе, а также Азии, Африке и Латинской Америке. Последовательно реализуя

---

[360] Нартов Н. А. Геополитика / Николай Александрович Нартов, Владимир Николаевич Нартов. – М.: Юнити-дана, 2007. – 527 с. – С. 68.

[361] Dallin A. Global interventionism and the Reagan doctrine // Reagan and the Russians: American policy toward the Soviet Union / Alexander Dallin. – Boston: Little, Brown & Cº, 1987. – 254 p. – P. 220.

свои цели, после официального окончания Холодной войны в 1988 и распада СССР в 1991 годах, США продолжили продвижение в «хартленд».[362]

В связи с этим в политико-академических кругах не только Соединённых Штатов, но и всего остального мира, вновь активизировался дискурс о геополитическом статусе Вашингтона и факте существования американской империи. Один из наиболее авторитетных российских американистов А. И. Уткин по этому поводу отметил: «Империя – это форма правления, при которой господствующее государство определяет внешнюю и частично внутреннюю политику других стран».[363] Относительно США определение «империя» является адекватным и ошибочным одновременно. Дело в том, что об имперской сущности этого государства говорили уже его «отцы-основатели»: Дж. Вашингтон называл новорожденную республику «поднимающейся империей», Дж. Мэдисон говорил о ней как о «единой, большой, уважаемой и процветающей империи». Американский исследователь Э. Тодд отметил, что «гегемония в 1950-х – 1990-х годах в некоммунистической части планеты почти заслуженно была охарактеризована как имперская. Благодаря своим экономическим, военным и идеологическим ресурсам, Соединённые Штаты достигли на время масштабов имперского государства».[364] Вместе с тем, существует и противоположное мнение. В частности, П. Ю. Рахшмир заметил, что «американская супердержава просто провоцирует на сравнение с империями прошлого», но при этом, «традиционные имперские признаки для Америки в основном не характерны».[365] Соединённые Штаты не являются империей в том же смысле, в каком ими были Рим, Византия и Великобритания. США представляют собой олигархическую республику и государство без официального религиозного культа и, что не менее важно, ведущую экономику мира, от состояния которой зависит благополучие многих стран. Легитимация власти Белого дома не носит трансцендентного

---

[362] Картамышева С. Н. Идеология и внешняя политика: основные направления реализации американской стратегии распространения демократии / Светлана Николаевна Картамышева // Запад и Восток: традиции, взаимодействие, новации. – Материалы III междунар. науч. конф. (23–25 ноября 2000 г.). – Владимир: ВПГУ, 2000. – С. 94–96.
[363] Уткин А. И. Американская империя / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. – 736 с. – С. 22.
[364] Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца / Эммануэль Тодд. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 240 с. – С. 23.
[365] Рахшмир П. Ю. Американские консерваторы и имперская идея / Павел Юхимович Рахшмир. – Пермь: ЗУИЭП, 2007. – 224 с. – С. 8–9.

характера, как это было свойственно престолам Константинополя или Санкт-Петербурга, а также далека от элементов личностного абсолютизма, который был характерен для Рима. Соединённые Штаты нельзя назвать империей в классическом смысле и потому, что формально источником власти в них признаётся не Бог, а американский народ, т.е. определённый ограниченный в пространственно-временном отношении субъект. Отметим, что источником власти, согласно закону, в Америке является народ, но при этом следует делать поправку на огромное влияние, которое на одобрение политических решений имеет крупный капитал, в том числе решений, касающихся вопросов войны и мира. «Американский народ» не может быть источником имперской (т.е. в идеале всемирной) власти, потому что кроме него есть и другие народы. Логично же идея единого Бога не допускает существования других «богов». Дж. Хантер и Дж. Йетс оценивают эту ситуацию так: «Эта космополитическая элита мнит себя гражданами мира, которые имеют американские паспорта, а не американскими гражданами, которым приходится работать в организациях глобального охвата».[366] Составляя часть человечества, американский народ не «трансцендентен» относительно него. Таким образом, по отношению к остальному миру, власть Вашингтона не может быть полностью легитимной.

Вопрос идентификации США в имперском качестве, в силу необратимых исторических трансформаций, требует выдвижения идеи постклассической империи. Анализ этого явления исключительно сложен. По мнению цитируемого выше Э. Тодда, характерным признаком постклассического империализма является то, что он не опирается на правовую или религиозную санкцию. Роль военной силы, хотя и весьма весома, но по сравнению с контролем над мировым капиталом, рынком и технологиями менее значима.[367] Для анализа постклассической империи важен и юридический момент. Юридические системы большинства стран мира созданы на основе римско-византийского права. Зато с точки зрения права, «империя» перестала быть исключительным и единственным

[366] Уткин А. И. Удар американских богов / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Алгоритм, 2006. – 416 с. – С. 372.
[367] Тодд Э. – Указ. соч. – С. 87–88.

объектом. Во времена Рима и Византии существовал лишь один полноценный субъект «международного» права – сама империя. Сегодня же система ООН объединяет почти две сотни стран, каждая из которых, с формально-юридической точки зрения, имеет такие же права и такой же статус, как США, РФ или КНР, по своей фактической мощи оставившие остальные страны мира далеко позади. Соответственно, в силу существующего в современном мире порядка вещей, постклассическая империя не может использовать для обоснования своей власти над миром ни религиозную, ни правовую санкцию.[368]

Несмотря на то, что древние империи по причине наличного в их времена уровня развития транспорта и коммуникаций, не могли по географическому критерию быть всемирными, в силу своего сакрально-правового характера и внутренней логики, их, с определёнными оговорками, всё же можно было назвать мировыми. И наоборот: мощь Вашингтона, которая по фактическим параметрам превосходит мощь всех предыдущих империй вместе взятых, не позволяет назвать его имперской столицей. Тем не менее, внешняя политика Соединённых Штатов, несомненно, является имперской: не по своим истокам, а по своей фактической реализации. В этом смысле исследователи говорят скорее об «имперском миропорядке», чем о «миропорядке империй».[369] Империй нет, но империализм остался, следовательно, позволяя себе тавтологию, отметим, что постклассическая американская империя – пример воплощения империализма без империи, в чём и заключается сущность «постклассичности». Как во время Холодной войны, так и на рубеже XX и XXI веков Вашингтон не устанавливал протекторатов и не назначал администраций, однако он агрессивно экспортировал свои институты и идеологию. Во многих случаях Белый дом не останавливался перед применением военной силы, но вместе с этим предпочитал силу «мягкую», создавая ситуацию, при которой не империя нуждается в остальном мире, а остальной мир нуждается в ней сам.

---

[368] Трофименко Г. А. Сверхдержава ли Америка? / Генрих Александрович Трофименко / США и внешний мир. Материалы IV науч. конф. Ассоциации изучения США. – М.: МГУ, 1997. – С. 88–97.

[369] Миллер А. И. Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения / Алексей Ильич Миллер // Политическая наука. – № 3. – 2004. – С. 4–12.

Ещё одной характерной чертой постклассических империй является тщательное избегание для самоидентификации термина «империя»: в отличие от империй прошлого, они применяют его в основном для характеристики своих внешнеполитических соперников. В полной мере это относится как к Москве, которая клеймила «капиталистический» империализм, так и к Вашингтону, который клеймил империализм «коммунистический». Более того, и Кремль, и Белый дом позиционировали свою миссию как миролюбивую, придавая ей прилагательные «республиканская» и «демократическая». Британский историк Доминик Ливен отметил относительно этого, что «три ведущие государства сегодняшнего мира старательно избегают называться империями».[370] Таким образом, США, по ряду критериев, можно идентифицировать в качестве постклассической империи, а «миропорядок, выстраивающийся при активном участии американцев, можно охарактеризовать как «имперский».[371]

Впрочем, справедливости ради, отметим, что кроме Соединённых Штатов, в круг постклассических империй входил и Советский Союз, герб которого содержал весь Земной шар и лозунг всемирного единения трудящихся.[372] Даже официальные названия – «Соединённые Штаты Америки» и «Союз Советских Социалистических Республик» почти лишены географической определённости, указывая на всемирную перспективу. Итак, две постклассические империи на смогли долго сосуществовать: их глобальные проекты исключали друг друга и с самого начала находились в антагонизме, который был развязан только с распадом СССР. В наше время единственной постклассической империей остаются США. Согласимся с С. Н. Картамышевой, по мнению которой, Pax Americana – это мир капиталистической экономики и либеральной демократии, навязываемой в качестве единой модели развития всему человечеству.[373]

---

[370] Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок / Доминик Ливен [Электронный ресурс] // Ab Imperio. – № 1. – 2005. – Режим доступа к статье: http://abimperio.net/cgibiiyaishow.pl7sta te=showa&idart=.

[371] От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Под ред. Войтоловского Ф. Г. – М.: Научно-образовательный форум по междунар. отношениям, 2005. – 204 с. – С. 17.

[372] Алаев Л. Б. Империя: феномен или этап развития? / Л. Б. Алаев // Вопросы истории. – № 4–5. – 2000. – С. 148–156.

[373] Картамышева С. Н. Идеологическая экспансия США: имперский замысел / Светлана Николаевна Картамышева. Петербургские Кариевские чтения по новистике «Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.)». – СПб.: СПбГУ, 1999. – С. 402–405.

Очевидно и другое – с каждым годом Соединённым Штатам всё сложнее выполнять функцию глобального лидера и сверхдержавы. В то же время, появляется всё больше конкурентов, бросающих им вызов в качестве региональных «геополитических полюсов».

Подводя итог, подчеркнём, что географическое расположение является одним из ключевых факторов успешного развития и становления США в качестве центра силы: сначала в пределах Американского континента, а с разложением Венской, впоследствии и Версальско-Вашингтонской системы – мира в целом. Холодная война явила собой воплощение основного закона геополитики – фундаментального дуализма, который проявлялся в противостоянии талассократической и телукратической цивилизаций, при этом в американо-советском конфликте это противостояние достигло максимальных пропорций.

Отметим, что изменение геополитической картины мира, обусловленное смещением баланса сил на планете в XX веке и укреплением государственности США породили у них амбиции, которые представляли угрозу национальной безопасности других государств, прежде всего – России (и СССР как модифицированной формы её политического устройства). Выскажем предположение о дальнейшей эволюции мира от одно- к мультиполярному. В этой связи, стоит процитировать слова Президента Джона Кеннеди, сказанные им после деэскалации Карибского кризиса 1962 года. Обращаясь к своим гражданам, он сказал: «Если вы считаете, что будущий мир – это Pax Americana, мир по-американски, то вы ошибаетесь. Или будет мир для всех, или его вообще не будет».[374]

[374] Цит. по: Цепляев В. Идёт война холодная? / Виталий Цепляев [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://gazeta.aif.ru/_/online/aif/1373/08_01.

Р а з д е л I I I.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУРСА США ОТНОСИТЕЛЬНО СССР

1. Конституционно-правовые основы организации и деятельности американской внешней политики

Поставленная перед нами исследовательская задача выяснения движущих сил политики США на её советском направлении определяет необходимость чёткого определения схемы общего процесса её формирования и освещения характерных особенностей. В контексте такого целеполагания уместно осуществить попытку установления реальных носителей внешнеполитической власти и выяснения компетенции органов, участвующих в разработке и реализации решений данной сферы.

Прежде всего, напомним, что под внешнеполитическим механизмом мы подразумеваем всю совокупность определённым образом институционализированных органов власти и их взаимодействие между собой в ходе постоянного участия в процессе разработки, принятия и осуществления тех или иных решений по реализации национальных (государственных) интересов на мировой арене. Государство, являясь базовым институтом политической системы общества, трансформирует полномочия других её элементов в конкретные программы и курсы, воплощая их в жизнь через внешнеполитический механизм. Понятие внешней власти являет собой единство внешнеполитической компетенции и деятельности учреждений высшей администрации и материализуется в различного рода экстернальных действиях, таких как заключение межгосударственных договоров и соглашений, решение международных проблем, поддержание дипломатических отношений.[375]

[375] Поздняков Э. А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения / Эльгиз Абдулович Поздняков. – М.: Наука, 1986. – 184 с. – С. 9.

Подчеркнём, что выяснение субъектов, принимающих конкретные внешнеполитические решения в определённый исторический промежуток, является непростой задачей, поскольку выработка таких решений – неоднозначный и сложный процесс, в котором участвуют многочисленные формальные и неформальные силы, деятельность которых может носить как публичный, так и закрытый характер. Относительно американского контекста, исследователи отмечают, что политическая система США состоит «из огромного числа органов, политических и правовых учреждений и институтов, которые создавались как в рамках официального конституционализма, так и вне его, так и вопреки ему».[376] Первый цикл поправок к Конституции закрепил формальное равенство всех граждан, однако американская политическая система «непременно выступает как весьма разнородный, внутренне противоречивый социальный механизм».[377] Итак, политикум (политическая сфера), в совокупности со всеми другими элементами и подсистемами общества составляет интрасоциетальную среду, формирует национальные идеалы и нормы морали, идеи, выдвигаемые отдельными личностями или группами лиц (прежде всего, представителями истеблишмента) и всей американской действительностью. Следует отметить, что в процессе формирования внешней политики, влияние эндогенных (внутренних) факторов – господствующих настроений среди правящей элиты, личных ориентаций ключевых фигур в государстве, традиций политической культуры, является преобладающим. Вместе с тем, взаимосвязанность всех процессов планеты обязывает учитывать, что американская интрасоциетальная среда не только влияет на формирование мировых тенденций, но и сама подвергается их воздействию. Касательно исследуемого нами периода, одним из ключевых факторов эволюции мировых процессов была внутренняя и международная политика СССР, как и концепции и идеалы, которые были в нашем государстве господствующими.

---

[376] Государственный строй США / Под ред. Никифорова А. С. – М.: Юридическая литература, 1976. – 327 с. – С. 3.
[377] Конституция США: история и современность / Под ред. Мишина А. А. – М.: Юридическая литература, 1988. – 320 с. – С. 183.

Отметим, что в области гуманитарных наук Соединённых Штатов процесс подготовки и одобрения внешнеполитических решений является предметом особого интереса. Именно американские специалисты предложили для анализа этого явления метод моделирования. При всей своей условности, данный метод, тем не менее, даёт определённый ключ для систематизации того процесса, который является предметом нашего исследования. В его рамках можно выделить четыре распространённые модели, на которых целесообразно кратко остановиться.

1. *Модель рациональных действий*. В соответствии с этим подходом, внешняя политика видится как реакция на явления экзогенного характера, причём государство рассматривается в качестве единого целого, реагирующего на вызовы. В связи с этим, исходной установкой является тезис о том, что страна откликается на внешние события рациональным способом, т.е. вырабатывает максимально взвешенную линию своего поведения. Вместе с тем, подобная линия может быть ошибочной, поскольку исходные данные, истоки и причины внешнего воздействия могут быть оценены политиками неадекватно реальной ситуации. Несмотря на это, сторонники данного подхода считают, что все эти компоненты подвержены рациональному анализу, который является базовой позицией для принятия решения.

Таким образом, внешняя политика, согласно рациональной модели, является результатом взвешенного, детального анализа всего комплекса обстоятельств, в результате которого ключевые фигуры государства совершают оптимальный выбор и принимают соответствующие меры, необходимые для защиты национальных интересов.[378]

2. Вторая модель процесса одобрения внешнеполитических решений – *бюрократическая*. В её рамках считается, что ответственность за формирование курса разделена между различными персонами и ведомствами, каждое из которых видит проблему «со своей колокольни», в результате чего между ними возникают

[378] Ширяев Б. А. Процесс принятия внешнеполитических решений // Внешняя политика США: принципы, методы, механизмы / Борис Анатольевич Ширяев. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 442 с. – С. 96.

выраженные противоречия. Исходя из этого, политика рассматривается в качестве процесса, участники которого стремятся прийти к компромиссу касательно сложных проблем внешнего характера. Сторонники бюрократической модели считают, что внешняя политика не может быть результатом осознанного выбора, ведь в значительной степени она является продуктом процесса согласований или результатом воплощения организационно-стандартной процедуры. Необходимость компромиссов ведёт к тому, что создатели внешней политики стремятся к минимуму новых решений. Неповоротливость организационной рутины и косность бюрократической процедуры порождают тенденцию, в соответствии с которой внешняя политика меняется незначительно и скорее в деталях, чем в стратегической сущности. Таким образом, административные (бюрократические) и процедурные рамки постоянно ограничивают способность и возможность участников процесса принятия решений оперативно реагировать на актуальные проблемы. С точки зрения сторонников бюрократической модели, ответственные за внешнюю политику фигуры стремятся усовершенствовать её, однако вряд ли могут предсказать, способны ли они реализовать курс, в максимальной степени соответствующий национальным интересам.[379]

3. Решения по многим важным вопросам, особенно в критически важных областях, одобряют не отдельные политики и не бюрократический аппарат, а небольшие группы деятелей высшего руководства. Это – *модель малых групп*. В числе этих групп, выделяют три типа с различными ролями и политическими функциями. Первый тип – не имеющие формального статуса, но функционирующие регулярно и оказывающие решающее влияние на процесс принятия внешнеполитических решений. В качестве наиболее известных в литературе можно привести примеры традиционных встреч для обсуждения мировых проблем по вторникам за ланчем у Президента Л. Джонсона или регулярные подобные обсуждения за завтраком по пятницам у Президента Дж. Картера. Подобные неформальные группы особо доверенных лиц фактически

[379] Грэм Аллисон о моделях принятия решений в области национальной безопасности // Теория международных отношений: хрестоматия / Под ред. Цыганкова П. А. – М.: Гардарики, 2002. – 400 с. – С. 267–270.

существуют у каждого национального лидера (Рейган по этому поводу заявил, что «все крупные перемены в Америке начинаются за обеденным столом»). Второй тип – это группы, создаваемые для развязания критического вопроса, сразу после решения которого они прекращают своё существование. Классическим примером является кризисная группа из 15 человек, сформированная Дж. Кеннеди для управления ситуацией вокруг Кубы. Третий тип подобных групп – имеющие формальный статус и существующие на достаточно длительной основе. К этой категории относят, например, подкомитеты Совета национальной безопасности, которые создают для выполнения специальных функций и решения внешнеполитических проблем хронического характера. Стратегические решения касательно последних, как правило, одобряются узким кругом лиц, в который входят хозяин Белого дома и его советник по вопросам национальной безопасности, Вице-президент, Государственный секретарь, Министры обороны и финансов, директор ЦРУ, а в отдельных случаях привлекаются Министр энергетики и руководители других ведомств. В условиях обострения проблем, численность группы сужается до четырёх-пяти специалистов. В таких случаях, при принятии решений, выборе путей и средств их реализации, большую роль играет субъективный фактор.

4. Следующая известная модель принятия внешнеполитических решений – *теория элит*. Согласно ей, внешняя политика является реакцией на актуальные потребности экономической и политической систем. Однако сформулировать, выстроить и сконструировать эти потребности в виде определённых позиций и целей способны только незначительные сегменты общества. Свои задачи и потребности они трансформируют в национальные интересы через государственные структуры и систему воздействия на органы власти. Считается, что преследуя общие цели, они разделяют и общие ценности, следовательно, являются относительно сплочёнными и стабильными.

Расхождения возникают лишь в деталях и касаются скорее методов и тактики внешней политики, чем её стратегии. Зато все остальные слои, которые находятся вне элит, лишь следуют их инициативам. По мнению сторонников

данной модели, реакция государства на те или иные события международной жизни формируется и направляется элитой и не является выражением независимой позиции общества.[380]

Осуществляя обобщённый анализ американской внешней политики XX века, российский исследователь Сергей Чернов подчеркнул, что весомым фактором её формирования была среда окружающего мира. Экстрасоциетальная среда была охарактеризована им как «изменчивый мир, который проявлялся в сужении сферы деятельности, отпадении от капиталистической системы “слабых звеньев” – стран, которые переходили в сферу влияния СССР».[381] Структура международной среды не является застывшей, следовательно, эволюция политической карты мира меняла соотношение сил и во внутренней политике, экономике, военной сфере, идеологии. Его рабочее видение американского внешнеполитического механизма можно сформулировать так: это целостная взаимосвязанная структура иерархических элементов, способная адаптироваться к окружающей среде или изменять её в соответствии с заложенным в ней потенциалом. По мнению данного исследователя, элементами системы внешней политики США являются:

- *цель* – идеальный результат деятельности;
- *средства* – материальные (дипломатические, экономические, военные) и духовные (идеологические) ресурсы общества, используемые государством для достижения целей на мировой арене; поскольку для внешней политики приняты четыре измерения, то и разделение средств производится соответственно;
- *идеология внешней политики* – исторический опыт, обобщённый в определённых ментальных конструктах, таких как: «подвижная граница», «явное предопределение», «американский век», «открытые двери», «особая роль Америки в руководстве миром» и т.д., в которых обоснованы принципы, ценностные ориентиры, государственные интересы и ценности;

---

[380] Ширяев Б. А. − Указ. соч. – С. 99–100.

[381] Чернов С. А. Анализ политики США в отношении СССР: системно-циклический подход / Сергей Алексеевич Чернов // США и Канада: экономика, политика, культура. – № 6. – 2001. – С. 76–88.

- *доктрины внешней политики* – элементы идеологии, раскрывающие и обосновывающие путь использования тактических средств для достижения стратегических целей;
- *социально-политические теории* – господствующие в тот или иной временной интервал операционные концепции, объясняющие развитие общества, как собственного, так и чужого;
- *образ («имидж»)* – совокупность стереотипов мышления (клише) в массовом сознании касательно других государств (их появления, внутреннего устройства, функционирования);
- *«внешняя угроза»* – составная часть образа соперника, используемого политическими лидерами для оправдания соответствующего курса относительно него;
- *персоналия* – политико-академический корпус, участвующий в формулировке целей и проведении внешней деятельности.[382]

С. Чернов подчёркивает, что на практике институционального бытия любого государства структурно-функциональные особенности внешнеполитического механизма определяются историческими условиями его становления и развития. Анализируя случай США, отметим, что возникновение, развитие и функционирование различных элементов их политической системы осуществлялось в зависимости от расстановки сил как в собственном обществе, так и ситуации на международной арене. В этой связи подчеркнём важность таких принципиальных для «американского эксперимента» черт, как во-первых, отсутствие в политической системе элементов феодального военно-бюрократического аппарата; во-вторых, успешность первого в мировой практике прецедента «высадки» на нетронутую почву ростков буржуазной демократии, которая была осуществлена европейскими переселенцами. Враждебное отношение молодой нации к жёстко централизованной власти отражали государственно-правовые доктрины периода Войны за независимость (1775–1783). Большую роль в данном контексте сыграл опыт местного самоуправления,

[382] Там же.

построенного соответственно интересам новых владельцев широких (по европейским меркам) земельных участков, которые выступали за сохранение естественных прав личности, и в частности, священного для них института частной собственности. Поэтому американцы в основу организации и функционирования своей государственной машины заложили идею децентрализации власти и распределения её полномочий между различными, относительно равноправными органами. Кроме того, привлечение к политической жизни широких общественных слоёв новорожденной республики и отсутствие аристократической традиции рождали стремление предупредить укрепление произвола центрального государственного управления.[383] Одним из результатов этого является то, что американцы научились продвигать в руководящие эшелоны карьерной бюрократии не лояльных и послушных руководству людей средних способностей (политических назначенцев), а настоящие таланты. Достаточно жёстко этот принцип осуществляет принцип «продвигайся наверх или уходи» («up or out»). В результате действия указанных факторов, произошло рассредоточение полномочий как по горизонтали – между теоретически равноправными и организационно независимыми друг от друга законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, так и по вертикали – между общенациональным правительством и штатами, объединившимися в союз по принципу федерализма. Итак, указанные исторические особенности повлияли на формирование американского внешнеполитического механизма определяющим образом.[384]

Отметим и то, что функционирование рассматриваемого нами механизма определяется, прежде всего, нормами Конституции, в общих чертах указывающей субъектов внешней политики и определяющей их компетенцию. Вместе с тем, авторы Основного закона создавали и рассматривали его как акт, закрепляющий, прежде всего, основы новой кристаллизующейся национальной общины. Таким

[383] Хеннинг Х. Х. Г. США: факторы стабильности политической системы: дисс... канд. полит. наук: 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» / Хайнц Хеннинг Герхард Пентцлин. – М., 2005. – 224 с. – С. 160.

[384] Самуйлов С. М. Внешнеполитический механизм США: эволюция, реформирование, проблемы (1947–2008 гг.): автореф. дисс… канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Сергей Михайлович Самуйлов. – М., 2010. – 48 с. – С. 16.

образом, Конституция Соединённых Штатов и изданные на её основе и для её развития другие акты отражали социально-политический и экономический строй американского общества, поэтому по своему характеру и назначению они являются не столько правовыми, сколько политико-идеологическими документами.[385]

Учитывая декларативность Основного закона, детали процесса формирования и проведения внешней политики нового государства остались, по сути, вне поля зрения его авторов. В связи с этим характерно, что Конституция не содержит специальных разделов о внешней политике; не употребляется это понятие и в других законодательных актах. Как путём буквального, так и расширенного толкования Конституции определить реальные полномочия ветвей власти в формировании и осуществлении внешней политики сложно. Согласно Основному закону США, между центральными органами власти установлены взаимоотношения, характерные для республиканской формы правления, которые известны в научной литературе как принцип разделения властей. В условиях американской действительности этот принцип в течение двух веков трансформировался в систему «сдержек и противовесов».[386] Возможность с юридической точки зрения Конгресса, Президента и Верховного суда действовать самостоятельно предупреждает усиление одного из них, не давая возможности действовать в направлении, противоположном чаяниям других органов. Вместе с тем, нововременная концепция государственного механизма в виде теории разделения властей, а также функционирование выборных представительских учреждений касалась вопросов политики относительно зарубежья весьма косвенно. Слабая информированность населения о событиях в окружающем мире, характерная первым годам независимости, позволяла «отцам-основателям» осуществлять внешнеполитическую деятельность методами традиционной

---

[385] Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США / Август Алексеевич Мишин. – М.: Наука, 1984. – 190 с. – С. 15–33.

[386] Аптекер Г. История американского народа: в 12 тт. – Т. 2: Американская революция 1763–1783 / Герберт Аптекер. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 382 с. – С. 294.

дипломатии, на основании чего в этой области сформировались действующие до сих пор традиции.[387]

В Конституции США вопросы внешней политики отсылаются к компетенции федеральных органов; следовательно, отдельные административно-территориальные единицы правами самостоятельных внешних отношений не пользуются. Законодательство и его исполнение по всем направлениям этой государственной функции (включая политическое и хозяйственное представительство за рубежом, заключение договоров) находится исключительно в ведении центральных органов. Характерно, что там, где речь идёт о внешнеполитических полномочиях заведений федеральной власти, американская Конституция не содержит детальной правовой регламентации и ограничивается лишь установлением общих управомочивающих норм, относящихся к деятельности ветвей власти. В то же время, Основной закон в значительной степени демократизировал внешнеполитический процесс, разделив его определённые функции между исполнительной и законодательной ветвями власти в рамках упомянутого принципа «сдержек и противовесов». В частности, законодательный орган наделён правом решения вопросов войны и мира, ратификации международных соглашений, в то же время исполнительной ветви власти предоставлены полномочия по формированию и осуществлению внешней политики, без ответственности за результаты своей деятельности перед парламентом.[388]

В конечном счёте, очерченное положение вещей опосредовало то, что американская внешняя политика представляет собой сложный, многогранный и противоречивый процесс, к которому привлечено большое количество участников: государственные институты, корпорации, политические партии и неправительственные организации. Усиление роли последних в политической жизни большинства стран мира является трендом новейшего времени, однако в американском случае государство остаётся главным инициатором и проводником

---

[387] Матвеев В. М. Дипломатическая служба США / Владимир Маркович Матвеев. – М.: Междунар. отношения, 1987. – 189 с. – С. 37.

[388] США, внешнеполитический механизм: организация, функции, управление / Под ред. Шведкова Ю. А. – М.: Наука, 1972. – 368 с. – С. 41.

международной деятельности. Учитывая это, следует выявить центральные институты американского внешнеполитического механизма. Напомним, что носителем законодательной власти в США является Конгресс, состоящий из Палаты представителей и Сената. Деятельность этого органа представляет собой один из важнейших компонентов политического процесса и механизма функционирования американского государства в целом. Как известно, влияние Капитолия гораздо более ощутимо во внутренней жизни страны, чем в области её внешней и военной политики, где инициатива и ведущая роль принадлежит Президенту и органам подчинённой ему федеральной бюрократии. Конгресс, вместе с тем, используя свои конституционные прерогативы, имеет возможность предупредить, усложнить, ограничить или затормозить осуществление тех или иных мероприятий или добиться определённых, иногда значительных изменений провозглашённой политики.[389] В стенах Капитолия представлены практически все основные идеологические течения, от ультраправых до либералов, из-за чего разногласия, которые время от времени возникают между ветвями власти вокруг внешней политики, отражают различия в подходах к конкретным проблемам, которые существуют между представителями различных политических течений. Таким образом, в Конгрессе осуществляется своего рода корректировка правительственного курса с учётом интересов указанных групп.

Именно путём компромиссов и разного рода компромиссов между различными группами политикума разрабатывается законодательство, определяющее не только внутреннюю и экономическую жизнь США, но и в значительной степени их внешнюю политику. В заключительной части раздела VIII Конституции подтверждается, что Конгресс имеет право одобрять любые законы, необходимые для осуществления полномочий как его самого, так и верховной власти вообще, отдельного его ведомства или должностного лица. Хотя о комитетах Конгресса Конституция не говорит ничего, именно в них рассредоточена вся работа законодателей. В Палате представителей имеется 22

[389] Байден Дж. Точка зрения демократов: Конгресс и внешняя политика / Джозеф Робинетт Байден // Внешняя политика США [Электронный ресурс] // Электронный журнал Государственного департамента США. – Режим доступа: http://sd.and.ru/doc/poli_10r.pdf.

комитета, а в Сенате – 16. Возникнув на рубеже XVIII–XIX веков как рабочие органы, система комитетов превратилась в связующее звено между законодательной и исполнительной ветвями власти и важный политический орган.

Несмотря на то, что в дальнейшем Конгресс и передал широкие нормоустанавливающие полномочия органам исполнительной власти и даже Верховному суду, помимо законодательства, он всё равно активно участвует в формировании и осуществлении внешней политики – прежде всего, через федеральный бюджет. Раздел VII статьи I Конституции устанавливает, что все законопроекты, которые касаются государственных доходов и расходов, разрабатывает именно это учреждение. Конгресс контролирует источники государственных доходов (налоги, тарифы, займы) и правительственные расходы, что указано в XIX разделе Конституции: «Деньги не должны выдаваться иначе, как на основе ассигнований, предусмотренных законом». Капитолий осуществляет налогообложение, регулирует торговлю с другими государствами, выпускает деньги, объявляет войну, формирует вооружённые силы и выделяет ассигнования на их содержание. Хотя исторически во внешней политике за Конгрессом закрепилась, прежде всего, совещательная функция в этой области, он тем не менее, имеет мощные рычаги воздействия: решение по займам от имени США может принимать только Капитолий, контроль над ассигнованиями также находится в его руках. Кроме того, он обладает полномочиями по установлению тарифов на экспорт и импорт товаров и услуг, по регулированию внешней торговли и иммиграции. Законодательный орган утверждает предоставление экономической и военной помощи или отказывает в ней иностранным государствам.[390]

Таким образом, устанавливаемые в законах о бюджете ассигнования на вооружение, военную и экономическую помощь другим государствам, дипломатическое представительство часто ограничивают возможности

[390] Савельев В. А. Капитолий. США: прошлое и настоящее / Владимир Аркадьевич Савельев. – М.: Мысль, 1989. – 278 с. – С. 65–68.

исполнительной власти маневрировать при реализации тех или иных акций. Поэтому для проведения в жизнь эффективного внешнеполитического курса Президент нуждается в поддержке Конгресса и фактически может уверенно действовать лишь в пределах согласия законодателей с этим курсом. Повторим, что для американской государственно-правовой доктрины и политической практики характерно отсутствие какого бы то ни было различия между формальной и материальной внешней властью. Последняя, в случае Соединённых Штатов, сводящаяся как к внешнему представительству государства, так и к участию в формировании его воли по международным вопросам, фактически полностью принадлежит исполнительной ветви власти. Её носителем является Президент, которому подчинён специальный аппарат, состоящий из Совета национальной безопасности, административно-бюджетного управления, управления по разработке политики, совета научно-технической политики, экономического совета, управления специального представителя Президента на торговых переговорах, административного управления, а также федеральных министерств, которых насчитывается 13. В президентский кабинет, входят, как правило, все руководители последних, а также должностные лица независимых административных ведомств.[391]

Отсутствие нормативной основы внешнеполитического процесса или его регламентация только по узкому кругу вопросов, в большинстве случаев позволяет исполнительной власти формировать и осуществлять внешнюю политику вне всякого контроля. Напомним, что в этих вопросах первостепенную роль играют традиция и правило прецедента. Среди других факторов, определяющих полномочия Президента в этой области, следует назвать политическую культуру и его личностные качества. Как глава страны, Президент обладает комплексом правомочий в сферах национальной безопасности и внешних связей. В круг важнейших вопросов, находящихся в его компетенции, входят объявление войны и мира; осуществление обязанностей

[391] Hersman R. Friends and foes: how Congress and the President really make foreign policy / Rebecca K. C. Hersman. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2000. – 154 p. – P. 41.

главнокомандующего армией и флотом, а также полицией, если она призывается на действительную службу. К этой же сфере относятся исключительные полномочия: право объявлять и прекращать чрезвычайное положение, а также осуществлять в период его действия специальные или экстраординарные меры вплоть до применения сил армии и национальной гвардии для восстановления правопорядка. К внешнеполитическим вопросам, освещаемым Конституцией, входит назначение послов и других полномочных представителей, осуществляемое Президентом по предложению и с согласия Сената (требуется большинство голосов этой палаты) (статья II, раздел 2); он же принимает послов и других публичных представителей (статья II, раздел 3).

Касательно вопроса о признании, президенты обычно консультируются с другими членами правительства, но делать этого не обязаны. Этот, на первый взгляд, тривиальный конституционный механизм даёт хозяину Белого дома дополнительные инструменты для ведения иностранных дел и дипломатии, так как он является представителем нации в международных отношениях, служит первичным каналом коммуникации с иностранными государствами, обладает правом признавать (или не признавать) зарубежные правительства. Другие ветви власти считают себя связанными президентским определением того, какую политическую группу признавать правительством иностранного государства. Обеспечить соблюдение этого конституционного обязательства был призван специальный закон 1799 года, который был направлен против частных лиц, которые могли узурпировать государственную власть, вступая в отношения с другими правительствами. В частности, американские президенты изначально противились признанию Советского Союза, отказываясь направлять или принимать послов. В 1979 году, когда Капитолий пытался открыть за рубежом десять новых консульств, Президент Дж. Картер заявил, что Конституция предоставляет ему право решать, когда и куда должен быть назначен посол или

консул, и Конгресс не уполномочен устанавливать отношения при обстоятельствах, неприемлемых для национального лидера.[392]

Итак, осуществляя поиск причинно-следственных связей между внешней и внутренней политикой США, следует учитывать монополию президентской власти на целый ряд указанных выше мер: признание государств и правительств, установление и разрыв дипломатических отношений, применение армии, составление текста и заключение международного договора, – т.е. таких действий, из которых и слагается внешняя политика государства. Отметим, вместе с тем, что не все международные документы, под которыми подписываются американские президенты, считаются в Соединённых Штатах договорами, а только те, которые непосредственно связаны с полномочиями Конгресса. Договоры же, относящиеся к компетенции исполнительной власти, именуются исполнительными соглашениями. Утверждения Сената требуют только международные договоры, а исполнительные соглашения заключаются Президентом самостоятельно. В число последних входят соглашения об установлении дипломатических отношений, о мире, вопросы совместного военного производства и создания баз. Однако некоторые исполнительные соглашения нуждаются в одобрении верхней палаты Конгресса, – прежде всего, если они требуют значительных ассигнований. Впрочем, даже в случае необходимости согласия Конгресса на заключение международного соглашения, Президент всё равно играет в этом процессе решающую роль, поскольку осуществляет в нём начальную и конечную стадии. Механизм таков, что сначала договор подписывается Президентом или кем-либо по его поручению и только потом подлежит одобрению Сенатом. Но такое одобрение не означает окончательного решения по вопросу о вступлении договора в силу. Ратификационная грамота подписывается Президентом, который может этого и

[392] Franck T. Foreign policy by Congress / Thomas M. Franck, Edward Weisband. – N.-Y.: Oxford University Press, 1979. – 357 p. – P. 136.

не сделать или, подписав её, отказаться от депонирования или обмена ратификационными документами, без чего договор не вступит в силу.[393]

По мнению «отцов-основателей», Конституция предусматривала относительно договоров общие полномочия законодательной и исполнительной властей. Предлагалось направлять предложения в Сенат с тем, чтобы его члены могли предложить рекомендации (в устной или письменной форме) по разработке проектов договоров. Мнение сенаторов спрашивали по вопросам назначения участников переговоров о заключении международных договоров, а также просили их дать инструкции касательно этих вопросов. В этом смысле конгрессмены сыграли важную роль, выступая официальными участниками переговоров по формированию ООН, представляя США в её Генеральной Ассамблее. Моделью эффективного сотрудничества исполнительной и законодательной ветвей власти служит Североатлантический договор, разработанный Государственным департаментом в тесном сотрудничестве с комитетом Сената по внешним отношениям. Итак, в большинстве случаев Президент всё же проводит предварительные консультации с членами ратифицирующего органа. Согласно стандартной аннотированной версии Конституции, процесс разработки и заключения договора является президентской монополией. Основной закон предусматривает право Президента по совету и согласия Сената заключать международные договоры – при условии их одобрения двумя третями присутствующих сенаторов (статья II, раздел 2). Однако процесс «совета и согласия» может быть длительным, особенно в случае важных договоров. Среди примеров можно привести неодобрение сенаторами подписанного Президентом Вильсоном Версальского договора и отказ дать согласие на вступление Соединённых Штатов в Лигу Наций. Соглашение Картера о возвращении Панаме межокеанского канала постигла та же участь; договор ОСВ-II с Советским Союзом был отвергнут после того, как стало очевидно, что Сенат откажет в согласии.

---

[393] Цаликова М. Б. Президент и Конгресс США на международной арене / М. Б. Цаликова [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://pvlast.ru/archive/index.9.php.

Во избежание неопределённости договорного процесса, в новейшей истории президенты всё чаще обращались к применению исполнительных соглашений – договоров, заключаемых от имени Соединённых Штатов, но не требующих одобрения Сената. Обход законодательной ветви власти часто оправдывался тем, что внедрение в жизнь таких сделок обычно требует принятия Конгрессом специальных актов. Большинство президентов считали, что прерогативой их должности является связывание США международными договорами без публичных дискуссий или дебатов на Капитолийском холме. При обосновании данного полномочия на заключение исполнительных соглашений они ссылались на положения Конституции. Сначала этот род документов касался только второстепенных или технических вопросов, но постепенно превратился в обычный способ решения и более важных проблем (среди примеров можно указать соглашение Ф. Д. Рузвельта с Великобританией 1940 года, которое вовлекло Соединённые Штаты в европейскую войну, обязательства в Ялте и Потсдаме 1945 года). Исполнительные соглашения использовались при реализации плана Маршалла, а также секретных военных обязательств перед Испанией, Таиландом, Эфиопией, Южной Кореей, Израилем, Камбоджей и Южным Вьетнамом, для ведения секретной войны в Лаосе в течение 1950-х – 1960-х годов и оказания помощи другим странам «третьего мира» в период общественной поствьетнамской апатии 1970-х.

Стремясь установить общественный контроль над этими процессами, Конгресс в 1973 году одобрил «Резолюцию о военных полномочиях», согласно которой Президент обязан информировать законодателей о причинах применения силы за рубежом. Впрочем, примечательно, что в случае более чем двухста крупных зарубежных военных конфликтов в американской истории президенты обращались к Конгрессу за одобрением своих действий лишь девять раз.[394]

Ссылаясь на необходимость защиты военных и дипломатических секретов страны, сохранение конфиденциальности внутренней политики администрации,

[394] Резолюция о военных полномочиях 1973 г. // Соединённые Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Под ред. Жидкова О. А. – М.: Прогресс, Универс, 1993 – 768 с. – С. 189.

президенты часто отказываются подавать Конгрессу информацию о своей деятельности. Эта т.наз. «привилегия исполнительной власти» как прецедент возникла ещё при Дж. Вашингтоне, когда он, ссылаясь на то, что полномочия рассматривать сделки положено по Конституции Президенту и Сенату, отказался направить в Палату представителей документы о заключении соглашения США с Великобританией. В этой связи, Президент Т. Рузвельт писал о полномочиях национального лидера: «Мне нравится в американской форме правления то, частный гражданин может быть избран народом на должность, которая является такой же значимой, как должность сильнейшего монарха, он одновременно осуществляет больше власти, чем царь, император и папа».[395] Такое положение вещей позволило американскому историку и писателю, дважды лауреату Пулитцеровской премии А. Шлезингеру ввести понятие «имперское президентство».[396]

Итак, без преувеличения можно утверждать, что американский Президент обладает полномочиями, влиянием и возможностями, которые, учитывая потенциал руководимой им державы, несомненно, делают его одним из самых могучих государственных руководителей на земном шаре. Сделаем промежуточный вывод, что внешняя политика США носит ярко выраженный персонифицированный характер, и неизменно связывается с именем действующего национального лидера. Поэтому, каждый из президентов стремился сформулировать собственную внешнеполитическую доктрину. В этом контексте присоединимся к американским учёным М. и Ч. Херманн, А. Джорджу и Ф. Гринстейну, которые считают, что главным звеном внешнеполитического механизма США является президентская администрация.[397] Л. Браунлоу отмечает, что «если речь идёт о политическом лидерстве, то, естественно, имеется в виду

---

[395] Цит. по: Хайдекинг Ю. Возникновение и история института президентов в Америке / Юрген Хайдекинг // Американские президенты / Под ред. Хайдекинга Ю. – Р/н Дону: Феникс, 1997. – 640 с. – С. 34–35.

[396] Schlesinger A. The imperial presidency / Arthur Meier Schlesinger, Jr. – N.-Y.: Popular Library, 1973 – 505 p. – P. 11.

[397] Hermann M. Personality and foreign policy heads of government / Margaret G. Hermann // Foreign policy decision making: perception, cognition and artifical intelligence / Ed. by Sylvan D. – N.-Y.: Praeger, 1984. – 344 p. – P. 78; George A. Presidential decision making in foreign policy: the effective use of information and advice / Alexander L. George. – Boulder: Westview Press, 1980. – 267 p. – P. 131; Greenstein F. The impact of presidency on politics: an attempt to dear away underbrush / Fred I. Greenstein // The presidency / Ed. by Wildawsky A. – Boston: Little, Brown & Cº, 1969. – 795 p. – P. 83–84.

Президент, поскольку американцы ожидают, что лидерство должны осуществлять их президенты».[398] Подчеркнём, что внешнеполитической деятельностью США руководит хозяин Белого дома; как успехи так и провалы в мировой политике были, прежде всего, победами и поражениями президентов, независимо от степени их участия в формировании внешней деятельности страны.

Основными ведомствами исполнительной ветви власти Соединённых Штатов в анализируемой нами области являются Государственный департамент и ЦРУ, выполняющие в рамках внешнеполитического механизма функции обслуживания и реализации. Имея многочисленные квалифицированные кадры, эти учреждения имеют реальные средства давления на другие государства; они обладают разветвлённой сетью своих представителей, современными методами получения, переработки и хранения информации. В частности, под эгидой Государственного департамента действовало мощное агентство ЮСИА.

Большое влияние на федеральную внешнюю политику также оказывает Министерство обороны. Решение вопросов безопасности, военно-политического сотрудничества с другими государствами, ведение переговоров о разоружении в значительной степени зависит именно от Пентагона. Роль должности Министра обороны, учреждённой в 1947 году, в соответствии с законом о национальной безопасности, впоследствии столь выросла по своему значению и влиянию, что сейчас уступает только положению хозяина Белого дома. Вместе с тем, напомним, Соединённым Штатам характерно отсутствие специального органа, который бы занимался постановкой внешнеполитических целей.

Таким образом, исторический опыт показывает, что функционирование исследуемого нами процесса определяется соотношением сил внутри американского общества, его политической системы, а также меняющейся системой международных отношений. Внешняя политика формируется в результате соперничества между различными общественными группировками и отражается в партийных программах, бюджетных директивах Конгресса и

[398] Brownlow L. What we expect the President to do / Louis Brownlow // The presidency / Ed. by Wildawsky A. – Boston: Little, Brown & Cº, l969. – 795 p. – P. 40.

установках администрации, находящейся у власти. Следует учитывать и то, что декларируемые и реальные внешнеполитические цели США не всегда тождественны, поскольку конкретные интересы элит не всегда совпадают с интересами самого государства.

Обобщая, выдвинем гипотезу о том, что на ход мировой истории новейшего времени больше других политических институтов повлиял именно американский институт президентства.

2. Электоральные институты и политика Соединённых Штатов относительно СССР

«Партия есть организованное общественное мнение», – эти слова, сказанные Бенджамином Дизраэли более ста лет назад о Великобритании, в случае США являются особенно точными. Хотя перечень зарегистрированных партий включает десятки названий, их большинство широкой публике неизвестно. Ведущими являются Демократическая и Республиканская, которые с середины XIX века контролируют Конгресс, а их кандидаты неизменно побеждают на президентских выборах. При этом интересно, что институт политических партий в Соединённых Штатах не предусмотрен писаными законами, тем не менее, является одним из главных элементов национальной политической системы. Отдавая свои голоса, избиратели, тем самым, поддерживают те или иные политические программы, имеющие внешнюю и внутреннюю составляющие. Поэтому, учитывая, что партии являются своеобразным «мостом» между общественностью и органами власти, целесообразно сосредоточить внимание на их взглядах относительно места США в мире и их борьбе в контексте выборов 1980-х годов, в результате которых к власти пришли сторонники жёсткой конфронтации с СССР.[399]

[399] Бьюэлл Э. Архаичны, но адаптивны: о политических партиях США (Сверяясь с «классическими» оценками) / Эметт Бьюэлл // ПОЛИС. – № 1. – 1996. – С. 138–150.

С 1976 года у власти находилась Демократическая партия, традиционно выступавшая за «разрядку» международной напряжённости и умеренный подход к отношениям с Москвой. Однако экономический кризис, сочетание высоких показателей безработицы с галопирующей инфляцией не могли не повлечь подрыв социальной базы демократов. В условиях «стагфляции» и роста безработицы, Картер взял курс на урезание расходов на социальные нужды, что было резко осуждено профсоюзами и представителями беднейших слоёв населения. Кроме того, Белый дом подвергался всё более резкой критике со стороны либералов – за отход от традиционного реформистского курса Демократической партии в сторону консерватизма.

В то же время, действиями Картера влиятельные деловые круги тоже не были удовлетворены, вменяя действующей администрации излишние, по их мнению, социальные расходы, сохранение чрезмерного правительственного контроля над уровнем промышленного загрязнения окружающей среды, введение налога на сверхприбыли нефтяных компаний и недостаточные затраты на национальную оборону. В своей социально-экономической политике Картер был вынужден идти на многочисленные уступки предпринимателям, но эти действия уже не могли удовлетворить бизнес, имевший тенденцию «поправения» в своих настроениях. Интенсивной критике в американских верхах администрация подверглась и в вопросах внешней политики: к концу 1970-х годов в правящей элите распространились представления о том, что международные позиции Соединённых Штатов неуклонно ослабевают, а их военная мощь становится всё более уязвимой. Итак, «ястребы» от политики склонялись к выводу о неспособности действующей администрации обеспечить доминирующее положение и закрепить военно-стратегическое преимущество Америки на мировой арене.[400]

Все эти настроения недовольства усиливались по мере обострения политических столкновений в самой администрации Картера. Ряд её деятелей

[400] Podhoretz N. The present danger. Do we have the will to reverse the decline of American power? / Norman Podhoretz. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1980. – 109 p. – P. 89.

высказывал столь явное несогласие с курсом Президента, что летом 1979 года он провёл основательную «чистку» высших эшелонов своего правительства. При этом он пошёл на беспрецедентный шаг, к которому не прибегал ни один из его предшественников в Белом доме, – сместил с должности всех министров. Среди них был, в частности, и преданный соратник Картера, Министр финансов М. Блюменталь. Позже в отставку вышли Государственный секретарь США С. Вэнс и представитель США в ООН Э. Янг. В своё время, вместе с Картером эти три деятеля входили в состав неправительственной Трёхсторонней комиссии. Однако дружбы, существовавшей между ними, для единства демократического лагеря оказалось недостаточно.

Проблемы государственной политики в США до конца 1970-х годов отчётливо проявились во взаимоотношениях между Белым домом и Конгрессом. Несмотря на то, что в этот период и Президент, и большинство законодателей в обеих палатах принадлежали к одной партии, Картеру не удалось достичь взаимопонимания с лидерами демократов по ряду существенных пунктов своей программы. В результате, он добился одобрения Капитолием значительно меньшего числа своих законодательных предложений, чем его предшественники-демократы.[401]

Показателем роста в правящих кругах Соединённых Штатов негативной реакции на действия Картера в качестве Президента было изменение отношения к нему ведущих органов массовой информации. В начале правления Картера «большая пресса» подавала его как неординарного политического деятеля, который прибыл в Вашингтон для обновления всех сфер государственного бытия. Однако через некоторое время столичные журналисты и телекомментаторы изменили тон: они стали всё чаще высмеивать провинциальные манеры Президента и его «джорджийский клан», а затем, искусно используя серию политических скандалов, в которых оказались замешаны некоторые приближенные к нему лица, поставили его в оборонительную позицию. Позже

[401] Борисов С. Джимми Картер и борьба противоречий / Сергей Борисов [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.pravda.ru/world/15-10-2002/809148-0.

Картер напишет в своих мемуарах, что все годы пребывания в Белом доме он чувствовал себя «аутсайдером», который не сумел найти общий язык как с лидерами Конгресса, так и влиятельными представителями столичной элиты и журналистских кругов.[402]

Нарастание кризисных явлений в американской экономике и внешней политике, неэффективность кейнсианских методов государственно-монополистического регулирования, с помощью которых правительство демократов пыталось стабилизировать ситуацию, обусловили возникновение и распространение образа Картера как слабого политика, неспособного проводить эффективный правительственный курс.

Приближались очередные президентские выборы, и накануне их, в ноябре 1979 года, шансы Картера быть переизбранным оценивали как невысокие – его деятельность одобряли лишь 32% американцев. На волне нарастающей критики в адрес правительства и значительного падения популярности действующего национального лидера, о выдвижении своей кандидатуры в президенты объявил выдающийся деятель либерального крыла демократов, сенатор Э. Кеннеди. Этот деятель рассчитывал убедить избирателей в том, что он является «более сильным лидером». Сначала это ему удалось, и в опросах общественного мнения он намного опережал Картера по популярности. Однако с конца 1979 года ход и соотношение сил в предвыборной кампании существенно изменились в результате новой вспышки популярности правых взглядов, что кроме внутренних проблем, было связано с событиями в Иране и Афганистане.[403]

В целом, на рубеже 1970-х – 1980-х годов исследователи отмечали устойчивый рост значения международных проблем во внутриамериканской политической борьбе. Поэтому, существенное смещение в расстановке сил на политической арене страны сопровождалось борьбой по вопросам внешней политики. Впрочем, без преувеличения можно сказать, что с самого начала предвыборной кампании как Картер, так и главные претенденты от

---

[402] Carter J. Keeping faith: memoirs of a President / James Earl Carter, Jr. – Fayetteville: University of Arkansas Press, 1982. – 640 p. – P. 369.

[403] История США: в 4 тт. – Т. 4: 1945–1980 / Под ред. Севостьянова Г. Н. – М.: Наука, 1987. – 744 с. – С. 487.

республиканцев (Р. Рейган, Дж. Буш и Дж. Корнели) стремились превзойти друг друга в том, кто активнее будет ратовать за наращивание вооружений и проведение внешней политики США с «позиций силы». В заключительный период своего пребывания у власти, администрация Картера проводила постепенный переход от морально-идеологических инициатив, призванных обеспечить усиление американского влияния в мире, к утверждению его открыто силовыми средствами. В программе Демократической партии на выборах 1980 года говорилось: «правительство демократов приняло меры для того, чтобы обратить вспять процесс ослабления Америки... Возрождение силы Америки было одной из важнейших целей правительства».[404]

При этом Картер ставил себе в заслугу прекращение обсуждения в Сенате договора ОСВ-II, замораживание научно-технических, экономических и культурных связей между США и СССР, бойкот Соединёнными Штатами XXII Олимпийских игр в Москве и другие мероприятия, направленные на резкое ухудшение американо-советских отношений. В соответствии с расчётами Картера и руководителей его предвыборной кампании в специфической внутриполитической обстановке, сложившейся в стране в первые месяцы 1980 года, антисоветские акции Президента должны были быть восприняты избирателями как «твёрдые» и «решительные». На время Картер действительно стал восприниматься как «сильный лидер», что помогло ему несколько укрепить свои предвыборные позиции. Что касается главного соперника Картера в его собственной партии – Э. Кеннеди, который попытался занять во внешнеполитических вопросах более умеренную позицию, то он вызвал на себя волну обвинений едва ли не в предательстве национальных интересов. Это обусловило победу Картера на первичных выборах в 24 штатах, а Кеннеди смог опередить Картера только в 10. Однако Картер лидером в предвыборных баталиях оставался недолго: усиленно эксплуатируя антисоветские и милитаристские лозунги, он одновременно способствовал укреплению позиций консервативных и

[404] Democratic party platform of 1980. August 11, 1980 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29607.

правых сил, группировавшихся главным образом вокруг Республиканской партии. С другой стороны, в центр избирательной кампании всё больше стали выдвигаться вопросы, связанные со сложным состоянием американской экономики в год выборов, и в этом смысле Картер со своим кабинетом оказался лёгкой мишенью для критики. Его популярность снова упала, и лидеры Демократической партии открыто стали заявлять, что с таким кандидатом на предстоящих выборах они почти гарантированно потерпят поражение. Наконец, Картеру, имевшему контроль над партийной машиной, удалось добиться утверждения своей кандидатуры на общенациональном съезде, но на заключительный этап избирательной кампании демократы вышли, так и не преодолев внутрипартийный раскол.[405]

Иную картину представляла ситуация в стане республиканцев. Напомним, что с момента основания в 1854 году, сторонники их партии выступали за изоляционизм США в международных отношениях. Зато после Второй мировой войны они обосновывали необходимость более активной роли страны на мировой арене, а антикоммунизм стал основным пунктом их внешнеполитической программы. Идеи республиканцев находили в сердцах американцев отзыв, как результат, с 1952 по 1960 год обладателем Белого дома был их представитель, генерал Эйзенхауэр. Консервативные тенденции в общественных настроениях усиливались, следовательно, в 1960-е годы ведущие позиции в Республиканской партии занимали представители именно неоконсервативного крыла, и среди них – Барри Голдуотер, проигравший на президентских выборах 1964 года. За него в 1968 году «отомстил» другой консервативно настроенный республиканец Ричард Никсон. Победу ему обеспечили голоса т.наз. «молчаливого большинства» – американцев, требовавших «восстановления законности и порядка». Перерывом в пребывании республиканцев в Белом доме был период 1976–1980 годов, когда в Вашингтоне господствовали демократы, воспользовавшиеся последствиями Уотергейтского скандала. Однако позиции республиканцев в тот период стабильно усиливались, поэтому партийные стратеги активно готовились к

[405] Presidential election results // The encyclopedia Americana. – Vol. 22. – Danbury: Grolier Inc., 1998. – 798 p. – P. 566.

выборам 1980 года, считая, что у них есть много шансов снова стать у руля власти.

Претенденты на пост Президента от республиканцев отличались друг от друга лишь степенью преданности консервативным взглядам. Главным фаворитом правого крыла этой партии с самого начала был Р. Рейган. Зато его основные соперники (Дж. Коннели и Дж. Буш) имели репутацию консервативных центристов, и именно они на первом этапе предвыборной кампании получили наибольшую поддержку со стороны американских монополий. В то же время, основную финансовую базу Рейгана формировали преимущественно представители «молодого капитала» Юга и Запада США, которые отличались большей активностью, так что в ходе первичных выборов (праймериз) он нанёс поражение своим соперникам и стал лидирующим претендентом от республиканцев. Общей тенденцией, характерной для Республиканской партии, было усиление влияния правоконсервативного крыла, которое потеснило центристские группировки, занимавшие доминирующие позиции ранее. Следовательно, такая ситуация определила убедительную победу Рейгана на праймериз и на партийном съезде (конвенте) 1980 года. Отметим и то, что к концу 1970-х годов к правому лагерю примкнуло значительное количество республиканцев-центристов: если на выборах 1968 и 1976 годов кандидатура Рейгана в Президенты была ими отвергнута, то теперь эта фигура была для них вполне приемлемой. Таким образом, впервые после победы Б. Голдуотера на съезде республиканцев в 1964 году их правое крыло добилось выдвижения кандидатом в Президенты своего представителя. В пару к Рейгану был избран Дж. Буш. Этот предвыборный список закрепил объединение правых и центристов в Республиканской партии на единой политической платформе. На стороне республиканцев выступило подавляющее большинство многочисленных правых организаций – «Национальный консервативный комитет политического действия», «Комитет за выживание свободного Конгресса», «Клуб Конгресса», «Фонд за консервативное большинство», «Фонд наследие» и другие. Все они отличались высокой политической активностью, поэтому свою деятельность

сконцентрировали, прежде всего, на дискредитации либеральных и умеренных демократов. Альянс консерваторов и правых поставил перед собой цель добиться не только прихода Рейгана в Белый дом, но и победы республиканцев на выборах в Конгресс. В достижении этой цели важную роль сыграли мощные монополии. «Большой бизнес» также в целом сделал свой выбор в пользу Рейгана. Как показал опрос среди предпринимателей, проведённый газетой «Уолл-стрит джорнел», из числа руководителей крупнейших промышленных компаний 84% опрошенных высказались за Рейгана и только 5% – за Картера.[406] Если раньше на выборах в законодательный орган они поддерживали преимущественно партию большинства, т.е. демократов, то на выборах 1980 года 2/3 всех потраченных «большим бизнесом» средств ушло на финансирование республиканцев. Это стало ещё одним недвусмысленным свидетельством общего «поправения» настроений американской бизнес-элиты на рубеже 1970-х – 1980-х годов.

На президентские выборы 1980 года и парламентские 1981-го, «великая старая партия» шла единственной, разработавшей концепции внутренней и внешней политики. Итак, на последней следует остановиться подробнее. Выступая традиционно «социальной и экономической философией» и занимаясь преимущественно внутренними проблемами общества, американский консерватизм начал широкое осмысление международных процессов и присоединился к формированию взглядов относительно роли государства на мировой арене только в 1970-е годы. Повторимся, что в классической консервативной традиции Соединённых Штатов были весьма укоренены изоляционистские тенденции, призывы сосредоточить силы и средства на внутреннем развитии общества и успешном доведении до конца «американского эксперимента», что отнюдь не способствовало формированию каких бы то ни было последовательных внешнеполитических взглядов. Ситуация изменилась после того, как руководство партией в свои руки взяли «неоконсерваторы», которые выступили с критикой «разрядки» международной напряжённости, обосновывая необходимость восстановления американского лидерства в мире. В

[406] История США: в 4 тт. – Т. 4: 1945–1980. – М.: Наука, 1987. – 744 с. – С. 491.

качестве «крёстных отцов» своей идеологии неоконсерваторы указывали Лео Штрауса и Ирвинга Кристола. В контексте предмета нашего исследования интересно проследить эволюцию взглядов неоконсервативных лидеров, которые развивали тезисы этих деятелей. В указанный период представители данного течения, которое только зарождалось, характеризовали себя как поборников движения за гражданские права и сторонников Мартина Лютера Кинга. Разочаровавшись в концепции «Великого общества», проводившегося в жизнь администрацией Л. Джонсона, а также в контр-культуре и антивоенном движении 1960-х годов, они всё больше и больше склонялись вправо. В этой связи уместно привести распространённое в политологических кругах метафорическое определение неоконсерватизма, данное И. Кристолом: «неоконсерватор – это либерал, замученный реальностью».[407] В конце концов, неоконсерваторы превратились в ярых проводников идей жёсткого милитаризма во внешней политике и силового насаждения идеалов «западной демократии» во всём мире. Примечательно, что вместе с названными, другие известные идеологи и идейные прародители неоконсерватизма (Норман Подгорец, Макс Шахтман, Пол Вульфовиц, Джин Киркпатрик, Ричард Перл) начинали свой путь в политику, исповедуя взгляды, имевшие эклектический характер, впитав в себя, кроме «штраусианства», идеи троцкизма и отчасти грамшиизма, образовав, таким образом, сочетание противоположных идеологических установок. По сути дела, они остались троцкистами, выступая за перманентное и насильственное насаждение единственно справедливой и наиболее эффективной, по их мнению, западной социальной системы.[408]

В дальнейшем, в рамках американского консерватизма соединились наслоения как политического прагматизма, так и политического морализма. На идейно-политической сцене в США консерватизм взял на себя функцию возрождения не только военной, политической, экономической мощи Соединённых Штатов, но также оптимизма и веры в «американскую модель» как

[407] Kristol I. Reflections of a neoconservative / Irving Kristol. – N.-Y.: Basic Books, 1983. – 336 p. – P. 241.
[408] Щербакова Л. Л. Неоконсерватизм США (генезис, структура, философско-политическая платформа): дисс… канд. филос. наук: 09.00.01 «Диалектический и исторический материализм» / Лидия Леонидовна Щербакова. – Л., 1990. – 198 с. – С. 88.

таковую, несмотря на все трудности, которые она переживала. Приводился тезис о временном характере экономических и других проблем американской системы и декларировалось долговременное, стратегическое преимущество национальной модели общественного устройства.

Основой рецепта «раскрытия внутренних сил» американской системы, который выдвинули неоконсерваторы, а республиканская администрация в 1981 году приняла к исполнению, была программа опоры на традиционное свободное предпринимательство и широкую конкуренцию, поощрение частного сектора при определённом ограничении государственно-монополистического регулирования экономики. Что касается «оздоровления» социально-политической сферы, то здесь предлагалось сделать ставку на классический лозунг «закона и порядка», на укрепление традиционных ценностей собственности, религии, семьи. Параллельно, огромное внимание уделялось реальному военному усилению «крепости Америка» (на практике это выразилось во внедрении нового поколения практически всех основных видов вооружений – от стратегических ядерных ракет до полевых танков) в соответствии с целью достижения силового превосходства над СССР.[409]

Постепенно идеологами неоконсервативного направления осуществлялась дальнейшая кристаллизация внешнеполитических взглядов, причём шла она в значительной степени путём проекции на международные отношения экономических и политических схем, разработанных для внутриамериканских проблем. Подобно тому, как на индивидуальном уровне каждый человек, по мнению неоконсерваторов, должен опираться на собственные силы, предприимчивость и инициативу, а не на помощь государства, организаций или общества вцелом, так и государства на мировой арене, и прежде всего, сама Америка, должны опираться на собственные силы, использовать внутренние ресурсы и обеспечивать себя, не опираясь на мировое сообщество. Принципы конкурентной борьбы, при которой каждый «сам за себя» и где учитывается

[409] Шабельник В. В. Неолиберализм и неоконсерватизм в российском и зарубежном политическом дискурсе: дисс.... канд. полит. наук: 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» / Виктор Владимирович Шабельник. – СПб., 2006. – 184 с. – С. 71.

только реальная сила, а не намерения и слова, были провозглашены неоконсерваторами основным законом как внутренней, так и международной жизни. И. Кристол отмечал, что если раньше национализм традиционно отвечал изоляционистской тенденции в понимании отношений Америки и мира, то сейчас в стране зарождался «новый американский национализм», который включался в русло активистских, «интернационалистских» идей и «основывался на убеждении, что Соединённые Штаты должны быть мощной и влиятельной державой мира».[410] Подводя теоретическую базу под свои внешнеполитические идеи, консервативно ориентированные авторы обратились к доказательству того, что политика, основанная на либеральных ценностях, в конце 1970-х годов зашла в тупик. Неоконсерваторы указывали, что в то время как курс Картера основывался на морализме и эгалитаризме, противники США продолжали действовать как «государства национального интереса», заботясь, прежде всего, о «национальной безопасности», собственном экономическом, военном усилении и политической стабильности. Как следствие, Америка ушла с ряда занимаемых ранее лидерских позиций, поскольку она, подчёркивали консерваторы, значительно ослабила свои усилия в аналогичном направлении и почти самостоятельно пыталась следовать провозглашённым рецептам новой роли государств в изменившемся мире. Тем самым, она позволила другим догнать и даже перегнать себя во многих отраслях, и сейчас, когда общественность склоняется к мысли об утопичности своих предыдущих стремлений, перед ней стоит задача внутренне мобилизоваться, наверстать упущенное, получить новый «запас прочности» и занять достойное ей место в непокорном мире.

И. Кристол заявлял в связи с этим, что «глобальная точка зрения на мир» и на Америку в нём, т.е. рассмотрение её политики сквозь призму ценностей и интересов развития всей глобальной системы, а не наоборот, «вполне приемлема для теоретика или философа или даже для государственного деятеля, пока он выступает как частное лицо – но не тогда, когда он находится на государственной

[410] Strausz-Hupe R. Geopolitics. The struggle for space and power / Robert Strausz-Hupe. – Washington, D.C.: Worldwatch Institute, 1956. – 426 p. – P. 83.

должности».[411] Люди, которые стоят во главе американского общества и проводят американскую политику, должны были, по мнению Кристола, преодолеть веру в какие-либо «обязательства» Вашингтона перед мировым сообществом, и, не стесняясь, утверждать традиционные национальные интересы США.

Подмечая, с одной стороны, реальные слабости либеральных взглядов, но, с другой стороны, впадая при этом в противоположную крайность, неоконсерваторы выдвигали либеральной элите США обвинения в том, что требования, которые другие страны ставили перед Америкой, выражают в действительности узкие прагматические интересы, но прикрываются обращением на словах к широким абстрактным ценностям равенства и гуманизма.[412]

Именно в таком «силовом поле» сформировалась целая когорта американских политических деятелей и теоретиков, своеобразный «новый политический истеблишмент».[413] В тот же период наметились и углубились разногласия между умеренной и радикальной частями Республиканской партии, следовательно, наряду с традиционным вариантом американского консерватизма укрепился её правый вариант. Внешнеполитическая концепция первых получила в литературе название «неоглобализма», вторых – «силового глобализма». В общих чертах цели этих стратегий совпадали, поскольку заключались в стремлении к восстановлению лидерской роли США на мировой арене, основное отличие заключалось в средствах. Неоглобалистский подход отличался сдержанным или даже скептическим отношением к традиционным «силовым» приёмам американского влияния и делал ставку на относительно новые измерения роли страны на международной арене. В свою очередь, силовой глобализм предусматривал восстановление и усиление могущества и влияния Соединённых Штатов в тех сферах отношений, в которых они доминировали ранее, а именно – в экономической, военно-политической и международно-дипломатической. Для сторонников неоглобализма американское лидерство – это

---

[411] Kristol I. – Op. cit. – P. 24.

[412] Никитин А. И. Эволюция американского глобализма. Идейная борьба в США по вопросу о роли Америки в мире / Александр Иванович Никитин. – М.: Наука, 1987. – 136 с. – С. 87.

[413] Gershman C. The rise and fall of the new foreign policy establishment / Carl Gershman [Электронный ресурс] Режим доступа: http://thecommentary.org/the_rise_and_fall_of_the_new foreign_policy_establishment.html.

форма увязки целей и интересов различных действующих в мире сил с целями и интересами Вашингтона. Предполагалось, что США должны вписаться в закономерности меняющегося мира и тем самым усилить влияние на них. Сторонники силового же глобализма противопоставляли американские цели и интересы действию любых других сил, имевших иные экономические, политические, идеологические цели, рассматривая их скорее как препятствие, нежели как опору в реализации американского руководства миром. Международное лидерство в большинстве случаев понималось как конструктивные направляющие усилия.[414] Впрочем, достижение этого лидерства на рубеже 1980-х – 1990-х годов показало, что оно свелось к доминированию – как в западном лагере, так и над странами бывшего социалистического содружества.

Следует остановиться на анализе указанных течений подробнее. Умеренное крыло консерваторов объединило политиков (в том числе многих военных) и теоретиков, которые рассматривали мир через призму «баланса сил» и считали наращивание военной мощи панацеей. Последовательное изложение взглядов этого крыла на роль Америки в мире содержалось в работе Роберта Такера «Неравенство наций», основной тезис которой – «государства рождены неравными», и в разных исторических обстоятельствах обладают различными возможностями, масштабами и ответственностью. Отсюда вывод: это реальность, которую нельзя игнорировать. Америка же, вместо этого, в 1970-е годы «смутилась» своего естественного господствующего положения и богатства по сравнению со слабостью и бедностью многих других стран. Причиной «отступления» Соединённых Штатов он считал даже не столько объективные перемены в мире, сколько неадекватную реакцию на них. Образно говоря, у политической элиты, которая руководствовалась в течение 1970-х годов в основном либеральным мировоззрением, как и многих американцев вообще, «сдали нервы», из-за чего развилось болезненное восприятие мира как враждебного по отношению к ним. Американцы «всё ещё хотят, чтобы Америка

[414] Tucker R. The inequality of nations / Robert Tucker. – N.-Y.: Basic Books, 1977. – 214 p. – P. 132.

доминировала в мире», однако «не желают больше нести бремя имперского государства».[415]

Место предыдущей веры в американское преимущество, жаловались неоконсерваторы, заняли взгляды о взаимозависимости и эгалитаризме в отношении стран «третьего мира». Главными пропагандистами такого восприятия мира Такер указывал З. Бжезинского, а также других теоретиков из Трёхсторонней комиссии. Государство, таким образом, становится по мнению неоконсерваторов, орудием в руках сторонников уравнительности как внутри государства, так и во внешнем мире. Теоретические конструкции Такера строились в русле методологии политического реализма в понимании международных процессов. Для них характерно первоочередное внимание к расстановке и балансу сил в мире и только во вторую очередь – к политико-идеологической ориентации этих сил. В этом духе, Такер считал, что поддерживая дружеские правительства, США, всё же, должны уважать идеалы демократического самоопределения наций.

Зато Н. Подгорец и Дж. Киркпатрик, которые возглавляли группу воинственных неоконсерваторов («неоконов»), обосновывали мнение, что дружеские режимы необходимо создавать самим, без колебаний меняя неугодные, не сдерживая себя в выборе средств. Этой группе был характерен подчёркнуто идеологизированный взгляд на мировые события и выраженный антикоммунизм в вопросе о социально-политическом характере сил, противостоящих Америке на международной арене. Они разделяли взгляды Такера и других консерваторов, рассуждавших в духе «политического реализма» о «восстановлении» американской мощи, но резко критиковали их за недостаточную готовность использовать эту мощь для реализации интересов США и борьбы с «мировым злом». Отношения между Америкой и странами «третьего мира» рассматривались ими через призму глобального противоборства между Востоком и Западом, следовательно, концепция тоталитарных и авторитарных систем позволяла, с одной стороны, осуществлять вмешательство во внутренние дела других стран и

[415] Tucker R. New isolationism: threat or promise? / Robert Tucker – N.-Y.: Universe Books, 1972. – 127 p. – P. 4.

поддерживать диктаторов, а с другой стороны, в ещё большем объёме, чем при Картере, вести идеологическое наступление против СССР. Сторонники этого направления теоретизировали о перманентных вооружённых интервенциях троцкистского типа с целью ликвидации неудобных правительств и установления союзных к Вашингтону режимов. «Новые правые» провозглашали своей главной целью «ликвидацию коммунистической системы» и решена должна была быть эта задача путём массированного экономического, военного и идеологического давления на социалистические страны со стороны США и их союзников (для чего должна была быть укреплена лояльность Вашингтону последних). В памфлете «Будущая опасность», представляющем собой идеологическое кредо воинствующего неоконсерватизма, Н. Подгорец с возмущением восклицал: «Такер абсолютно не видит значения идеологических ценностей в конфликте между Советским Союзом и Соединёнными Штатами!.. Как и все теоретики, исповедывающие прагматическую традицию, он гораздо чаще оперирует категориями военной безопасности и материального интереса».[416] Между тем, считает Подгорец, нельзя успокаиваться на обеспечении мировой безопасности Америки, следует постоянно и последовательно бороться с «мировым коммунизмом», переходя в наступление. Причиной ослабления позиций США в 1970-х годах, заявлял он, была недостаточно мобилизующая идеологическая атмосфера в стране, либеральное расслабление национальной воли и забвение необходимости настроить на непримиримую борьбу с «внешним злом» («красной опасностью») всех и каждого в государстве.

Отдельно следует осветить взгляды Дж. Киркпатрик, учитывая то, что впоследствии она была назначена на должность советника Рейгана по международной политике и представителем США в ООН. Положения разработанной ею (и названной её именем) внешнеполитической доктрины сводились к следующему: социальные революции в странах «третьего мира» являются нелегитимными, и, следовательно, просоветские (по её терминологии –

[416] Podhoretz N. The present danger... – P. 89.

«лефтистские»[*]) правительства там должны быть ликвидированы любой ценой, даже ценой их замены диктаторскими режимами правого толка, поскольку они будут сдерживать экспансию Кремля. Киркпатрик отстаивала мнение, что если бы в 1973 году в ответ на «нефтяное эмбарго» стран ОПЕК американцы силовым путём взяли контроль над нефтяными месторождениями, фатального ослабления Соединённых Штатов и многих их проблем не было. Хотя идейно-теоретические обоснования силового глобализма постепенно складывались в течение 1970-х годов, доминирующим типом понимания роли и места США в тогдашнем мире это направление стало именно во времена президентства Рейгана.[417]

Итак, ведение предвыборной полемики для республиканцев по вопросам внешней политики облегчалось, учитывая общий поворот американской интеллектуальной элиты в сторону усиления милитаризма, ревизии политики «разрядки» и возвращения к лозунгам Холодной войны. Демократы критиковалась, прежде всего, за то, что хотя «опасное ослабление военного и разведывательного потенциала США имело место ещё до прихода администрации Картера, оно было резко ускорено за последние четыре года». Установление американского военного превосходства над СССР, как считали неоконсервативные идеологи, было вполне достижимым в силу преимуществ «демократического капитализма» (особенно если последний будет освобождён от намеченных либералами разного рода государственных ограничений) перед советским социализмом. В то же время, неспособность Картера решить насущные проблемы внешней политики рисовалась влиятельными консервативными группировками как угроза национальной безопасности Америки. Республиканцы требовали увеличения военных расходов, и в своей предвыборной платформе прямо провозгласили курс на достижение военного превосходства над Советским Союзом.

Наиболее упорно республиканцы эксплуатировали драматическую ситуацию, связанную с продолжавшимся пленом американских заложников в

[*] Лефтизм (от анг. left – «левый») – леворадикальная активность, левые тенденции.

[417] Kirkpatrick J. The Reagan doctrine and US foreign policy / Jeane Duane Jordan Kirkpatrick, Ray S. Cline. – Washington, D.C.: Heritage Foundation, 1985. – 23 p.

Тегеране. Избирателям постоянно внушали, что «капитулянтская политика» администрации демократов привела к «унижению и ослаблению Америки» и только такой «сильный лидер», как Рейган, способен возродить американскую мощь и «заставить все страны уважать Соединённые Штаты». Сам Рейган неоднократно заявлял о себе в ходе избирательной кампании как о поборнике мира, но тут же добавлял, что мир может быть сохранён только в условиях превосходства американской силы на международной арене.[418]

Если в течение 1970-х годов в американском общественном сознании происходило постепенное усиление стремления снова видеть родину уверенной в своих силах и активно действующей на мировой арене, то в конце десятилетия это стремление уже чётко сформировалось. Соответственно, в национальную повестку дня был внесён вопрос о быстром и эффективном укреплении могущества и активной роли Соединённых Штатов среди других стран и обществ, о путях и способах такого укрепления. В этой связи примечательно, что внешняя политика администрации Картера подвергалась критике не только справа, но и слева. Внутри партии внешнюю политику администрации критиковали с либеральных позиций такие влиятельные политические деятели, как сенатор Э. Кеннеди и губернатор Дж. Браун; за её пределами с аналогичных позиций администрация подвергалась критике со стороны конгрессмена-республиканца Дж. Андерсона, который в 1979 году в ходе праймериз баллотировался на пост Президента в качестве независимого кандидата. При выработке платформы Демократической партии на конвенте 1980 года значительная часть делегатов выступала за ратификацию договора ОСВ-II, за замораживание ядерной гонки и против принятия на вооружение новых ракет «МХ».[419]

Однако наиболее сложной проблемой для американцев в год выборов всё же было положение в национальной экономике. Кризис, длившийся с начала десятилетия, в 1979 году обострился, а в 1980-м охватил практически все отрасли.

---

[418] Наливкина Н. В. Анализ теории и практики манипулирования сознанием и поведением личности в капиталистическом обществе (на материалах США): дисс... канд. филос. наук: 09.00.02 «Теория научного социализма и коммунизма» / Надежда Венидиктовна Наливкина. – М., 1989. – 178 с. – С. 65–66.

[419] Democratic national political convention 1980 [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: http://www.loc.gov/rr/main/democratic_conventions/convention1980.pdf.

Ко дню выборов безработица подскочила с 5,8 до 7,5%, уровень инфляции составил почти 10%, а реальная заработная плата сократилась на 3%. Антиинфляционная программа администрации Картера и его попытки улучшить положение дел в экономике потерпели провал.[420]

Республиканцы, в свою очередь, извлекли из сложившейся ситуации максимальный политический капитал. На предвыборных митингах их кандидат Рейган постоянно задавал риторический вопрос: «Лучше ли вам живётся, чем четыре года назад?».[421] Неизменно отрицательный ответ он использовал в качестве главного аргумента в пользу голосования за республиканцев на предстоящих выборах. Апеллируя к рабочим, многие из которых по традиции поддерживали демократов, республиканцы в своей предвыборной платформе обещали «вернуть американцев на работу», обуздать инфляцию и обеспечить экономический подъём. Не скупясь на обещания, они уверяли, что в случае их прихода к власти, безработным будет предоставлена действенная помощь. Главным же «козырем» республиканцев было предложение о значительном сокращении подоходных налогов для всех слоёв американского общества. Это предложение упоминалось в их предвыборной платформе 46 раз, и в условиях экономического кризиса оно привлекло к Республиканской партии немало избирателей.

Впрочем, пункт о сокращении подоходных налогов в предвыборной платформе республиканцев был направлен, прежде всего, в сторону интересов бизнес-элиты. В этом же ключе, республиканцы выступали за кардинальное снижение социальных расходов, существенное сокращение государственного регулирования экономики, введение новых крупных льгот для предпринимателей. При этом, республиканцы настаивали на своей традиционной идее о том, что только расширение свободы частного предпринимательства и «освобождение» бизнеса от многих форм государственного контроля может вывести экономику из кризисного состояния. На выборах 1980 года такая программа выглядела

[420] Asher H. Presidential elections American politics: voters, candidates, and campaign since 1952 / Ed. by Asher H. – Stamford: Brooks Cole, 1992. – 394 p. – P. 179.
[421] Quot. for: 1980 Presidential Debates [Электронный ресурс] // Cable News Network. – Режим доступа к документу: http://edition.cnn.com/ALLPOLITICS/1996/debates/history/1980/index. shtml.

привлекательной, поскольку избиратели связывали провалы демократов во внутренней политике с неэффективностью неолиберальных подходов к решению социально-экономических проблем.

Таким образом, в течение всей кампании Рейган находился в выгодной позиции критики непопулярного политического курса администрации Картера. Он сумел создать о себе впечатление как о политическом деятеле, который имеет цельную программу действий и обладает решимостью воплотить её в жизнь. Картер же, наоборот, оказался в глазах американцев непоследовательным политиком, которому так и не удалось перехватить у Рейгана инициативу в предвыборной кампании. Следовательно, значительная часть избирателей, которые ранее симпатизировали демократам, склонилась в сторону их оппонентов. Именно тогда в США появился новый термин – «демократы Рейгана», под которыми подразумевались сторонники Демократической партии (в большинстве своём белые американцы, с невысоким уровнем образования, живущих активной религиозной жизнью).[422]

В день голосования Рейган получил около 51% голосов избирателей, принявших участие в национальном волеизъявлении, Картер – около 41%, независимый кандидат Андерсон – 6,6%. За этими цифрами стояла не только победа Рейгана, но и сокрушительное поражение Картера. Кандидат республиканцев победил в 44 штатах, Картер набрал большинство голосов только в других 6 штатах и округе Колумбия. Вместе с тем, был зафиксирован рекордный (после выборов 1948 года) уровень абсентеизма: участие в голосовании на президентских выборах приняли лишь 54% избирателей. Примечательно, что значительная часть американцев отказались поддержать не только Картера, но и Рейгана. Некоторые из них, недовольные выбором между правоконсервативным кандидатом республиканцев и кандидатом демократов, тяготевшим к консерватизму, отдали предпочтение конгрессмену от штата Иллинойс Дж. Андерсону, который имел репутацию либерального республиканца

[422] Президентские выборы в США [Электронный ресурс] // International expert Center for Electoral Systems. – Режим доступа к статье: http://www.elections-ices.org/russian/news/type:election/region:america/textid:16013.

и баллотировался на выборах 1980 года в качестве независимого кандидата. Наиболее существенный сдвиг в электорате по сравнению с президентскими выборами 1976 года произошёл среди избирателей-рабочих. В условиях углублявшегося экономического кризиса, большинство (минимальное, впрочем) «синих воротничков» проголосовало за кандидата республиканцев, который обещал вывести экономику из сложного положения, сократить безработицу и уменьшить инфляцию. Итак, на массовом уровне избиратели предпочли республиканцев в большей степени из-за недовольства демократами, а не благодаря их идейной платформе. Зато подавляющее большинство «белых воротничков», проголосовавших за Рейгана, сделало это именно потому, что республиканцы были намерены проводить гораздо более консервативную политику, чем демократы.[423]

Почти одновременно с президентскими выборами в США проходили выборы в Конгресс. В ходе них демократам удалось сохранить своё большинство в Палате представителей, но в Сенате они его потеряли. Таким образом, Республиканская партия, впервые после выборов 1952 года, добилась установления своего контроля и над федеральной исполнительной властью, и над верхней палатой высшего законодательного органа страны. Не менее важным итогом выборов стало и то, что большинство ключевых комитетов Конгресса возглавили правоконсервативные деятели. Как следствие, началось последовательное воплощение в жизнь установок силового глобализма. Новым лидером выдвигалась задача влить в американскую экономическую систему новые силы, повысить её конкурентоспособность и вернуть ей место «естественного лидера» западного мира. По мнению обозревателя «Форин полиси» М. Харрисона, «Политики, которые направляли стратегию действий администрации, признавали ослабление могущества Соединённых Штатов и задавались целью прекратить его... Они снова сделали акцент на особом глобальном характере американских интересов и решающей роли США в

[423] Печатнов В. О. Что показали выборы в США / Владимир Олегович Печатнов // США: экономика, политика, идеология. – № 12. – 1980. – С. 48.

международном экономическом порядке как оправдании американского превосходства».[424]

Подводя итог, отметим, что итоги выборов 1980 года, таким образом, вышли далеко за рамки изменения партий у власти. Эти выборы завершили процесс поэтапной перегруппировки политических сил в Америке. Если в массах консерваторы и правые расширили свою базу лишь в ограниченных масштабах, то в Белом доме и Конгрессе их положение стало доминирующим. В то же время, либеральные и умеренные группировки потеряли значительную часть своего влияния на государственную политику, и вообще, вся элита повернула в своих идейно-политических позициях вправо. Подобное положение вещей являло собой реакцию общества на углубление политической неуверенности и кризисных явлений внутри США и ослабление их позиций на мировой арене.

3. Эволюция взаимоотношений Конгресса и Белого дома на советском векторе внешней политики США

Особенности и закономерности взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти в американской государственной модели уже были нами проанализированы, следовательно, целесообразно рассмотреть более узкую проблему их взаимодействия на «советском» векторе внешней политики. В рамках данного параграфа обратимся к более частным аспектам: позиции Конгресса по переговорному процессу с СССР в первый президентский срок Рейгана и влиянию процесса либерализации советского общества на настроения законодателей во второй период его правления.

В условиях Холодной войны периода первых послевоенных десятилетий в Вашингтоне было принято считать, что во внешнеполитической области роль Конгресса сводится к двухпартийной поддержке курса Президента. Ещё в большей степени это относилось тогда и к вопросам военной политики, при

[424] Harrison M. Reagan’s world / M. Harrison // Foreign Policy. – Vol. 43. – 1981. – P. 9.

рассмотрении которых от законодателей требовали безусловного одобрения всех планов Белого дома и Пентагона.

Ситуация несколько изменилась на рубеже 1970-х годов, когда наступил период активизации участия Конгресса в обсуждении проблем международной жизни. Американцы шутили по этому поводу: «Господь подал на утверждение в Конгресс 10 заповедей. Рассматриваются поправки». Непосредственным поводом, который подтолкнул обитателей Капитолия к самоутверждению на этом треке политического процесса, было поражение их государства в Индокитае. После Никсона (за исключением кризисных ситуаций) ни один Президент уже не мог рассчитывать на безусловную поддержку законодательного органа по большинству международных проблем. Росту внимания конгрессменов к этим вопросам способствовало и то, что по результатам национальных выборов 1980 года большинство мест в Сенате получила Республиканская партия, фактически управляемая «неоконами», которые активно выступали за установление глобального господства собственного государства. Более того, республиканцы смогли нанести поражение всей группе видных либеральных сенаторов-демократов, которые оказывали на политику Конгресса значительное влияние.

Напомним, что внешнеполитическая концепция «новых правых» провозглашала своей целью «ликвидацию коммунистической системы»; задача эта должна была быть решена благодаря осуществлению массированного экономического, военного и информационного давления на социалистические страны со стороны США и их союзников. Средством восстановления мирового лидерства Америки, по мнению главенствующей в Конгрессе Республиканской партии, должно было быть, прежде всего, наращивание военной мощи, что позволило бы проводить политику «с позиции силы» как относительно противников, так и союзников. Достижение американского военного доминирования над СССР, как считали неоконсервативные идеологи, было вполне возможным в силу преимуществ демократии и рыночной экономики (особенно если последняя будет освобождена от установленных либералами разного рода государственных ограничений) перед социализмом и директивно-

плановым хозяйством. В этой связи подчеркнём, что внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов основывалась на убеждённости в том, что безопасным мог быть только мир, принимающий американские идеалы свободы и демократии. Итак, целью декларированной республиканскими лидерами в Конгрессе внешней политики, было укрепление национальной безопасности государства посредством распространения демократии как гаранта стабильности и мирового баланса сил.[425]

В этой связи, наиболее дискуссионным вопросом, из всех стоявших перед конгрессменами, был размер национального военного бюджета, который предлагался Президентом и пересматривался ежегодно. Напомним, что в первый год администрации Рейгана он был значительно увеличен; пикантность ситуации заключалась в том, что в США продолжал нарастать структурный экономический кризис, учитывая который дальнейшая милитаризация вызывала всё большую критику. В этих обстоятельствах, активность либеральной интеллигенции, оформившаяся в оппозиционное движение против гонки вооружений, в значительной степени влияла на позицию Конгресса. Однако требование сокращения военного бюджета и продолжение переговорного процесса с СССР по контролю над вооружениями на тот момент не могли быть удовлетворены. Объясняется это тем, что республиканским Конгрессом эти вопросы рассматривалась прежде всего, с политической, а не финансовой точки зрения, поэтому возможность заключения соглашений с Москвой в области стратегических сил непосредственно увязывалась с уровнем демократизации советского общества. Кроме того, с точки зрения национальной безопасности, переговорный процесс по контролю над вооружениями имел, по мнению конгрессменов, незначительный эффект: они считали, что даже при существенном сокращении ядерного оружия, того, что останется, будет вполне достаточно, чтобы несколько раз уничтожить мир. Поэтому главной целью, к которой стремились сенаторы при обсуждении технических и военных аспектов

[425] Белевцева С. Н. Поворот от конфронтации к сотрудничеству в советско-американских отношениях в период второго президентства Р. Рейгана: мотивы и цели сторон / Светлана Николаевна Белевцева // Вестник истории и философии КГУ. – №1 (3). Серия «История». – Курск: КГУ, 2008. – С. 39–50.

соглашений, было соблюдение баланса сил сторон, а также обеспечение проверки и контроля за его выполнением.[426] Программа СОИ отдельным предметом слушаний не была и рассматривалась лишь в контексте других проблем военного строительства. Стартовав в 1983 году, эта программа вызвала в Кремле серьёзное беспокойство и позиционировалась в качестве одного из крупнейших препятствий для установления атмосферы доверия между двумя государствами. Однако в самих США Стратегическая оборонная инициатива не считалась определяющим фактором развития отношений с СССР, показателем чего было отсутствие значительного интереса к ней со стороны конгрессменов, большинство которых одобряло позицию Белого дома. Они, в частности, считали, что «Президент прав, защищая и поддерживая СОИ», мотивируя это тем, что «Соединённые Штаты должны продолжать оказывать давление на русских»,[427] в результате чего, может быть, советские лидеры «действительно изменят политику и начнут открывать свою страну Западу».[428] Тем не менее, зная позицию по этой проблеме со стороны Советского Союза и собственных законодателей, администрация Президента использовала «звёздные войны» для затягивания переговорного процесса и в качестве средства давления на Кремль.

Со стороны Конгресса условием улучшения и развития американо-советских отношений были определены положительные сдвиги в позиции советского руководства в проблеме прав человека. Образовался своего рода замкнутый круг: с точки зрения Капитолия, прогресс в области прав человека и региональных конфликтов привёл бы к созданию атмосферы доверия между двумя государствами, открыв, тем самым, возможность для подписания соглашений по ограничению гонки вооружений, а последнее могло быть осуществлено только в условиях демократизации Советского Союза.

В свою очередь, Кремль расценивал обвинения США по поводу нарушений прав человека как демагогию, а постановку данного вопроса Конгрессом в

---

[426] Иванов Ю. А. Конгресс США и внешняя политика: возможности и методы влияния 1970–1980 гг. / Юрий Александрович Иванов. – М.: Наука, 1982. – 212 с. – С. 29–35.
[427] Strategic defenses, arms control and deterrence // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S32857.
[428] Arms control 1985 // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S32389.

двусторонних отношениях – в качестве повода для обструкции. Советские руководители не без оснований рассматривали подобную риторику как вмешательство в свою внутреннюю политику. Следует согласиться с тем, что постановка Конгрессом проблемы прав человека (именно по американским стандартам) во взаимоотношениях с СССР была вариантом давления на партийное руководство последнего. Проблема обеспечения прав человека представляла собой идеологический жупел, на котором были начертаны лозунги защиты демократии, активно использовавшиеся Соединёнными Штатами во внешней политике на протяжении всей их истории. Эта тенденция не исчерпывалась стремлением угодить общественности и оправдать агрессивные действия в том случае, когда провозглашение необходимости защиты демократии за рубежом не соответствовало действительному положению вещей. Распространение ценностей западной демократии, с точки зрения идеологов внешней политики США, обеспечивало баланс сил и стабильность международной обстановки. В этом ключе, демократизация СССР неизбежно должна была привести к нивелированию его статуса как сверхдержавы и прекращению противостояния двух политических систем, что рассматривалось Конгрессом в качестве главной гарантии безопасности Америки.

Гарантируя собственным гражданам высокие социальные стандарты по многим показателям (безопасность, трудоустройство, доступные образование и медицина, обеспечение жилым фондом) ЦК КПСС в середине 1980-х годов считал вопрос защиты прав человека в своей стране решённым, поэтому отказывался уделять ему на переговорах серьёзное внимание. По мнению же американской стороны, руководство Советского Союза, подписав в 1975 году Заключительный акт Хельсинкского соглашения, лишило себя, тем самым, оснований считать это дело внутренним. Поэтому, относительно данного вопроса позиции СССР и США оставались непримиримыми.

Вместе с проблемой прав человека, в стенах Капитолия периодически поднимался вопрос о региональных конфликтах (прежде всего, в Польше и Афганистане), которому в отношениях с Советским Союзом отводилось одно из

центральных мест. С точки зрения республиканцев, отход от жёсткой конфронтации был возможен при условии изменения курса СССР в «горячих точках». В противном случае, по мнению конгрессменов, советское руководство использовало бы вероятную «разрядку» и улучшение отношений как передышку для подтягивания своих ресурсов, привлечения иностранного капитала и техники в целях распространения своего влияния в виде освободительных движений в «третьем мире».[429]

Справедливости ради следует отметить, что в первую половину 1980-х годов позиция республиканцев, очерченная выше, не была единодушной и подвергалась критике, прежде всего, со стороны их демократических коллег, которые возложение вины за разжигание региональных конфликтов исключительно на Москву считали ошибочным. По их мнению, урегулирование региональных конфликтов путём проведения политики невмешательства, признание государственного суверенитета над природными ресурсами и равноправия в международных отношениях позволило бы решить проблему доверия и означало бы, что государства могут перейти от политического противостояния к сотрудничеству. Поэтому, Конгресс признал необходимость совместных усилий в мирном разрешении проблемы Афганистана, Центральной Америки, Юга Африки и призвал к выводу из имеющихся «горячих точек» всех иностранных сил.

Кроме военно-политических аспектов американо-советских отношений, важная роль конгрессменами также отводилась вопросу торговли. В связи с приближением в 1983 году окончания срока действия Закона о регулировании экспорта в 1979 году, Капитолий начал его пересмотр. Вопреки тому, что по результатам выборов в Конгресс 1982 года, Сенат вновь оказался под контролем республиканцев, значительная часть законодателей склонялась к необходимости либерализации внешнеэкономической политики, в контексте чего зерновое эмбарго против СССР и запрет на поставки оборудования для газопровода

[429] Картамышева С. Н. Вопросы советско-американских отношений в конгрессе США (1984–1988 гг.): автореф. дисс… канд. ист. наук: 27.00.03 «Всеобщая история» / Светлана Николаевна Картамышева. – М., 1995. – 16 с. – С. 8.

Уренгой–Помары–Ужгород подвергались острой критике. Кроме того, что такие действия вредили национальной экономике, они, по мнению многих законодателей, вызвали лишние конфликты с партнёрами по НАТО. Негативные последствия американской обструкции заставили Капитолий занять относительно торговли между Востоком и Западом более прагматичную позицию. Кроме того, усилению среди законодателей оппозиционных Белому дому настроений способствовала активная лоббистская деятельность американских деловых кругов, которые специализировались на гражданской продукции и услугах. Они стремились получить надёжные гарантии незыблемости заключённых ранее контрактов и расширить возможность свободно экспортировать товары на ёмкие рынки социалистических стран.[430]

Однако администрация Президента добивалась принятия более жёсткого закона, рассчитывая с его помощью закрыть для СССР доступ не только к американским технологиям, но и к их западным аналогам. Предложенные Белым домом поправки к закону основной упор делали на усилении контроля за экспортом наукоёмкой техники и технологий и регулировании её использования иностранными покупателями. Фактически, исполнительная ветвь власти стремилась в законодательном порядке закрепить свои претензии на право контролировать торговлю и наказывать те зарубежные компании, которые нарушают её распоряжения. Согласно законопроекту Белого дома, Президент наделялся полномочиями закрывать для этих компаний доступ на американский рынок. Впрочем, подобные намерения натолкнулись на глухое сопротивление, и конгрессмены объединились в широкой коалиции, считавшей необходимым ограничить полномочия Президента на вмешательство в торговлю по политическим соображениям. В то же время, представители неоконсервативного крыла Республиканской партии на Капитолийском холме сетовали, что попытки администрации использовать торговые ограничения для «наказания» Москвы и

[430] Кочеврин Ю. Б. Экономическая стратегия большого бизнеса / Юрий Борисович Кочеврин // Государственно-монополистический капитализм в США: монополистический капитал / Под ред. Любимова Л. Л. – М.: Наука, 1989. – 230 с. – С. 9–25.

принуждения союзников следовать примеру США, оказываются всё более неэффективными и должны принять ещё более жёсткий характер.

Таким образом, отсутствие единого мнения относительно хозяйственной составляющей взаимоотношений с СССР привело к тому, что окончательный вариант поправок к Закону о регулировании экспорта 1979 года был одобрен Конгрессом и подписан Президентом только в июле 1985 года, после длительных упорных дебатов. Было достигнуто компромиссное решение: антисоветские санкции сохранили действие, однако полномочия главы государства в торгово-экономической сфере были несколько ограничены и поставлены под контроль.[431]

Выборы в Конгресс, определившие его состав на 1985–1987 годы, внесли в расстановку сил на американском политическом олимпе некоторые изменения. В частности, поражение потерпел ряд тех конгрессменов, которые принадлежали к правому крылу Республиканской партии.[432] В то же время, в обеих палатах увеличилось число законодателей, которые придерживались умеренных взглядов. Это способствовало определённой консолидации сторонников более трезвого подхода к советско-американским отношениям. Характерно, что на протяжении второго президентского срока Рейгана его взгляды на развитие отношений с Советским Союзом с подходами конгрессменов, в основном, совпадали. В частности, Президент провозгласил «главным принципом американской внешней политики не предупреждение войны, а расширение свободы через создание по всему миру демократических правительств и институтов демократии».[433] Глава Белого дома считал, что диалог возможен только тогда, когда нации доверяют друг другу, следовательно, со стороны Конгресса такая риторика встретила одобрение.

Напомним, что в 1985 году в высших эшелонах советской власти также произошли определённые изменения. Проанализировав кризисную ситуацию,

---

[431] Картамышева С. Н. Конфронтация или сотрудничество: основные принципы формирования внешней политики США относительно СССР во второй половине 1980-х годов / Светлана Николаевна Картамышева // Материалы IV науч. конф. Ассоциации изучения США (Москва, 1996). – М.: МГУ, 1997. – С. 158–166.

[432] Согрин В. В. Политическая история США. XVII–XX вв. / Владимир Викторович Согрин. – М.: Весь мир, 2001. – 400 с. – С. 345.

[433] Reagan R. Message to the congress on freedom, regionals, and global peace. March 14, 1986 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=36995&st=&st1=.

которая сложилась в СССР, американский законодательный орган пришёл к выводу о благоприятности момента для поворота в отношениях с ним, и рекомендовал Рейгану активно давить на нового кремлёвского лидера.[434] На этом направлении конгрессмены проявляли всё больше инициативы, что нашло выражение в активизации межпарламентских связей. В частности, в сентябре 1985 года Советский Союз с визитами посетили авторитетные сенаторы Ч. Метайес и Г. Харт, а также группа членов Палаты представителей во главе с Т. Лентосом.[435]

После встречи с Горбачёвым упомянутые делегаты пришли к выводу, что «новый советский лидер открыт для диалога и внушает доверие». Р. Доул, в то время лидер республиканского большинства в Сенате, выразил надежду, что «Горбачёв совершенно иной человек, чем предыдущие советские руководители».[436] «Резкий контраст между Брежневым, Андроповым, Черненко и Горбаёвым» оказал на конгрессменов неизгладимое впечатление. Учитывая это, Сенат рекомендовал Рейгану «втянуть М. Горбачёва в широкий конструктивный диалог» по всем аспектам американо-советских отношений.[437] «Самое время начать его, когда новый человек в Кремле только формирует свою внешнюю политику, стратегию и тактику», – констатировали законодатели.[438] Возможность возобновления переговоров с Советским Союзом они обосновывали тем, что «руководитель СССР очень обеспокоен и будет рад и готов идти на уступки, которые... позволят руководству СССР высвободить ресурсы для инвестиций в модернизацию советской промышленности, в которой оно непосредственно заинтересовано. Используя ситуацию, следует требовать от Советского Союза вывода войск из Афганистана. Можно рассчитывать на успех, поскольку это даст

---

[434] The Reagan–Gorbachev summit and its implications for US–USSR relations. Hearing before the Committee on Foreign Affairs. October 31, 1985. House of Representatives. – 99th Congress, 1st Session. – Washington, D.C.: GPO, 1986. – 39 p. – P. 3–5.

[435] СССР–США и Канада: проблемы торгово-экономических отношений / Под ред. Аникина А. В., Астаповича А. З. – М.: Междунар. отношения, 1987. – 328 с. – С. 94.

[436] Summit meeting at Geneva 1985 // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S31688.

[437] Looking back on the Reagan presidency / Ed. by Berman L. – Baltimore, London: Johns Hopkins University Press, 1990. – 332 p. – P. 72.

[438] Wise advice from American business for the President at the summit // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S32219.

возможность М. Горбачёву сократить военные расходы, забирающего 14% от валового национального продукта СССР».[439]

Итак, в целом, законодательная ветвь власти демонстрировала заинтересованность в нормализации отношений с Советским Союзом, однако её целью было не общее улучшение отношений, а их использование для распространения американских ценностей в соответствии государственным интересам. Следует отметить, что, разрабатывая рекомендации для своего Президента ко встрече с Генеральным секретарём, Конгресс решал две задачи – усиление социальной направленности бюджета своей страны и снижение внешней угрозы. Напомним, что военные расходы были бременем не только для СССР, но и его заокеанского оппонента. В качестве иллюстрации можно привести слова сенатора Мелчера, который заявил о том, что «настало время, чтобы Президент заплатил за потери в экономике». При рассмотрении нового военного бюджета в конце 1985 года, большинство сенаторов (75 к 24) высказались за его сокращение на 4,8 млрд. долл.[440] Объяснить это можно тем, что Капитолий, как представительный орган законодательной власти США, не мог не реагировать на обеспокоенность своих избирателей увеличением военных расходов страны, заявления о чём звучали во время специальных слушаний касательно антивоенного движения. В ходе дебатов сенатор Крэнстон познакомил коллег с документом «Замечания, представленные комитету, разрабатывающему мирную платформу в Бостонском колледже». Во время слушаний слово также было предоставлено представителям организаций «Терапевты Бостона за социальную ответственность» и «Терапевты мира за предотвращение ядерной войны». Деятели этих движений критиковали Стратегическую оборонную инициативу и отмечали, что «Первоочередная задача американского Президента – прекращение гонки вооружений». После этого законодатели признали: «Мы должны прислушиваться к большинству лучших умов. Впервые учёные Америки бросили

---

[439] Approaching the summit soberly // CR – 99th Congress. – House of Representatives. – Vol. 131. – P. H32466.

[440] Белевцева С. Н. Выработка механизма влияния на демократизацию советского общества: взаимодействие ветвей власти США в период второй администрации Р. Рейгана / Светлана Николаевна Белевцева [Электронный ресурс] // Учёные записки. Электронный научный журнал КГУ. – № 4 (24). – 2012. – Режим доступа к статье: http://scientific-notes.ru/pdf/027-006.pdf.

вызов СОИ. Они требуют отклонить фонды от “звёздных войн”».[441] В итоге слушаний Сенат обратился к Президенту с призывом «прекратить гонку вооружений и начать переговоры с СССР». Сенат 64 голосами «за» и 32 «против» при 4 воздержавшихся принял резолюцию № 35474, которая «запрещала финансирование любых исследований, использующих пригодные для ядерного распада материалы».[442] Однако, понимая необходимость сокращения ракетного вооружения и уменьшения военного бюджета США, конгрессмены не могли отказаться от увязки этих вопросов с элементами «распространения демократии», что оставалось основным условием улучшения отношений между Соединёнными Штатами и Советским Союзом.

Вместе с тем, существенные сдвиги в подходе законодателей к межгосударственным отношениям наметились и в торгово-экономической области, ситуация в которой также была предметом специальных слушаний, проведённых в октябре 1985 года. Открывая заседание, конгрессмен Ч. Уайли, заявил о том, что «в свете постоянного дефицита торгового баланса США, представляется, что Конгрессу следует делать всё возможное для обеспечения расширения экспорта американских товаров, не имеющих отношения к военной области на зарубежные рынки. Одним из таких рынков является Советский Союз».[443]

Таким образом, в конце 1985 года на Капитолийском холме произошёл пересмотр перспектив взаимоотношений с СССР в некоторых отраслях; подобную позицию демонстрировало и советское руководство, следовательно, американо-советские отношения сдвинулись с «мёртвой точки».

Сторонами было принято решение о возобновлении диалога по разоружению, однако инициативная роль в этом процессе принадлежала Конгрессу. Об этом свидетельствует тот факт, что круг вопросов, который должен был обсуждать Президент на запланированных переговорах с Генеральным секретарём, также был обозначен законодателями. Платформа Рейгана для этих

---

[441] Seeking a new path // CR – 98th Congress. – Senate. – Vol. 130. – P. S1022.
[442] Amendment № 1396 // CR – 98th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S35474.
[443] Цит. по: СССР–США и Канада: проблемы торгово-экономических отношений / Под ред. Аникина А. В., Астаповича А. З. – М.: Междунар. отношения, 1987. – 328 с. – С. 94.

встреч была определена в специальных резолюциях Сената, одобренных в ходе длительных дебатов. Несмотря на незначительные голоса ультраправых сторонников силовой политики, оформленная оппозиция в Капитолии не существовала. В отличие от предыдущих лет, партийная принадлежность конгрессменов не оказывала определяющего влияния на их позицию касательно американо-советских отношений, следовательно, ими демонстрировалось относительное единство.

Впрочем, в качестве главного условия развития отношений с Москвой, Конгрессом снова было выдвинуто решение ею проблемы прав человека и вывода её войск из зон региональных конфликтов. В качестве иллюстрации можно привести следующие заявления сенаторов: «Без урегулирования локальных конфликтов, которые легко могут привести к конфронтации супердержав, прогресса в отношениях с СССР быть не может»; «Советское вторжение в Афганистан и военная поддержка определённых сил в Никарагуа, Анголе, Эфиопии и других странах подрывают основу для соглашения по контролю над вооружениями».[444] Одобренная в результате слушаний резолюция № 257 содержала рекомендации Рейгану для переговоров, проведение которых было запланировано в Швейцарии: «Главное – надо дать понять руководству Советского Союза, что его политика в области прав человека и региональных конфликтов определяет перспективы решения проблемы доверия и, следовательно, контроля за вооружениями».[445] Единодушие позиции конгрессменов (99 голосов «за» при одном заболевшем) была охарактеризована как «двухпартийная демонстрация поддержки вопросов, которые Президент должен включить в повестку дня встречи». Когда резолюция была представлена Белому дому на рассмотрение, то «администрация её приветствовала, что подтверждало единство Президента и Конгресса».[446] Перед встречей в Женеве, в своём телевизионном обращении к нации, Рейган говорил: «Вопрос о региональных конфликтах будет на переговорах одним из центральных,

[444] House Resolution 257. Regarding the United States response to summit meeting at Geneva // CR – 99th Congress. – House of Representatives. – Vol. 131. – P. H32172.
[445] Ibidem.
[446] Ibidem. – P. H31798.

поскольку это более важная проблема, чем сокращение вооружений».[447] Не забыл Президент и о правах человека и развитии демократии: «Наша цель – распространение демократических ценностей и институтов, свободной экономики... Правительство, которое не уважает права своих граждан и международные договоры, защищающие эти права, вряд ли способно выполнять другие международные соглашения... Когда мы говорим о мире, это не означает, что мы имеем в виду отсутствие войны. Мир покоится на личной свободе, правах человека, самоопределении наций, уважении прав и законов».[448]

Итак, после первой встречи советского и американского руководителей в ноябре 1985 года в Женеве, в подходе администрации США к отношениям с СССР наметились значительные сдвиги. Американский Президент демонстрировал решительность и оптимизм: «Мы готовы и желаем поэтапного развития отношений... Нам не нужна некая иллюзорная разрядка. Мы не можем удовлетвориться чисто косметическими улучшениями».[449] В ходе двухдневных переговоров Горбачёв и Рейган имели возможность не только лично познакомиться друг с другом, но и подписать Соглашение об обменах и контактах в области науки, образования и культуры, а также совместное заявление о необходимости достижения прогресса на переговорах по ядерным и космическим вооружениям. Впрочем, на тот момент последствия либерализации СССР ещё не были слишком очевидны, следовательно, соглашение по контролю над вооружениями, к которому стремился Горбачёв, принято не было.

Выступая на совместной сессии Капитолия и анализируя итоги переговоров, Президент передал содержание разговора с Горбачёвым, весьма высоко оценив

---

[447] Reagan R. Address to the nation on the upcoming USSR–US summit meeting in Geneva. November 14, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38068&st=&st1=.

[448] The Reagan years / Ed. by S. Knott, J. Chidester. – N.-Y.: Checkmark Books, 2005. – 520 p. – P. 266.

[449] Reagan R. Remarks on issuing the joint USSR–US statement on the summit meeting in Geneva. November 21, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38087&st=&st1=.

поддержку законодателей: «Я хочу, чтобы вы знали, как много значило для меня, когда я имел дело с лидером СССР, что за моей спиной стоял Конгресс».[450]

Следует отметить, что после Женевы Рейган стал проявлять в отношении вопроса разоружения ещё большую заинтересованность, что нашло положительный отклик со стороны Конгресса. Итак, центральным положением следующей встречи, которая была запланирована на октябрь 1986 года в Рейкьявике, было выдвинуто требование недопущения сведения переговоров только к вопросу контроля над вооружениями; приоритетная роль снова отводилась проблемам региональных конфликтов и прав человека. Среди последних видное место принадлежало вопросу еврейской иммиграции из СССР. В частности, сенатор Мойнихэн, выступая в ходе специальных слушаний, отметил, что все предыдущие американские президенты поддерживали право советских евреев на свободу совести и перемещения; теперь необходимо побудить Рейгана вспомнить этих людей во время встречи с Горбачёвым.[451] Сенаторы единогласно заявили, что «Соединённые Штаты не могут забыть миграционный вопрос, Афганистан, Камбоджу и другие серьёзные вопросы внешней политики Москвы».[452] Формируя позицию Президента на будущих переговорах, Сенат единогласно принял резолюцию № 502, акцентировавшую внимание хозяина Белого дома на необходимости включения указанных проблем в пакет предложений как приоритетных. Речь в нём шла, в частности о том, что «Сенат рекомендует Президенту во время переговоров с М. С. Горбачёвым рассмотреть важнейшие вопросы американо-советских отношений, включая, прежде всего, права человека и региональные конфликты, а затем контроль над вооружениями в пределах, не затрагивающих национальную безопасность; особенно поощряет Президента требовать от Советского Союза демонстрации прогресса в приверженности международным стандартам прав человека как важнейшего элемента в американо-советских отношениях; давление с целью

[450] Reagan R. Address before a joint session of the congress following the USSR–US summit meeting in Geneva. November 21, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38088&st=&st1=.
[451] Raising the plight of Soviet Jewry in the pre-summit talks in Iceland // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 132. – P. S15923.
[452] Let’s not undermine the President in Iceland // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 132. – P. S15136.

прекращения советского агрессивного поведения в мире, а также скорейшего вывода советских войск из Афганистана».[453]

Впрочем, ни в вопросе локальных конфликтов, ни в проблеме контроля над вооружениями встреча в Рейкьявике прогресса не принесла. Подводя её итоги, хозяин Белого дома заявил: «Лидер СССР стремился во время переговоров уделить основное внимание вопросу контроля над вооружениями, а не проблемам прав человека и региональных конфликтов. Мне же удалось настоять на рассмотрении в ходе встречи таких спорных вопросов, как вмешательство Советского Союза во внутренние дела ряда государств: Афганистана, Анголы, Никарагуа, Камбоджи».[454] Вместе с тем, федеральная власть не могла тормозить процесс ядерного разоружения и далее. Рейган был вынужден учитывать позицию демократической части Конгресса, которая выражала недовольство чрезмерностью средств, выделяемых на создание СОИ. В частности, спикер Палаты представителей О'Нил заявлял об этом следующее: «Мы думаем, будет разумным сократить расходы на Стратегическую оборонную инициативу и выделить на неё в 1987 финансовом году 3,5 млрд. долл. вместо 5,3 млрд., запрошенных Белым домом».[455] На этом основании Конгресс высказался «за запрет испытаний в космосе, отказываясь в 1988 году от их финансирования».[456]

Влиятельный американский журнал «Ю.С. Ньюс энд Уорлд рипот» заявлял в этой связи о заинтересованности Рейгана в приобретении ореола миротворца: «Известно, что Президент стремился к переговорам по вооружению: пакет соглашений об их значительном сокращении был бы большим достижением его администрации».[457] Далее на страницах журнала отмечалось: «Р. Рейган, консервативный Президент послевоенного периода, желает войти в историю, оставив частью своего наследия в политике соглашение по вооружениям... Он

---

[453] Senate Resolution 502. Regarding the United States response to summit meeting at Reykjavik, Iceland 1986 // CR – 99th Senate. – Senate. – Vol. 132. – P. S15677.

[454] Reagan R. Address to the nation on the meetings with Soviet General Secretary Gorbachev in Iceland. October 13, 1986. October 14, 1986 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=36587&st=&st1=.

[455] Quot. for: Durić M. The strategic defence initiative: US Policy and the Soviet Union / Mira Durić. – Aldershot: Ashgate, 2003. – 198 p. – P. 48.

[456] Arms control negotiations with the Soviet Union // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S16517.

[457] Цит. по: Картамышева С. Н. Конгресс США и советско-американская встреча в Рейкьявике (1986) / Светлана Николаевна Картамышева. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – 43 с. – С. 25.

очень хотел бы договором о контроле над вооружениями завершить своё президентство. Выбор времени критический, если Р. Рейган стремится войти в историю как миротворец».[458] Однако прежде чем подписывать какие бы то ни было договоры в этой области, Рейган должен был получить одобрение высшей законодательной власти. В противном случае Сенат мог договор не ратифицировать, и тогда заключение его теряло всякий смысл, поскольку он не имел бы силы. В своей резолюции № 94 верхняя палата настаивала на том, «чтобы Президент проконсультировался с ней по всем аспектам соглашения о сокращении вооружений», напомнив, что «именно Сенат будет решать вопрос о ратификации».[459] В связи с этим Рейган «заявил о своей готовности заключить договор об уничтожении РСМД только в случае выполнения руководством СССР условий, выдвинутых палатой представителей и Сенатом».[460]

Прежде чем одобрить позицию Президента для запланированной на декабрь 1987 года встречи в американской столице, законодатели внимательно изучили обстановку в Советском Союзе. Придя к выводу, что политика «перестройки» заслуживает доверия, сенатор Берд (лидер большинства) призвал своих коллег проголосовать за рекомендацию Президенту соглашения по сокращению ракет-носителей. Раскрывая взгляды Капитолия на этот вопрос, конгрессмен Лихай подчеркнул: «когда Президент встретится в Вашингтоне с советским лидером М. Горбачёвым, ему будет необходима поддержка всех американцев, и Р. Рейган её получит, независимо от того, республиканцы мы, демократы или независимые».[461] Ставя условием «разрядки» развитие политических свобод в Советском Союзе, политики Соединённых Штатов рассчитывали начать апробацию новых концепций управления экономикой, что способствовало бы внедрению в Советском Союзе механизмов рыночной экономики.[462]

---

[458] Там же. – С. 26.
[459] Arms control negotiations... – P. S2027.
[460] Response of the majority leader // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S15554.
[461] News Summary // New York Times. – December 4, 1987 [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.nytimes.com/1987/12/04/nyregion/news-summary-friday-december-4-1987.html.
[462] Белевцева С. Н. Позиция Конгресса США по проблеме прав человека в советско-американских отношениях в период второго президентства Р. Рейгана / Светлана Николаевна Белевцева // Актуальные вопросы междунар. отношений и внешней политики: сборник науч. трудов. – Курск: КГУ, 2008. – С. 58–87.

Стремясь в силу определённых причин к соглашениям с Соединёнными Штатами, советская сторона сочла необходимостью совершение уступок в выдвигаемых ими требованиях: первыми из них были аннонсирование намерений вывода своего контингента из Афганистана и снятие ограничений на выезд евреев за рубеж. Оба эти решения для американцев имели чрезвычайно большое значение.

Итак, как мы знаем из второго раздела, в ходе встречи на высшем уровне в Вашингтоне, имевшей место в декабре 1987 года, США и СССР договорились о частичной ликвидации ракет наземного базирования средней и ближней дальности; возрождение процесса «разрядки» обретало всё более чёткие черты. В ходе того же саммита была достигнута договорённость о следующей встрече между советским и американским лидерами. Во время дебатов по подготовке переговоров в Москве, Сенат пришёл к выводу, что «есть все основания принять договор о ликвидации РСМД», поскольку Советский Союз демонстрировал готовность идти на уступки.[463] Единство Конгресса по данному вопросу подтвердил один из наиболее уважаемых консервативных законодателей Дж. Соломон. Он отметил, что «несмотря на разногласия между Р. Рейганом и ультраправым крылом его партии, оформленной оппозиции не было».[464]

Однако, в силу того, что в советско-американских отношениях все ещё не был решён целый комплекс проблем, нижняя палата одобрила резолюцию № 455, в которой настаивала, чтобы «Президент на переговорах в Москве придерживался линии строгой увязки с вопросом уважения прав человека и создания прочного мира».[465] Конгрессмены Деконсини, Пелл, Грэхем и Дамато подчёркивали необходимость равновесия между вопросами национальной безопасности, политического доверия, экономического сотрудничества, реализации фундаментальных прав и свобод человека, осуществления контактов между людьми. Высказывалось пожелание, чтобы «именно такой подход к развитию

[463] Dreams and realities // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S18141.
[464] The Reagan–Gorbachev summit and its implications for United States–Soviet relations. Hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives. December 16, 1987. – 101th Congress, 1st Session. – Washington, D.C.: GPO, 1988. – 123 p. – P. 35.
[465] Protesting various Soviet human rights violations 1988 // CR – 100th Congress. – House of Representatives. – Vol. 134. – P. H3558.

отношений с Советским Союзом Президент продемонстрировал на московской встрече».[466] Условием принятия и составной частью резолюции о ратификации соглашения о сокращении вооружений была установлена поправка о правах человека № 2122: «Сенат ратифицирует договор о ликвидации РСМД только в случае признания руководством СССР решения проблем прав человека необходимым условием вступления его в силу; требует, чтобы Р. Рейган получил на встрече в Москве доказательства прогресса в области прав человека».[467] Парламентарий Ветрон отметил, что эта «резолюция выразила общую позицию Конгресса и была поддержана администрацией Президента»: последний заверил законодателей в том, что «содержание переговоров в Москве будет определяться не столько обменом ратификационными грамотами, сколько ходом дискуссии по правам человека».[468] Углубление процессов «перестройки» способствовало тому, что за резолюцию о ратификации подписанного в Москве договора проголосовало большинство сенаторов (93 из 100).[469] Таким образом, единство конгрессменов в вопросе формирования позиции Президента относительно диалога с СССР во второй половине 1980-х годов является очевидным.

Как показали итоги встреч в Москве и Вашингтоне, проведённых в мае–июне 1988 года, Рейган выполнил свою миссию, а Капитолий, в свою очередь, одобрил его деятельность. В резолюции № 464 Палатой представителей было заявлено: «принимая во внимание, что Президент на американо-советских переговорах в Москве главным вопросом повестки дня поставил проблему прав человека, ...что Р. Рейган встречался в СССР с советскими диссидентами, отказниками, демонстрируя тем самым поддержку Конгрессом борцов за права человека... Палата представителей приветствует все действия хозяина Белого дома во время его визита в Москву».[470]

---

[466] Amendment № 2122 // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 134. – P. S6616, S6619, S6622–S6624.
[467] Deconcini. Amendments № 2118–2122 // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 134. – P. S6520.
[468] Protesting various Soviet human rights violations // CR – 100th Congress. – House of Representatives. – Vol. 134. – P. H3559.
[469] Amendment № 2114 // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 134. – P. S6437.
[470] Commending the President for his efforts on behalf of rights while at Moscow summit // CR – 100th Congress. – House of Representatives. – Vol. 134. – P. H4451.

Однако, прежде чем ратифицировать двусторонние соглашения, законодатели стремились увидеть конкретные действия советской стороны по взятым на себя обязательствам. Сенатор С. Симмс призвал администрацию Рейгана решить вопрос с Афганистаном. «С началом вывода советских войск из Афганистана, – отмечалось на страницах американского журнала «Ю.С. Ньюс энд Уорлд рипот», – открылись хорошие перспективы для ратификации».[471] Впрочем, выполнено это задание было уже в период следующей президентской администрации.

Резюмируя, отметим, что, несмотря на свою второстепенную роль среди факторов формирования внешней политики, Конгресс в рассматриваемый нами период активно высказывался по всему комплексу проблем американо-советских отношений и мирового баланса сил. Это, в частности, нашло своё отражение в том, что в начале десятилетия Капитолий вопреки настоянию кабинета Рейгана, ограничил рост военного бюджета США, сопротивлялся выделению ассигнований на программу «звёздных войн» и одобрил ряд других поправок.

Во второй половине 1980-х годов происходило усиление роли инициативы Конгресса как движущей силы политики США относительно обновлённого Советского Союза. В своих резолюциях законодатели сформировали платформу Президента Рейгана на советско-американских переговорах, которой он руководствовался во время переговоров с главой СССР. По их завершению Рейган выступал в Конгрессе с докладами, где анализировал ход встреч и подводил итоги встреч. С их учётом законодатели определяли следующий этап в отношениях с Советским Союзом.

---

[471] Цит. по: Белевцева С. Н. Выработка механизма влияния на демократизацию советского общества: взаимодействие ветвей власти США в период второй администрации Р. Рейгана / Светлана Николаевна Белевцева [Электронный ресурс] // Учёные записки. Электронный научный журнал КГУ. – № 4 (24). – 2012. – Режим доступа к статье: http://scientific-notes.ru/pdf/027-006.pdf.

4. Субъективно-личностный фактор формирования политики США относительно СССР

В I разделе мы пришли к выводу о том, что международная политика США является, прежде всего, делом президентского кабинета. На завершающем этапе Холодной войны случаи обжалования Конгрессом прерогатив главы исполнительной ветви власти не фиксировались, что прежде всего, было связано с авторитетом и харизмой личности, находившейся на этом посту в течение двух сроков – с 1981 по 1989 годы. Учитывая это, полное изображение картины «последнего раунда» американо-советского противостояния невозможно без фигуры Рональда Рейгана.

Следует отметить, что в конце XX века символизм, связанный с фигурой Президента, в американских политических процессах сыграл центральную роль. Оценивая грандиозность перемен, которые произошли в 1980-е годы не только на национальной, но и на мировой арене, биограф Эдмунд Моррис охарактеризовал Рейгана как «исторического романтика». В этой связи примечательно, что журнал «Тайм» назвал его «одним из величайших политических лидеров и революционеров XX столетия», поставив в один ряд с Уинстоном Черчиллем, Махатмой Ганди и Мартином Лютером Кингом. В американской политологии бытует мнение, что после Ф. Д. Рузвельта ни один другой Президент не сыграл в новейшей истории США большую роль, чем Рейган.[472]

Позволим себе повториться, что роль и полномочия Президента США в международных отношениях в значительной степени определяются его идивидуальными качествами. Таким образом, необходимость раскрытия предмета нашего исследования требует изображения психологического портрета Рейгана. Для этого используем схему, предложенную известным российским политическим психологом Е. Егоровой-Гантман.[473] Отметим, что внимание

---

[472] TIME 100 the most influential people [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://web.archive.org/web/20110805071838/http://www.time.com/time/specials/bestworst/category/0,32241,politics,00.html.

[473] Егорова Е. В. Личностный фактор во внешней политике США в 60–90-е годы: автореф. дисс… докт. полит. наук: 23.00.02 «Политические институты и процессы» / Екатерина Владимировна Егорова. – М., 1992. – 58 с.

психологов и политологов он привлёк уже во время своего правления.[474] Эти специалисты изучали и пытались подвести президентский стиль принятия решений под различные типологии, однако яркость его специфики крайне осложнила эту задачу. Кроме основ внутренней политики, предметом интереса исследователей была и внешняя деятельность, в частности, причины поворотов в отношениях с СССР: «заморозки» и резкое обострение противоборства периода первого президентского срока сменились определённой «оттепелью» и декларируемым отказом от риторики Холодной войны во время второго.

Итак, проанализируем индивидуальные характеристики Рейгана, которые повлияли на международную политику возглавляемой им страны. Для этого напомним, что «ось» человеческой психической структуры образует «Я-концепция» – динамичная система представлений индивида о самом себе, включающая осознание своих физических и интеллектуальных свойств; самооценку, субъективное восприятие внешних факторов, влияющих на собственную личность. «Я-концепция» составляет основу высшей саморегуляции личности, на базе которой она строит свои отношения с окружающим её миром.

Для большей ясности, рассмотрим некоторые особенности жизненного опыта 40-го Президента США, которые сформировали специфику психологических процессов и опосредовали отмеченную исследователями определённую упрощённость его внутренней жизни. Интерес, прежде всего, представляет раннее детство, из которого, согласно теории З. Фрейда, вытекают «взрослые» проблемы.[475] Отметим, прежде всего, что Рейгану была характерна несколько расфокусированная саморефлексия и несклонность «препарировать себя», занимаясь «самокопанием». Специалисты отмечают, что его интеллект не имел выраженной интегративной или концептуальной составляющей: он схватывал главное содержание проблемной ситуации и испытывал большие трудности в воспроизведении реальной картины из отдельных деталей. Это, однако, компенсировалось достаточно развитой интуицией и чувством ситуации,

---

[474] Levinson D. The relevance of personality for political participation / Daniel J. Levinson // Public Opinion Quarterly. – Vol. 22. – 1958. – P. 3–10.

[475] Автономова Н. С. Власть в психоанализе и психоанализ власти / Наталия Сергеевна Автономова // Очерки современной политической философии Запада / Под ред. Мшвениерадзе В. В. – М.: Наука, 1989. – 325 с. – С. 287.

которые помогали ему хорошо ориентироваться в большинстве политических вопросов.[476] Образ самого себя он воспринимал в общем, не разделяя на большое количество деталей (подобно мозаике, фрагменты которой сливаются в цельную картину), из-за чего ему не были характерны глубокие внутренние конфликты и противоречия; отсюда – и отсутствие внимания к критике и нечувствительность к замечаниям.

Анализируя очерченную особенность Рейгана, Роберт Даллек (профессор Калифорнийского университета) писал: «вопреки тому, что эффективные президенты были скорее исключением, чем правилом в нашей истории, ...трудно поверить, что 226-и миллионная нация не могла найти более рационального и вдумчивого лидера».[477] Эта черта, вероятно, оформилась ввиду отсутствия в ближайшем окружении юного Рональда представителей умственного труда и отсутствия стремления у его родителей интеллектуально развивать его со старшим братом за пределами школы. Отметим и то, что Рейган имел некоторые фобии (под ними понимаем иррациональный, интенсивный и постоянный страх перед определёнными ситуациями). Наиболее выраженной из них была клаустрофобия, которая могла возникнуть в результате несчастного случая, когда во время аварии в детстве он оказался перевёрнутым в старом «Форде».[478] Однако, из-за неспособности справиться с психологическими конфликтами он не страдал, и, несмотря на то, что его мышление отличалось достаточно высокой стереотипностью, в большинстве случаев демонстрировал достаточную гибкость. Рейган был в состоянии принять решение, расходящееся с его предыдущим подходом к проблеме, если он убеждался в том, что этого требовала дело.

Рейган имел упрощённый подход к восприятию новой информации о внешнеполитических событиях, и любил повторять: «некоторые говорят, что мир стал слишком сложным для простых ответов. Они ошибаются». Вместе с тем, глава Белого дома схватывал главное, что позволяло маневрировать, когда этого

---

[476] Косолапов Н. А. Социальная психология и международные отношения / Николай Алексеевич Косолапов. – М.: Наука, 1983. – 271 с. – С. 91.
[477] Dallek R. Ronald Reagan: the politics of symbolism / Robert Dallek. – Cambridge: Harvard University Press, 1984. – 221 p. – P. 61.
[478] Ibidem.

требовала ситуация. Стремясь оперировать минимальными данными, необходимыми для принятия решения, Рейган имел исключительно слабый интерес к поиску информации по большинству актуальных проблем. Детали как таковые редко интересовали его: он стремился понять суть, остальное было второстепенным.[479]

Нередко Рейгану полностью отказывали в признании продуктивости его мышления, действительно, не отличавшегося особой скоростью, так же как и аналитичностью. Американский актёр Морт Сал иронично заметил по этому поводу, что «Вашингтон не мог солгать; Никсон не мог сказать правду; Рейган не может понять разницу между тем и другим».[480] Однако, считать его тугодумом было бы неверно: он рассуждал размеренно, обычно. Стремление понять причинно-следственные связи во внешнеполитических событиях также было развито не больше и не меньше, чем у других людей в политическом мире. Но поскольку Рейгану как Президенту необходимо было анализировать события для формирования собственного отношения и линии поведения в них, то такая работа им проводилась достаточно регулярно, хотя и в упрощённой, специфической форме. Интересно то, что став Президентом, он выработал собственную стратегию борьбы с раздвоенными ситуациями: если он не находил их достаточно прояснёнными советниками для принятия обоснованного решения, то требовал повторного собрания и выработки необходимого ему диагноза проблемы с альтернативными вариантами. Сделаем промежуточный вывод о том, что продуктивность политического мышления Рейгана состояла в том, что он умел находить курс, наиболее адекватный моменту и психологическому климату в стране и мире, и приписывать это только интуиции было бы неправомерным.

Помимо социального окружения и жизненного опыта, на специфику внутренних процессов индивида влияет его физиология. Соглашаясь с тем, что Рейган отличался привлекательной внешностью и физической выносливостью, отметим, что его отличная фигура и правильное лицо опосредовали высокую

---

[479] Иванян Э. А. Рональд Рейган. Хроника жизни и времени / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Мысль, 1991. – 413 с.

[480] Mort Sahl quotes [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://thinkexist.com/quotation/Washington_couldn-t_tell_a_lie-nixon_couldn-t/338105.html.

самооценку, уверенность в себе и позитивное восприятие собственного физического «Я». Впрочем, один физический недостаток он всё же имел – близорукость, из-за чего был вынужден носить очки, заменив их контактными линзами, как только они стали доступными.[481] Выносливость и выдержка помогли ему быстро выздороветь после покушения в 1981 году, а также пережить онкологические заболевания.

Сексуальность, по теории упомянутого Фрейда, является основным мотивом человеческой деятельности. Итак, высокой самооценке Рейгана способствовало и его сексуальное «Я»: обе его жены (Джейн и Нэнси) проявили настойчивость в своём стремлении выйти за него замуж. Впрочем, классическим «плейбоем» Рональда назвать было сложно, поскольку, по данным биографов, хотя он и имел большой успех у противоположного пола, этим всё же не пользовался; в данном случае уместно привести его слова о Нэнси, с которой прожил 52 года: «...[она –] то, чем я дорожу и наслаждаюсь... Для меня всё было бы безразлично без неё».[482] Роль женщины как движущей силы политики и истории вцелом является дискуссионной, однако отметим, что, по мнению Лоренса Леймера, автора биографии четы Рейган, без решимости и тщеславия жены, Рональд никогда бы не стал Президентом. Позже, заболев болезнью Альцгеймера, он узнавал только её, и не находя в доме, постоянно звал. Итак, семейное «Я» было одним из факторов формирования уверенности Рейгана в себе. Интересно, что родителям Рейгана, с которыми он не имел сильной духовной связи, такая идиллия характерна не была. Биографы указывают на то, что «каждый член их семьи жил своей жизнью, пытаясь отгородиться от чужих проблем и не особо стараясь вникать в то, как и чем живут другие»; с другой стороны, отношение родителей к детям не имело репрессивного оттенка.[483] Упомянутый Р. Даллек, в начале своей работы цитирует автобиографию Президента «Where is the Rest of Me?», в частности эпизод, в котором Рейган, школьник из города Диксон, вспоминает своего отца (коммивояжёра,

[481] Иванян Э. А. – Указ. соч. – С. 250.
[482] The Reagans: a love story in letters [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.nbcnews.com/id/4201869/#.UUjF4ke3Zog.
[483] Иванян Э. А. – Указ. соч. – С. 14.

торговавшего обувью и хронического алкоголика), который беспомощно валялся на земле в состоянии опьянения. Из подобных инцидентов Даллек выводит корни опоры Рейгана на собственные силы, впоследствии пропитавшей его деятельность на посту Президента.[484] В течение жизни этому человеку пришлось «впитать» большое количество негативного опыта, что в сочетании с довольно драматическим восприятием, серьёзным образом повлияло на личность. В сознании юного Рейгана запечатлелся принцип: если влияю я, значит, на меня не влияют, отсюда – и его антиэтатизм. Возглавив государство, он заявит: «Правительство не решает проблем, он их финансирует».[485] Соответственно, его стремление доминировать возникло как компенсация страха оказаться зависимым от кого-либо или чего-либо. Начав взрослую жизнь, Рейган заботился о своих брате и матери, однако, сам помощи стремился избегать.

В определённой степени, с этим связана и воинственность хозяина Белого дома в отношении Кремля. Ставя вопрос о причинах его резкого «антисоветского евангелизма», Даллек на страницах своего исследования пытается проиллюстрировать случаи, в которых внешние действия отражают его глубинные личностные ценности. «Риторика и действия Рейгана свидетельствуют, что каким-то фундаментальным образом это символический протест против государства».[486] Достаточно убедительно этот автор показывает, что весь план республиканской администрации был основан на двух убеждениях: правительство, которое препятствует личной инициативе, является неправильным и должно быть ослаблено; Советский Союз есть яркий пример того, чем может стать Америка, если эта проблема не будет решена.

Подобно многим американским семьям, в годы Великой депрессии семья Рейганов разорилась, отсюда – подсознательный страх Рональда перед зависимостью, беспомощностью и бедностью; на этой же почве у него сформировалась компенсаторная потребность в роскоши. Категоричный взгляд на

---

[484] Dallek R. – Op. cit. – P. 17.

[485] Remarks to state chairpersons of the national White House conference on small business. August 15, 1986 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=37767&st=&st1=.

[486] Dallek R. – Op. cit. – P. 38.

человеческие отношения (согласно которому индивид может быть либо полностью свободным или полностью зависимым) опосредовал определённую склонность к перфектам. Понимание Рейганом ценности личной свободы привело к небольшому значению мнения других людей о нём.

Итак, несколько усложнённые условия детства сформировали в социальной ориентации Рейгана крайне автономную позицию и укоренили в нём классические черты американской ментальности – веру в собственные силы и индивидуализм. Проиллюстрировать это можно его шуткой – «самые страшные слова в английском языке: “Я из правительства, и я здесь, чтобы помочь”».[487]

Потребность в аффилиации,* отражающая стремление к установлению, поддержанию и сохранению положительных эмоциональных отношений с другими людьми, у Рейгана не имела ярко выраженного характера. Скептически относясь к идеалу взаимопомощи, он, тем не менее, отличался коммуникабельностью, мобильностью, лёгкостью в общении и высокой способностью ко взаимодействию в групповых формах работы. Рейган умел мотивировать людей к выполнению обязанностей благодаря своему дару общения и демонстрации тёплого отношения к ним. Сам он, в частности, заявлял: «Если вы не можете заставить их увидеть свет, дайте им почувствовать тепло». Ф. Гринстейн цитирует конгрессмена, поражённого опытом общения с Рейганом в гораздо большей мере, чем с его предшественником, читавшим подчинённым долгие скучные лекции со многими деталями. Во время встречи с Рейганом, длившейся всего несколько минут, он и не заметил, как оказался уже у дверей; Президент пожал ему руку, обнял и сказал, как он нуждается в его голосе.[488] Рейгану удавалось быстро устанавливать эмоциональный контакт, и это также было существенным фактором, облегчавшим реализацию внешнеполитических задач. Ему было комфортно взаимодействовать с людьми, которые ему нравились, что вполне естественно. Личное обаяние Президента и его открытый

---

[487] The executive’s book of quotations / Ed. by Vitullo-Martin J., Moskin J. – N.-Y.: Oxford University Press, 1994. – 396 p. – P. 130.

* Аффилиация (от англ. affiliation – «связь») – стремление быть в обществе других людей, потребность в создании тёплых, эмоционально значимых отношений.

[488] The Reagan Presidency. An early assessment / Ed. by Greenstein F. – Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1983. – 197 p. – P. 159–189.

стиль межличностного взаимодействия помогали уверенно чувствовать себя в любой ситуации. Совсем не случайно Рейгана называли «великим коммуникатором» («the Great Communicator») – за умение находить общий язык с представителями различных социальных слоёв и политических платформ, а главное – налаживать эффективное взаимодействие между ними. Именно эти умения позволили ему собрать вокруг себя разнородную, но мощную и слаженно действующую команду, которая создала почву для большей части побед Рейгана на мировой арене.

Как уже говорилось, Рейган стремился опираться на советы экспертов и окружать себя знакомыми людьми, но психологически не нуждался в тесных межличностных связях с коллегами. Тёплые отношения с ними не превращались в цель, хотя и воспринимались положительно, как такие, которые способствовали успеху политических акций. К началу второго президентского срока, вокруг него оказались люди (прежде всего Дж. Шульц), которые трезво смотрели на реальность, понимая необходимость и, главное, возможность улучшения американо-советских отношений. Информация о Горбачёве, его «перестройке» и свёртывании внешнеполитической активности, поставляемая ими Рейгану, сыграла свою роль прежде всего потому, что он имел к своим советникам высокий уровень доверия. Ценность для Рейгана оценок наличных в СССР перемен, которые подавались Государственным секретарём, усиливалась доверием Президента к нему как к человеку и эксперту.

Таким образом, социальное «Я» Рейгана (набор личных качеств и привычек, создающих опору для взаимоотношений с другими людьми) было вполне положительным и целостным, что позволяло ему строить равноправные отношения как со своими подчинёнными, так и с теми, кто был выше его статусом в допрезидентский период жизни. Адекватная самооценка и психологическая целостность Рейгана помогли ему действовать в условиях быстро меняющейся реальности. Эти факторы в ходе женевской встречи 1985 года помогли ему установить личные отношения с Горбачёвым, который был

воспринят Рейганом с человеческой симпатией. По словам журналиста Х. Харцберга, «Рейган думал, что Горбачёв был хорошим парнем».[489]

Говоря о личных взаимоотношениях американского Президента и советского Генерального секретаря, подчеркнём ошибочность мнения о том, что в мире силовой политики конструктивные отношения между государствами могут складываться благодаря «дружеским» чувствам между их лидерами. В связи с этим американский геополитик голландского происхождения Н. Спикмен отмечает, что за все пять тысяч лет истории международных отношений не было зафиксировано ничего, что могло бы хоть как-то подкрепить эту веру: «Союзы создаются не благодаря чувствам и эмоциям, а вследствие действия географических причин и баланса сил. Если при этом и возникают какие-то дружеские чувства к союзнику, то они обычно являются следствием, но не причиной политического сотрудничества».[490] Учитывая это, сделаем вывод о последовательности Рейгана в курсе относительно СССР, сохранявшемся неизменным при любых обстоятельствах: в течение первого президентского срока он восстановил могущество и авторитет собственного государства на международной арене, во второй – вступил в активные отношения с оппонентом, который начал «меняться к лучшему» (т.е., ступил на путь самоликвидации).

Для сохранения своей внутренней психологической целостности и образа «Я» Рейгана существовали все условия. Он сохранил верность принципам и обещаниям, данным стране и политическим кругам, которые поддержали его в ходе избирательной кампании. Взаимодействуя с Горбачёвым, деятельность которого одобрялась другими западными лидерами, Рейган создавал видимость изменений политического курса в отношении Советского Союза. Фактически завершив Холодную войну, он вписал своё имя в скрижали истории, реализовав одну из своих глубинных потребностей – в достижениях. Эта потребность имела у Рейгана инструментальный характер в том плане, что реализация этой цели, как позиция политического лидерства, давала возможность удовлетворять другие

---

[489] Herzberg H. The child monarch / Hendrik Herzberg [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.newrepublic.com/article/politics/81636/the-child-monarch.

[490] Spykman N. America’s strategy in world politics: the United States and the balance of power / Nicholas John Spykman, Francis P. Sempa. – Piscataway: Transaction Pub, 2007. – 500 p. – P. 255–256.

потребности – материальные и коммуникативные. В течение всей своей жизни Рейган сохранял ярко выраженную мотивацию достижения цели, выраженную в его кредо: «Всегда побеждать». Даллек пишет по этому поводу: «Сильная потребность Рейгана в достижении успеха (или стремлении выглядеть победителем) всегда хорошо служила ему. Если Голдуотер был готов стоять насмерть за принцип, то Рейган в своём стремлении нравиться и добиваться своих личных целей мог пойти на компромисс. Он прагматик из правых».[491]

Потребность в достижении успеха для Рейгана была тесно связана со способностью концентрироваться на поставленной задаче. Весь его опыт как политика свидетельствует об умении подчинить себя и своих людей избранной цели и вести целенаправленную политику. Всей своей жизнью Рейган утверждал, что способен ставить цели и реализовывать их: после покушения он многократно заявлял, что полон решимости добиться всего, что наметил целью ранее. По мнению Э. Харгроув и М. Нельсона, «Рейган воспринимал себя с самого начала как Президента достижений рузвельтовского толка... Как и Рузвельт, хотел дать обществу «новое дело», которое создало бы основу для новой политической эры – республиканской. Естественно, что переизбрание на пост Президента в 1984 году ещё больше подстегнуло его потребность в достижении цели, поскольку он реализовал всё, что только мог получить внутри страны, и теперь у него возникло широкое поле действий на мировой арене. Сам Рейган не раз доказывал, что он «первый после Кеннеди», которому он откровенно подражает, проводя полное перевооружение Америки с целью восстановления её мирового господства.[492] В своём поведении Рейган демонстрировал такие показатели, как умение просчитывать плюсы и минусы возможных шагов, изменять собственную линию на основе обратной связи.

Характеризуя эту черту личности 40-го Президента, М. Харрисон указывает, что «основным внешнеполитическим вектором Рейгана является возрождение и восстановление мощи США», по собственным же словам главы

---

[491] Dallek R. – Op. cit. – P. 33.
[492] Hargrove E. Presidents, politics and policy / Erwin C. Hargrove, Michael Nelson. – N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1984. – 129 p. – P. 122.

государства, он стремился вывести его на вершины, одержав моральную победу над коммунизмом и устранив препятствия для свободного демократического развития мира. Стремясь стать героем, выигравшим Холодную войну, он подсознательно реализовывал личные цели, сводившиеся к ещё более высокому статусу и власти.[493]

Впрочем, интерес Рейгана к событиям во внешнем мире не всегда был высоким. Имея очень сильную потребность в достижении, Рейган был, прежде всего, мотивирован на успех во внутренней политике, и когда он стал Президентом, его интерес к деталям внешней политики был довольно умеренным, а по мнению Р. Даллека, «просто слабым». В качестве иллюстрации исследователь приводит воспоминания одного из президентских советников о том, что изучая карту Ближнего Востока, Рейган приложил к ней палец, отмерил расстояние между двумя пунктами в Израиле и Ливане, приложил палец к шкале в милях и воскликнул: «Бог мой, они действительно находятся совсем рядом!».[494] Даллек продолжает, что рейгановская внешняя политика была «продуктом политического лидерства... провинциального по своему происхождению и изоляционистской по духу, отдающей приоритет внутриполитическим проблемам».[495] Впрочем, вопреки тому, что дипломатия и не была любимой «сферой компетенции» Рейгана, в которой ему было бы особенно комфортно осуществлять власть, вошёл в историю он прежде всего, благодаря ей. В этой области его главной заслугой является восстановление власти и авторитета Белого дома, омрачённых в 1970-е годы; усиление уважения к США и расширение их национального величия; победа над противниками: как глобально опасным (СССР), так малыми (Гренадой и Ливией).

Потребность в достижении успеха сочеталась с убеждением, входившим в операциональный код* Рейгана: лучший момент для переговоров – позиция силы. Отношения с поздним СССР были удобным полем для самоутверждения,

---

[493] Harrison M. Reagan's world / M. Harrison // Foreign Policy. – Vol. 43. – 1981. – P. 3–16.
[494] Гриневский О. А. – Указ. соч. – С. 247.
[495] Dallek R. – Op. cit. – P. 189.
* Операциональный код – свойственный личности набор «ответов» на ряд философских (стратегических) и инструментальных (тактических) проблем.

поскольку тот был готов идти на односторонние уступки. Таким образом, с личной позицией Рейгана считались за океаном, что усиливало его авторитет и обеспечивало ему внимание публики (как домашней, так и зарубежной) и обещало ещё более заманчивые перспективы. Его внешняя политика нашла активный отклик в сердцах рядовых американцев, поскольку имела своим результатом нивелирование «вьетнамского синдрома». Рейган получил возможность выступать в новом амплуа – миротворческом, что его артистической натуре было не чуждо, тем более, что он не отступал от своих принципов, а действовал в благоприятных условиях.

Рейган понимал значение своих внешнеполитических достижений. Интересно, что даже после встречи в Рейкьявике в 1986 году, охарактеризованной в прессе как неудачная, он подчеркнул, что «значение этих переговоров огромное, и сейчас мы только начинаем это понимать... Мы предложили самое большое и глубокое сокращение вооружений за всю историю».[496] Когда согласие было достигнуто, а затем и подписан договор о сокращении, Рейган чётко осознавал огромное значение этого события. Этот успех действительно вписывал его имя в историю и, естественно, способствовал удовлетворению его потребности в достижении. Впоследствии Рейган сказал об этом так: «Важнейшим событием года стало подписание договора по РСМД. Мы подписали его в восточной гостиной Белого дома. Я думаю, что это кажется доказательством того, что успеха можно добиться, когда мы ведём переговоры с позиции силы и убеждённости. Я считаю, что соглашения не удалось бы достичь, если бы не наращивание нашей обороны».[497]

Итак, мотивационная сфера личности Рейгана повлияла на формирование его «нового» курса в отношении СССР весьма своеобразным образом. Проанализируем и другие его потребности, в частности, властную. По мнению Е. Егоровой-Гантман, у 40-го Президента она имела сильно развитый (однако не

[496] Рейган Р. Откровенно говоря. Избранные речи / Рональд Уилсон Рейган. – М.: Новости, 1990. – 398 с. – С. 285.
[497] Там же. – С. 299.

гипертрофированный) компенсаторно-инструментальный характер.[498] Необходимость в диктовке своей воли мотивировалась желанием избежать такой диктовки по отношению к себе, а также стремлением облегчить реализацию других целей. В качестве индикатора высокой потребности Рейгана во власти можно привести его стремление изобретать и навязывать другим действующим лицам на международной арене определённые схемы действий. Повторимся, что лучшим обстоятельством для переговоров он, безусловно, считал позицию силы: сначала он усилил военно-промышленный комплекс США, и лишь затем выразил готовность к улучшению отношений с СССР. Он был убеждён в приемлемости вооружённой интервенции для решения внешнеполитических проблем, иронизируя по этому поводу: «Латиноамериканцы являются республиканцами. Они просто ещё не знают этого». Интересным является убеждение Рейгана по вопросу о необходимости активности во внешней политике. Он считал, что инициатива должна всегда исходить от Соединённых Штатов, а, значит, лично от него. Проявлением определённой авторитарности Рейгана было его активное приобщение глав западноевропейских государств к санкциям против Советского Союза. Итак, власть рассматривалась Рейганом бинарно – как статус и как влияние. Синтез указанной выше низкой потребности в аффилиации с высокой потребностью во власти Д. МакКлелланд назвал «синдромом создателя империи».[499]

Как уже говорилось, Рейган не был специалистом по внешней политике, тем не менее, когда на посту Президента получил её в свою прерогативу, удовлетворял властную потребность путём и этой деятельности. «Лидерство и авторитет» Америки на международной арене ассоциировались у Рейгана с его собственной властью.[500] В течение первого срока своего президентства он показал себя человеком действия, раскрыв приверженность силовым методам и проведения жёсткой внешней политики, показателем чего были агрессивные

---

[498] Егорова-Гантман Е. В. Игры в солдатики: политическая психология президентов / Екатерина Владимировна Егорова-Гантман. – М.: Никколо М, 2003. – 336 с. – С. 177.
[499] McClelland D. Power: the inner experience / David C. McClelland. – N.-Y.: Irvington, 1975. – 427 p. – P. 94–95.
[500] Громыко А. А. Братья Кеннеди / Андрей Андреевич Громыко, Андрей Афанасьевич Кокошин. – М.: Мысль, 1985. – 480 с. – С. 8.

термины, которыми изобиловала его риторика: «сдерживание», «нанесение поражения», «перевооружение страны», «отбрасывание русских», «подавление сопротивления». Несомненно, эти слова для него не были пустым звуком, а значит, отражали стремление власти на «глубинном», подсознательном уровне. Госпожа Х. фон Дамм (посол США в Австрии), хорошо знакомая с Президентом, пишет что Рейган «чувствовал себя призванным управлять нацией».[501]

Интересно, что в его сознании взгляд на государство как ограничителя личной инициативы сосуществовал с сильной самоидентификацией с ней, анализ речей и выпячивание своей роли в возрождении американского влияния и мощи делает очевидным исповедание им формулы короля-солнца Людовика XIV: «Государство – это я». Характерно, что в период его первого президентского срока конфронтационные отношения с СССР воспринимались им гипертрофированно, как личная вражда. В частности, в своём телеобращении к нации, сделанном 24 февраля 1983 года, он заявил: «Тем, кто боится ядерной войны, я снова говорю: я с вами, мы должны уменьшить риск войны. Мы должны предотвратить войну путём сдерживания... С помощью Бога мы можем будущим поколениям обеспечить и обеспечим жизнь, мир и свободу».[502] Рисуя психологический облик Рейгана, американский психолог Б. Глэд отмечает: «Если посмотреть на его заявления о политических врагах, то можно обнаружить, что он не просто имеет дело с внешней проблемой, а персонифицирует врага в большей степени, при этом придавая себе особую героическую роль». Он фантазирует на счёт «личной конфронтации» с политическим противником.[503]

Итак, образ власти в Рейгана в сфере внешней политики был сложным: это и власть США на международной арене, это и личная власть от их имени. В области внешней политики он стремился осуществлять различные формы воздействия, хотя к принуждению прибегал чаще, чем к сотрудничеству. Однако,

---

[501] Sincerely, Ronald Reagan / Ed. by von Damn H. – N.-Y.: Berkley Books, 1984. – 292 p. – P. 240.

[502] Reagan R. Remarks via satellite to Newsweek magazine employees and press on the 50th anniversary of the magazine. February 24, 1983 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=40967&st=&st1=.

[503] Glad B. Black and white thinking: Ronald Reagan's approach to foreign policy / Betty Glad [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.jstor.org/discover/10.2307/3791173?uid=3739232&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21101903639651.

в период второй администрации, после определённого улучшения отношений с СССР, он стремился оказывать влияние награждающего типа.

Обратимся к когнитивной системе Рейгана. Напомним, что в психологии под ней понимается совокупность убеждений, сформированных в сознании вследствие воспитания, обучения и наблюдения за окружающим миром, на основе которых формируются жизненные цели.

О соотношении гибкости и твёрдости убеждений Рейгана существуют разные мнения. С одной стороны, в силу специфики познавательных процессов Президента его стереотипная сетка была жёстко кристаллизована и поляризована. Лицам, которые обладают паттерном чёрно-белого мышления, свойственно рассматривать только два варианта: «или/или» и воспринимать только крайности, оставляя мало места для примирения. Характерными особенностями такого стиля мышления являются перфекционизм,* восприятие только крайних форм окружающей действительности и отсутствие полутонов в её оценке. «Мы должны объявить войну Северному Вьетнаму, – призывал он к решительным действиям в допрезидентский период своей жизни, – мы можем до полудня сравнять с землей всю страну и к Рождеству вернуться домой... Враг не должен знать, что мы не применим ядерную бомбу. Он должен ложиться спать, каждую ночь боясь, что мы можем пустить её в ход[504] – эти слова касались уже не только Северного Вьетнама. Ещё более характерными в этом смысле являются заявления об СССР как «империи зла»: «В то время как они проповедуют превосходство государства, заявляют о своём всемогуществе над отдельным человеком, и предусматривают своё дальнейшее доминирование над всеми народами земли, они остаются очагом зла в современном мире».[505] Своих слушателей он призвал к пониманию, что соперничество между двумя сверхдержавами было не «гигантским недоразумением», а «борьбой между правдой и ложью, добром и злом»;

* Перфекционизм (от лат. perfectus – «идеальный») в психологии – стремление к совершенству, комплекс высоких стандартов.

504 Reagan R. We should declare war on North Vietnam [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.lushquotes.com/quote/ronald-reagan_NDAzMzUz.html.

505 Reagan R. The President's news conference. January 29, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=44101&st=&st1=.

Советский Союз, по его мнению, демонстрировал «агрессивные импульсы империи зла».[506]

По мнению других исследователей, в особых обстоятельствах система его убеждений всё же видоизменялась: «он может быть гибким, если пожелает. Но это требует времени и обычно происходит только перед приближением поражения или драматических событий».[507] Вспоминая саммит в Женеве, Рейган воскликнул: «Американо-советская встреча в верхах – главная тема 1985 года. Кто бы мог подумать! Я, известный антикоммунист, отправляюсь на встречу с лидером империи зла... Когда я отправлялся на ту встречу в Женеву, то не думал, что впоследствии назову Михаила Горбачёва другом».[508] Горбачёв, по словам Рейгана, произвёл на него позитивное впечатление, получив такую характеристику: «От предыдущих советских лидеров он отличается стилем и, мне кажется, интеллектом. Это человек, использующий любую возможность, а прогресс как раз этого требует. Он является значительной силой для изменений в своей стране».[509] Рейган называл его «умным», «интересным человеком», чьё «отношение к действительности совершенно отличается от отношения других советских лидеров, его предшественников».[510] В восприятии Рейгана имидж Горбачёва слагался почти исключительно из положительных составляющих. В частности, Генеральный секретарь характеризовался как «лидер с человеческим лицом».

Подобные слова и сам факт личной встречи с противником, кажется, был несовместим с риторикой Президента, приведённой в предыдущем абзаце. Впрочем, Рейган всё же ничем не уступил, оставаясь в своих глазах, и в восприятии американского общества, верным своим убеждениям.

Как мы можем объяснить изменение его взглядов на советско-американские отношения, которые произошли за период 1985 года? Очевидно, что изменились

---

[506] Tallbot S. The Russians and Reagan / Strobe Tallbot. – N.-Y.: Vintage, 1984. – 140 p. – P. 105.
[507] Hargrove E. Presidents, politics and policy / Erwin C. Hargrove, Micael Nelson. – N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1984. – 129 p. – P. 123.
[508] Рейган Р. Откровенно говоря. Избранные речи / Рональд Уилсон Рейган. – М.: Новости, 1990. – 398 с. – С. 227–228.
[509] Там же. – С. 227.
[510] Там же. – С. 299–300.

его слова, но не взгляды. «Светлый» образ Горбачёва был сформирован прежде всего потому, что он помогал и объективно, размывая социализм в СССР, и субъективно, идя ему навстречу, помогая, тем самым, войти в историю. После Женевы Рейган сам признавал, что он, в конце концов, был и остаётся актёром, следовательно, умело адаптировался к аудитории, к которой он обращался. Итак, в жизни американского президента Горбачёв сыграл одну из ключевых ролей.

Для полноты картины личности отметим, что на формирование положительного личного отношения к Горбачёву могли повлиять и другие характеристики Рейгана: доверие первому впечатлению и мнению своих референтных лиц,* интуиция, особенности восприятия информации. В 1985 году, когда США смогли говорить с позиций силы, в первую очередь, благодаря восстановлению военной мощи, интуиция, присущая Рейгану, не подвела его и на этот раз. Он не столько знал, сколько чувствовал, что нельзя упустить момент – к власти в СССР пришёл реформатор, который должен сослужить ему хорошую службу. Кроме того, сыграл свою роль и фактор межличностных отношений с советниками, которые сотрудничали с ним в решении советской проблемы. Это влияние «референтной группы» друзей, советников и жены на Рейгана нельзя недооценивать.

Рисуя психологический портрет американского Президента и пытаясь установить причинно-следственные связи с проводимой им политикой, обратимся к религиозным символам, которые были важнейшей составляющей его картины мира на протяжении всей жизни. Религиозный аспект политической философии Рейгана был сформирован, прежде всего, его личными взглядами. Красной нитью в риторике президента-республиканца проходит идея о неразрывной связи и тождестве политики и духовной сферы. Для Рейгана «политическая борьба – это духовная борьба». Исследователи обращали внимание на то, что он (по крайней мере в своих выступлениях) рассматривал религию не столько как некое личное, сакральное, мистическое переживание, но в большей степени в качестве

* Референтная группа (от лат. referens – «тот, кто сообщает») – социальная группа, которая служит для индивида своеобразным стандартом и системой отсчёта.

фундамента политических лозунгов и решений. Шведский исследователь К. Лейон, сравнивая веру Картера и Рейгана, отмечает, что у первого она «имеет более личностный, индивидуальный характер, а религиозная вера Рейгана отличаеся публичной направленностью».[511] Во многих своих выступлениях он говорил о кризисе, поразившем всю современную западную цивилизацию, подчёркивая необходимость возрождения традиционной религиозности в Америке, которая является её лидером, а следовательно, ответственна за будущее. Рейган считал, что коренная причина кризисных явлений в обществе – «равнодушие западного мира к Богу», потеря веры.[512] Данный взгляд стал идейным фундаментом инициатив президентской администрации. Итак, система убеждений Рейгана отличалась большой степенью открытости: на историю он смотрел как на вещь, которую необходимо формировать, активно влияя на неё. Рейган был уверен в предсказуемости политических событий и испытывал относительно них неистребимый оптимизм.

Возвращение традиционных религиозных ценностей подавалось Рейганом как главное условие успешного бытия американского общества во всех его сферах – внутри- и внешнеполитической, экономической, социальной, интеллектуальной. Глава государства твёрдо верил, что религия является гарантом свободы человека, противостоит всем губительным общественным тенденциям и препятствует созданию в Америке и на Западе вообще тоталитарной системы по образцу социалистического лагеря. В своих выступлениях Рейган часто апеллировал к консервативно трактуемым социокультурным ценностям, которым необходимо было вернуть законное место в американском национальном сознании – «труд, семью, религию, любовь, свободу, патриотизм, веру в справедливого и любящего Бога, в законность тяжёлой работы».[513] Все эти этические и мировоззренческие установки глубоко укоренены и остаются неотъемлемыми атрибутами

[511] Lejon K. Reagan, religion and politics / Kjell O. U. Lejon. – Lund: Lund University Press, 1988. – 215 p. – P. 70.
[512] Reagan R. Remarks at the conservative political action conference dinner. March 20, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43580&st=&st1=.
[513] Reagan R. Address before a joint session of congress on the State of the Union. January 25, 1988 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=36035&st=&st1=.

американского образа жизни в его традиционалистском понимании. В своих патриотических убеждениях Рейган был вполне искренен. Согласимся с его взглядом на историческое наследие и социальные институты Америки как гарантию свободного религиозного выражения иммигрантов-колонистов; по мнению «отцов-основателей», деятельность республиканских институтов должна иметь моральный фундамент, основанный на религии.[514] Примечательны для последней четверти XX века также антисекулярные взгляды Президента, утверждавшего, что «стена между религией и государством в Америке была построена для того, чтобы освободить церковь от влияния власти, а не для того, чтобы освободить правительство от влияния религии».[515]

Говоря о религии как об одной из гарантий незыблемости демократических ценностей, Рейган заявлял, что подчинение человека и его поведения божественному порядку, канонам, нормам, религиозному обучению, остаётся особенно ценным и необходимым всилу того, что «религия воспитывает смирение, а только те, кто достаточно смиренны, могут привнести в демократию терпимость».[516] Аккомодационизм* Рейгана опосредовал не только государственную пропаганду религии и духовных ценностей, поощрение активного присутствия религиозных деноминаций и клерикальных институтов в публичной сфере, но и формирование позитивного отношения к их участию в политической жизни государства. По мнению Рейгана, федеральное «Большое правительство» должно уступить религии значительную часть своего влияния на жизнь всей нации и каждого отдельно взятого рядового американца.

Итак, ветры времени дули в паруса Рейгана, и религиозное обоснование консервативных ценностей находило отклик основной массы американского населения, однако для политического истеблишмента (и даже собственного

---

[514] Reagan R. Remarks on arrival at Shannon airport in Shannon, Ireland. June 1, 1984 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=40004&st=&st1=.

[515] Reagan R. Written responses to questions submitted by France Soir magazine. November 3, 1984 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=39370&st=&st1=.

[516] God in the White House [Электронный ресурс] // Public Broadcasting Service. – Режим доступа к статье: http://www.pbs.org/godinamerica/god-in-the-white-house.

* Аккомодация (от лат. accomodatio – «приспособление»), в психологии – адаптация функций организма к специфике окружающих объектов.

окружения) его актуальность была не столь очевидной. Как отмечает Р. Хатчесон, «много политиков и чиновников администрации Рейгана и Картера разделяли ценности своих религиозно мотивированных коллег без ссылок на божественную власть».[517] Интересно, что при этом Президент не разделял взглядов о примате духовного над материальным, однако все настоящие американские ценности, в том числе те, которые не связаны с религиозной и духовной жизнью, имели, по его мнению, мистическую почву. Что касается личной веры Рейгана, то в данной работе очень важно подчеркнуть ещё один существенный её аспект: хотя среди исследователей нет единого мнения относительно искренности и глубины личных религиозных взглядов Президента, как история его жизни, так и многочисленные заявления самого Рейгана свидетельствуют о его чёткой христианской ориентации. Сам Рейган неоднократно подчёркивал важность религии в его жизни и с благодарностью вспоминал свою мать, которой, по его словам, он прежде всего обязан религиозным воспитанием.

Таким образом, инструментальные убеждения Рейгана сводились к следующему: цель должна быть выбрана, исходя из прагматических соображений, но одета в идеалистические одежды.

Характеризуя операциональный код Рейгана, отметим, что его философские убеждения относительно основ внутренней жизни американского народа согласовывались с его деятельностью на мировой арене. Вместе с тем, большой степенью сложности система его внешнеполитических убеждений всё же не отличалась. Он считал, что природу отношений между государствами составляет конфликт. Образ оппонента неоднозначен: с одной стороны, он враждебен, но мирный путь во взаимоотношениях с ним вполне возможен, если он начнёт «исправляться». США он рассматривал как мессию, который должен освободить мир от коммунизма и тоталитаризма, а его отношение и к соперникам, и к друзьям имело оттенок некоторого превосходства, которое питалось гордостью за свою родину. Впрочем, образ союзника в сознании Рейгана также вполне

[517] Hutcheson R. God in the White House: how religion has changed the modern presidency / Richard G. Hutcheson. – London: MacMillan Pub C°, 1988. – 267 p. – P. 7.

позволял игнорировать его мнение и вести автономные действия, основанные на собственных интересах.[518]

Убеждения Рейгана имели глубоко укоренённый характер, особенно те, которые касались Советского Союза, примечательно, при этом, что они часто были основаны на анекдотах и интуиции, остроумии и ложных предположениях (он серьёзно полагал, что в русском языке нет слова «свобода»). Интересно и то, что некоторые из его убеждений противоречили другим (например, обоснование серьёзности «советской угрозы» и возможности «выброса коммунизма на свалку истории»). Характерной чертой его взглядов было упрощённое, одномерное, или чёрно-белое восприятие мира. Как самому Рейгану, так и его окружению мир представлялся состоящим из добра и зла, друзей и врагов, свободы и рабства, наконец, свободного западного мира и коммунистического лагеря, управляемого СССР. Рейган считал, что «если Соединённые Штаты бесконечно добродетельны, то Советский Союз бесконечно порочен, …он стал ...обителью зла в современном мире». Советско-американский конфликт приобретал черты глобальной битвы «между праведным и неправедным, между добром и злом». Рейган утверждал, когда в мире творится зло, «нам предначертано Писанием и Иисусом Христом всеми силами противостоять ему».[519] Всё «плохое» и «неправедное» в мире отождествлялось им с Советским Союзом. По мнению Президента, идеальное устройство мира было возможно только на основе американоцентризма и господства Вашингтона, который, благодаря своей экономической и военной мощи должен быть единоличным лидером.[520]

Вероятно, подобные убеждения имели невротическое происхождение. Отметим в этой связи, что в послевоенный период жизни у него появилась и развилась подозрительность, которая впрочем, не достигла параноидального характера. После избрания в руководство Гильдии киноактёров, он утверждал: «План коммунистов относительно Голливуда был чрезвычайно прост. Он

---

[518] Картамышева С. Н. Конфликты и кризисы: проблема доверия в межгосударственных отношениях / Светлана Николаевна Картамышева. Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. – М.: Прометей, 1999. – С. 232–238.

[519] Reagan R. The President’s news conference. January 29, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=44101&st=&st1=.

[520] Ibidem.

заключается в том, чтобы завладеть кинопромышленным бизнесом... с целью создания колоссальной всемирной пропагандистской базы». Вместе с тем, Рейган определил и роль этой Гильдии – она должна была стать непреодолимым препятствием на пути осуществления зловещих планов «международного коммунизма» по завладению Голливудом. Соответственно, требовалось очистить общество от нежелательных элементов – ведь «коммунисты проникли всюду». Интересным фактом является то, что в период участия в работе Гильдии, Рейган передавал Федеральному бюро расследований (в архивах которого он фигурировал как тайный агент Т-10) фамилии её членов, которых подозревал в связях с коммунистами. С Гильдией киноактёров были связаны почти 25 лет жизни Рейгана – сначала в качестве члена, а затем президента её правления (президентом избирался пять раз подряд, с 1947 по 1951 годы, а в шестой раз был избран после продолжительного перерыва в 1959 году) и по меньшей мере 17 лет из них он оставался тайным агентом ФБР. В контексте этого, сам себя Рейган воспринимал как «романтичную, героическую фигуру, которая верила в [свою] способность... преодолеть Армагеддон».[521] В собственных глазах он был героем, который усилил мощь родины и дал отпор коммунизму и тоталитаризму. Президент небезосновательно считал, что именно его твёрдая позиция толкнула Горбачёва к осуществлённым им изменениям.

Внешнеполитическая деятельность Рейгана получила высокую оценку ещё в президентский период его жизни – как со стороны консерваторов, так и либералов. По мнению конгрессменов, «переговоры с Советским Союзом по контролю над вооружениями проиллюстрировали наиболее интригующий парадокс всего неоконсервативного наследия во внешней политике. Рейгановский триумф был значителен в областях, наиболее значимых и для либералов: Рейган удержал страну от войны, признал неизбежность процесса контроля над вооружениями и договорился о сделке по тактическому ядерному оружию – первому правдивому договору по разоружению в ядерной эре; он использовал

[521] Quot. for: Herzberg H. The child monarch / Hendrik Herzberg [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.newrepublic.com/article/politics/81636/the-child-monarch.

вооружённые силы в тренировочных целях и использовал их по первому сигналу о серьёзных неприятностях – как это было в Ливане; помог сместить недемократические режимы на Филиппинах и в Корее».[522] Считалось, что «контроль над вооружениями с Советским Союзом является главным достижением рейгановской администрации во внешней политике».[523]

Завершая психологическую характеристику Р. Рейгана, сделаем некоторые выводы. Избрав политику в качестве символа реализации своих внутренних нужд, он перенёс во внешнеполитический курс государства весь комплекс собственных личностных черт, придав ей ярко выраженный персонифицированный характер. Его адекватная самооценка с тенденцией к завышению, чувство собственной важности и превосходства своеобразно проявляли себя именно на мировой арене, – каждая взятая вершина только раскрывала вид на другую, ещё более высокую. Преодолевая очередной барьер в международной сфере, он стремился взять более серьёзный, поскольку достижение в его глазах быстро обесценивалось. Вместе с тем, перевооружение, восстановление могущества и авторитета США и изменение международной ситуации в благоприятную для них сторону в течение первого президентского срока не смогли в полной мере удовлетворить личностные притязания национального лидера. Итак, во второй период своего правления он стремился к новым достижениям в области внешней политики: дезинтеграции социалистического содружества, нивелированию международного влияния СССР и его реформированию, что в следующем десятилетии было реализовано в полной мере.

---

[522] Reagan legacy / Ed. by S. Blumenthal, T. Edsall. – N.-Y.: Pantheon Books. 1988. – 318 p. – P. 177.

[523] Jervis R. The logic of images in International Relations / Robert L. Jervis. – Princeton: Princeton University Press, 1970. – 281 p. – P. 193.

Р а з д е л I V.

РОЛЬ ИНТРАСОЦИЕТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИКИ США ОТНОСИТЕЛЬНО СССР

1. «Консервативный поворот» и идеологические аспекты трансформации совеветского ктора глобального курса США

Характеризуя роль идеологии в жизни общества, британский политический деятель Энтони Бенн отметил, что «вера – то, ради чего умирают; идеология – то, ради чего убивают».[524] Касательно периода XX века и Холодной войны, в частности, эти слова остаются весьма актуальными, поскольку понимание значения мировоззренческого фактора чрезвычайно важно как для оценки событий, которые уже произошли, так и для анализа современной ситуации. Поэтому, в рамках данного параграфа мы попытаемся проанализировать феномен идеологии в её связи с политикой, рассмотреть глубинные черты и основное содержание «американской идеи», проанализировать роль и место идеологического фактора во внешней политике США вцелом и на её «советском направлении», в частности. Большой интерес для нас представляют предпосылки «консервативного поворота» рубежа 1970-х – 1980-х годов, который опосредовал эскалацию американо-советского противостояния.

Для ответа на поставленные вопросы следует обратиться к некоторым основным категорям бытия, на которые опираются представители американской академической и политической элиты. Множественность его начал признавалась большинством западных философов, но чётко была очерчена Р. Декартом, который разделил бытие на мыслящую и протяжённую субстанции – дух и материю; проблему их соотношения он решил с помощью психофизического параллелизма (идея о взаимосвязи психических и физиологических процессов).[525] Прошлое, настоящее и будущее – звенья одной цепи: прошлое уже не существует,

---

[524] Anthony Neil Wedgewood «Tony» Benn [Электронный ресурс] // Famous quots & sayings. – Режим доступа к статье: http://www.quotes.net/quote/56743.

[525] Декарт Р. Сочинения: в 2 тт. – Т. 1 / Рене Декарт. – М.: Мысль, 1989. – 654 с. – С. 26–34.

будущее ещё не наступило, но и настоящее не существует без прошлого и будущее вырастает из настоящего. Отсюда сделаем промежуточный вывод, что всемирная история представляет собой проекцию духовной сферы (идей) на последовательность фактов как сенсорных данностей, которые даются нам в ощущениях.

В I разделе речь уже шла о роли интереса в человеческой деятельности, а также о том, что любое явление социальной жизни, и политики, прежде всего, основывается на интересе. Однако и сами интересы проявляют себя не иначе, как в форме различных идей. Независимо от уровня, борьба всегда велась и ведётся вокруг идей; через них и выражают себя настоящие интересы разных сил. В этом и заключается сущность человека: слово, мысль, идея всегда, везде и во всём предшествуют практическому действию, сопровождая её реализацию и завершение. Истинные причины социальных сдвигов часто иррациональны и находятся за пределами понимания; в них могут доминировать экономические или политические, религиозные или национально-этнические мотивы, в их основе может лежать, по концепции Л. Н. Гумилёва, взрыв пассионарности.[526] При любом характере, реализуются они всегда в кристаллизованных идеях, которые объединяют, сплачивают и мотивируют к действию массы людей. Государство, по своей сути, также является воплощением двух начал: идей, помноженных на силу, и только в этом сочетании оно жизнеспособно. Государство живёт до тех пор, пока присущая ему идея пронизывает всю его среду и стороны бытия; с другой стороны, идея, не поддержанная силой государства, превращается в благое пожелание. Ясно, что и государственный (национальный) интерес также всегда выступает в форме господствующей центральной идеи, отражающей интересы и потребности данного государства в данный момент его развития и подкреплённой имеющейся в распоряжении силой.[527]

Таким образом, идея является осью идеологии. В СССР под последней понималась совокупность взглядов и идей: политических, правовых,

---

[526] Гумилёв Л. Н. // Большая Российская энциклопедия: в 30 тт. – Т. 8: Григорьев–Динамика / Под ред. Осипова Ю. С. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. – 767 с. – С. 155.

[527] Поздняков Э. А. Философия политики / Эльгиз Абдулович Поздняков. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 391 с. – С. 347.

нравственных, эстетических, религиозных и философских. Она рассматривалась как часть надстройки, отражающей экономические отношения и интересы соответствующих классов.[528] Повторимся, что взгляд на идеологию как часть надстройки является односторонним; простое перечисление различных взглядов и тезисов (интересно, что в их числе пропущены экономические идеи и взгляды, которые играют в этом ряду далеко не последнюю роль) не раскрывает специфической сущности рассматриваемого явления. Ближе к истине, по нашему мнению, другой подход, согласно которому идеология есть основанная на определённом постулате целостная система представлений, формирующих коллективное сознание, утверждающая основные ценностные поведенческие установки. Идеология – динамическая система целей, приоритетов и критериев общественной жизни во всех его аспектах; она является тем, что закрепляет в общественном сознании определённый порядок вещей и соответствующие эталоны действий.[529]

Итак, идеология тесно связана с ценностными установками социальных групп и индивидов, она является главной, и, как правило, воинственной формой их выражения. Понятие «идеология» и «мировоззрение» близки, хотя и не тождественны по смыслу. Мировоззрение, как и идеология, является системой представлений о мире и о месте человека в нём, об отношении к окружающей действительности; на нём основываются ценностные ориентации и жизненные установки индивидов. Основное различие между двумя этими понятиями видится в том, что идеология в большей степени, чем мировоззрение, содержит нормативный элемент; она направлена на закрепление или изменение существующих общественных отношений, на формирование определённого коллективного сознания. В отличие от мировоззрения, идеология (как и политика) имеет публично-принудительный характер; её субстратом является не индивидуум, а социальная группа. Идеология – одна из главных детерминант формирования индивидуального и массового мировоззрения, но, заметим, что

---

[528] Философский словарь / Под ред. Розенталя М. М. – М.: Изд-во политической л-ры, 1963. – 544 с. – С. 160.

[529] Lodge G. The new American ideology / George C. Lodge. – N.-Y.: Alfred Knopf, 1976. – 350 p. – P. 7; Полищук М. Л. В преддверии натиска «третьей волны»: контуры планетарной цивилизации в общественно-политической мысли Запада / Михаил Лазаревич Полищук. – М.: Наука, 1989. – 159 с. – С. 73.

индивидуальное мировоззрение может формироваться не только на базе идеологии, но и вопреки ей. Идеология в большей или меньшей степени присуща любой человеческой ассоциации, и государству – прежде всего; можно сказать, что государство создаёт идеологию аналогично тому, как она создаёт законы. На этом уровне система различных взглядов и идей, находя силовое подкрепление со стороны государства, превращается в идеологию и начинает формировать идейно-нравственную жизнь общества в соответствующем направлении. Свои настоящие роль и воздействие она приобретает, будучи соответствующим образом организованной и обретя поэтому публично принудительную силу. Тогда, словами Маркса, овладев массами, она становится материальной силой. Через этот процесс до того необязательная совокупность тезисов превращается в идеологию, т.е. в систему идей с обязывающим характером, даже если она и не закреплена законами.

Таким образом, органичная связь политики и идеологии очевидна. Общей тенденцией политической жизни Запада (в его современном понимании) было постепенное отделение церкви от государства и эволюция религии как веры в религию как идеологию, местом которой всё увереннее овладевали идеологии светские. Роль новой религии обрела политика. Параллельно менялась функция морали: в Средние века она была связана с верой и церковью, а её антиподом выступала политика как мирская сфера. В Новое время эти вещи постепенно менялись местами: политика и государство становились воплощением нравственности, а идеология его теоретическим обоснованием; религия же выставлялась мыслителями как сфера лжи и суеверия, или, в лучшем случае, как сфера сугубо личных верований в рамках принципа свободы совести. Политика как новая религия, институционализированная в своей «церкви» – государстве, связала идеологию и нравственность в едином духовном узле с собой. Религиозной морали было оставлено лишь небольшое пространство на индивидуальном уровне; на уровне же политики она использовалась как средство политической демагогии в случаях необходимости оправдания сомнительных акций или привлечения на свою сторону массы верующих. Государство как

воплощение национального духа и его стремление к самосохранению становилось воплощением высшей морали: последняя и была мерилом нравственности поведения всех социальных групп и индивидов в его рамках; их лояльность государству делалась главным признаком «нравственности», соответственно, нелояльность – признаком «аморальности». Согласимся с образным сравнением Э. Поздняковым всех современных государств с Голгофой, на которой «...нравственные и идейные диссиденты “распинаются” наравне с обычными преступниками, потому что и те и другие для государства аморальны, потому и те и другие подрывают основы коллективного сознания, общественной солидарности и воплощение их государственно-властных структур, причём первые даже в большей степени».[530] Такое положение вещей характерно не только тоталитарным режимам, но и либеральным демократиям, последние отличаются лишь тем, что своих диссидентов наказывают во имя «свободы и демократии». Итак, функциональной особенностью государства как политической ассоциации является специфическая роль, отводимая ею идеологии: она выступает в качестве средства обоснования или оправдания тех или иных действий; в определённые моменты политика сама играет роль средства в руках идеологии.

Утилитарная роль религии как идеологии и её прямая связь с политикой в философии раскрыта достаточно полно. В частности, Гоббс писал о том, что семена религии культивировались людьми двоякого рода: одни – те, кто выращивал их согласно собственным взглядам, другие – те, кто делал это по божественным установкам. Но тем не менее, обе категории людей делали это с намерением превратить людей в свои инструменты, подчинённые законам, милосердию и гражданскому общежитию. Религия первого сорта является, по Гоббсу, частью человеческой политики, указывающей те обязанности, которые земные правители требуют от своих подданных; религия же второго рода является божественной политикой и содержит правила для тех, кто объявил себя подданными Царства Божьего. К первому роду относятся все языческие

[530] Поздняков Э. А. Философия политики... – С. 168.

основатели государств и законодатели; ко второму – ветхозаветные пророки и Христос.[531] Итак, оба рода религии неотрывны от политики. Оставаясь прямой наследницей религии, её светским заменителем, идеология с самого начала своего зарождения имела тенденцию к тому, чтобы рассматривать себя как общественно-философское мировоззрение, призванное дать ответ на все основные жизненные вопросы и совместить теорию с практикой.

Поскольку каждая конкретная идеология рождалась на почве определённого религиозного сознания, которое лежало в духовной основе тех или иных цивилизаций, народов, наций, государств, то эти конкретные идеологии различались в той же мере, в какой различались между собой религии, и каждое общественное мировоззрение при всей его претензии на всеобщность всегда оставалось мировоззрением специфическим, национальным, ограниченным, и в этом качестве оно осуществляло своё влияние на соответствующую политику.

Без лишнего пафоса можно утверждать, что идеологическая борьба в современном мире продолжает изначальную религиозную борьбу в новой форме. Каждый народ во все времена уважал только своих богов, считая их выше, мощнее и мудрее богов других народов, боролся за них, поскольку в случае их гибели погибал и дух народа. Народ, который терял свою веру, терял ценностные ориентиры и целостное видение мира, – так же как и сам смысл существования, а вместе с тем переставал быть народом, превращаясь, словами российского социолога, культуролога и геополитика Н. Данилевского, в «этнографический материал».[532] Таким образом, роль идеологии в жизни государства сложно переоценить, ведь это не только и не столько средство осуществления его задач, но и способ его существования, его духовное и нравственное основание, источник, из которого оно черпает глубинный смысл своих целей и задач. Политическое действие сводится в итоге к занятию определённой ценностной позиции. Идеология служит формулировке и теоретико-философскому обоснованию этих ценностей, их защите от чужих ценностей. Теряя

[531] Гоббс Т. Левіафан, або суть, будова і повноваження держави церковної та цивільної / Томас Гоббс. – К.: Дух і Літера, 2000. – 606 с. – С. 109.
[532] Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Николай Яковлевич Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 573 с. – С. 367.

идеологическую основу, политика лишается и одухотворяющей её идеи, превращаясь в демагогию.

Анализируя соотношение политики и идеологии, можно вывести ещё одну закономерность. В зависимости от природы общества и государства, обстоятельств места и времени, это взаимовлияние проявляется в трёх формах: идеология как средство политики; политика как средство идеологии; идеология как идейно-теоретическое обоснование и оправдание политической практики. Понятно, что как и любая бинарная оппозиция, такое разграничение вполне условно, поскольку эти функции могут перетекать одна в другую, меняясь местами, однако согласно обстоятельствам, больший акцент может делаться на какую-то одну функцию идеологии в её связи с политикой. История свидетельствует, что идеология и политика постоянно меняются местами как причина и следствие, цель и средство. Такое тесное их переплетение особенно ярко проявляется там, где идеология обретает форму идеологии государственной, а тем самым и тотальной, вследствие чего вообще размывается грань между политикой в лице государства и государственной же идеологией, и государство превращается в «идеократию». Символом рубежа веков является именно государство идеократическое: в наше время постмодернистского релятивизма идеологическая сущность государства не всегда очевидна, но от того, не менее реальна, чем в наиболее тоталитарных обществах.[533]

Общей исторической закономерностью является также связь между силой государства и характером его идеологии: с ростом степени могущества усиливается миссионерская компонента господствующей в нём идеологии. Ситуация подобна сильным религиям, которые также не могут существовать, не выполняя миссионерской функции. Это сходство дало основание американскому военно-морскому историку, одному из основателей геополитики, контр-адмиралу А. Т. Мэхэну сказать, что государства, подобно религиям, разрушаются, если они пренебрегают своим судьбоносным назначением. Для него американская внешняя

[533] Ирхин Ю. В. Проблемы постмодерна в политике / Ю. В. Ирхин [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.imperativ.net/imp12/quebec.html.

экспансия была чем-то большим, чем практическая целесообразность: она была моральным долгом, и он был убеждён в том, что расширение американского влияния в мире просветило бы отсталые народы, принесло бы им христианское благословение и англосаксонский политический гений.[534] По его мнению, историческая миссия Америки заключается в том, чтобы распространить и утвердить в мире свободу и справедливость, и только утверждение этих ценностей и свободы могло сделать мир стабильным и безопасным. В этой связи внимание следует обратить на то, какое значение её создателями отводилось доктринам: «доктрина Монро», «доктрина доброго соседа», «империя свободы», «предопределение судьбы», «сдерживание коммунизма», «расширение демократии». В новейшее время каждая администрация считала необходимым разработать собственную внешнеполитическую доктрину, в основе каждой из которых лежала прямо или косвенно высказанная идея свободы и демократии. С момента возникновения независимого американского государства практически все президенты и другие должностные лица высказывали мнение о том, что оно занимает центральное место в новой истории человечества, а главное его назначение – распространение свободы. Томас Пейн заявлял: «Дело Америки – дело всего человечества».[535] Практически вся история Соединённых Штатов Америки, если смотреть на неё с этой точки зрения, представляла собой постоянный процесс распространения свободы, сначала в Западном полушарии, затем и по всему миру. Внешняя политика США второй половины XX века прошла под знаком предопределения судьбы.

Примечательно, что американские политики лозунгов Мэхэна публично не провозглашали, однако продолжают ими руководствоваться с впечатляющим буквализмом и сегодня. Этот факт свидетельствует не столько об академическом таланте этого автора, сколько о том, что ему удалось довольно точно отразить истинный дух американской политики и идеологии, присущий ему мессианский интервенционизм, замешанный на своеобразно трактуемой христианской морали.

---

[534] Osgood R. E. Ideals and self-interest in America's foreign relations: the great transformation of the twentieth century / Robert Endicott Osgood. – Chicago: University of Chicago Press, 1953. – 346 p. – P. 35.

[535] История политических и правовых учений / Под ред. Нерсесянца В. С. – М.: Норма–Инфра, 1998. – 736 с. – С. 382.

Мессианское мировоззрение является неотъемлемой частью их полуофициальной идеологии. Ныне спайка психологии экспансии с идеей особой миссии Америки остаётся устойчивым идеологическим принципом и мощным императивом внешнеполитической деятельности.

Строя Pax Americana, политики учитывали опыт становления и гибели мировых империй, поэтому пришли к однозначному выводу, что жизнеспособность государства напрямую зависит от состояния философских школ. В этом ключе примечательно, что ни в одной другой стране мира не существует такого большого количества профессиональных философских, идеологических и политологических учреждений, как в Соединённых Штатах. Эта многочисленная армия призвана анализировать действительность, давать рекомендации, вдохновлять, прогнозировать будущее.

Итак, подчеркнём, что особенностью внешней политики США является её ярко выраженный идеологический характер. Следует учитывать, что эта страна была основана европейскими (прежде всего, английскими и немецкими) протестантами, бежавшими от притеснений на родине. Целью этих людей было основание «нового Иерусалима» – справедливого общества, в котором в полной мере должен был быть реализован идеал доказательства богоизбранности через успех и процветание в земной жизни.[536] Следует также учитывать, что весомой причиной их эмиграции было стремление спастись от преследований во время религиозных войн, как результат, гипертрофированный акцент на собственной безопасности – ещё одна черта американской ментальности. Отсюда – судебные процессы над ведьмами, «красная угроза», «проблема терроризма», страх перед убийственными вирусами и метеоритами.[537]

---

[536] Ефременко Н. В. Религиозный фактор в эволюции политической системы США: автореф. дисс… канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Наталья Владимировна Ефременко. – Уссурийск, 2005. – 18 с. – С. 6.

[537] Картамышева С. Н. Внешнеполитические стереотипы и американское восприятие мира в контексте проблемы «Мы – другие» / Светлана Николаевна Картамышева // Материалы VII междунар. науч. конф. Ассоциации изучения США. – М.: Путь, 2002. – С.183–190.

Начиная с пассажиров «Мэйфлауэра»,* американцы противопоставляли себя остальному миру по формуле «мы» и «они», представляя себя в роли создателей не только «града на холме», но и новой системы международных отношений. Теоретик и практик американской внешней политики Г. Киссинджер отмечал: «Американцы всегда рассматривали свою страну, как построенную на принципах, которые были выше принципов старого мира, который они рассматривали как выражение эгоистических стремлений монархов. В противоположность этому они рассматривали американскую республику как воплощение просветительского рационализма, которой самой судьбой было предназначено служить моделью для менее успешных народов, обречённых жить под безжалостным правлением».[538] Характерные первым европейским поселенцам религиозный фанатизм и прозелитизм, стремление быть примером для других пустили глубокие корни в национальном сознании американцев, поэтому идея исключительности собственной системы является чертой их философии. Мессианская идеология прочно вошла в глубины общественного сознания. Вне сомнением, большая часть американцев глубоко убеждена в том, что они – народ-мессия. В XVIII веке это нашло отражение в «теологии провидения» Дж. Эдварда, в XIX-м – в «теологии экспансии» Дж. Стронга, в XX-м – в «проповеди мирового порядка» В. Вильсона и призывах Дж. Ф. Даллеса к «священной войне против коммунизма». Мессианская идеология из региональной переросла в глобальную, поэтому США жёстко следуют принципу «не допускать доминирования какого бы то ни было государства в любом регионе, если это представляет угрозу американским интересам». Особая американская система, свободная от игры баланса сил, предусматривает резервирование пространства для собственной власти и влияния. Другой принцип внешней политики Соединённых Штатов – стремление жёстко контролировать окружающее пространство, не допускать туда влияние третьих стран. Противостояние любому

* «Мэйфлауэр» (англ. «Mayflower», что дословно переводится как «майский цветок», так в Великобритании называют боярышник) – торговое судно, на котором англичане в 1620 году пересекли Атлантический океан, основав Плимутскую колонию, одно из первых своих поселений в Северной Америке.

538 Цит. по: Ширяев Б. А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. Курс лекций / Борис Анатольевич Ширяев. – 2-е изд. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 442 с. – С. 27.

доминированию в окружающем пространстве было перенесено на глобальную арену.[539]

Американская община изначально формировалась на основе идеи об особой роли их новой родины, на противопоставлении нового мира старому. Америка – «град на холме», светоч свободы для всего человечества, назначение её – быть примером для других, принести новый мир и свободу человечеству. Руководители Войны за независимость представляли свою борьбу как начало новой эры в истории человечества, небезосновательно считая, что начинают грандиозный эксперимент, который будет иметь универсальное значение для всей планеты. Победа над Британией, мощной мировой империей того времени, убедила американцев в том, что Бог на их стороне. В многочисленных трудах «отцов-основателей» красной нитью проходит идея о том, что Америке самой судьбой предназначено стать «полигоном» свободы. Таким образом, политическая мифология до сих пор является тем фундаментом, на котором вырастают отдельные конкретно-политические интересы, которые сами по себе не поддаются объяснению с точки зрения рациональной политической теории.[540]

Идея исключительного исторического пути Америки и представление о её особой миссии сформировали стойкое убеждение о праве и обязанности быть лидером в процессе утверждения справедливого и безопасного миропорядка. Эта роль не подлежит обсуждению, дискуссии вызывают лишь способы и методы её исполнения. При этом, США призваны быть не просто лидером, они в организации мирового порядка должны быть, безусловно, первыми и единственными, кто имеет представление и возможности вести к созданию такого мира. Отсюда претензии на руководство и исключительное первенство в международных отношениях – как региональных, так и глобальных масштабов. Итак, первенство и доминирование – важнейший принцип внешней политики Соединённых Штатов, корни которого лежат не только в идее их миссии, но и в традициях и национальном характере американцев. Лидерство и достижение

[539] Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества / Эдуард Яковлевич Баталов. – М.: Наука, 1990. – 252 с. – С. 20–21.
[540] Алимов К. З. Идеологические установки внешней политики США и международное право / Кадыр Захидович Алимов. – Ташкент: Фан, 1988. – 277 с. – С. 98–107.

успеха – часть «американской мечты», поэтому подобный образ мыслей породил синдром победителя: в любой международной акции Америка обязательно должна победить. Это явление придаёт внешней политике напористость, нетерпение, стремление добиться поставленной цели любой ценой, даже вопреки мнению союзников и реакции мирового сообщества. В идеологии лидерства лежат корни одной из важнейших черт американской политики – неприятия и отсутствия привычки к равноправному партнёрству в международных делах. Поэтому, равноправное сотрудничество США воспринимают вынужденно, в силу обстоятельств.[541]

Итак, основная идея американского проекта – сделать мир безопасным, открытым для свободы и демократии. В основе такого миропорядка должны лежать американские ценности, на основании которых была сформирована ещё одна из важных черт внешней политики США – идея долга перед миром и «нового крестового похода». В американской литературе этот принцип получил название «интернационализма». Впрочем, для его сторонников следование этому принципу (в отличие от советских идеологов, которые также использовали этот термин) означало создание международной обстановки, благоприятной для реализации собственных национальных интересов. В контексте предмета нашего исследования, подчеркнём, что в период второй половины 1970-х годов эта обстановка оценивалась ими как крайне неблагоприятная. Проигранная война в Индокитае вызвала состояние фрустрации и «вьетнамский синдром» – тенденцию к изоляционизму в международной жизни. К этому следует добавить «нефтяные шоки», которые ускорили темпы инфляции и снизили темпы производства.[542]

В то же время, американское общество столкнулось с рядом проблем социального характера, имевших духовные корни. Симптомы этого кризиса находили выражение в росте преступности, алкоголизма, наркомании (особенно в молодёжной среде). С 1960 по 1980 годы наблюдался рост правонарушений среди молодёжи 10–17 лет на 130%. Процент белых 12–17-ти летних школьников,

[541] Ширяев Б. А. – Указ. соч. – С. 36.
[542] Кертман Г. Л. Массовое сознание. «Вьетнамский синдром» и его последствия / Григорий Львович Кертман // Проблемы американистики. – Вып. 7: Милитаризм в. США / Под ред. Языкова Е. Ф. – М.: МГУ, 1989. – 320 с. – С. 255–257.

употреблявших наркотики, за 1970-е годы вырос с 7 до 16,7%; с 24 до 37,2% – злоупотреблявших алкоголем. Количество умышленных убийств возросло на 233%, смертность среди молодёжи 15–19 лет увеличилась на 18%. В то же время, опросы общественного мнения фиксировали рост эгоизма, иждивенческих и потребительских настроений у значительной части американских граждан. В частности, 2/3 родителей считали, что они имеют право «иметь большую свободу в своей жизни, даже если это означает, что они будут проводить меньше времени со своими детьми». Они также считали, что имеют право тратить на себя заработанные деньги, «даже если это означает, что они будут тратить меньше средств на своих детей». Карьеризм американцев, их ориентированность на решение личных проблем проявлялись не только в заявлениях. На волне подъёма волны феминизма, многие американки стали считать приоритетом работу, а не семью. В период с 1960 по 1980 годы процент работающих матерей с детьми до 18 лет вырос в два раза – с 28 до 57%, доля детей, чьи родители развелись, увеличилась на 140%.[543]

Причиной этих проблем отчасти можно указать характерную для всего западного мира послевоенного периода тенденцию секуляризации и ослабления традиционных социально-культурных ориентиров. Несмотря на длительную традицию использования сакральных символов в американской политической культуре, в целом ситуация 1970-х годов значительно отличалась от положения вещей в предыдущие десятилетия. Традиционная религиозная атмосфера американской культуры (в том числе и культуры политической) подверглась серьёзным вызовам: покушения на политических и религиозных лидеров, проигранная война во Вьетнаме, решение Верховного суда о неконституционности школьных молитв и чтения Библии в государственных школах, растущее влияние восточных религиозных деноминаций – всё это раскачивало привычную для американцев модель единой богоизбранной нации. Особенно ярко она проявила себя в конце 1970-х годов. Доля тех, кто был членом

[543] Uhlenberg P. The declining well-being of American adolescents / Peter Uhlenberg, David Eggereen // The public Interest. – № 82. – Winter. – 1986. – P. 25–38.

определённой церкви, с конца 1940-х годов стабильно снижалась, достигнув в 1978 году 68%; доля американцев, которые заявляли о высокой степени важности веры в их жизни, упала за этот период с 75 до 52%. Данный процесс вызвал осознание духовного вакуума.[544]

Поэтому, «социальный рынок» требовал новой философии, способной оживить экономику и поднять дух американской нации, вдохнуть в неё новые силы и вернуть Америке былой престиж на мировой арене. Эта философия могла основываться только на христианской идеологии; для американского общества, как и для Запада вцелом, «религия снова стала мощной социальной силой». В этих условиях, в обществе начали пользоваться популярностью призывы возврата к традиционным ценностям, таким как семья, религия, личная ответственность за себя и других, защитником которых традиционно выступала преданная консерватизму Республиканская партия.[545] Исследователи говорили о наступлении «постсекулярной эпохи», периода «постмодернистского богословия». В отличие от богословия модерна, которое минимизировало роль церковной догмы и вывело политику за пределы религиозно-теологического критицизма, ему на смену пришла теология постмодерна («La Revanche de Dieu»), которая не только признавала особую ценность веры, но и подчёркивала «положительную роль религии и религиозных убеждений в общественно-политической жизни». Усиление роли религии в различных аспектах индивидуальной и социальной жизни было важной тенденцией общественного развития Америки, обусловившей «консервативный поворот» и радикализацию курса в отношении СССР. Характерной чертой политической культуры Соединённых Штатов является ключевая роль морально-религиозных вопросов как критериев, определяющих электоральное поведение граждан.[546] В этой связи, следует подробнее остановиться на закономерностях и чертах религиозного

[544] Why «the survival mentality» is rife in America // US News and World Report. – May 17. – 1982. – P. 60.
[545] Руга В. Э. Эволюция идейно-теоретических воззрений ведущих политических партий США: дисс... канд. полит. наук: 23.00.01 «Теория политики, история и методология политической науки» / Владимир Эдуардович Руга. – М., 2001. – С. 70–71.
[546] Ковальский Н. А. Империализм. Религия. Церковь / Николай Александрович Ковальский. – М.: Политиздат, 1986. – 269 с.; Легойда В. Р. Символы и ритуалы в политических процессах в США: традиции и современность (феномен «гражданской религии»): дисс... канд. полит. наук: 23.00.02 «Политические институты и процессы» / Владимир Романович Легойда. – М., 2000. – 242 с. – С. 96–99.

ландшафта США, повлёкших эскалацию Холодной войны в первой половине 1980-х годов.

В исследуемый нами период, по словам католического священника А. Дилани, в американском социуме всё в большей степени росло осознание присутствия «нравственной компоненты и религиозной основы» во всех масштабных проблемах США, не только социоморальных, но также экономических и внешнеполитических. Тогда «традиционные религиозные и нравственные убеждения, считавшиеся выжившими, в лучшем случае в глухой глубинке, внезапно вырвались в центр общественной жизни». Этот автор отмечал рост негативного отношения масс американцев к потребительской культуре и релятивистской этике, усиление стремления к «чему-то более глубокому, чем секулярная и либеральная мораль, оставляющая за собой мёртвые общества и духовную пустоту». Такая жажда духовной глубины, по его словам, обрела «формы трёх глубоких и чётких желаний: жажды общинности, потребности в дисциплине и желании трансцендентного».[547] Стремление верующих американских религиозных общин совершенствовать сакральный аспект своей индивидуальной жизни выражалось в развитии различных видов духовной, собственно религиозной активности церковных общин. К выборам 1981 года был зафиксирован рост численности тех, кто признавал свою связь с религиозной общиной до 71%; важность веры в своей жизни признали 56% американцев. Антисекулярные тенденции проявились не только в росте роли веры в индивидуальной жизни американцев, но и в усилении присутствия религии в социально-политической жизни. На рубеже 1970-х – 1980-х годов среди американцев усилилось восприятие религии не только как специфической духовной сферы, но и как фактора, который оказывает положительное влияние на все сферы общественной жизни. В частности, если в 1957–1974 годах доля тех, кто считал, что религия может решить большинство проблем современности, упала с 81 до 62%, то в 1981 году этот показатель вырос до 65%. Религиозное

[547] Dilanni A. Morality and the Decline of the United nations / Alan Dilanni // America. – September 3. – 1988. – P. 133–134.

возрождение было заметно, прежде всего, в тех слоях населения, которые, казалось, были необратимо секуляризированны, например, среди университетского студенчества. Теолог Х. Кокс отмечал, что «в университетских кампусах... растёт посещаемость богослужений, а религиозные курсы... намного популярнее, чем 20–50 лет назад». Этот богослов продолжал: «Вместо циничных карьеристов, которые, по общему мнению, наполняли кампусы, я вижу молодых дюдей, чрезвычайно заинтересованных моральными вопросами, историей религии... Они ищут того, ради чего стоило бы жить, не принимая догматичных ответов».[548]

Впрочем, главной опорой консерватизма и источником религиозного возрождения исследователями указывались, прежде всего, средние американцы (фермеры, представители рабочего и нижнего среднего класса). К. Леш отмечал, что именно им была «характерна сильная стойкость в следовании старым ценностям», в силу того, что «в ...жизни [этих социальных страт] важную роль продолжают играть религиозные институты».[549] В данном контексте «народные массы» противопоставлялись политической, культурной, интеллектуальной и бизнес-элите, которая, согласно распространённому мнению, была в авангарде секулярно-либеральных тенденций. «Простонародный» характер религиозного ривайвелизма* был характерен не только для США, но для Запада вцелом, по мнению исследователей, «взгляд современных секулярных либералов Запада на общество – это гностицизм технократов, которому необходимо противопоставить здравый смысл простых людей». Тем не менее, было бы ошибочным полагать, что носители религиозно-консервативной идеологии – это преимущественно малообразованные и небогатые жители провинции. По наблюдениям М. Гиллеспи и М. Линеш, «протестантские консерваторы нового стиля – это не мужики из лесной глуши»; в социальном плане это – мелкие бизнесмены, начальный уровень

[548] Cox H. Religion is again a potent social force / Harvey Cox // US News and World Report. – March 5. – 1984. – P. 47.
[549] Why «the survival mentality» is rife in America // US News and World Report. – May 17. – 1982. – P. 60.
* Ривайвелизм (от англ. revival – «возрождение», «пробуждение») – экзальтированное переживание личной встречи с Богом и грядущего конца света.

слоя «белых воротничков», работники сферы услуг – всё это преимущественно белые американцы, хорошо образованные, с профессиональными навыками.[550]

Вера снова начала выступать ответом на большинство внутри- и внешнеполитических вопросов. По мнению консервативного лютеранского пастора и теолога Г. Ньюхауса, в начале 1980-х годов в США закончился период, когда социально-культурная элита стремилась решать религиозные и социоморальные вопросы устранением религии из публичной арены. Этот автор отметил: «сегодня очевидно, что идея секулярного, стерилизованного от религии общественного пространства невозможна», поскольку удаление веры из публичной сферы и из сферы принятия политических решений лишило власть морально-ценностной опоры, авторитета, делегитимизировало политическое управление, то в 1980-е годы появилось осознание необходимости изменения этой ситуации.[551]

Политизация религиозной жизни в США в исследуемый нами период наиболее ярко проявилась в консервативной среде протестантов-евангелистов, которые всегда настаивали на том, что «обсуждение государственной политики и политической жизни без ссылок на моральные принципы неверно». В течение 1970-х годов происходил значительный рост их численности – от 20 до 62%, во многом за счёт оттока верующих из традиционных протестантских деноминаций. В значительной мере, именно в Евангелическом возрождении второй половины 1970-х – 1980-х годов проявилось то, что П. Бергером было названо «неприкосновенностью религиозности» в американском обществе.[552]

Параллельно с усилением влияния евангелистских деноминаций происходил рост численности, социальной активности и роли Римско-Католической церкви, что позволило им смотреть друг на друга как на

---

[550] Gillespie M. Religion and the resurgence of Conservatism / Michael Gillespie, Michael Lienesh // The resurgence of Conservatism in Anglo-American democracies / Ed. by Cooper B. – Durhame, London: Duke University Press, 1988. – 469 p. – P. 414.

[551] Steinfels P. Lutheran Minister Prodding US Catholics to Lead Christian Revitalization // The New York Times. – 27 January. – 1988 [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.nytimes,com/1988/01/27/us/lutheran-minister-prodding-us-catholics-to-lead-christaian- revitalization.html&pagewanted=all&sre=pm.

[552] Berger P. Religion in post-Protestant America / Peter Berger // Commentary. – May 1986 [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://proquest.umi.com/pqdweb?did=2761674&Fmt=3&clientld=23774&RQT= 309&VName= PQD.

конкурентов в культурно-религиозной жизни Америки. В послевоенное время количество верных Ватикану американцев выросло почти на 50% – с 20 до 29%.[553] О политической активизации Католической церкви свидетельствует тот факт, что в 1980 году 32% католиков одобряли проведение религиозными группами политических кампаний против отдельных кандидатов на выборах, а среди протестантов доля тех, кто придерживался такого же мнения, была на 4% ниже (28%). Данный показатель говорит о том, что к началу 1980-х годов католики несколько охотнее, чем протестанты, поддерживали участие церкви в политической борьбе. Учитывая мощную интеллектуально-богословскую традицию данной конфессии, Р. Ньюхаус охарактеризовал как ведущую роль католической общины в морально-религиозном возрождении США, в деле оживления христианства в стране, в построении такого общества, где бы государственная политика была исполнена морального и религиозного измерения и проводилась бы с его учётом. По мнению Ньюхауса, «религия должна быть важнейшей силой в формировании государственной политики, а Римско-Католическая церковь оснащена наилучшим образом, чтобы показать нам способ [достичь этого]».[554] Как результат, в исследуемый нами период среди американских католиков наблюдался рост сторонников Республиканской партии: в начале 1980-х годов доля тех, кто ассоциировал себя с ней, увеличилась с 15% до 25%.

Рисуя психологическую атмосферу в США на рубеже 1970-х – 1980-х годов, отметим, что партийно-политическое «поправение» электората коснулось практически всех социально-религиозных групп. Сенатор Барри Голдуотер в своих мемуарах отмечает, что не только консервативные церкви, но также либеральные и «левые» религиозные группы начали активно использовать политические средства для продвижения своих социальных и нравственных идеалов, а религиозно-моралистские аргументы – для отстаивания убеждений, имеющих отношение не к религии и духовной жизни, а к политической и

[553] Борзов А. В. Религиозный аспект внутриполитической деятельности администрации Р. Рейгана: дисс... канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Алексей Владимирович Борзов. – Владимир, 2011. – 285 с. – С. 50.
[554] Quot. for: Carey P. Staking a moral claim in the public square / Paul Carey // US News and World Report. – April 11. – 1988. – P. 60.

социально-экономической сферам.[555] В этот период за усиление роли религии в публичной сфере выступали не только христиане, но и значительная часть американских иудеев, имевших традиционно сложные отношения с протестантами-фундаменталистами и остававшихся сторонниками максимального отделения церкви от государства. Как выразился Ньюхаус, «американские евреи, особенно чувствительные к опасности [христианизации государства], начинают переосмысливать свои ранее почти секуляристские взгляды». По мнению этого исследователя, такое изменение в настроениях представителей иудаизма может быть связано с ростом их понимания того, что зачищенное от религиозных ценностей и норм общество, в котором отсутствуют божественные, вневременные санкции, становится беззащитным против любого зла, в том числе и против зла антисемитизма.[556]

Усиление роли религии как аспекта общественно-политической жизни и фактора электорального выбора не только вызвало некоторую перегруппировку партийно-политических сил, но и институционально оформило активность неправительственных организаций консервативного толка. В этот период на политическую арену вышли «христианские новые правые», которые поставили своей задачей обеспечение морально-религиозного возрождения Америки политическими средствами. Среди их ячеек особенно выделялись «Религиозная правая», «Религиозный круглый стол», «Национальная коалиция христианских действий» и «Христианский голос». Найдя себе официального союзника в лице Республиканской партии, «Религиозная правая» активно включилась в политическую борьбу. Основное внимание её участниками было сосредоточено на разоблачении падения нравов, распущенности, порнографии, наркомании, насилии, алкоголизме и на защите морально-религиозных принципов, традиционных ценностей, семьи и здорового образа жизни. Активные лоббисты на всех уровнях, представители этой группировки во всех упомянутых проблемах

[555] Goldwater B. Goldwater / Barry Morris Goldwater, Jack Casserly. – N.-Y.: Cornell University Press, 1988. – 512 p. – P. 385–386.
[556] Neuhaus R. Moral leadership in post-secular America // CR. – Vol. 129. – P. 2671.

обвиняли либералов. При этом, спасение возлагалось ими на республиканскую консервативную коалицию.[557]

Итак, отличительной чертой религиозной жизни Америки было повышение степени политизированности и выход клерикальной пропаганды далеко за пределы духовных вопросов. Именно усиление религиозного консерватизма и «новое воцерковлиние» американцев были весомым фактором роста симпатий к Республиканской партии и неоконсерваторам. Американские исследователи Ф. Стипер и Дж. Петроцик установили, что среди американцев, которые регулярно посещают церковь, количество сторонников республиканцев была на 22% больше, чем демократов. Характерно, что в первой половине 1980-х годов доля тех, кто ассоциировал себя с «великой старой партией» снизилась (с 42 до 33%) только в Лютеранской церкви. Во всех других традиционных деноминациях, (Епископальной, Пресвитерианской и Методистской церквях) наблюдалась резкая обратная тенденция.[558]

В анализируемый нами период, процент республиканцев среди евангельских христиан был больше, чем в среднем по стране и среди других групп: фактором, усиливавшим подобные симпатии был традиционно присущий им консерватизм. В отличие от более консервативного Юга, на Севере США протестантизм был почти исключительно представлен традиционными «либеральными» деноминациями, поэтому в данном регионе среди белых англосаксов-протестантов, которые посещали церковь еженедельно, сторонники республиканцев составляли большинство (43%), а среди тех, кто в церковь не ходил, сторонников демократов было на 9% больше, чем тех, кто симпатизировал республиканцам. Протестанты-евангелисты (фундаменталисты), в целом, более религиозны и отличаются большей степенью консерватизма в своем теологическом и нравственном учении, чем большинство других христиан

[557] Борзов А. В. – Указ. соч. – С. 65–66.
[558] Edsall T. The Reagan Legacy. Promice and perfomance / Thomas Byrne Edsall, Sidney Blumenthal. – N.-Y.: Pantheon Books, 1988. – 318 p. – P. 26.

Америки, что в значительной мере связано с их приверженностью идее буквального восприятия Библии.[559]

Учёт обозначенных выше тенденций общественной жизни был одним из факторов ошеломительного успеха Рейгана на президентских выборах 1981 года. Во время предвыборной кампании основной акцент он делал именно на христианских лозунгах консервативного толка, апеллируя к глубоко укоренённым среди американцев ценностям веры и личной свободы. Одной из основных задач рейгановской программы действий было обращение к американцам с призывом вылечить страждущую «душу нации», воскресить и восстановить старые добрые американские ценности, вернуться к осознанию особой миссии Америки в мире, её особой связи с Богом. Сам Рейган, оценивавший ослабление силы своего государства как «моральное разоружение», в своей деятельности, по словам авторов книги «В будущее с Президентом Рейганом», делал «ставку на программу нравственного перевооружения, которое начиналось с экспорта и нового утверждения идей американизма. Речь идёт о модели для народов всего мира, модели, которая не устареет ещё долгие годы, модели, которой он гордится».[560] Как следствие, феномен «религиозного возрождения» и республиканский неоконсерватизм были тесно связаны с именем 40-го Президента США; термин «рейганизм» прочно вошёл в лексикон журналистов и политиков. Впрочем, относительно его сущности существуют разные точки зрения. В частности, российский исследователь А. Ю. Мельвиль называет этой дефиницией идейно-политический курс администрации Рейгана, «а также общую стратегическую линию тех правоконсервативных группировок, которые выдвинули и провели своего кандидата в президентское кресло».[561] Подобный подход к явлению «рейганизма» выражает В. А. Савельев. По его мнению, это «специфическая форма государственно-монополистического регулирования, во многом субъективно обусловленная, принесённая из Калифорнии ультраправым деятелем

---

[559] Ibidem.

[560] Wayne V. The future under President Reagan / Valis Wayne, Aram Bakshian, Jr. – Westport: Arlington House Pub, 1981. – 194 p. – P. 16.

[561] Мельвиль А. Ю. США – Сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов / Андрей Юрьевич Мельвиль. – М.: Наука, 1986. – 216 с. – С. 87.

Рональдом Рейганом и его ближайшим окружением».[562] Несколько отличной является трактовка С. А. Поршакова, который отмечает идейный эклектизм «рейганизма» и сочетание в нём элементов «разных общественно-политических течений – «новых правых», либертаризма, неолиберализма, протестантского фундаментализма, ортодоксального католицизма. Им крепко взят на вооружение социал-дарвинизм. На свой лад правые консерваторы переделали идеи американского прогрессизма начала XX века – «моральный империализм» во внешней политике и антипатию к сильной федеральной власти – во внутренней. Таким образом, «рейганизм» представляет собой не просто консерватизм в чистом виде, это выход в существенно иную плоскость, подчас не укладывающийся в чёткую теоретическую схему.[563]

В этом ключе, религиозную риторику Рейгана часто увязывают исключительно с консервативным течением «новых религиозных правых». Как уже говорилось, во многих речах и обращениях Рейгана присутствовала не свойственная его предшественникам прямая апелляция к христианству. Такая характеристика религиозных чувств нового Президента была свидетельством христианизации американской политики и активизации гражданской религии в более широком смысле. При нём гражданская религия несёт значительные эволюционные изменения, приобретая неоконсервативную окраску в духе «новых религиозных правых». Однако по своей сути она не перестала быть религией именно гражданской, т.е. символической составляющей национально-государственной мифологии, призванной прежде всего, выполнять интегрирующую функцию общества. Вместе с тем, изменения, которые были привнесены в американские политические процессы Рейганом и временем, прежде всего, характеризуют прагматику символической компоненты американской политической культуры.

---

[562] Савельев В. А. Консервативная модель конца столетия: рейганизм? / Владимир Аркадьевич Савельев // Проблемы американистики. – № 8: Консерватизм в США: прошлое и настоящее. – М.: МГУ, 1990. – 342 с. – С. 198.
[563] Поршаков С. А. Идейно-политическая эволюция республиканской партии / Сергей Алексеевич Поршаков // Проблемы американистики. – № 6: Современный этап кризиса ГМК в США: экономика, политика, идеология. – М.: МГУ, 1988. – 317 с. – С. 136–137.

По мнению американских историков Р. Пирарда и Р. Линдера, «гражданская вера» республиканцев наиболее ярко проявляется в четырёх элементах.[564] Первым элементом гражданской религии они называют постулат об американской исключительности, веру в то, что Америке отведено особое место в истории. Этой исключительности изначально придаётся сакральная оценка: «В глазах многих людей, эта церемония, повторяющаяся каждые четыре года, которую мы принимаем как нечто само собой разумеющееся, является настоящим чудом», – говорит Рейган о процедуре президентской присяги.[565] О «чудесности» и сакральности такого положения Президент и собирался напомнить своим гражданам.

Деятели, занявшие ведущие государственные должности в начале 1980-х годов, имели абсолютное убеждение в том, что особое назначение Америки – форпост свободы, демократии и добродетели – результат осуществления Божественного плана, который, в свою очередь, предполагает определённые обязательства самих американцев перед Богом, ответственность перед Творцом (здесь, очевидно, происходила апелляция к формообразующей протестантскую культуру модели завета). Забвение этих обязательств, имевшее место в 1970-е годы, привело к упадочным тенденциям, в основе которых лежало неудовлетворительное моральное состояние нации. Свою задачу неоконсерваторы изображали как необходимость напомнить великой нации о её предопределении и обязательствах. Яркой иллюстрацией этого являются речи 40-го Президента, написанные в духе Линкольна. В ходе своих выступлений Рейган обращался к старозаветной символике, напрямую ассоциируя особую миссию американцев в мире с избранностью Израиля. При этом ему, в отличие от «отцов-основателей», на которых Рейган часто ссылался, было чуждо аморфно-деистическое восприятие Творца: Бог для него прежде всего Личность, и к этой личности

---

[564] Pierard R. Civil religion and the presidency / Richard V. Pierard, Robert D. Linder. Grand Rapids: Academie Books, 1988. – 359 p. – P. 273–280.

[565] Reagan R. Inaugural address. January 20, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43130&st=&st1=.

обращается он сам и должен обращаться весь американский народ.* В этом ключе символично, что во время принесения президентской клятвы на церемонии инаугурации, Президент оба раза держал руку на Библии, открытой на странице, содержащей его любимую цитату из Ветхого Завета – четырнадцатый стих из седьмой главы второй книги Паралипоменон: «И [если] смирится Мой народ, и обратится от худых путей своих, то Я услышу с неба и прощу грехи их и исцелю землю их». Эти слова, которые Рейган часто любил цитировать в различных публичных выступлениях, действительно могут служить девизом политики 1980-х годов. Вторым элементом гражданской религии неоконсерваторов Пирард и Линдер называют характеристику Америки как духовной нации. Настоящий дух американской нации, согласно мнению Президента, есть добро, а источником духовной силы американцев является Бог, поэтому он заявлял: «Защищать Америку – значит защищать Бога, который благословил нашу землю. Нам нужна помощь Господа, чтобы пройти сквозь штормовое море жизни... Уповая на него, веря друг другу, работая вместе, мы восстановим Америку – землю нашей мечты и последнюю заветную надежду человечества».[566] Это положение означает (хотя эксплицитно не проявляется) не просто то, что Бог на стороне американцев, но и то, что Он – американец, следовательно, защиту национальных интересов Президент приравнял к защите самого Бога.[567]

Многократно в публичных выступлениях Рейган подчёркивал насущную потребность духовного возрождения, лидером которого он видел себя, соглашаясь с мнением Т. Рузвельта о том, что должность Президента – замечательная кафедра проповедника. И действительно, масса обращений главы государства к нации (прежде всего, инаугурационная) включают в себя мощный элемент проповеди, произнесённой патриархом великого избранного народа – благословенной американской нации: «И сейчас мы слышим эхо прошлого:

* Однако следует отметить, что протестантские взгляды Рейгана никогда не становились препятствием для его обращения и к американским католикам, и к иудеям, поскольку он считал себя Президентом единой нации под единым Богом.

[566] Quot. for: Pierard R. – Op. cit. – P. 277.

[567] Carter H. The Reagan years / William Hodding Carter, II. – N.-Y.: G. Braziller, 1988. – 202 p. – P. 45.

генерал опускается на колени в глубокий снег Вэлли Фордж...* поселенец продвигается на запад и поёт песню, и звуки этой песни несутся в вечность... Это американская песня. Она полна надежды, сердечности, идеализма, отваги, порядочности и искренности. Это наше наследство, это наша песня. И мы по-настоящему её поём. Вопреки всем проблемам и различиям между ними, мы, как и раньше, вместе, когда возносим молитву к Богу, Который есть Автор этой прекрасной музыки. И укрепит Он и в дальнейшем наше единство... единство нации под Богом, которая посвятила себя мечтам о свободе, которую Он поместил в глубину человеческого сердца и призвал нас известить об этой мечте всему грядущему и миру, который надеется на неё».[568]

Третьим элементом гражданской веры неоконсерваторов было убеждение в том, что религия как таковая абсолютно необходима для «здорового» существования нации. Эта характеристика также вполне традиционна для американской ментальности. Президент следовал этой традиции не только в речах, но и в поступках. С согласия Сената и Палаты представителей (резолюция конгресса № 487) Рейган провозгласил 1983 год «Годом Библии».[569] Он неоднократно цитировал Священное Писание в своих публичных выступлениях и любил повторять, что Библия содержит в себе ответы на любые вопросы как отдельного человека, так и всей нации.

Рейган подчёркивал, что Бог был и остаётся ключевой американской ценностью, поэтому для оздоровления всей культуры в жизни необходимо вернуть обществу активную религиозную составляющую. Исходя из такой позиции, Президент говорил о необходимости восстановления в школах молитвы.* Итак, инициатива хозяина Белого дома представляется нам красноречивой характеристикой тенденций в политикуме Соединённых Штатов.

---

* Вэлли-Фордж – местность в Пенсильвании, где во время Войны за независимость США, а именно в течение 1777–1778 годов располагался лагерь Континентальной армии под командованием генерала Дж. Вашингтона.

[568] Reagan R. Inaugural address. January 21, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38688&st=&st1=.

[569] Public Law 97-280. 97th Congress Joint Resolution Authorizing and requesting the President to proclaim 1983 as the «Year of the Bible». [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://scripturalaw.org/ecj-Public_Law_97-280.html.

* В течение долгого времени американские дети громко произносили вслед за учителем текст официально утверждённой молитвы, однако в 1963 году такая практика была запрещена Верховным судом.

Примечательно, что сам факт совместной молитвы в поликонфессиональном государстве стал предметом национального интереса. Выполняя своё предвыборное обещание, Рейган в 1984 году внёс в Конституцию поправку о школьной молитве.[570] Её текст был сформулирован следующим образом: «Ничто в настоящей Конституции не может вести к запрету индивидуальной или групповой молитвы в общественных школах или других общественных заведениях. США или отдельные штаты не имеют права требовать от кого-то участвовать в этой молитве. Ни США, ни отдельные штаты не должны составлять текст молитв, которые будут произноситься в общественных школах».[571]

И, наконец, четвёртый элемент в гражданской вере неоконсерваторов – признание необходимости усиления военной и духовной силы Америки перед лицом злейшего врага – коммунизма. Проявлением этого было то, что во внешней политике (и, прежде всего, в отношении СССР) Рейган занял позицию более жёсткую, чем все американские главы после Второй мировой войны. При этом, активно используя религиозно-ориентированную риторику, он актуализировал тему ценностного противостояния двух систем. Отличительной в этой связи является и изображённая выше апелляция к понятиям добра и зла, а также эсхатологическим категориям.

Напомним, что в ходе своего выступления в британском парламенте 8 июня 1982 года, Рейган назвал Страну Советов «империей зла». В этой речи он делал акцент на стратегических проблемах внутренней политики Советского Союза, серьёзных противоречиях между социально-политической системой социалистического общества и экономическими требованиями эпохи. Хозяин Белого дома призвал сравнить уровень жизни и объём прав человека в Западной и Восточной Германии, в Австрии и Чехословакии, в Малайзии и Вьетнаме и сказать, какая из систем эффективнее. Американский лидер не говорил об отношении граждан СССР к своему правительству и политической системе, ограничившись переводом «подпольного» советского анекдота: «Если в

[570] Radio address to the nation on prayer in schools. February 25, 1984 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=39565&st=&st1=.
[571] Религия в политической жизни США (70-е – начало 80-х годов) / Под ред. Замошкина Ю. А., Фурмана Д. Е. – М.: Наука, 1985. – 224 с. – С. 54–55.

Советском Союзе позволить оппозиционную партию, то всё равно в стране останется однопартийная система. Почему? Да все вступят в оппозиционную партию».[572] В ходе того же выступления он заявил, что его цель заключается в том, чтобы возглавить «крестовый поход за свободу, который закончится только тогда, когда марксизм-ленинизм превратится в кучку пепла истории». В следующем, 1983 году, Вице-президент Дж. Буш, который разделял взгляды своего начальника, связал эту цель с преодолением раскола Германии и освобождением Центрально-Восточной Европы. Рейган объявил о готовности Соединённых Штатов не просто «сдерживать коммунизм», но и оказать материальную поддержку всем силам, которые пытаются сбросить промарксистские режимы, – в Африке, Азии, Центральной Америке и даже самом СССР, чтобы в финале этой глобальной битвы «прийти к вратам Кремля». Советский Союз был охарактеризован им как «духовный банкрот», которому противостоят США как «целомудренная республика, центр достоинства в мире».[573]

Среди многочисленных речей и обращений, в которых Рейган говорил о необходимости борьбы с «красной угрозой», самым известным является его выступление перед национальной ассоциацией евангелистов в Орландо (Флорида) в марте 1983 года.[574] Примечательно, что Пирард и Линдер характеризуют этот тридцатиминутный пассаж Президента как символ гражданской религии.[575] Отмечая, что единственной моралью, которую признаёт Советский Союз, является та, которая способствует распространению революции во всём мире, Рейган отмечал, что хотя он и готов вести переговоры с русскими, чтобы уменьшить угрозу ядерной войны, они должны хорошо понимать, что американцы никогда не пойдут на идейные компромиссы, никогда не откажутся от свободы и не откажутся от своей веры в Бога.

---

[572] Reagan R. Address to members of the British parliament. June 8, 1982 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=42614&st=&st1=.
[573] Ibidem.
[574] Reagan R. Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals in Orlando, Florida. March 8, 1983 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=41023&st=&st1=.
[575] Quot. for: Pierard R. – Op. cit. – P. 179–180.

Президент цитировал слова одного из американских политических лидеров, который заявил: «Я предпочёл бы, чтобы мои две дочери, которых я люблю больше всего на свете, умерли бы сейчас с верой в Бога, чем выросли бы при коммунизме». После чего он в пасторском стиле заявил: «Давайте помолимся о спасении всех тех, кто живёт в темноте тоталитаризма – чтобы и они могли открыть для себя радость познания Бога».[576] Эти слова, хотя и изречённые перед христианским собранием, с которым Президент мог позволить себе большую откровенность, вне всяких сомнений, является очевидной манифестацией доминирующих настроений в американском социуме. Рейган однозначно наделял политическую систему США сотериологическими* функциями, не допуская даже возможности существования веры в советском обществе.[577] Такая позиция не соответствует действительности (поскольку христианская вера, несмотря на ограничения, в Советском Союзе сохранялась), зато ещё раз полностью подтверждает религиозный характер, который неоконсерваторы придавали западным институтам.

Итак, американский Президент и его окружение вернулись к риторике «красного фашизма», которая со времён Трумэна, Маккарти и Корейской войны была несколько нивелирована. «Русские» изображались Рейганом как естественная угроза, которой следует бояться так же, как боятся темноты, тени и шторма; как дикие, необузданные звери, которые охотятся на других животных; как примитивные варвары или хулиганы; как бездушные механизмы, напоминающие скорее инструменты разрушения или военные машины; как жестокие преступники, которые лгут и хитрят; как психически неполноценные люди с глубоко укоренившимися в больном сознании страхами и враждебностью к окружающим; как фанатики, помрачённые идеологией марксизма-ленинизма как эрзац-религией; как сатанинская и светская нация; как злой, безбожный сосед, неразумно использующий свою силу. Американский исследователь Роберт Иви

[576] Reagan R. Remarks at the Annual Convention…

* Сотериология (от греч. σωτηρία – «спасение» + Λόγος – «слово») – богословское учение об искуплении и спасении.

[577] Ковальский Н. А. Империализм. Религия. Церковь / Николай Александрович Ковальский. – М.: Политиздат, 1986. – 271 с. – С. 51.

отметил, что в результате такого сравнения «отношения между двумя государствами [СССР и США] рассматривались скорее как эсхатологическая борьба, а не как часть игры наций». Этот автор, выделивший приведённые выше восемь классов эпитетов, применяемых Рейганом для характеристики «нецивилизованного» СССР в период своей первой каденции, утверждал, что для большинства американцев метафоры Президента чётко структурировали политическую действительность даже при отсутствии каких-либо аргументов, доказывающих обоснованность их применения для описания Советского Союза. И, по сути, в подобной риторике не было ничего нового, поскольку в американской пропаганде с начала 1920-х годов советский режим изображался как глубоко аморальный и атеистический, отрицающий человечность.[578]

Призывая к духовному возрождению и апеллируя к традиционным американским ценностям патриотизма, религиозных принципов и укоренившихся в массовом сознании стереотипным представлениям о русских, бывший голливудский актёр пытался возобновить в американском обществе антисоветский идеологический консенсус. Он хотел вернуть Америке внешнего врага, наличие которого могло бы нивелировать негативное отношение общества к участию американских вооружённых сил за рубежом. Все силы, боровшиеся против Советского Союза, относились Вашингтоном к стоявшим на стороне «добра», а «каждое международное явление, с которым сталкивалась рейгановская администрация, рассматривалось сквозь призму антикоммунистической идеологии, … каждое событие, которое угрожало нарушить глобальный статус-кво, трактовалось как действие в рамках скоординированного коммунистического заговора».[579] Президент, заслуживший лавры «великого коммуникатора», неоднократно подчёркивал: «Советский Союз стоит за всеми происходящими беспорядками. Если бы не он, в мире вообще не было бы конфликтов».[580] В этом контексте эмоциональные воззвания Рейгана содержали в себе существенно новую интерпретацию событий, произошедших на

[578] Ivie R. Speaking «common sense» about the Soviet threat / Robert L. Ivie // Western Journal of Speech Communication. – Vol. 48. – 1984. – P. 42.
[579] Шлезингер А. М. – Указ. соч. – С. 83.
[580] Там же.

мировой арене в недавнем прошлом. Особенно хорошо это заметно на примере оценки Рейганом войны во Вьетнаме. По мнению американского Президента, трагедия того конфликта и моральный грех Америки заключались не в жертвах среди гражданских лиц и, уж точно, не в неправедности решения принять в нём участие, а в том, что начатая борьба не была доведена до победы. Война в Индокитае – лишь эпизод глобальной борьбы «добра со злом», «свободы с тоталитаризмом»: американские ветераны – «благородные рыцари свободы», а вина и ответственность за поражение лежит как на политиках, которые не были готовы идти до конца, так и на всех гражданах, которые встретили своих солдат недостойным образом – не как героев, а с осуждением и отвращением. Оценивая результаты того, что происходило в Индокитае, Рейган тенденциозно заявлял: «Вьетнам сегодня – это огромный тюремный лагерь физических пыток и идеологической обработки. Сотни тысяч людей жертвуют всем, рискуют собственными жизнями – только чтобы избежать коммунистического гнёта. Всё это говорит о благородности причины, по которой наши ветераны сражались во Вьетнаме».[581]

Очевидно, что причины подобной переоценки приоритетов имеют мало общего с собственно христианским осмыслением истории, а направлены, прежде всего, на возрождение традиционных политических идеалов величия Америки и её богоизбранности. Впрочем, впервые идея борьбы с СССР как борьбы со злом прозвучала уже в годы пребывания в Белом доме Гарри Трумэна, который рассматривал коммунизм как «ложнорелигиозную философию» и интерпретировал войну в Корее как битву между добром и злом.[*] Несмотря на периоды потепления отношений между двумя сверхдержавами, напряжение разной степени сохранялась практически всегда и продолжало лежать в ценностной плоскости.[* *] Например, Ричард Никсон, характеризовал два мира

[581] Lejon K. – Op. cit. – P. 144.

[*] В частности, в одном из заявлений Трумэн сказал: «Международное коммунистическое движение основано на сильном и ужасном фанатизме. Он отрицает существование Бога на земле; где может, уничтожает саму возможность поклонения Богу... Но наша религиозная вера является правильным ответом на ложные верования коммунизма». Quot. for: Lejon K. – Op. cit. – P. 126.

[**] Справедливости ради следует отметить, что такая «аксиологическая» оценка положения вещей была характерна не только для американской стороны, но и для СССР. В идеологическом отношении, Советский Союз и

следующим образом: «Борьба между Советским Союзом и Соединёнными Штатами является борьбой между государствами, одно из которых не скрывает, даже открыто декларирует агрессивный характер своей политики, в то время как другое столь же открыто придерживается оборонной доктрины. Это борьба между тоталитарной и свободной цивилизациями, между государством, угрожающим самой идее свободы и государством, основанном на этой идее. Соединённые Штаты ищут мира; Советский Союз – мирового господства».[582]

Однако, при Рейгане подобное отношение к СССР достигло своего апогея, обретя почти манихейский характер. Эмоциональные пассажи 40-го Президента не были чем-то аффективным или высказыванием ad hoc. Напротив, риторика «империи зла» и «крестового похода» характеризовала саму сущность неоконсервативного политического мировоззрения. В 1984 году Президент назвал три базовых для американской политики принципа:

- реализм, означающий, что граждане должны чётко представлять себе ситуацию о том мире, в котором они живут;
- сила, необходимая для успешного ведения переговоров на международной арене и,
- необходимость продолжать диалог.[583]

Анализируя данные принципы, исследователи обычно останавливаются на силе и диалоге. Мы же, вслед за шведским исследователем Лейоном, считаем необходимым акцентировать внимание именно на первом принципе, обозначенном Рейганом как реализм.

Что скрывается за этим «реалистичным» взглядом на мир? Прежде всего, тот принцип, согласно которому, борьба между демократией и коммунизмом – не просто преходящая идеологическая конфронтация двух систем, а извечная борьба между добром и злом, сфокусированными в свободе и тоталитаризме,

---

Соединённые Штаты были зеркальным отражением друг друга. Показательны также лексические совпадения (в обоих полушариях были в ходу выражения «империя» и «гарант мировой безопасности»).

[582] Quot. for: Lejon K. – Op. cit. – P. 127.

[583] Reagan R. Radio address to the nation on United States foreign policy. April 7, 1984 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=39736&st=&st1=.

соответственно. С одной стороны, в увязке американской системы с трансцендентным добром не было ничего нового, с другой стороны, Рейганом был сделан упор на «абсолютности» борьбы «света и тьмы» – американской демократии с советским тоталитаризмом. Такая религиозная оценка представляется весьма существенной для понимания «понятийной» символики американской политической культуры и причин, которые привели к эскалации Холодной войны в начале 1980-х годов. В течение того десятилетия указанные установки дали нужный результат: восстановление американской мощи, либерализация и дезинтеграция Союза ССР, преобразование Соединённых Штатов в единственную сверхдержаву.

Подводя итоги параграфа, отметим, что анализ политики США в отношении СССР подтверждает огромный коммуникативный потенциал, которым обладает идеология. «Консервативный поворот», опосредовавший приход Р. Рейгана к власти, представлял собой ценностную интеграцию американского политического пространства и его ориентацию на достижение целей, сформулированных для преодоления «красной угрозы». Ключевую роль при этом играла функция оправдания доминирующего положения Вашингтона в международной системе и легитимация действий Белого дома, часто имевших противоправный характер. В результате, противоборство с Москвой воспринималось массами сквозь призму борьбы идей, а не как простое продолжение борьбы великих держав за передел мира и сфер влияния, начавшийся в предыдущие века.

2. Взаимовосприятие в американо-советских отношениях и его влияние на формирование советского вектора во внешней политике США

Общественное сознание принадлежит к числу тех явлений, которые поддаются анализу с большими трудностями, что опосредовано отсутствием единого его определения и широким спектром взглядов на его природу. Вместе с тем, выяснение отношения американской общественности к внешней политике, проводившейся правительством в отношении СССР, для реализации наших

исследовательских задач является принципиально важным. Итак, в рамках данного параграфа мы попытаемся проанализировать основные тенденции формирования «образа врага» и его влияние на выработку внешнеполитических целей США, а также выявить факторы, определившие отношение американцев к методам реализации глобальной политики.

Отметим, что говоря об общественном (массовом) мнении, исследователи как правило, имеют в виду общую статистически измеряемую картину состояния общественных настроений, получаемую с помощью опросов населения.[584] Несмотря на свой иррациональный характер, это явление, тем не менее, оказывает на политический процесс существенное влияние, образно говоря, выступает его «несущей волной».[585] Политика требует специальных средств информационного обмена, установления и поддержания постоянных связей между субъектами в гораздо большей степени, чем другие виды общественной деятельности. Дело в том, что общественное мнение выступает как самостоятельный фактор и не просто поддерживает тот или иной формируемый правительством взгляд, но и оказывает на него давление и, тем самым, часто заставляет вносить коррективы в проводимый курс, изменяя его коренным образом. Примером этого были события в Юго-Восточной Азии, когда под давлением общественного мнения администрация Дж. Форда была вынуждена прекратить боевые действия и вывести оттуда войска. Учитывая этот опыт, с тех пор президентские кабинеты при разработке любой крупной внешнеполитической акции проводят тщательную психологическую подготовку своей общественности. Эта ситуация характеризует противоречивую сущность массового сознания, которое, вопреки своему влиянию на администрацию, само является объектом манипулирования. Говоря об этом положении вещей, Госсекретарь рейгановской администрации Дж. Шульц заявил: «Консенсус просто так не возникает, его нужно возделывать, как сад». Такое внимание объясняется тем, что по сравнению с силовыми и экономическими методами давления, манипуляция общественным сознанием имеет для Белого

---

[584] Коробейников В. С. Пирамида мнений (Общественное мнение: природа и функции) / Валерий Семёнович Коробейников. – М.: Мол. гвардия, 1981. – 222 с. – С. 5.

[585] Герасимов В. М. Общественное мнение в зеркале политической психологии / В. М. Герасимов. – М.: Луч, 1994. – 134 с. – С. 68.

дома ряд несомненных преимуществ – она осуществляется незаметно для подчинённых, не влечёт за собой прямых жертв и требует меньших материальных затрат.

Параллельно с формированием и использованием привлекательных образов американских национальных лидеров, осуществлялось конструирование негативного образа СССР – для того, чтобы граждане, сравнивая с ним собственное государство, могли гордиться им и ощущать его глубокое моральное превосходство.[586] Под влиянием непрерывной антисоветской и антикоммунистической пропаганды американский патриотизм, независимо от формы выражения (как непоколебимая любовь к родине или как иррациональная убеждённость в её мировом первенстве), мог трансформироваться исключительно в откровенно враждебное отношение «истинных американских патриотов к Советскому Союзу, к русским».[587] Как следствие, гипертрофированное чувство собственного превосходства, оформившееся в концепцию «американской исключительности», имело своим следствием неадекватное восприятие окружающего мира.[588] Впрочем, как подчёркивает Л. Гудков, «было бы сильным упрощением... считать, что активизация роли врага в общественном мнении является результатом навязанной пропаганды».[589] И далее: «Никакая пропаганда не может быть эффективной, если она не опирается на определённые ожидания и запросы массового сознания, если она не адекватна уже имеющимся представлениям, стереотипам понимания того, что происходит, такого рода мифологическим структурам».[590] В этом смысле очевидно, что «образ врага» полностью накладывался на ментальные особенности американцев. Дело даже не в том, что коммунистическая идеология вступала в диссонанс с традиционными американскими ценностями, а в том, что угроза этим ценностям со стороны СССР

---

[586] Ситникова Е. Л. Образ Советского Союза как фактор внешней политики США: 1945–1952 гг.: дисс… канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Елена Леонидовна Ситникова. – Курск, 2007. – 199 с. – С. 9.

[587] Hurwitz J. Public images of the Soviet Union: the impact of foreign policy attirudes / Jon Hurwitz, Mark Peffley // Journal of Politics. – № 52. – February. – 1990. – P. 3–28.

[588] Филитов А. М. «Образ врага»: роль мисперцепции в формировании менталитета политики «холодной войны» / А. М. Филитов // XX век: основные проблемы и тенденции международных отношений: по матер. междунар. конф. 21–23 ноября 1989 г. – М.: Наука, 1992. – 312 с. – С. 125–141.

[589] Гудков Л. Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции / Лев Гудков // Образ врага. – М.: ОГИ, 2005. – 334 с. – С. 7–79.

[590] Там же.

пугала обывателей больше, чем война с ним. В частности, когда респондентам было предложено из двух утверждений выбрать одно, близкое к их собственной мысли – беспокоит ли их военная угроза со стороны Советского Союза или их больше тревожит «угроза их взглядам и ценностям – свободе, демократии, религии и предпринимательству», только 26% опрошенных отметили военную опасность, в то время как 69% выбрали угрозу собственным взглядам и ценностям. На массовом уровне внешнеполитические проблемы традиционно воспринимаются в Соединённых Штатах сквозь призму морали. Свойственное американцам акцентирование нравственного начала, часто принимающего форму морализаторства, особенно во внешней политике, умело используется создателями политики для обеспечения её поддержки.

Характеризуя специфику взаимного восприятия Советского Союза и Соединённых Штатов, повторимся, что их соперничество продуцировало чёрно-белый взгляд на мир, в котором каждый для другого был «врагом номер один». Позиционирование определялось лозунгами «борьбы трудящихся против капиталистического угнетения» и «сдерживания коммунизма на планете»; представление о тотальной инаковости врага одновременно формировало собственный идеализированный образ. Итак, советский враг, прежде всего, был социально-психологическим конструктом, имидж которого определялся не только его реальными качествами, но и функциями, базирующимися на чувстве опасности. Образ врага представлял собой прочную идеологему, с помощью которой политическая элита, не расходуя значительных ресурсов, решала сразу несколько стратегических задач, прежде всего – укрепление собственной власти и преодоление внутренней оппозиции. Эффективно сформированный и дегуманизированный образ врага должен был вызвать убеждённость в моральной правоте «нас» и неправоте «их»; за счёт чёткого отделения «чужих» от «своих» поддерживалась американская идентичность и укреплялся внутренний порядок; обосновывалось преимущество (военное, нравственное, эстетическое) западной

системы.[591] Указанные функции советского образа обусловили его свойства, отношение к которым должно было быть однозначным: гнев, отвращение и безжалостность. С другой стороны, враг должен был быть изображён достаточно слабым и комичным, чтобы «своих» не покидала уверенность в том, что их победа неизбежна.[592]

Без преувеличения можно утверждать, что образ СССР как «врага» оказался устойчивым стереотипом, продолжающим определять общую структуру массового сознания американцев и в наши дни. Основываясь на этом, они практически всегда высказывали своё положительное отношение к действиям, направленным на предотвращение распространения «коммунистической угрозы» в мире. Напомним, что борьба «добра» со «злом» изображалась как соперничество двух общественно-политических систем – капиталистической и социалистической, которые и олицетворяли собой Соединённые Штаты и Советский Союз. В результате, «для многих... понятие “русская (советская) угроза” стало таким страшным, что для них вопрос заключается уже не в том, нападут ли русские, а в том, когда это произойдет», – подчеркнули в 1983 году авторы работы «Русская угроза. Её мифы и реальность».[593] Примечательно, что советскость фактически отождествлялась американцами с русскостью, а коммунизм портретировался как идеология, русская по самой своей сути.[594]

Итак, антикоммунизм представлял собой одну из составляющих общенационального консенсуса в американском обществе в течение всего периода Холодной войны. Рядовые граждане разделяли мнение о том, что «лучше бороться с коммунизмом за рубежом, чем у себя дома».[595] В качестве яркого примера можно привести Корейскую и Вьетнамскую войны. Накануне вмешательства США в эти региональные конфликты большинство американцев

---

[591] Aho J. A. This thing of darkness: a sociology of the enemy / James Alfred Aho. – Seattle: University of Washington Press, 1994. – 224 p. – P. 157.
[592] Harle V. The enemy with a thousand faces: the tradition of the other in Western political thought and history / Vilho Harle. – Westport: Praeger Pub, 2000. – 232 p. – P. 98–99.
[593] Garrison J. The Russian threat. Its myths and realities / Jim Garrison, Pyare Shivpuri. – London: Gateway Books, 1983. – 344 p. – P. 11.
[594] Aho J. A. – Op. cit. – P. 159.
[595] Levering R. B. The public opinion and American foreign policy, 1918–1978 / Ralph B. Levering. – N.-Y.: Morrow, 1978. – 192 p. – P. 92–119.

соглашались с тем, что их государство должно вести себя твёрже, считая, что «остановить распространение коммунизма очень важно».[596]

Основными каналами внедрения в массовое сознание нужного элите видения мира и роли Америки в нём являются масс-медиа и искусство, которые подают мировые проблемы в соответствии с нормами и законами рекламы, в исследовании которых американская наука послевоенного времени сделала огромный шаг вперёд. Благодаря этому, аппарат пропаганды создал массивную структуру мифологии, не только камуфлировавшую глобальные амбиции руководства, но и построившую «железный занавес» новой ортодоксальной политической теологии, догматы которой идейно подчинили себе весь Запад. По оценке американского политолога и филолога Г. Скотта, в свете риторики Холодной войны вся наука была военной и всё искусство – пропагандой.[597] «Советская угроза» на Западе превратилась в одно из ключевых явлений действительности, обязательный элемент информационно-визуального пространства, такой же привычный, как «гангстер» или «ку-клукс-клан». Существенную роль в процессе формирования этих элементов сыграло массовое искусство, прежде всего – кино, остававшееся «важнейшим из искусств» не только в СССР: объединяя три вида сенсорного воздействия (визуальный образ, рассказ и звук), кинематограф оказался наиболее эффективным способом идеологической конфронтации.[598] Напомним, что главной его «фабрикой» в США был и остаётся Голливуд, который, по словам исследователей, не являясь государственным учреждением, всё же не является и свободным от правительства. Эта зависимость проявляется в том, что власть оказывает поддержку одним лентам и лишает её других, часто сотрудничая при этом с неправительственными организациями, такими как Администрация производственного кодекса. В других случаях ФБР, ЦРУ и информационное агентство Соединённых Штатов финансируют и продюсируют фильмы,

[596] Barnet R. J. Roots of war. The man and institutions behind US foreign policy / R. J. Barnet. – N.-Y.: Atheneum, 1972. – 350 p. – P. 139.
[597] Scott R. Cold War and rhetoric: conceptually and critically / Robert L. Scott // Cold War rhetoric: strategy, metaphor, and ideology. – East Lansing: Michigan State University Press, 1997. – 256 p. – P. 12.
[598] Kenez P. The picture of the enemy in stalinist films / Peter Kenez // Insiders and Outsiders in Russian Cinema. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – 179 p. – P. 29–30.

содействуя их прокату. Наконец, в годы Холодной войны государство просто использовало нужные картины, которые были сняты без его участия. В результате всех этих факторов американские фильмы как отражали, так и распространяли идеологию борьбы против СССР (России).[599]

К производству кинематографического образа «империи зла» были привлечены ведущие режиссеры, актёры и сценаристы, среди которых достаточно упомянуть А. Хичкока и С. Кубрика, Б. Уайлдера и И. Бергман, К. Гранта и Ф. Синатру.[600] По оценке российского специалиста по медиа-образованию и кинокритика А. Фёдорова, Голливуд выпустил в исследуемый нами период около 90 фильмов, непосредственно посвящённых событиям Холодной войны и образу СССР.[601] В числе этих картин были представлены фактически все жанры: драма, мелодрама, комедия, фантастика, триллер и боевик, однако наибольший успех имели «шпионские» детективы (в которых преступные деяния относились к сфере государственной тайны и деятельности спецслужб) и военно-приключенческие ленты (содержащие авантюрный сюжет, напряжённое действие, неординарные события и использовавшие для фабулы военную тематику).[602] Мышление периода Холодной войны определялось влиянием т.наз. кумулятивного эффекта игрового кинематографа на массовое сознание, предусматривавшего распространение стабильных, устойчивых и повторяющихся образов и представлений, выражавших институциональные характеристики, которыми наделялась советская сторона. Эти кинематографические стереотипы (медийные мифы), составлявшие в эпоху Холодной войны часть идеологической конфронтации, учитывая предмет нашего исследования, представляют большой интерес. Набор штампов и шаблонов, переносившихся из фильма в фильм, отличался своим постоянством и одинаково низким уровнем. Анализ медиатекстов позволяет представить их основные сюжетные схемы следующим образом.

---

[599] Shaw A. Hollywood's Cold War / Anthony Shaw. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 336 p. – P. 303.
[600] Schwartz R. A. Cold War culture: media and the arts, 1945–1990 / Richard Alan Schwartz. – N.-Y.: Facts on File, 1998. – 376 p. – P. 281.
[601] Фёдоров А. В. Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010) / Александр Викторович Фёдоров. – М.: Информация для всех, 2010. – 202 с. – С. 27.
[602] Shaw A. – Op. cit. – P. 50.

- Подготовка советской стороной сокрушительного удара по Соединённым Штатам («Третья мировая война», «Секретное оружие», «Ракетная атака на США»). Вариантом этой сюжетной схемы мог быть десант оккупационных сил («Красный рассвет», «Америка») или обмен сторон ядерными ударами, с катастрофическими последствиями для Америки, а то и всей планеты («Пять», «На берегу», «Избранные выжили», «Нити», «Система безопасности», «День после»).
- Деятельность советских диверсантов и вредителей на американской территории («Секретная миссия», «Приз», «Тринадцать испуганных девушек», «Из России с любовью», «Топаз», «Денди в желе», «Змей», «Пришедший с холода», «Огненный лис», «Вторжение в США», «Красная икра», «Четвёртый протокол», «Нет выхода»).
- Побеги диссидентов из стран социалистического содружества («Железный занавес», «Красный Дунай», «Путешествие», «Побег к солнцу», «Вид на жительство», «Заблудившиеся», «Сумасшедшая диагональ», «Москва на Гудзоне», «Белые ночи»).
- Угнетение тоталитарным советским режимом собственных граждан («В круге первом», «1984», «Гулаг», «Прощай, Москва», «Человек, который брал интервью»).
- Возникновение на пути влюблённых препятствий, вызванных антизападной политикой СССР («Шёлковые чулки», «Железная юбка», «Уйти навсегда», «Раз, два, три», «Перед наступлением зимы», «Золотое мгновение», «Ковбой и балерина»).[603]

Уместно также остановиться на структуре тиражируемых американской киноиндустрией медиамифов, изобразительные конструкции которых базировались на ряде несложных дихотомий. Обстановка и действительность, изображаемые в упомянутых выше лентах, в большинстве случаев представляют собой аскетичный и, как правило, унифицированный домашний быт советских

[603] Фёдоров А. В. Образы холодной войны: проекция политики противостояния на экране / Александр Викторович Фёдоров // ПОЛИС. – № 4. – 2010. – С. 48–64.

персонажей, полную противоположность которым составляют роскошные жилища западных героев. Американские города (прежде всего, Нью-Йорк) подаются как современные, яркие, уютные и комфортные, демократичные и динамичные мегаполисы, в которых есть место для любой культуры; зато советские города (чаще всего Москва) изображаются квазиреалистично условно-гротескно – тёмные и мрачные, «визитной карточкой» которых были длинные очереди у входов в магазины и военные патрули на улицах. Характерно, что советские герои «ниже» американских не только по социальному и материальному статусу: жители СССР (за исключением диссидентов) – вечно хмурые персоны, грубые, вульгарные и жестокие фанатики с примитивным интеллектом и ещё более примитивной лексикой, активной жестикуляцией и неприятными голосовыми тембрами. Впрочем, советские шпионы могут до разоблачения выглядеть симпатично: находясь на территории Соединённых Штатов, они адаптируются к местным условиям, но потом обязательно проявляют свою мерзкую сущность. В противоположность им, рядовые американцы изображаются миролюбивыми, положительными, высоконравственными и верными демократическим идеям патриотами.[604]

Итак, художественные средства формирования имиджа СССР базировались на противопоставлениях; как основной художественный приём применялась антитеза, с помощью которой достигалась общая композиция положительных образов, в то время как элементы образа врага приобретали ещё более негативную окраску. Этим путём в течение десятилетий в США рисовался образ враждебного, агрессивного, вооружённого до зубов, но в остальном отсталого тоталитарного Советского Союза, с его холодными заснеженными просторами, нищим населением (непременным элементом одежды которого были валенки и шапка-ушанка с красной звездой), слепо следующим приказам злобных и коварных коммунистов, погрязших в коррупции и разврате. Советский Союз экранизировался как государство, полностью попирающее индивидуальные права

[604] Рябов О. В. «Советский враг» в американском кинематографе холодной войны: гендерное измерение / Олег Вячеславович Рябов // Женщина в российском обществе. – № 2. – 2011. – С. 20–30.

человека, выступая олицетворением жестокости. Как следствие, в сознании американцев советский строй выступал даже не как «другой» или «чужой», а в качестве очевидного и бескомпромиссного врага. Конструируя представление о гражданах СССР, режиссёры пришли к определённому логическому противоречию: «жители потустороннего Железного занавеса» олицетворяли «нелюдей» и «дьяволов» одновременно. Заметим, что вера в способность «красных» контролировать сознание людей, превращать их в зомби и роботов была важной составляющей демонологии Холодной войны, поскольку сравнение врага с машиной является широко распространённым приёмом пропаганды, используемым для его дегуманизации; в антисоветском варианте это нашло отражение, например, в фильме «Кандидат от Манчжурии».[605]

Те черты социального порядка, которые советскими масс-медиа трактовались как проявление преимуществ социалистической системы, американскими идеологами подавались в качестве пороков. Вопреки распространённому тезису о независимости американских СМИ, информация о внешней политике и международных событиях тщательно ими дозировалась и подавалась в унифицированном виде. Эта информация поступает из ограниченного числа источников, прежде всего, это три массовые газеты: «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», «Лос-Анджелес Таймс» и четыре национальные телестанции: ABC, CBS, CNN и NBC. В свою очередь, все они получают информацию от двух агентств – AP и UPI. И все они – «стражи национальных интересов».

Отдельно следует упомянуть о таком особом типе периодики, как интеллектуальные журналы. В контексте нашего исследования интерес представляют неоконсервативные издания: журнал «Комментари», «Нью Рипаблик», «Паблик интрест», «Американ Спектатор», «Уикли стандарт», «Вашингтон таймс» (эту газету, основанную лидером «церкви унификации» Мун

[605] Keen S. Faces of the enemy: reflections of the hostile imagination / Sam Keen. – San Francisco: Harper & Row, 1986. – 200 p. – P. 59.

Сон Мёном* вместе с телевизионным каналом «Фокс 5» можно охарактеризовать как основной рупор для обращения «неоконов» к «массам»). Имея сравнительно небольшой тираж, они, тем не менее, выступали весомым средством канализации политической мысли. Имея тесную связь с «мозговыми центрами» консервативного направления, эта журналистика выступала в роли моста между теоретическим и массовым сознанием США. Определяющее влияние данной группы печатной индустрии на позиции массовой периодики можно объяснить действующим в системе американских СМИ «эффектом просачивания», когда популярные издания рано или поздно подхватывают ту или иную интерпретацию фактов, событий, заданную одним из «интеллектуальных журналов». По мнению П. Стейнфелса, благодаря своему «изящному» и «ироническому» стилю, они одновременно сочетали в себе публицистическую экспрессию и «научную элегантность».[606] Благодаря этому, а также своему стремлению поднимать глобальные проблемы, неоконсервативная журналистика заняла «важное место в американской политической дискуссии, в то время, когда академическая философия и религия отреклись от этого и когда другие политические течения сконцентрировались на непосредственных проблемах или сектантских склоках». Неоконсервативные издания, впрочем, как и другие американские «таблоиды», стояли на позициях антикоммунизма, усиленно раздувая миф о «красной угрозе»,[607] причём подбор сообщений прессы неизбежно склонялся в пользу политики США, тогда как противоположной стороне редко удавалось высказываться до конца. Укрепление консервативных настроений общества в конце 1970-х годов отчасти можно объяснить тем, что правые оказались гораздо мобильнее и хитрее в своей политике в отношении медиа, чем их идейные оппоненты. Поэтому, либерализм стал просто непопулярным (не случайно,

* Мун Сон Мён (1920–2012) – руководитель секты «Церковь объединения», считавший себя мессией и «вторым пришествием Христа». Отбывал наказание за финансовые махинации, но благодаря влиятельным друзьям-республиканцам был досрочно освобождён и продолжил деятельность.

606 Цит. по: Мотовилов Д. А. Средства массовой информации США и неоконсерватизм: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.10 «Журналистика» / Дмитрий Александрович Мотовилов. – Л., 1990. – 15 с. – С. 11.

607 Федоровский А. П. Внешняя политика и общественное мнение США / А. П. Федоровский // Зарубежный мир: социально-политические и экономические проблемы. – Респ. межвед. сборник науч. трудов. – Вып. 18. – К., 1990. – С. 25–34.

Рейган получил прозвище «тефлонового президента» – любая критика в его адрес отталкивалась массовым сознанием подобно воде от покрытия из тефлона).

Усилия правоконсервативных кругов относительно влияния на общественное мнение не прошли зря. Ещё в 1977 году более 2/3 американцев (68%), по данным исследования, проведённого Д. Янкеловичем, были против курса на завоевание военного превосходства над СССР. В следующем году количество сторонников и противников погони за военным превосходством примерно сравнялось, а ещё через год 48% опрошенных уже считали, что Соединённым Штатам следует быть сильнее Советского Союза, а 42% – «быть такими же сильными».[608]

Показательна динамика отношения рядовых американцев к уровню военных расходов их страны. Если в конце 1960-х годов более 50% считали, что военные траты США слишком велики, и только 8–10% выступали за их увеличение, то в начале 1980-х годов ситуация кардинальным образом изменилась. Сложилось обратное соотношение, и более половины опрошенных высказывались за увеличение военных расходов государства, в то время как лишь от 10 до 14% американцев были против этого. Эти показатели могут рассматриваться как свидетельство возрождения внимания обывателей к роли американской военной мощи на мировой арене. «Я очень рад констатировать, – заявил Рейган, – что американский народ отказался от настроений, которые могут рассматриваться лишь как временное отклонение. В стране происходит духовное возрождение, многие американцы снова испытывают стремление гордиться Америкой, тем, какая она есть, и тем, какой она может стать».[609] Несмотря на неоднородность общественных настроений, Д. Янкелович и Л. Каган, основываясь на многочисленных исследованиях общественного мнения, характеризовали специфику «мандата Рейгана» (т.е. задач, решения которых американцы ожидали от руководства страны) следующим образом: «Моральная неуверенность

[608] Yankelovich D. Farewell to «President knows best» / Daniel Yankelovich // Foreign Affairs. – № 3. – Vol. 58. – 1980. – P. 674.

[609] Letter to the Attorney General directing an assessment of the Voting Rights Act. June 15, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43949&st=&st1=.

американцев в себе, характерная для периодов президентства Дж. Форда и Дж. Картера, сменилась в настоящее время стремлением нации к полновластному самоутверждению... Задача восстановления представлений американцев о самих себе как о порядочной и достойной нации была уже решена к моменту президентских выборов 1980 года. Президенту Рейгану была поручена совсем другая задача – снова завладеть контролем над международными отношениями».[610]

Итак, принятая республиканцами риторика убеждения массы тактически себя оправдала, поскольку отвечала общественным настроениям. Призывы Рейгана падали на подготовленную почву. Большинству рядовых американцев свойственно не анализировать события, а верить своему лидеру, особенно если он говорит на понятном и простом языке. Антикоммунистические эскапады Рейгана подкреплялись его искренней убеждённостью в моральном превосходстве руководимого им государства, и поэтому в публичных выступлениях он чаще своих предшественников апеллировал к ценностям, лежавшим в основе американской культуры, чем к рациональным аргументам.

Учитывая комплекс причин как объективного, так и субъективного характера, в начале 1980-х годов образ СССР в качестве «врага» в массовом сознании американцев укрепился ещё больше. Общественная атмосфера этого периода была пропитана страхом перед «коммунистической экспансией», якобы усилившейся в результате «бездействия» США. В этом духе была выдержана упомянутая речь, произнесённая Рейганом 8 июня 1982 года в стенах британского парламента, в ходе которой советское государство было квалифицировано как «империя зла», против которой он призвал начать «крестовый поход».[611] Последний, по мнению Президента, должен был представлять собой «программу открытого экспорта контрреволюции, нацеленную на укрепление капитализма там, где он сейчас существует, и на его реставрацию там, где он уже ликвидирован». Поэтому, отношение американских обывателей к СССР как к

[610] Yankelovich D. Assertive America / D. Yankelovich, L. Kagan // Foreign Affairs. – № 3. – Vol. 59. – 1981. – P. 704.
[611] Reagan R. Address to members of the British parliament. June 8, 1982...

врагу до конца 1980-х годов фактически не претерпевало изменений, о чём свидетельствуют данные социологических опросов. Так, на вопрос об отношении к этому государству респондентам предлагались пять вариантов ответа: «очень благоприятное», «в основном благоприятное», «в основном неблагоприятное», «нет мнения». В этой связи отметим, что «в основном неблагоприятное» и «неблагоприятное», по свидетельству статистики, доминировало на протяжении всех послевоенных десятилетий. Однако самыми высокими эти показатели были именно в период администрации Рейгана, составив в 1983 году 89%. На тот момент, по данным опроса Института Гэллапа, в СССР видели врага или «недружественное государство» от 65 до 93% американцев, причём 2/3 из их числа связали это с традиционной «красной угрозой», подчеркнув, что Кремль якобы стремится «навязать коммунизм» другим странам.[612]

В качестве мотивов, вызвавших такой сдвиг, рядовыми американцами были названы следующие:

- уничтожение южнокорейского авиалайнера – 48%;
- позиция русских по вопросу о ядерном оружии и ракетах средней дальности в Европе – 21%;
- поддержка революционных движений в Центральной Америке и на острове Гренада – 14%;
- политика СССР на Ближнем Востоке – 12%;
- рост агрессивности – 11%;
- недоверие к русским – 7%;
- политика в Афганистане – 3%;
- нежелание СССР вести переговоры – 8%;
- продолжающееся советское присутствие в Польше – 6%;
- умеренный ответ СССР на размещение американского ядерного оружия в Европе – 11%;

[612] Мельвиль А. Ю. Особенности американских восприятий Советского Союза / Андрей Юрьевич Мельвиль // Взаимодействие культур СССР и США XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1987. – 518 с. – С. 63–73; Мельвиль А. Ю. «Образ врага» и новое политическое мышление / Андрей Юрьевич Мельвиль // США: экономика, политика, идеология. – 1988. – №1. – С. 29–39.

- умеренная реакция русских на вторжение США на Гренаду – 9%.

Примечательно, что американскую политическую элиту и основную массу населения «евроракетные» проблемы волновали в значительно меньшей степени, чем жителей Старого Света. Судя по имеющимся опросным данным, большую часть респондентов в США эта тема не интересовала вообще. По крайней мере, она произвела на отношение к СССР гораздо меньшее влияние, чем трагедия с корейским лайнером. Однако, если начало очередной серии переговоров по стратегическим вооружениям было воспринято в Америке с воодушевлением, то их отмена – с сожалением. Важное место в приведённом списке мотивов охлаждения отношений с Москвой занимала обеспокоенность поддержкой, которую она оказывала национально-освободительным движениям в Латинской Америке, и советской реакцией на события в Гренаде. На это указал каждый седьмой респондент. Интересно, что часть опрошенных американцев выразила прямое недовольство «умеренной реакцией СССР» на агрессивные действия Соединённых Штатов на этом острове. Очевидно, что выразили его люди, которые придерживались левых или либеральных взглядов и ожидали от советской стороны более резкого ответа на действия Белого дома. Следовательно, действия «сил быстрого реагирования» и ЦРУ были объектом критики не только за рубежом, но и у себя на родине. Тем не менее, уровень общественной поддержки тайных акций был достаточно высоким: по данным опросов 1982 и в 1986 годов, – соответственно 52 и 56%. Причиной тому было, очевидно, распространённое мнение о том, что американское правительство «проигрывает» Латинскую Америку коммунистам. Учитывая это, при Рейгане ограничения на деятельность разведуправления, установленные в начале 1970-х годов, были окончательно сняты, и эта организация активно действовала во многих «горячих точках» планеты. Предполагалось, что с помощью тайных операций желаемых целей можно достичь без лишних жертв и с меньшими затратами.[613]

[613] Kegley C. American foreign policy: pattern and process / Charles W. Kegley, Eugene R. Wittkopf. – N.-Y.: St. Martin’s Press, 1991. – 672 p. – P. 193.

Заметное место в списке мотивов охлаждения к СССР занимало недовольство его политикой на Ближнем Востоке. Речь шла о конфликте, который разгорелся в Ливане в 1983 году. Эта война была побочным результатом многолетнего палестино-израильского конфликта, к которому были причастны как Вашингтон, так и Москва. Пресса всего мира рассказывала об ужасах внутриливанского противостояния, о местных фалангистах и израильтянах, поддержавших их, устроив резню в лагерях палестинских беженцев, однако говоря о погибших американских морских пехотинцах, Рейган указывал прежде всего на «руку Москвы», и, очевидно, какая-то часть американских обывателей ему верила.

В приведённом выше опросе 6% респондентов объяснили усиление своей негативной позиции в отношении СССР сохранением его военного присутствия в Польше. Такие цифры показывают, что американцы возлагали ответственность за события в республике на советский военный контингент. Заметим в этой связи, что после введения военного положения в Польше правые в Америке жёстко критиковали Рейгана за то, что «практические действия администрации во внешней политике не были эквивалентными той риторике, которой они сопровождались».[614]

Учитывая вышеизложенное, не удивительно, что в этот же период в обществе продолжали укрепляться милитаристские настроения. Сдвиги в этом направлении были во многом связаны с затуханием шокового по своему характеру воздействия войны в Индокитае и соответствующим сползанием значительной части общества на позиции Холодной войны. Требование усилить военную составляющую внешней политики США сопровождалось массированной антисоветской кампанией. Примечательно, что в начале десятилетия американцы имели представление об СССР как враге, более сильном в военном отношении, чем их собственная страна. В 1980-м году двое из каждых пяти американцев считали, что Советский Союз обладает более мощным ракетно-ядерным

[614] Windt T. Essays in presidential rhetoric / Theodore Windt, Beth Ingold. – L.-A.: Kendall Hunt Pub Cº, 1987. – 445 p. – P. 307.

арсеналом, чем Соединённые Штаты, и только один из семи (15%) полагал, что сильнее его страна. Половина взрослого населения Америки с 1980 года и до самого конца правления Рейгана была уверена в том, что СССР мощнее чем США и по обычным вооружениям. В 1982 году среди рядовых граждан по сравнению с представителями элиты было примерно на 15% больше тех, кто считал, что Москва вооружена лучше, чем Вашингтон, а среди элиты было на 20% больше тех, кто полагал, что у них примерный паритет. Однако по вопросу о необходимости поддержания баланса сверхдержав, между лидерами и массой не было заметных отличий – большинство представителей элиты, так же как и значительная часть рядовых американцев, считали, что Вашингтон не должен уступать Москве в военной мощи. Такое совпадение позиций элиты и массы не удивительно, поскольку большинством американских граждан укрепление национальной безопасности всегда указывалось первостепенной политической задачей.

Учитывая это, призывы советской стороны к миру и разоружению у массовой аудитории в США отклика почти не находили. В первый год правления рейгановской администрации рядовые американцы доверяли своему лидеру и искренне считали, что бывшее военное преимущество над СССР утрачено, поэтому необходимы усилия, направленные на его восстановление (интересно при этом, что 45% респондентов считали, что неоконсервативная риторика может угрожать сползанием на грань войны). На самом деле в количественном отношении Соединённые Штаты всё же сохраняли определённое преимущество над стратегическим соперником – на конец 1981 года американцы имели 10802 боеголовки против 9300 советских. Эта тенденция сохранялась, и в 1984 году, к моменту переизбрания Рейгана на второй срок, США имели 11500 стратегических ядерных боезарядов против 9626 советских.[615] В течение исследуемого нами периода, американцы в среднем создавали по пять ядерных боезарядов ежедневно.

[615] Stockholm International Peace Research Institute Yearbook 1990. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – 752 p. – P. 23.

Повороту страны в сторону милитаризации в начале первого президентского срока Рейгана способствовало и то, что в 1981 году 70% его граждан было убеждено, что на переговорах «русские пойдут на уступки только такому правительству, которое будет сильным в военном отношении и которое будет последовательно противостоять всем и всевозможным инспирированным русскими актам агрессии и подрывной деятельности» (23% были против, 7% – воздержались). По мнению американцев, успех переговоров с СССР был возможен только после дополнительного наращивания собственного ядерного арсенала, иначе говоря, «с Россией нужно говорить с позиции силы». В контексте этого, оправдывая свои предложения по увеличению оборонных расходов и указывая на ускоренное наращивание советской военной мощи, американский Президент опирался на настроения своих граждан. Рейган любил говорить, что оборонный бюджет Америки составляется в Москве, следовательно, когда он предложил Конгрессу одобрить крупнейшую за послевоенное время программу увеличения военных расходов, публика не протестовала.[616]

По сравнению с западноевропейскими странами, в США доля сторонников ядерного разоружения или замораживания арсеналов сверхдержав была незначительной – так считал только каждый десятый американец. И наоборот, среди них по-прежнему оставалось очень много приверженцев идеи наращивания национального военного потенциала.

Следует отметить, что хотя сторонников продолжения диалога с СССР и переговоров по вопросу о контроле над вооружениями было немного, общественное мнение всё же понимало, что с русскими договариваться нужно. На вопрос о переговорах по сокращению ядерных арсеналов, две трети (66%) американцев признавались, что они не доверяют Советскому Союзу. И примерно такое же число поддерживало идею одновременного замораживания ядерных арсеналов США и СССР на основе взаимного согласия и при проведении инспекций по контролю за выполнением достигнутых соглашений. Кроме того,

[616] Kriesberg L. Changes in public support for US military spending // L. Kriesberg, R Klein // Journal of Conflict Resolution. – № 24. – 1980. – P. 58–60; Borker S. Conciliation, confrontation, and approval of the President / S. Borker, L. Kriesberg // Peace and Change. – № 11. – Spring. – 1985. – P. 31–48.

необходимость достижения договорённостей о сокращении накопленных запасов и прекращении производства новых экземпляров ядерного оружия указывали влиятельные ассоциации учёных. В исследованиях, проведённых в начале 1980-х годов, были установлены долговременные биологические, экологические и атмосферные последствия ядерной войны. На математических моделях было доказано, что подобный конфликт между сверхдержавами неизбежно приведёт к «ядерной зиме», что в свою очередь повлечёт гибель человечества. Было показано, что порог для начала «ядерной зимы» является относительно низким (по 100 мегатонн на 100 крупных городов и нефтеперегонных предприятий). Большинство рядовых американцев потеряло прежние иллюзии относительно возможного результата такой войны. После публикации этой информации, отвечая на вопрос о возможных последствиях тотальной ядерной войны, почти половина (46%) респондентов выбрала вариант «конец цивилизации», третья часть (34%) – «миллионы погибших», и одна седьмая (14%) – «исчезновение США и СССР» (3% сказали «не знаю» и 1% отказался отвечать). В частности, наиболее убедительным свидетельством поддержки инициатив, направленных на продолжение переговоров сверхдержав по замораживанию ядерных арсеналов выступила грандиозная 750-тысячная демонстрация в Нью-Йорке, состоявшаяся в июне 1982 года.

Кроме того, определённым образом сформировали общественное мнение американцев по вопросу военных расходов и проблемы, которые в начале 1980-х годов переживала национальная экономика. По данным издания «Ньюс Уик», за сокращение стратегического ядерного оружия выступали 78% граждан, за запрет «звёздных войн» – 56%.[617] В такой ситуации общественное мнение Америки отражалось либеральными организациями (среди них можно назвать «Компанию Национальной трудовой деятельности и мира» и «Национальную коалицию женщин»), которые заявили о необходимости «перенести средства из военной в гражданскую экономику и, тем самым, усилить безопасность государства».[618]

[617] Summit Issues: a United States–Soviet poll // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S189.
[618] Successful signing of INF agreement back to the grim reality of domestic problems // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S17476.

Кроме того, звучали призывы к сокращению бюджетных средств, выделяемых на вооружение, и требования «уменьшить военный бюджет минимум на 25%».[619] По данным социологического исследования, опубликованного в «Ньюс Уик», 72% респондентов считали, что «ни Советский Союз, ни Соединённые Штаты не должны выводить оружие в космос, полный запрет ядерных испытаний СССР и США поможет остановить гонку вооружений».[620] Против программы СОИ была развёрнута кампания «Учёные против “звёздных войн”», которая в октябре 1985 года огласила предварительные результаты сбора подписей под петицией, требовавшей прекращения разработки данной программы. Петицию за несколько недель подписали 1300 факультетов и исследовательский состав университетов всей страны; 14 факультетов физики, где работало большинство лауреатов Нобелевской премии и ведущих научных и технических учреждений, дали обещание не работать для СОИ (их число достигло 2/3 профессионального состава); большинство физиков в 29 заведениях отказались работать для «звёздных войн».[621] Учёные считали, что программа СОИ нарушила договор от 1972 года и ускорила гонку вооружений, следовательно, её разработка должна быть остановлена: «Мы обращаемся к Конгрессу с требованием исключить эту программу из бюджета». Подчеркнём, что призывы этих кругов американской интеллигенции нашли отклик в Конгрессе.[622]

Кроме появления новых данных о «ядерном холокосте», всплеск антивоенного движения можно объяснить пересыщенностью мира оружием массового поражения (кроме официальных пяти участников, к ядерному клубу присоединились Индия и Израиль, разработки в этом направлении вело множество других стран). Сюда же следует добавить происшествия с вооружёнными атомными бомбами самолётами и кораблями, которые ошибочно или в результате аварии теряли свой опасный груз. Такие случаи выступали дополнительными аргументами в пользу утверждений, что не только производство новых, но и хранение имеющихся ядерных боеприпасов начало

[619] Seeking a new path // CR – 98th Congress. – Senate. – Vol. 130. – P. S1024.
[620] United States and Soviet public opinion supports arms // CR – 101st Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S17244.
[621] Myth of the day // CR – 101st Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S33852.
[622] SDI // CR – 101st Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S32871.

представлять для Америки бóльшую опасность, чем угроза нападения со стороны СССР. Лидеры пацифистского движения считали, что «уровень ядерных вооружений не соответствует реальным масштабом угрозы, каким бы ни было состояние советско-американских отношений», следовательно, продолжающаяся гонка вооружений представляла для жизни американцев опасность большую, чем Советский Союз, который вряд ли решится развязать ядерную войну. Поэтому смысл идеи о замораживании стратегических арсеналов был очень прост – остановить гонку вооружений этого вида.

Впрочем, демонстрация в Нью-Йорке, призывы пацифистов и обеспокоенных учёных не могли изменить внешнего курса Рейгана и окружавших его «ястребов», более того, он заговорил об «окнах уязвимости» (как ранее Кеннеди о «ракетном отставании») и предложил готовиться к войнам в космосе. В ноябре-декабре 1983 года Рейган решился пойти на отказ от продолжения переговоров по стратегическим вооружениям, начатых в июне 1982 года, которые проходили параллельно с переговорами о ракетах средней дальности в Европе («евроракетах»). При этом, ответственность за отмену переговоров руководством США полагалась исключительно на советскую сторону.

В этом контексте информация об опросе содержала несколько противоречивые данные, по которым американцы хотели не «звёздных войн» с СССР, а безопасного мира для себя и своей страны. В 1984 году, накануне президентских выборов, подавляющее большинство (91%) респондентов высказывалось за новые договорённости по контролю над вооружениями, развитие торговли, научного и культурного обмена с советским государством (85%), кооперации в вопросах развития энергетики и освоения космического пространства (72%) и другие виды сотрудничества.[623] Из этого можно сделать вывод, что в стране отсутствовал консенсус относительно того, каким образом можно обеспечить национальную безопасность – путём усилий, направленных на изменение в свою пользу баланса военной мощи, или с помощью системы

[623] Page B. The rational public: fifty years of trends in Americans' policy preferences (American politics and political economy series) / Benjamin B. Page, Robert Y. Shapiro. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 506 p. – P. 280.

взаимоприемлемых международных соглашений об ограничении и дальнейшем сокращении вооружений (в том числе и стратегических).

Следовательно, при разработке своей политической рекламы республиканцы не могли не считаться с наличием оппозиционных настроений. В стремлении обеспечить широкую общественную поддержку своим военным программам, американская администрация в течение всей первой половины 1980-х годов нагнетала страхи по поводу возможной военной угрозы со стороны СССР. На эти цели тратились значительные средства, поскольку внутри страны существовала довольно многочисленная группа политиков, критически настроенных к жёсткой линии Рейгана, в частности предложенной им программе СОИ. К работе по информационно-политическому обеспечению деятельности республиканцев были привлечены лучшие силы американской творческой элиты. В 1984 году в США проходила предвыборная кампания, и Рейган боролся за переизбрание на второй срок. Незадолго до выборов руководители его штаба выпустили в эфир телевизионный ролик, который стал самой известной политической рекламой того года, следовательно, уместно кратко передать его содержание. На экране гигантский бурый медведь продирался сквозь заросли, при этом были слышны приглушённые звуки барабана, призванные имитировать удары сердца. Движения медведя сопровождались дикторским текстом следующего содержания: «В лесу – медведь. И некоторые люди говорят, что трудно его не заметить. Другие же не видят его совсем. Одни говорят, что этот медведь – ручной. Другие – дикий и опасный. Но никто не может быть уверен в своей правоте. Не разумнее ли быть столь же сильным, как медведь... Если там всё же есть медведь?».[624] Ролик заканчивался фотографией улыбающегося Президента Рейгана над словами «Готов к миру». Ролик «медведь в лесу» выделялся среди других рекламных продуктов середины 1980-х годов «своей хитростью и коварством», поскольку, как отмечали исследователи, «в то время

[624] Raine G. Creating Reagan’s image: S.F. ad man Riney helped secure him a second term / George Rain [Электронный ресурс] // San Francisco Chronicle. – Режим доступа к статье: http://www.sfgate.com/business/article/Creating-Reagan-s-image-S-F-ad-man-Riney-2715098.php.

политическая реклама делалась по простому принципу: «суньте это им прямо в рот и убедитесь, что избиратели поняли, чего от них хотят».[625]

По мнению многих аналитиков, комментировавших президентские выборы 1984 года, Рейган вступил во второй срок своего президентства, в целом реализовав (с т.зр. «среднего американца») тот мандат на «восстановление американской мощи», который он получил в начале 1980-х годов. В психологическом восприятии большинства граждан, констатировали исследователи общественного мнения, проблема «упадка Америки» начала терять или уже потеряла свою остроту. Многие авторы выражали убеждённость, что Соединённые Штаты в течение первой половины 1980-х годов «нарастили мускулы», ослабленные в предыдущем десятилетии. Большую символическую роль в возрождении «уверенности в своих силах» сыграла победа на Гренаде. Операция, осуществлённая администрацией Рейгана без консультаций и санкции со стороны Конгресса, сознательно или бессознательно сравнивалась американцами с проваленной военной операцией по освобождению заложников в Иране, а в конечном счёте, с не таким уж давним поражением во Вьетнаме.[626]

Массированное военное наращивание начала 1980-х годов, дорогие военные программы, которые начал и продолжал воплощать в жизнь кабинет Рейгана, отсутствие крупных политических поражений на мировой арене и наличие небольших «символических побед» – все эти факторы в совокупности с определённым циклическим улучшением экономической ситуации в 1984–1985 годах оказались основой распространения в стране представлений, что к середине десятилетия Соединённым Штатам удалось вновь завоевать некоторые из утраченных ранее позиций, хотя многие потери оказались безвозвратными. На этом фоне, когда простой и почти не требовавший разъяснений или агитации лозунг «восстановления утраченной мощи» во многом себя исчерпал, возникла необходимость определить новые направления американской стратегии в мире. В течение второй каденции Рейгана произошла заметная смена акцентов в

[625] Рукавишников В. О. – Указ. соч. – С. 459–460.
[626] Абдульманова Л. Ш. – Указ. соч. – С. 139.

определении и обосновании глобального курса США. От формулы «активная оборона против коммунистической экспансии» и «восстановление силы Америки» администрация перешла к формуле «активное наступление с позиций восстановленной силы Америки». На пресс-конференции 5 сентября 1985 года Рейган прямо заявил: «Мы уже восстановили своё положение лидера в мировых делах».[627] Вторая половина 1980-х годов началась с переосмысления внешней политики США в противоборстве с другой социальной системой, и ей стал придаваться всё более наступательный характер.

Конечно, наступательность была свойственна рейгановской стратегии и до того, но ранее речь шла об активном противодействии «красным силам» с целью предотвратить дальнейшее распространение социализма и нивелировать его влияние, восстановить баланс сил, который объявлялся нарушенным не в пользу США. Теперь же речь шла о «действиях с позиции силы», о развитии наступления «на территорию противника» в прямом и переносном смысле, включая «отвоёвывание» Западом государств социалистического содружества, или таких, которые проводили политику в интересах СССР. Эту новую агрессивную позицию Рейган в одном из интервью сформулировал достаточно чётко: «Соединённые Штаты более не должны ставить себя в такое положение, в которое они неоднократно попадали в прошлом, когда они давали гарантии своим врагам или потенциальным противникам, что есть шаги, на которые США в борьбе с ними не пойдут».[628] Именно в этом ключе Вашингтоном велось идеолого-информационное оправдание рейгановской Стратегической оборонной инициативы, которая была призвана окончательно поставить Америку в военно-стратегическом и политическом смысле на позиции «силы и неуязвимости».

Характерно, что проявления «синдрома слабости», который сам Рейган раздувал в начале 1980-х годов в целях обоснования военного наращивания, во второй половине десятилетия, стали, по его собственным словам, «волновать и

---

[627] Reagan R. Remarks to the students and faculty at North Carolina State University in Raleigh. September 5, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=39057&st=&st1=.

[628] Reagan R. Remarks and a question-and-answer session with regional editors and broadcasters. April 18, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38498&st=&st1=.

беспокоить его самого» ещё больше. Президент США считал, что на том этапе эти проявления всё ещё мешали реализации национальных интересов на международной арене. При этом, наступательная стратегия трактовалась не просто как «лобовое» наступление, но как гибкие и разнообразные действия по всему фронту противоборства. Если ранее акцент делался на том, что американцы «имеют право» применять силу в осуществлении своей глобальной стратегии, потому что это якобы единственный язык, который «понимают коммунисты», то в середине 1980-х годов администрация давала разъяснения, что арсенал средств, которые следует использовать в глобальном наступлении Америки, более широк. Этот арсенал, конечно, включал и военную силу, но её желательно было не применять «по вьетнамскому образцу».[629] Как и ранее, ставка делалась на военную и экономическую помощь силам, которые боролись в разных регионах мира против революционных преобразований, политический и дипломатический нажим на социалистические страны, «тихое проникновение» и закрепление в странах «третьего мира», прежде всего таких, которые вели социалистические преобразования. Психологическая «позиция силы», в которой начал себя чувствовать Вашингтон, стала одной из основ для всё более активной ориентации на достижение им весомых социально-политических побед в противоборстве двух систем.

Однако влияние «ощущения силы» на политическую стратегию и тактику Вашингтона было неоднозначным. Следует подчеркнуть, что и в 1975 году, когда в стране были распространены взгляды о драматическом ослаблении позиций Америки, и в 1980 году, когда Рейган вёл информационную кампанию по «наращиванию мышц», и в дальнейшем, когда администрация заявила о возвращении на «позиции силы», сохранялось объективное равенство, примерный военно-стратегический паритет между СССР и США, НАТО и ОВД. Менялись, однако, идеологические и политические позиции государств и субъективное восприятие военной силы и возможностей стран на мировой арене. Когда в

[629] Reagan R. Address before a joint session of Congress on the State of the Union. January 27, 1987 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=34430&st=&st1=.

общественном сознании господствовал «синдром слабости» Америки, ни политические руководители, ни значительная часть общественности не считали ситуацию подходящей для развития переговоров и диалога с СССР: звучали призывы сначала «вернуться на позиции силы», и только потом них вести переговоры с Москвой.

Как говорилось во II разделе, выборы в США почти совпали по времени с избранием Генеральным секретарём ЦК КПСС М. Горбачёва. Призывы нового советского главы к «обновлению социализма» в западном мире были восприняты с энтузиазмом. Несмотря на то, что более 1/2 американцев (53% против 47%), как и ранее, были согласны, что Советский Союз – это действительно «империя зла», несущая угрозу моральным и религиозным ценностям,[630] доля тех, кто благосклонно относился к СССР, получила положительную тенденцию; ощущалась разница между отношением к стране и восприятием её лидера. И чем дольше Горбачёв находился у власти, тем большее число американцев считало, что он желает мира с их государством гораздо сильнее и искреннее, чем все предыдущие советские руководители. А вскоре после заявления Горбачёва на XXVII съезде КПСС 1986 года о необходимости реформ и продолжения диалога с Западом, среди американской общественности был зарегистрирован настоящий всплеск положительного отношения к нему. Вопреки этому, Рейган остался верен своим антисоветским убеждениям; его советники и эксперты ЦРУ продолжали доносить о продолжающемся усилении вооружённых сил СССР и несоответствии риторики Горбачёва реальным действиям.

Итак, стереотипы, сложившиеся ранее, сохраняли свои господствующие позиции. По сути, общественное мнение США всё ещё находилось под влиянием образа СССР как «врага», а также того разочарования, которое их постигло в связи с «разрядкой» 1970-х годов. «В то время как Горбачёв стремится быстрее достичь изменений, американцы предпочитают продвигаться осторожно в этом направлении, убеждаясь в каждом конкретном случае в доброй воле советской

[630] Public Opinion. – Vol. 9. – 1986 [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute for Public Policy Research. – Режим доступа к документу: http://www.aei.org/article/politics-and-public-opinion/polls/vol/9/1986/how-strong-is-sentiment-against-the-USSR.

стороны. В принципе, средний американец положительно настроен к новым возможностям, но не может просто так отказаться от 40 лет недоверия и вражды», – подчёркивал в 1988 году американский социолог Д. Янкелович.[631]

Впрочем, в ходе углубления процессов «перестройки», ситуация несколько изменилась, результатом чего было быстрое превращение Горбачёва в кумира западной публики. Указанный всплеск симпатий был, несомненно, связан и с сообщениями о том, что СССР намерен уйти из Афганистана, и с речью в ООН осенью 1987 года. Его эффектные заявления отражались в заголовках материалов, помещённых на первые полосы газет. Итак, в марте 1988 года 67% американцев считали, что горбачёвская политика привела к «более-менее заметным изменениям в СССР».[632] Когда респондентов спросили, являются ли эти изменения результатом, зависящим, главным образом, от усилий лично Горбачёва как руководителя, или же от более глубоких изменений в собственно советской системе, то ответы распределились следующим образом: от Горбачёва – 55%, от системных изменений – 37 %, от обеих причин – 7% и у 1% не было своего мнения. Все свои надежды на дальнейшее улучшение отношений с Советским Союзом западная общественность связывала исключительно с деятельностью Горбачёва. Итак, согласимся с выводом российско-белорусского социолога, специалиста в области анализа статистических данных В. Рукавишникова о том, что «Если бы он потерял власть, то осторожный оптимизм общественности к американо-советским отношениям испарился бы буквально за ночь, и американцы вернулись бы к своим установкам начала 1980-х годов».[633]

В 1988 году опрошенные, которые положительно и отрицательно относились к СССР, примерно сравнялись в числе: соответственно 44% и 46%. В 1989 году 62% респондентов отметили варианты «благоприятно» и «очень благоприятно». Причём, между 1987 и 1989 годами число положительных ответов увеличилось с 25 до 62%, а негативных снизилось с 71 до 29%.[634] Это был гребень

---

[631] Yankelovich D. America’s «new thinking» / Daniel Yankelovich // Foreign Affairs. – № 1. – Vol. 66. – 1988. – P. 1–17.
[632] Рукавишников В. О. – Указ. соч. – С. 515.
[633] Там же. – С. 515.
[634] Рябцева Е. Е. – Указ. соч. – С. 206.

волны симпатий американцев к Москве за весь период 1980-х годов и абсолютный максимум для всего XX века.

До 1988 года между Соединёнными Штатами и НАТО, с одной стороны, и Советским Союзом и ОВД – с другой, наметилось и укрепилось смещение баланса по совокупному уровню оборонного потенциала в сторону первых, однако представление американской общественности о соотношении сил сверхдержав, как и ранее, сохраняло мифологизированный характер. В начале того года, двое из пяти опрошенных (42%) считали, что Советский Союз продолжает оставаться главной угрозой для безопасности Америки, 39% верили, что США уступают СССР в военной силе, а каждый второй (48%) – что русские превосходят американцев по обычным вооружениям. Парадоксально, но после заключения договора о ракетах средней дальности число американцев, уверенных, что Советы превосходят США в ядерных вооружениях возросло до 36% в феврале 1988 года против 24% в октябре 1987 года. В этой связи, отношение рядовых граждан к высокому уровню оборонных расходов правительства также не претерпело изменений. Если в начале «перестройки», за сокращение военного бюджета высказывались 32%, 53% были согласны на сохранение их на том же уровне, 12% поддерживали увеличение и 3% не имели мнения, то в 1988 году структура коллективного мнения не изменилась: треть опрошенных (33%) высказывалась в поддержку предложений по сокращению расходов на оборону, одна седьмая (14%) – за их увеличение, большинство же предпочло бы сохранить статус-кво.[635]

Вопреки одобрению милитаристского курса Рейгана, в 1988 году опрошенные в большинстве своём были убеждены, что огромные армейские расходы нанесли ущерб экономике страны (62%), что средства, отпущенные на оборону, тратились неэффективно и способствовали прогрессу только в области военных технологий. Насколько справедливой была последняя мысль, судить сложно. Но фактом является то, что две трети от выделяемых правительством

[635] Public Opinion. – Vol. 11. – 1988 [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute for Public Policy Research. – Режим доступа к документу: http://www.aei.org/article/politics-and-public-opinion/polls/vol/11/1988/how-strong-is-sentiment-against-the-USSR.

США на научные исследования и опытно-конструкторские разработки средств действительно шли тогда на работы в оборонной отрасли, и только 0,2% – на разработки высокотехнологичных изделий и процессов для мирных целей. Интересно и то, что когда респондентов спрашивали, в какой из трёх областей – оборона, экономика или социальные программы – расходы могут быть урезаны, то большинство (55%) выбирало первый пункт, 22% – второй и 18% – третий.[636] Что же касается собственно гонки вооружений, то семь из десяти опрошенных (71%) считали, что соревнования с Советами в этой области стоят слишком дорого (причём каждые двое из пяти (37%) были полностью согласны с этим тезисом); восемь из десяти (79%) считали, что правительство не уделяет должного внимания внутренним проблемам страны из-за того, что тратит слишком много средств на гонку вооружений. Нельзя не упомянуть и о том, что когда респондентам сообщали, что 150 млрд. долл., или 50% бюджета военного ведомства, тратятся на содержание сил в Европе и только 90 млрд., или 30%, – в других странах мира, то более половины опрошенных американцев высказывалось за сокращение расходов.

Политика роста оборонного бюджета и раздувания темпа гонки вооружений объективно противоречила задачам укрепления взаимного доверия и снижения риска войны. И тем не менее, предложения о сокращении военных затрат воспринимались в штыки теми, кто считал, что СССР имеет военное превосходство над США или сможет его получить в результате подобных действий. Таких людей было немного, но и не мало: более половины (в сумме 60%) респондентов полагали, что «на оборону страны нужно выделять столько бюджетных средств, сколько нужно, а не столько, сколько мы можем себе позволить».[637]

Так что не удивительно, что в 1988 году половина американцев оставалась крайне недоверчиво настроенной относительно политики Советского Союза и враждебной к идее коммунизма; более того, только 20% признались, что после

---

[636] Ibidem.

[637] Harmel R. An integrated theory of party goals and party change / R. Harmel, K. Janda // 1992 Annual meeting of the American political science association. – Chicago, 1992. – 1066 p. – P. 755.

решения о выводе войск из ДРА они стали больше доверять Советам. На большинство граждан (70%) это заявление положительного влияния не оказало, а 10% опрошенных даже сказали, что после этого они стали доверять Москве ещё меньше. По данным опроса, проведённого в августе 1988 года, менее трети американцев (27%) полагали, что «Афганистан показал, что Советы стали менее агрессивными». Две трети (66%) считали, что «Афганистан – это уникальный случай, и нет никаких причин верить, что Советы не будут осуществлять военные интервенции в другие страны в будущем». Почти три четверти американцев (70%) одобряли традиционную «политику сдерживания коммунизма» и противостояния дальнейшей советской экспансии в Европе и мире, а 40% поддерживали т.наз. стратегическую теорию «отката назад» («rollback»), суть которой заключалась в том, чтобы силой заставить Москву уйти из Центрально-Восточной Европы и даже свергнуть советское правительство. Комментируя вышеприведённые цифры, социологи отмечали, что хотя в 1988 году 50% американцев отвергали саму идею об изменении режима в СССР вооружённым путём, число противников военного решения «русской проблемы могло бы быть значительно выше, если бы при постановке данного (теоретического) вопроса внимание респондентов обращали на финансовую, военную и человеческую цену победы над Советами».[638] Обратим внимание на то, что американцев спрашивали о том, что они думают о свержении советской власти в СССР с помощью силы на 71-м году её существования. Сама постановка такого вопроса раскрывает, о чём днём и ночью думала американская элита.

В этом контексте также являются примечательными рекомендации, предоставленные администрации Американской Ассамблеей (влиятельным объединением учёных, бизнесменов, военных и дипломатов в отставке). В них, в частности, говорилось о необходимости «сдерживания угрозы советской экспансии как важнейшей цели американской внешней политики в будущем, сохраняющей актуальность в течение неопределённого времени».[639] Эта

[638] Ibidem. – P. 522.
[639] Hamilton G. Governor Reagan, Governor Brown: a sociology of executive power / Gary G. Hamilton, Nicole W. Biggart. – N.-Y.: Columbia University Press, 1989. – 326 p. – P. 268.

организация предлагала правительству совместно с союзниками выработать такую программу экономического взаимодействия с Москвой, которая учитывала бы измененения, происходящие внутри СССР и стран Центрально-Восточной Европы, перемены во внешней политике Советского Союза и развивала достигнутые администрацией Рейгана договорённости в области ядерных и обычных вооружений, но при этом исключала возможность ущерба национальным интересам США в случае невыполнения Кремлём взятых на себя обязательств. Участники этой неправительственной организации были уверены, что «Холодная война будет продолжаться», даже вопреки пребыванию Горбачёва у власти. И поэтому «единственным путём, который может привести к её завершению, является активная политика Соединённых Штатов в отношении Советского Союза в таких областях, как контроль над вооружениями, региональные конфликты и права человека», однако и в этом случае «успех будет зависеть от того, насколько действия Советов будут соответствовать их словам».[640] Предложение использовать сотрудничество и давление как «кнут и пряник» проистекало из убеждения, что экономическое истощение СССР имеет огромное значение для международной политики. Эксперты ЦРУ также считали, что американская внешняя политика должна продолжать экономическое давление на Советский Союз. В Лэнгли (штаб-квартире ЦРУ) считали, что это обстоятельство могло дать им значительные рычаги на переговорах для одностороннего разоружения СССР, руководство которого, по их мнению, ради помощи было готово идти на любые уступки. В одном из докладов говорилось, что «Горбачёв требует неконфронтационной международной окружающей среды»,[641] однако такого быстрого краха, который постиг Союз ССР, не предусматривал никто.

В марте 1988 года с мыслью, что в современном мире не военная сила, а экономическая мощь определяет место и влияние страны, выразили согласие

---

[640] Рукавишников В. О. – Указ. соч. – С. 525.

[641] National Intelligence Estimate NIE 11-23-88 «Gorbachev's Economic Programs: The Challenges Ahead» [Электронный ресурс] // Declassified National Intelligence Estimates on the Soviet Union and International Communism. – Режим доступа к документу: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/.../16526pdffiles/NIE11-23-88.pdf.

почти две трети (62%) респондентов, и только 22% считали, что военная сила имеет большее значение, чем экономика. Отметим и то, что более половины (57%) американцев предполагали, что в будущем, через 10 лет, экономические конкуренты будут представлять бóльшую угрозу национальной безопасности США, чем нынешние военные противники, и только треть респондентов (34%) была с ними не согласна.[642]

Статистические данные свидетельствуют, что в конце 1980-х годов американцы продолжали видеть в СССР своего главного врага, причём доминирующее значение имели идеологические и ценностные различия. Стереотипы восприятия Москвы через призму тоталитарной парадигмы были слишком сильными, чтобы рядовые американцы (впрочем, как и эксперты) были готовы поверить в способность сосуществования двух сверхдержав на одной планете.[643] Почти 66% опрошенных согласились с мнением, что «Советы лгут, мошенничают, делая всё для победы дела коммунизма»; 39% респондентов верили, что «Советский Союз, так же как гитлеровская Германия – империя зла, пытающаяся захватить мир».[644]

Вместе с тем, отношение рядовых американцев к СССР было весьма неоднозначным: несмотря на сохранение в массовом сознании преимущественно негативного образа нашего государства, в мае 1988 года большинство граждан выразили уверенность в том, что отношения между Москвой и Вашингтоном улучшились (в 1986 году – 24%, в 1988-м – 68%, в 1990-м – 62%), а в 1989 году 65% опрошенных высказали мнение, что «мы вступаем в новую эру, когда взаимоотношения между США и СССР станут значительно лучше, чем они были».[645]

---

[642] Public Opinion. – Vol. 11. – 1988 [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute for Public Policy Research. – Режим доступа к документу: http://www.aei.org/article/politics-and-public-opinion/polls/vol/11/1988/how-strong-is-sentiment-against-the-USSR.

[643] Seliktar O. Politics, paradigms, and intelligence failures: why so few predicted the collapse of the Soviet Union / Ofira Selictar. – N.-Y.: M. E. Sharp, 2004. – 288 p. – P. 167.

[644] Yankelovich Group. A surveys of American voters: attitudes concerning national security issues. – N.-Y.: Author, 1988. – 372 p. – P. 43–44.

[645] Public Opinion. – Vol. 13. – 1990 [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute for Public Policy Research. – Режим доступа к документу: http://www.aei.org/article/politics-and-public-opinion/polls/vol/13/1990/how-strong-is-sentiment-against-the-USSR.

Фактическая сдача Москвой своих позиций на мировой арене и внутри собственного государства привела к тому, что за короткий срок с 1987 по 1990 годы число американцев, которые видели в советской стороне «недружественную страну» или «врага», сократилось с 89% до 49%, а в 1991 году – до 22%. Число же респондентов, видевших «дружественную страну» или «союзника», за этот же период увеличилось с 7 до 42%, а в 1991 году составило 71%. Интересно сравнить взгляды американцев на СССР этого периода с этапом начала Холодной войны. К моменту завершения Второй мировой войны, в апреле 1945 года общественность почти поровну делилась на тех, кто считал Советский Союз «миролюбивым» и «агрессивным» государством (39% и 38% соответственно). Два года спустя, в 1947-м, эта ситуация резко изменилась – 7 из 10 американцев (68%) стали считать, что амбиции Москвы настолько велики, что может начаться война.[646] Итак, сразу после падения Берлинской стены в ноябре 1989 года, проведённый опрос показал, что разброс мнений вернулся к уровню 1945 года. Это событие было названо 90% респондентов «одним из самых ярких проявлений миролюбия СССР за текущие годы».[647] Впрочем, отношение американцев к его внешней политике не стало однозначно положительным даже через время: 41% респондентов вцелом не одобряли его действий на международной арене. По сравнению с предыдущим периодом, наблюдалось увеличение числа респондентов, которые полагали, что СССР делает всё, чтобы сохранить мир, хотя 63% так не считали. Справедливости ради отметим, что по данному вопросу, низкий рейтинг имеют и сами США – 49% их жителей убеждены, что правительство не делает всего необходимого для того, чтобы сохранить мир на планете.[648] На фоне этих противоречий не кажется странным, что даже во время «ельцинского переворота» в 1991 году более половины американцев (53%) считали, что Холодная война продолжается.

Таким образом, отношение американцев к СССР с момента окончания Второй мировой войны до распада, оставалось отрицательным: Советский Союз

---

[646] Yankelovich D. Coming to public judgment. making democracy work in a complex world / Daniel Yankelovich. – N.-Y.: Syracuse University Press, 1991. – 290 p. – P. 142.
[647] Harris L. Associates survey for Business Week / Louis Harris. – November 13, 1989. – 25 p. – P. 10.
[648] The Gallup poll monthly. – № 295. – May 1990. – 68 p. – P. 18–19.

они воспринимали как врага, который угрожал их позициям в мире, являясь со своей социально-политической системой и идеологией «чужим». Образ СССР стал частью картины мира американцев, фундаментальным элементом их политического сознания.

В первой половине 1980-х годов, поворот общественного мнения в США в сторону поддержки более жёсткой линии администрации в отношениях с СССР имел хорошую оркестровку, выполненную Президентом и консервативным крылом Республиканской партии. Конфликт между политикой глобального сдерживания коммунизма и необходимостью ведения переговоров с советским руководством для уменьшения вероятности возникновения ядерной войны как двумя важнейшими внешнеполитическими целями США, при Рейгане получил бóльшую остроту, чем при его предшественниках. Реакцией общественного мнения на возвращение к конфронтационной модели в американо-советских отношениях оказалась «реанимация» стереотипов, характерных для момента начала Холодной войны.

С началом и развёртыванием процессов «перестройки» отношение американской общественности к СССР получило позитивную окраску, однако, следует рассматривать в качестве ситуативной реакцию коллективного мнения на быстро меняющийся контекст взаимоотношений сверхдержав. Перманентная враждебность к Москве, сохранявшаяся у большей части общества, продолжала определять укоренившиеся за десятилетия Холодной войны антикоммунистические и русофобские установки, которые не могли исчезнуть даже в атмосфере «горбимании». Подобный иррационализм сохранялся, даже вопреки социально-экономическим тенденциям, на основании которых критиковалась деятельность федерального правительства.

3. Роль экономического фактора в формировании курса США относительно СССР

Каждый раз, когда речь заходит о политике и экономике, их обычно рассматривают не иначе, как две составляющие «диалектической пары», притом непременно в известном соподчинённом противопоставлении. Итак, в данном параграфе мы намерены проанализировать основные направления экономической политики администрации Рейгана, и на примере американо-советских отношений мы попробуем выявить существующие в указанной связке закономерности.

Дискурс о первичности и вторичности одного относительно другого остаётся в гуманитарных науках одним из наиболее маргинальных: априорно предполагается, что политика и экономика суть две различные сферы общественных отношений, и исследовательская задача заключается в этом случае в том, чтобы определить «правильную» связь между ними.

Своего крайнего выражения и разведения жёсткое соподчинение политики и экономики достигло в марксистском учении.[649] Отметим, что концепция «экономического детерминизма», согласно которой единственным определяющим фактором в социально-экономическом развитии общества является экономика, находится в полном соответствии европейскому рационализму с его стремлением обнаружить конечные, определяющие причины и законы, желанием всё свести к рациональным схемам и формулам. В этой связи примечательно, что убеждение об автоматическом изменении в желательном направлении всей надстройки в случае изменений в экономике оказалось весьма «живучим». Вместе с тем, крах, который в поразительно короткий срок постиг государственные структуры, социальные, хозяйственные, культурные и духовно-нравственные устои советского и постсоветского общества, подтвердил глубинную ошибочность этой схемы. Причиной этого было упущение из виду того, что изменения всегда осуществляются с помощью политической воли, в политических целях и с помощью политических средств.

Не вдаваясь в детали этого вопроса, что далеко увело бы нас от предмета исследования, отметим, что политика не может не иметь первенства над

---

[649] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 тт. – Т. 13 / Карл Генрих Маркс, Фридрих Энгельс. – М.: Политиздат, 1955. – 636 с. – С. 6–7.

экономикой. Будем исходить из посылки, экономика – это, прежде всего, общественные отношения людей; в свою очередь, общественные отношения людей, – это всегда интересы; интересы – всегда политика. Экономика является таким же элементом культуры общества, которым является и политика; и та и другая связаны с категориями интереса, цели и средств, обе есть выражение социальных отношений. Попытки выделения «чистой политики», равно как и «чистой экономики», являются методологически ошибочными. Часто учреждения, созданные или используемые для «экономических» целей, например, биржа или банки, превращаются в средство политического влияния. На самом деле, и те и другие могут на равных основаниях рассматриваться как институты политические и экономические одновременно. Кроме того, в случае, когда затрагиваются интересы государства, любая его акция (даже если она и не носит политического характера), немедленно политизируется. В каком бы виде не выступала экономика, её подчинённая роль относительно проводимой государством политики на мировой арене несомненна. Итак, согласимся с выводом главного научного сотрудника, руководителя группы теории международных отношений ИМЭМО РАН Э. Позднякова о том, что явление, названное в международных отношениях «экономикой» – это в большинстве случаев материальные средства для достижения сугубо политических целей в виде импорта, экспорта, инвестиций, дотаций и таможни.[650]

Подтверждением указанных выше тезисов выступают закономерности эволюции экономической и внешнеторговой политики США. В первые годы их существования географическая удалённость от Старого Света и стремление закрепить фундамент собственного общества направляли основное внимание власти и делового сообщества на развитие внутреннего хозяйства; до конца XIX века местный рынок для зарубежных товаров оставался фактически закрытым. Однако со времени Великой депрессии и, особенно, после Второй мировой войны страна стремилась к снижению торговых барьеров и координации мировой

[650] Поздняков Э. А. Философия политики / Эльгиз Абдулович Поздняков. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 391 с. – С. 184–185.

экономической системы. Национальные лидеры декларировали основанную на принципе законности систему открытой торговли, рассматривая её как способ содействия процветанию, утверждению законности и обеспечению мира, поскольку демократии, по их мнению, не воюют друг с другом и не оказывают поддержки терроризму, более надёжны они и в сфере дипломатических контактов. Выгоды свободной торговли и конкуренции для других народов, кроме укрепления местных хозяйств, заключались в укреплении демократии и их социальной стабильности. С точки зрения Вашингтона, укрепление рыночных механизмов в зарубежных странах помогало ему расширять рынки сбыта, создавать в США новые рабочие места и сохранять свои позиции в большинстве регионов мира.[651] Признавая (из прагматических соображений) ситуативную необходимость поддержания отношений и даже защиты недемократических государств, американские чиновники, вместе с тем, не распространяли общую политику по содействию свободной торговли на СССР и другие социалистические страны. Объём экспорта в последние искусственно лимитировался в течение почти всего послевоенного периода (за исключением периода «разрядки»). Сложная система американских административных и законодательных ограничений, которые фактически ликвидировали их торговлю с социалистическими республиками, действовала дольше, чем любые другие торговые ограничения в мировой истории (по крайней мере, со времени англо-французского конфликта при Наполеоне); эта система, несомненно, предусматривала наиболее бескомпромиссные ограничения во всей истории. В значительной степени эта ситуация была связана со стремлением военного ослабления соперника; было также очевидно, что до тех пор, пока продолжается гонка вооружений между США и СССР, эти ограничения (по крайней мере частично) будут сохранятся.

Почти весь период Холодной войны на большинстве экспортных рынков мира Соединённым Штатам принадлежало господствующее положение, что,

[651] Irwin D. Historical aspects of US trade policy / Douglas A. Irwin [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.nber.org/reporter/summer06/irwin.html.

прежде всего, было результатом мощи и стабильности их национального хозяйства, функционирование которого не было нарушено войной. Однако до 1970-х годов наметилась тенденция разрыва сокращения экспортной конкурентоспособности США и остальных стран мира. В течение этого десятилетия произошло определённое ослабление позиций Вашингтона в международной торговле, которое обошлось ему в 125 млрд. долл. в виде утраченной продукции и в 2 млн. рабочих мест. Эти процессы затронули почти все отрасли американской индустрии. В частности, доля Америки в мировом сбыте самолётов уменьшилась с 66% в 1960-е до 58% в 1979 году, пластмасс – с 27,8% в 1962 до 13% в 1979 году. Подобная ситуация наблюдалась и в американской фармацевтической отрасли: если в 1962 году её доля в мировом экспорте составляла 27,6%, то в конце 1970-х годов – всего 15%. Сократился вес США и в мировом экспорте сельскохозяйственной техники, составив в 1979 году 25% (против 40% в 1960 году). В общем, в течение 1970–1979 годов судьба Соединённых Штатов в мировом экспорте упала с 15,4 до 12,1%.[652]

На том же отрезке времени, ситуация была противоположной для многих других внешнеторговых партнёров США (прежде всего, «новых индустриальных стран» – Филиппин, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга, Бразилии и Мексики), которые демонстрировали на экспортных рынках большие успехи. Быстро перенимая новые технологии, они демонстрировали способность производить и экспортировать высокотехнологичную продукцию, составив, тем самым, конкуренцию государствам «первого мира».

Интересно, что товары указанных стран теснили американские не только на мировом, но и на внутреннем рынке, который впервые в истории США стал объектом международной конкуренции. Речь шла, прежде всего, о таких отраслях как металлургия, автомобилестроение, текстиль и обувь, радиотехника и телевизионная аппаратура. Если в 1962 году американская промышленность удовлетворяла внутренний спрос на 93%, то в 1972 году – на 54%, что

[652] Export promotion, export disincentives and US competitiveness: reports by the President pursuant to section 1110 (a) of the Trade Agreements Act of 1979. Printed for the use of the Committee on banking, housing, and urban affairs, US Senate. – Washington, D.C.: GPO, 1980. – 612 p. – P. 321.

свидетельствовало о тенденции деградации собственного производства. Этот факт многими американскими экономистами воспринимался как настоящая катастрофа, тем более, что наблюдалось повышение роли внешнеэкономических связей предприятий, ранее долгое время ориентированных на достаточно ёмкий внутренний рынок. При подобных обстоятельствах, национальные производители, занятые в отраслях, ориентированных на внешние рынки, выражали беспокойство по поводу того, что эти страны затопили рынки Соединённых Штатов своими товарами, одновременно не допуская их на свои собственные. Беспокойство американских экономистов усиливалось тем, что в этот период базирующиеся в США транснациональные корпорации начали переводить свои предприятия за рубеж.[653]

Итак, сужение части национального рынка, ранее принадлежавшего местным компаниям, с одновременным присутствием большой долларовой массы в мировом финансовом обороте, вызвали снижение доверия к американской валюте. Её роль в международных расчётах падала, а вместе с тем она теряла и позиции основной мировой резервной валюты. Рассматривались проекты замены доллара в международных расчётах другими средствами, как результат, центральные банки многих стран и международных корпораций переводили часть своих долларовых авуаров в марки ФРГ, швейцарские франки и другую валюту. На слабеющий доллар не хотели менять нефть и члены ОПЕК.

Не изменила ситуацию даже ревальвация доллара, совпавшая по времени с мировым спадом, имевшим циклический характер. Ещё более негативное влияние на внутреннее и внешнее положение государства оказала дестабилизация рынка энергоносителей в результате инспирированного странами ОПЕК «нефтяного шока»: когда с 1971 года картель начал «закручивать ценовые гайки», эра дешёвой энергии окончилась. В последующие два года стоимость нефти выросла с 2,41 до 10,95 долл. за баррель, а в целом к концу десятилетия – в 8 раз, что вызвало настоящую революцию цен на энергию. Галопирующие цены на «чёрное

[653] Special study on economic change: studies prepared for the use of the special study on economic change of the joint economic committee. – Washington, D.C.: GPO, 1980. – 265 p. – P. 89.

золото» и перебои с её поставками оказали отрицательное влияние на всю американскую экономику: на объём производства, эффективность труда, инвестиции, уровень потребления и качество жизни. Поскольку с 1970 года добыча нефти внутри страны постепенно уменьшалась, США попали в зависимость от иностранных поставщиков. Рост импорта нефти в сочетании с ростом цен привёл к огромному дефициту торгового баланса. Пагубное влияние этого фактора во многом объяснялось тем, что в Соединённых Штатах процент личного потребления в общей структуре потребления энергопродуктов был намного выше, чем в других странах. По некоторым подсчётам, американцы, которые составляли 6% населения планеты, использовали 33% всей нефти, добывавшейся из её недр.[654]

Соответственно, акция ОПЕК привела к повышению цен на энергоносители в США (которые зависели от импорта этого продукта почти наполовину) на 50% и, следовательно, к росту цен на сырьё в большинстве их производственных отраслей, не говоря уже о глубоких структурных последствиях для национальной экономики. Стоимость нефти-сырца выросла с 2,59 долл. за баррель в 1973 году до 12 долл. в 1976 году и к концу десятилетия превысила 35 долл. за баррель. Кроме того, ощутимым для Соединённых Штатов также был недостаток металлов и других полезных ископаемых, усиливший ресурсный шок ещё больше. В совокупности, всё это толкнуло хозяйство к спаду.[655]

В 1975 году американский экспорт превысил иностранный импорт на 12,4 млн. долл., однако этому положительному сальдо торгового баланса суждено было стать последним в XX веке. В тот же период прирост реального ВНП впервые за послевоенное время оказался отрицательным, не говоря уже о том, что фондовые биржи так не лихорадило с 1929 года. Но что гораздо хуже, произошло ускорение инфляции, и такой поворот событий был неслыханным. Её пагубные последствия чувствовали на себе почти все слои общества – впервые после окончания Второй мировой войны США столкнулись с высокими темпами роста

---

[654] Лоран Э. – Указ. соч. – С. 20.

[655] Schurr S. Energy in America’s future: the choices before us / Sam S. Schurr. – Baltimore: the John Hopkins University Press, 1979. – 555 p. – P. 71.

цен на все группы товаров. Незначительная инфляция была постоянным спутником американской экономики на протяжении всей второй половины XX века, однако с середины 1970-х годов она резко усилилась. В 1974 году её средний показатель составил 11% по сравнению с 6,2% за 1973 год и 3,3% за 1972 год.[656] Такое положение вещей резко негативно повлияло на покупательную способность американцев – в 1979 году цены на потребительские товары выросли в среднем на 14%, чего не наблюдалось с 1947 года. В целом же, за 1970-е годы продукция широкого потребления подорожала вдвое, и цены на неё росли в три раза быстрее, чем в предыдущее десятилетие. В наибольшей степени от инфляции страдали рабочие и служащие, семьи с минимальными доходами. Увеличилась задолженность населения по потребительскому кредиту, которая в конце 1979 года достигла рекордного уровня – 18,5% от суммы личных доходов. Наиболее ярким примером, свидетельствовавшим о падении жизненного уровня, была ситуация, сложившаяся с владельцами автомобилей: в 1970-е годы большинство американских семей отдавали предпочтение не большим, а компактным автомобилям, покупали не новые, а подержанные машины, всё чаще прибегая к услугам общественного транспорта. Всё это не было характерно для образа жизни американцев. Впрочем, следует отметить, что существовали определённые слои граждан, которым рост цен был выгоден: мелким бизнесменам и торговцам недвижимостью, которые старались не работать, а «делать деньги» на разнице цен. Определённую выгоду от инфляции имели также миллионы получателей пенсий, чьи доходы автоматически росли в соответствии с индексом потребительских цен Министерства труда. Свои выгоды от инфляции имело и правительство: рост цен выталкивал людей в более высокие налоговые рамки, что давало возможность властям собирать больше средств. Каждый процент инфляции увеличивал государственные доходы на 1,5%.

Ситуация осложнялась тем, что резкий рост цен сопровождался снижением уровня загруженности производственных мощностей (в 1975 году бездействовала

[656] The Reagan experiment. An examination of economic and social policies under the Reagan administration / Ed. by Palmer J. L., Sawhill I. V. – Washington, D.C.: Urban Institute Press, 1982. – 530 p. – P. 33.

почти их треть) и двукратным падением темпов роста производительности труда.[657] Если в течение 1948–1965 годов темпы её роста в США составляли в среднем 3,2%, с 1965 по 1973 годы они сократились до 1,3%, то с 1973 по 1978 годы они упали до менее чем 1%. В 1979 году увеличения производительности труда в американской экономике не наблюдалось вообще.[658] По этому показателю Соединённые Штаты заметно отставали от своих иностранных конкурентов: например, за период 1967–1973 годов эффективность труда в Японии выросла на 10,4%, в 1979-м её прирост составил 4,1%; среднегодовой темп роста производительности труда в ФРГ превышал 5%.

На этом фоне, в США происходило общее замедление экономического развития и научно-технического прогресса при одновременном росте безработицы. С 1973 по 1975 годы она выросла с 4,9% до 8,5%, чего в Штатах не наблюдалось с 1941 года. По сравнению с предыдущим десятилетием, в котором средний показатель безработицы составлял 4,8%, эта цифра была весьма красноречивой. В 1979 году в стране насчитывалось 6,1 млн. безработных (5,8% от общего состава рабочей силы).

Ситуация с высокими темпами инфляции при высоком уровне безработицы и нулевом росте производства, с подачи американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Пола Самуэльсона была окрещена «стагфляцией».[659]

Никсон вынужден был уйти в отставку в ходе Уотергейтского скандала* ещё в 1973 году, следовательно, исполнительная власть США фактически потеряла руководство, а её задачи легли на Конгресс. Осуществлённые в 1974 году администрацией Дж. Форда стабилизационные меры затормозили эти темпы, впрочем, ненадолго – в 1978 году ФРС снова включила печатный станок, и инфляция ускорилась. Политика администрации Картера отличалась непоследовательностью, следовательно, цены продолжали ползти вверх,

---

[657] Thurow L. The zero-sum society: distribution and the possibilities for economical change / Lester Thurow. – N.-Y.: Basic Books, 2001. – 230 p. – P. 49.

[658] Muller R. Revitalization America: politics for prosperity / Ronald E. Muller. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1980. – 508 p. – P. 78.

[659] Иванян Э. А. История США: пособие для вузов / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Дрофа, 2008. – 571 с. – С. 498.

* Уотергейтский скандал (англ. Watergate scandal) – политический кризис в США 1972–1974 годов, закончившийся (единственной в американской истории) отставкой действующего главы государства (Р. Никсона).

ежегодный прирост индекса потребительских цен составил 6,5% в 1977 году, 7,5% в 1978-м и 11% в 1979 годах соответственно. После второго «нефтяного шока» 1977 года была выработана специальная энергетическая программа, которая, впрочем, не дала результатов.[660]

Приведённые данные, таким образом, подтверждают тот факт, что 1970-е годы вошли в американскую историю как десятилетие рецессии, время беспрецедентной для мирного времени инфляции, безработицы и замедленного производственного роста. Следовательно, есть все основания констатировать, что в указанный период национальная экономика столкнулась с самым серьёзным спадом со времён Великой депрессии 1930-х годов. Рост потребительских цен и сочетание стагнации с инфляцией означали, что механизм функционирования хозяйства США дал глубинный сбой.

Впрочем, несмотря на вышеперечисленные проблемы, 1970-е годы не следует считать периодом сплошного кризиса. Вопреки высоким показателям инфляции и безработицы, доходы большей части населения увеличивались вслед за ростом цен. С учётом инфляции, за вычетом налогов, доход на одного человека вырос с 15% в 1950-е годы до 35% в 1960-е, составив в 1970-е 23%. В течение почти всего периода 1970-х годов темпы роста доходов американцев опережали рост цен. Главной причиной этого было включение женщин в сферу производства и услуг, и пополнение за счёт этого семейных бюджетов.[661]

Отметим и то, что по макроэкономическим показателям США, как и в течение трёх послевоенных десятилетий, продолжали занимать первое место в мире. Они сохраняли свои ведущие позиции по ряду отраслей мирового производства, оставались лидером на главных направлениях научно-технического прогресса и удерживали (наряду с СССР) роль наиболее мощной промышленной державы мира (несмотря на отрицательное внешнеторговое сальдо), которая превосходила своих конкурентов по абсолютным показателям производства. Однако нельзя было скрыть и тот факт, что ведущие позиции, которые Америка

---

[660] Schurr S. – Op. cit. – P. 115.

[661] The quality of American life in the Eighties. President’s commission for national agenda for the Eighties. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1981. – 116 p. – P. 30–31.

занимала в мировой экономике, всё же оказались подорванными. О снижении эффективности американского хозяйства говорило то, что в 1979 году страна заняла лишь 10-е место среди членов Организации экономического сотрудничества и развития по размеру доходов на душу населения, составившего 10662 долл. По абсолютным показателям, Соединённые Штаты опережали всех участников организации, однако разрыв между ними уменьшался, и конкуренты (прежде всего, Япония и ФРГ) вплотную приближались к американским стандартам. Их удельный вес в экономике Запада сравнительно сократился: если в 1950 году на долю 8 крупнейших стран ОЭСР (Канады, Японии, ФРГ, Франции, Великобритании, Нидерландов и Бельгии) приходилось лишь 75% ВВП США, то в 1978 году – уже 120%.[662]

На рубеже 1970-х и 1980-х годов негативные тенденции углубились в ещё большей степени. В частности, в 1979 году инфляция ускорилась настолько, что начала опережать рост заработных плат, результатом чего было общее снижение жизненного уровня рядовых граждан. Только в течение одного года (июнь 1979 – июнь 1980) рост потребительских цен в стране составил 14,3% при росте средней недельной зарплаты в несельскохозяйственных секторах лишь на 6,4%. Более того, согласно данным Министерства труда, реальная почасовая заработная плата в США не менялась с 1972 года.[663]

Подобная ситуация не могла не оказать влияния на духовное состояние нации. Данные социологических опросов свидетельствовали о разочаровании, апатии и неуверенности в завтрашнем дне. Так, количество американцев, которые считали, что следующий год будет лучше, чем предыдущий, уменьшилось с 57% в 1972 году до 33% в 1979-м. За этот же период значительно вырос и процент тех, кто считал, что следующий год принесёт негативные изменения: с 21% в 1972-м до 55% в 1979 году.[664] Итак, в 1980 году среди пяти наиболее острых вопросов, стоящих перед государством (инфляция, «иранская проблема», безработица, национальная оборона, экономика), по данным опросов, первоочередного

[662] Special study on economic change: studies prepared for the Use of the Special Study on Economic Change of the Joint Economic Committee, Congress of the United States. – Washington, D.C.: GPO, 1980. – 254 p. – P. 11.
[663] The quality of American life…
[664] Ibidem. – P. 40–41.

решения требовал первый из указанных.[665] Комментируя это, Министр финансов У. Миллер отмечал, что обуздание инфляции имеет решающее значение в решении как внутри- так и внешнеэкономических задач.[666]

Всё это приводило к резким и ощутимым изменениям в настроениях общества, его психологической перестройке. Напомним, что в послевоенный период, с момента активного выхода США на мировые рынки, основой их экономической политики выступало кейнсианство. Либеральное «государство всеобщего благосостояния», основы которого были заложены ещё в 1930-е годы, через полвека начало демонстрировать свою явную неспособность конструктивного решения проблем и противоречий, обострившихся практически во всех сферах жизни американского общества. Итак, кризис резко ударил по кейнсианской «ортодоксии», которая была атакована, прежде всего, с правого фланга. Сторонники неоконсерватизма утверждали, что «новая экономика» не только не сработала, но и оказалась причиной нынешних проблем. Опираясь на анализ общественно-политических процессов, развивающихся в период президентства Картера, американские социологи писали об усилении антиэтатистских настроений и консервативном повороте как основной тенденции идейно-политической жизни США того времени. Опросы показывали, что всё большее количество американцев причисляло себя к консерваторам: если в 1977 году 42% опрошенных определили свою позицию как «правее центра», 23% – «левее центра», то через год, в 1978-м, соотношение несколько изменилось – 43% и 20% соответственно.[667]

О «сдвиге вправо» свидетельствовали и опросы студентов: в 1970 году 37% первокурсников считали себя или либералами, или крайне левыми, а уже через восемь лет этот показатель сократился до 26%.[668] Произошёл явный сдвиг в сторону неоконсерватизма, который позже подавался рейганистами как

---

[665] Asher H. Presidential elections American politics: voters, candidates, and campaign since 1952 / Herbert B. Asher. – Stamford: Brooks Cole, 1992. – 394 p. – P. 179.

[666] The dollar, inflation, and US monetary policy: hearing before the joint economic committee, Congress of the United States, 96th Congress, 1st Ses., October 17, 1979. – Washington, D.C.: GPO, 1980. – 27 p. – P. 8.

[667] Duignan P. United States in the 1980's / Peter Duignan, Alvin Rubushka. – Stanford: Hoover Press, 1980. – 868 p. – P. 53.

[668] Ibidem.

неоспоримое свидетельство девальвации либеральной идеологии и победа республиканизма.

Итак, позволим себе повториться, что на рубеже 1970-х – 1980-х годов инициатива в политической и хозяйственной жизни США перешла к неоконсерваторам. Эта тенденция была характерна большинству стран западного блока, однако наиболее яркий вариант их политики, применявшейся в течение 1980-х годов, представляла собой «рейганомика», названная по имени 40-го Президента. Он, в частности, выступил с бескомпромиссной защитой принципов свободного рынка и конкуренции, урезанного социального бюджета и снижения налогов для поощрения предпринимательской активности. Выдвинутая в 1980 году программа оздоровления американского хозяйства включала следующие положения:

- сокращение налогов на корпорации и личные доходы;
- ограничение роста правительственных расходов за счёт лимитирования социальных программ;
- дерегулирование предпринимательской деятельности;
- проведение жёсткой денежно-кредитной политики, направленной на преодоление инфляции.

Предполагалось, что в результате снижения налогов увеличатся инвестиции в производство, что увеличит национальный продукт и, следовательно, вопреки снижению ставок налогообложения, правительство получит большой налоговый доход. Нацеленность «рейганомики» на стимулирование предложения и ограничение спроса при необходимости увеличения сбережений послужило основой для названия данной экономической модели «теорией предложения».[669]

Курс республиканской администрации, прежде всего, означал для США стимулирование инвестиций и повышение международной конкурентоспособности экономики, тогда как благосостояние и занятость граждан отошли на второй план. Во главу угла ставилось стимулирование

[669] Stein H. Presidential economics: the making of economic policy from Roosevelt to Clinton / Herbert Stein. – Washington, D.C.: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1994. – 495 p. – P. 163–164.

сбережений и инвестиций, а не потребительского спроса. Это вызвало необходимость свёртывания социальных программ и государственной помощи малообеспеченным, т.е., снижение социальных гарантий подавалось как неизбежная цена повышения эффективности экономической системы. В этом смысле ставка делалась на индивидуальную инициативу американцев. Известно, что динамичное развитие США в течение длительного периода их истории стало возможным во многом благодаря таким характеристикам ментальности, как частная инициатива, предприимчивость и ответственность. Итак, согласно философии «рейганомики», творческая инициатива каждого отдельно взятого индивидуума, его целенаправленная ориентация на личный успех в жизни в конечном счете должны были выступить основой выхода из кризиса, так же, как и восстановление стабильности и единства этого сложного, мультикультурного и полицентричного общества вцелом.[670]

Впрочем, вопреки весомым аргументам «шоковой терапии», её осуществление столкнулось с серьёзными трудностями. В 1981–1982 годах произошёл очередной виток экономического кризиса: простаивали 30% производственных мощностей обрабатывающей промышленности, усилился дефицит федерального бюджета, росла безработица, составившая более 10%. Даже по сравнению с предыдущим десятилетием, эта рецессия была весьма заметной. На рубеже 1982 и 1983 годов, указанные явления превратились для американских политиков в главную проблему, которая ставила под угрозу перевыборы Рейгана на второй срок в 1984 году. Экономическая ситуация в Соединённых Штатах вцелом не соответствовала сценарию авторов «теории предложения». Несмотря на то, что темпы падения и были несколько замедлены, снижение налогов не привело к ожидаемому росту инвестиций в экономику, на которые возлагались большие надежды. Поэтому, средние темпы роста реального ВВП в 1981–1985 годах составили 2,4% – однозначно меньше, чем предполагала администрация (3,8%). Среднегодовые темпы роста производительности труда за

[670] Economic policy and the outlook for the economy. Annual report the Senate and the House committee on the budget. – Washington, D.C.: GPO, 1981. – 101 p. – P. 60.

этот период (0,9%), хотя и были несколько выше, чем в 1973–1981 годах (0,6%), всё же значительно уступали соответствующему показателю за весь послевоенный период (1,9%). Картина оздоровления омрачалась также и ростом дефицита государственного бюджета, который составил около 200 млрд. долл. – главным образом за счёт увеличения расходов на военные цели. В результате «рейганомики» дефицит бюджета составил 152 млрд. долл., превышение расходов над доходами достигло 5% ВНП; почти такую же долю ВНП составили расходы по обслуживанию внутреннего долга.[671] Кроме того, последствия экономического курса Рейгана были негативными и для социальной сферы: наметилась тенденция к росту дальнейшего материального расслоения. К середине 1980-х годов средняя зарплата американцев находилась на самом низком уровне за последние 30 лет.

Указанные выше тенденции вряд ли можно было расценивать как признаки восстановления, однако с началом предвыборной кампании, ведущие американские экономисты высказывали уверенность, что после 19 месяцев «разбитых надежд, фальшивых стартов и отчаяния», серьёзный спад со времён «Великой депрессии» наконец подходил к концу, поэтому Белый дом своего владельца не сменил. Национальное волеизъявление укрепило уверенность Рейгана в правильности избранного им курса, следовательно, во время своего второго президентского срока, основные цели внутренней политики неоконсерваторов оставались неизменными: сокращение диапазона деятельности федерального правительства, прежде всего, в социальной сфере, уменьшение подоходных налогов, усиление мощи вооружённых сил.[672] Эти задачи могли быть реализованы только при условии внешнеполитической стабильности США, поскольку их конкурентные позиции в мировой экономике продолжали ослабевать. Дефицит торгового баланса США увеличивался, поскольку присущая им тенденция к приобретению иностранных товаров по своим масштабам постоянно обгоняла спрос на американские товары в других странах. Как следствие, острая проблема дефицита государственного бюджета и растущий

[671] Economic report of the President. – Washington, D.C.: GPO, 1985. – 385 p. – P. 161.
[672] Скоров Г. Е. Американский капитализм в 80-е гг.: закономерности и тенденции развития экономики / Георгий Ефимович Скоров. – М.: Наука, 1986. – 526 с. – С. 217.

внутренний долг привели к сокращению инвестиционной активности США за рубежом. В 1983 году, потеряв статус чистого кредитора, сохранявшийся с 1917 года, Америка сама превратилась в должника.[673]

В период своей первой каденции Рейган пытался решить эту проблему за счёт жёсткого государственного регулирования внешней торговли. Позволим себе повториться, что за исключением периода 1930-х годов, основой американской внешнеторговой политики в XX веке было фритредерство (линия, по которой государство не вмешивается в торговые отношения с другими странами), что позволило части аналитиков (в частности, Марку Шилдсу, обозревателю «Вашингтон пост»), охарактеризовать Президента Рейгана как «слепо преданного учению о свободной торговле».[674] На самом деле, ситуация была противоположной, поскольку о нём можно говорить как о наиболее убеждённом протекционисте со времён Герберта Гувера. Сформировать цитированное мнение американского журналиста могла определённая запутанность риторики Президента. В частности, в 1986 году он сказал: «Наша торговая политика тесно опирается на свободный и открытый рынок. Я признаю... неизбежный вывод, которому научила вся история: чем свободнее течёт мировая торговля, тем крепче нации связываются в прогрессе и мире». Зато, введя по обвинению в демпинге стопроцентные тарифы на отдельные товары, он отметил, что сделал это «для обеспечения соблюдения принципов свободной и честной торговли».[675] Говоря о свободном предпринимательстве, администрация Рейгана, на самом деле, осуществляла экономическую интервенцию в другие страны. В Соединённых Штатах действует положение Конституции об обеспечении открытой торговли, но в отличие от национального рынка, на международном уровне обоснования свободной торговли должны быть весомее, следовательно Президент аргументировал свои действия тем, что на внешнюю торговлю внутренние экономические свободы и традиционные американские ценности гуманного и

---

[673] Зименков Р. И. Глобальная стратегия международных монополий США: экономический аспект / Рудольф Иванович Зименков, Сергей Юрьевич Медведков. – М.: Наука, 1988. – 332 с. – С. 288–289.

[674] Richman S. The Reagan record on trade: rhetoric vs. reality / Sheldon L. Richman // Cato Policy Analysis – № 107. [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.cato.org/pubs/pas/pa107es.html.

[675] Коржубаев А. Г. Государственное регулирование по-американски / Андрей Геннадьевич Коржубаев // ЭКО. – № 2. – 1998. – С. 127–135.

открытого общества не распространяются. Реакция Министра финансов Джеймса Бейкера была весьма положительной: «Рейган совершил бóльшую защиту промышленности США от импорта, чем кто-либо из его предшественников более чем за полвека».[676] В эти годы американские законодатели рассматривали множество протекционистских предложений от представителей отраслей национальной промышленности, оказавшихся не в состоянии конкурировать с аналогичными отраслями других стран. Как следствие, американцы ввели ряд торговых санкций против государств, нарушавших, по их мнению, общепринятые нормы поведения в отношении прав человека. Проблема протекционизма в политических кругах дискутировалась, но в основном только о том, кто должен решать технические вопросы. Как выразился Рейган, «Лучшим вариантом является привелегия решать проблемы торговли Президентам, – мне или моим преемникам». Итак, стимулируя национальное производство, его администрация в ряде областей тормозила свободную торговлю. Важным шагом в этом направлении было изъятие ряда участников из программы беспошлинного ввоза товаров из развивающихся стран. По оценкам Всемирного банка, ограничения импорта были эквивалентными 66% доплате налога на доходы физических лиц.[677]

Ограждая собственный рынок, администрация способствовала продвижению продукции национальных производителей на мировом пространстве. В частности, в 1982 году Президент Рейган предложил план «Карибская инициатива», который был одобрен Конгрессом в следующем году. Инициатива в одностороннем порядке уменьшала или устраняла для США тарифы на многие виды экспорта в 24 страны Карибского бассейна, таким образом, лозунгами содействия безопасности и демократии региона, Соединённые Штаты укрепляли собственные позиции.[678]

В импорте американской продукции была заинтересована ещё одна сторона, рынок которой был гораздо более вместительным, чем латиноамериканский. Речь

---

[676] Quot. for: Horn B. There’s no such thing as «free» markets / Bernie Horn [Электронный ресурс] // Our future. – Режим доступа: http://ourfuture.org/20150301/theres-no-such-thing-as-free-markets.

[677] Медведков С. Ю. Мирохозяйственные связи капитализма и экономика США / Сергей Юрьевич Медведков. – М.: Наука, 1988. – 187 с. – С. 118–131.

[678] Парканский А. Б. США в мировых интеграционных процессах / Александр Борисович Парканский. – М.: Наука, 1991. – С. 76–88.

идёт об СССР. Вокруг вопроса торговли с этим государством в деловых кругах США имела место оживлённая дискуссия. Их позиции находились под влиянием многих противоречивых факторов политического характера. До тех пор, пока другие западные правительства можно было уговорить или заставить участвовать в антисоветских санкциях, владельцы американских предприятий обрабатывающей промышленности могли «сбивать» цены на сырьё, которое оказалось в избытке вследствие того, что его не пускали на потенциально ёмкий социалистический рынок. Благодаря этому, руководители американских корпораций могли устанавливать завышенные цены на свои товары, которые оказались ограждёнными от конкуренции со стороны Варшавского блока, следовательно, извлекать сверхприбыли.[679]

Следует отметить и то, что дополнительные доходы получали и экспортёры вооружений, деятельность которых по причине всё более холодной международной атмосферы и отсутствия хозяйственной составляющей в отношениях с вероятным противником постоянно поощрялась. «Профессиональные рыцари» Холодной войны, военные в политике, разрабатывая новый внешнеполитический курс с милитаристским уклоном, стремились учесть все нюансы интересов различных группировок промышленной элиты. Использовалось чёрно-белое видение, слабое знание мира и недовольство ослаблением доминирующей позиции Америки в Западном блоке. Наиболее выраженная «ностальгия» по этому статусу ощущалась в среде монополистов, связанных с зарубежными операциями, хозяев и руководителей ТНК, прежде всего нефтяных и сырьевых корпораций, чьи позиции в результате роста «новых индустриальных государств» стали более уязвимыми. С другой стороны, США теряли на Востоке рынки, которые, несомненно, имели важное значение. Перед фактом роста численности простаивающих мощностей, торговля с СССР представлялась всё более привлекательной; дефицит платёжного баланса США

[679] Чернов С. А. – Указ. соч. – С. 312.

также, несомненно, уменьшился бы благодаря торговле между Западом и Востоком.[680]

Последствия политики Рейгана по «закручиванию гаек» экспортного контроля в Советский Союз не только подрывали конкурентоспособность обрабатывающей американской промышленности, но и вцелом осложняли положение фирм, торговавших на мировых рынках. Кроме того, их контракты переходили к конкурентам из числа производителей стран «третьего мира», которые вытесняли предприятия Соединённых Штатов с советского рынка. «Потенциальные выгоды для США менее определены, чем нанесённый самим же американским фирмам ущерб... Выгоды, если они вообще существуют, – отмечалось в исследовании Брукингского института, – распыляются настолько широко, что практически неощутимы. Негативные же последствия эмбарго остаются долго, даже если исчезли сиюминутные выгоды».[681] Кроме того, страдали и не связанные с антисоветской политикой партнёры США. «Внешнеэкономическая уязвимость СССР мизерная, если она вообще существует. Советский экспорт во все развитые страны составляет около полутора процентов, импортирует СССР стандартное оборудование, имеющееся во многих странах. Поэтому последствия подобной политики Рейгана для советской экономики в смысле нанесённых потерь неясны, но в любом случае, ограничены».[682]

Впрочем, соотношение интересов сторонников и критиков торговли с СССР всегда склонялось в сторону последних. Каждый раз, как выражались действительные взгляды ведущих чиновников делового мира, становилось очевидным, что значительная часть американских корпораций выступает за отмену торговых ограничений; однако эту точку зрения они держали при себе и её не отстаивали. Итак, в официальном Вашингтоне сторонники ограничений всегда брали верх. Баланс интересов среди различных группировок бизнеса неизменно складывался в пользу более агрессивной и наступательной политики

---

[680] Кочеврин Ю. Б. Экономическая стратегия большого бизнеса / Юрий Борисович Кочеврин // Государственно-монополистический капитализм в США: монополистический капитал / Под ред. Любимова Л. Л. – М.: Наука, 1989. – 230 с. – С. 9–25.

[681] The premises of East–West commercial relation. – Washington, D.C.: GPO, 1983. – 196 p. – P. 18–80.

[682] Ibidem. – P. 11.

на мировой арене в пользу наращивания военных расходов, расширения возможностей использования военной силы для поддержки широких интересов, восстановления того «фона», который облегчал конкурентную борьбу ранее, в предыдущие два послевоенные десятилетия. Общая направленность внутриэкономического курса определялась, прежде всего, потребностями военного строительства.

Обозначенная выше ситуация имела негативный «побочный эффект»: когда Рейган пришёл в Белый дом, Соединённые Штаты гордились тем, что кредитовали весь мир, зато в начале второго срока они превратились в крупнейшего в мире должника. Кроме указанных выше причин, такая ситуация была вызвана чрезмерными расходами на оборону, и к средине 1980-х годов в бюджете страны образовался внешний долг на сумму около 1 трлн. долларов. Зависимость от иностранного капитала размывала границу между внешней и внутренней политикой, между экономической и национальной безопасностью. Без преувеличения можно утверждать, что на кон была поставлена роль Вашингтона как лидера западного мира.[683]

Изменить ситуацию в свою пользу и одновременно нанести советскому бюджету более существенный ущерб, чем благодаря санкциям, американцы могли путём снижения на мировом рынке цен на золото: в результате ряда шагов, стоимость этого благородного металла упала с 850 долл. за унцию в январе 1980 года до 300–400 долларов в 1984 году. Стабилизирующее влияние этого факта на экономику США состояло в том, что в таких условиях повышалась привлекательность инвестиций в американской валюте. Соединённые Штаты получили от девальвации курса доллара максимальную выгоду: каждые 10% снижения сопровождались уменьшением внутренних потребительских цен за двухлетний период на 1,5 процентного пункта. Впоследствии, эти выгоды превысили убытки, связанные с ростом цен и увеличением безработицы, особенно в экспортных отраслях. Можно утверждать, что в период 1980-х годов США

[683] Богачёва О. В. США: экономика на перепутье / Ольга Владимировна Богачёва // Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. – М.: Правда, 1988. – 159 с. – С. 100–112.

«экспортировали» свой кризис: негативное влияние завышенного курса доллара на экономику других стран (прежде всего, Западной Европы и Японии) проявилось в подорожании их импорта, стимулировании инфляции, утечке капиталов, усилении безработицы, что фактически свело на нет их выгоды в плане стимулирования экспорта и уменьшения реальной суммы внешнего долга, выраженного в обесцененных по отношению к доллару национальных валютах. Комплекс указанных причин заставил Рейгана во второй период своего президентства определённым образом либерализировать американскую внешнеэкономическую активность, что нашло выражение в том, в частности, что в 1985 году с рядом стран были подписаны двусторонние соглашения о свободной торговле. Символично, что первое было достигнуто с Израилем. После чего, администрация Рейгана перешла к переговорам о заключении соглашения с Канадой, которая являлась крупнейшим экономическим партнёром США. Торговля между ними имеет более интенсивный характер, чем торговля между любыми другими двумя странами в мире, сохраняя тенденцию к ускорению и ныне. Аналогичная политика относительно Мексики привела к подписанию соглашения НАФТА. Кроме того, в 1986 году были запущены масштабные многосторонние переговоры в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле, или «Уругвайский раунд», большое количество участников которого (более 100 стран), повлияло на то, что обсуждение продолжалось долгое время, завершившись только в 1994 году.[684]

Однако отношения с СССР общая экономическая либерализация Соединённых Штатов середины 1980-х годов не затронула; на него, как и на большинство социалистических стран, режим наибольшего благоприятствования не распространялся. Товары, поступающие из Советского Союза, облагались таможенными налогами, которые по сравнению с аналогичной продукцией других стран увеличивались в цене от 3 до 10 раз. Несмотря на начало «перестройки», администрация Рейгана не отменила систему экспортного

[684] Jackson J. The world trading system: law and policy of international economic relations / John H. Jackson. – Cambridge: MIT Press, 1999. – 453 p. – P. 74.

контроля, который действовал в рамках НАТОвского Координационного комитета по контролю за экспортом, предусматривая сохранение «чёрных списков» товаров стратегического назначения. Отсюда и низкие объёмы американо-советской торговли – 2% для США и 0,3% для СССР, сохранявшиеся до конца пребывания Рейгана в Белом доме. Во второй половине 1980-х годов в этой области всё же была заключена серия соглашений, но противостояние двух сторон и гонка вооружений продолжалась и во время миролюбивых речей.

Таким образом, к концу 1980-х годов негативные тенденции в экономическом развитии США сохранялись противоречивые тенденции. В результате «рейганомики» дефицит федерального бюджета составил 152 млрд. долл., превышение расходов над доходами достигло 5% ВНП; почти такую же долю составили затраты по обслуживанию государственного долга. За исследуемый нами период доходы самых богатых американцев, составлявших 1% от общей численности населения, почти удвоились, в то время как у 70% граждан возросли в гораздо меньшей степени. Соединённые Штаты, имевшие в начале 1960-х годов самый высокий в мире показатель производства на душу населения, к 1987 году были по этому показателю превзойдены 10 странами. В то же время наблюдалось усиление дифференциации доходов и обострение проблемы бедности. В течение всего периода 1980-х годов количество и процент людей, чей достаток был меньше прожиточного минимума, значительно превышали уровень этих показателей 1970-х годов. Вместе с тем, правительство смогло создать более 17 млн. рабочих мест, норма безработицы составила 5%, опустившись до самого низкого уровня за период после 1973 года. В значительной степени, созданию новых рабочих мест способствовало расширение военного спроса, который стимулировал рост всего национального хозяйства. Несмотря на это, безработица оставалась серьёзной социальной проблемой.[685]

Озабоченность состоянием экономики страны среди рядовых американцев была очень распространена. Например, в январе 1987 года 41% опрошенных выразил согласие, что «мы опасно ползём вниз, но всё ещё можно вернуть

[685] Economic report of the President. – Washington, D.C.: GPO, 1989. – 434 p. – P. 346.

назад».[686] В феврале эту точку зрения разделяла уже половина американцев (50%). Другими словами, во время второго срока правления Рейгана Америка стояла перед необходимостью изменения экономического курса, и общественность это понимала. Тенденция увеличения доли богатых слоёв в ущерб бедным вызвала обеспокоенность «среднего класса», на который приходилось 60% распределяемого дохода, и привела к чувству потери «американской мечты». Средняя заработная плата американцев к концу 1980-х годов продолжала находиться на самом низком уровне за последние 30 лет. В 1990 году средняя часовая плата американских рабочих равнялась 14,8 долл. против 17,9 долл. в Дании, 21,5 – ФРГ и 21,9 – в Швеции.

Учитывая это, правительство США пошло на либерализацию хозяйственных отношений с СССР. В частности, 1 июня 1990 года в Вашингтоне было подписано «Соглашение о торговых отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки», которое закрепило режим наибольшего благоприятствования и недискриминационный режим для каждой из сторон. В соглашении были зафиксированы общие обязательства в отношении доступа к рынку для товаров и услуг, предусмотрено создание благоприятных условий для коммерческой деятельности. Особый интерес представляет раздел, в котором были обозначены области дальнейшего экономического сотрудничества, где, в частности, было сказано: «Стороны примут необходимые меры для укрепления экономического сотрудничества на возможно более широкой основе во всех областях, представляющих взаимный интерес, включая также статистику и стандарты».[687] Первоначальный срок действия соглашения был определён в три года и предполагалось, что он будет продлеваться на каждые последующие трёхлетние периоды, если ни одна из сторон не заявит о своём намерении расторгнуть его.[688]

---

[686] Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада / Владимир Олегович Рукавишников. – М.: Академический проект, 2005. – 862 с. – С. 525.

[687] Рукавишников В. О. – Указ. соч. – С. 74.

[688] Соглашение о торговых отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки // Бюллетень международных договоров. – № 1. – 1993. – С. 75.

Впрочем, вопреки принятым соглашениям, торгово-политический режим США и СССР продолжал определяться поправкой Джексона-Вэника, которая тормозила экономическое сотрудничество двух стран даже с одновременным улучшением политических отношений между ними. Парадоксально, но «перестройка» и «новое мышление» второй половины 1980-х годов не изменили структуры товарооборота между двумя сторонами, оставшейся неизменной с 1984 года, когда отношения между ними были крайне напряжёнными. Вцелом, совокупный объём торговли между СССР и США в «застойных» 1981–1985 годах превышал аналогичный показатель «перестроечного» периода (1986–1990): 11,826 млрд. руб. и 10,864 млрд. руб. соответственно.[689] Как и ранее, перечень торговых статей оставался крайне узким: почти 50% оборота приходилось на закупки Советским Союзом американского зерна.

Что ещё хуже, экономические связи между двумя государствами сводились исключительно к торговле, в то время как такие перспективные новые формы международного разделения труда, как совместное производство и инвестиции, до распада СССР заметного развития так и не получили. После принятия поправки Джексона-Вэника к американскому закону о торговле в 1974 году, кредитно-финансовая составляющая двусторонних отношений была резко ограничена. Фактически она сводилась лишь к получению Москвой экспортных кредитов, которые могли предоставлять только небольшие частные банки или фирмы-поставщики. Зато ведущие финансовые учреждения, по причине отсутствия гарантий со стороны правительства, заинтересованности в предоставлении Советскому Союзу долгосрочных кредитов не проявляли.

Подводя итог параграфа, сделаем вывод, что до тех пор, пока мир оставался жёстко биполярным и разделённым на два военно-политических блока, между которыми господствовала непримиримая идеологическая конфронтация, торгово-экономические связи между СССР и США оставались на «задворках» отношений, занимая в общем их объёме самое скромное место. Несмотря на определённые

---

[689] Наборов В. Основные изменения во внешней торговле США в 80-е годы / В. Наборов // Внешняя торговля. – № 4. – 1991. – С. 29.

убытки от нивелирования этого измерения двусторонних отношений, внешне- и внутриэкономическая политика кабинета Рейгана, в перспективе, оказала значительный стратегический эффект: сокращение социальных программ и направление высвобожденных средств на военные нужды позволило истощить Советский Союз, что в сочетании с другими факторами, оказалось одной из причин его либерализации и прекращения конфронтации.* Впрочем, есть все основания полагать, что прогресс в американо-советских отношениях в большей степени зависел от состояния не советского, а именно американского хозяйства. В конце изучаемого нами периода глобальная конкурентоспособность экономической машины США продолжала снижаться. Несмотря на то, что поражение в Холодной войне потерпела Москва, по признанию бывшего министра финансов администрации Рейгана Д. Стокмана (и некоторых других экономистов) не начни Горбачёв «перестройку», американская экономика, которая находилась в «предынфарктном состоянии» потерпела бы крах уже через 4–5 лет. За военно-политическое укрепление своего государства под руководством Рейгана, рядовые граждане заплатили снижением социального обеспечения. Впрочем, в ближайшей перспективе эта «жертва» вполне оправдала себя: 1990-е годы вошли в историю США как один из периодов «просперити» (процветания). Если для постсоветского общества это десятилетие оказалось «лихим», то для американского – «жирным».

В более широком контексте, наряду с историческими, географическими и религиозными факторами, фактор американского индивидуализма, на который делала ставку республиканская администрация в ходе проведения своей экономической политики, следует отнести к явлениям, которые обеспечили

* По мнению части экономистов (в частности, Е. Т. Гайдара), СССР не имел перспектив дальнейшего хозяйственного развития, из-за чего был вынужден сокращать военное присутствие за рубежом и идти на переговоры с США. Для обоснования приводится круговая аргументация: в качестве критерия глубины социально-экономического кризиса, повлёкшего крах советского социализма, указывается победа Запада. Анализируя эту гипотезу, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН С. Г. Кара-Мурза отметил: «Бывает, что красавцу-парню, здоровяку, какой-то хилый сифилитик вонзит под лопатку нож, и парень падает мёртвым. Можно сказать: его организм потерпел крушение, очевидно, будучи в маразме?... Из этого ещё не следует, что наш строй был здоровяком, но следует, что факт убийства ничего не говорит о здоровье убитого». Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / Сергей Георгиевич Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2010. – 864 с. – С. 383.

Соединённым Штатам победу в Холодной войне, сделав их единоличным мировым лидером.

4. Место военно-промышленного комплекса и групп давления в формировании внешней политики Соединённых Штатов на завершающем этапе Холодной войны

Образ Америки неразрывно связан с человеком, вооружённым огромным кольтом (а то и двумя сразу), стреляющим из них во все стороны с обеих рук. Этот всеамериканский культ оружия давно обзавёлся собственной философией: «Бог создал людей, а полковник Кольт дал им равенство», «доброе слово и пистолет убедительнее, чем просто доброе слово». В 1980-х, на руках у американцев, по разным подсчётам, находилось от 100 до 200 миллионов единиц огнестрельного оружия, с применением которого ежегодно происходило более миллиона инцидентов. «Наша трагедия заключается в том, – писала «Нью-Йорк Таймс», что оружие, с которым мы никогда не расстаёмся, стало частью нашего существования».[690] Отметим и то, что страсть к оружию – в традициях американских Президентов. Одного из них, Джексона, называли «старейшиной дуэлянтов» и «самым задиристым Президентом»; меткими стрелками также были Линкольн, Теодор Рузвельт, Тафт, Эйзенхауэр, Кеннеди, Никсон и Рейган. По иронии судьбы, из перечисленных выше лидеров двое (Линкольн и Кеннеди) погибли от пуль убийц, а двое (Джексон и Рейган) подверглись покушению. Итак, учитывая большую роль оружия как части американской культуры, являющейся весомым фактором мировой стратегии Вашингтона, военно-промышленной отрасли следует посвятить отдельный параграф. В его рамках мы попытаемся оценить роль флагманов ВПК и связанных с ними административных кругов в контексте формирования внешней политики вцелом и на её советском направлении, в частности.

---

[690] Цит. по: Николаев В. Д. Бизнес в мундире / Владимир Дмитриевич Николаев. – М.: Советская Россия, 1988. – 128 с. – С. 36.

Следует заметить, что покушение на Рейгана в 1981 году не привело к изменению его позиции по милитаризации своего государства. Выступая на ежегодном собрании Национальной стрелковой ассоциации в Фениксе (штат Аризона), он сказал: «Сердце радуется, когда ты находишься среди людей, которые не потеряли веру в Америку, в её будущее, людей, которые ни на дюйм не отступят в защите конституционных прав американца».[691] Из сферы повседневной действительности это поведение было экстраполировано и на международно-политическую арену. В данном контексте приведём красноречивое выражение еженедельника «Монд дипломатик»: разговоры об «угрозе извне для США обычно усиливаются именно тогда, когда подходит к концу правительственный контракт с той или иной компанией».[692] Особый подъём ВПК переживает в те моменты, когда в ход пускается оружие: «Мы посылаем ракеты вверх, которые никогда не возвращаются назад, и поэтому мы должны всё время строить новые ракеты. Это прекрасно!» – заявил вице-президент компании «Локхид» Луис Райднур.[693] Оружие должно находить применение, чтобы прибыль от его производства шла непрерывным потоком – такова взаимосвязь военного бизнеса и внешней политики.

Характеризуя социально-экономические процессы в США, известный американский историк Ф. Ландберг писал о том, что в его стране существует «политико-экономическая элита, которая стоит над другими элитами и является закрытой»; её члены придерживаются следующего правила: «что хорошо для нас, то хорошо и для Соединённых Штатов», впрочем однородного слоя с общими целями они всё же не представляют.[694] Объединяясь в сложную сеть различных группировок, они взаимодействуют и находятся в состоянии постоянной конкуренции за обладание и распоряжение общественными ресурсами и право доступа к инициированию, процессу выработки, принятия и реализации решений

---

[691] Николаев В. Д. – Указ. соч. – С. 36–37.

[692] Plan Reagan, passeport pour la guerre [Электронный ресурс] // Le Monde Diplomatique. – Режим доступа к статье: http://www.monde-diplomatique.fr/cahier/etatamericain/planreagan.

[693] Николаев В. Д. – Указ. соч. – С. 38.

[694] Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединённых Штатов Америки / Фердинанд Эдгар Ландберг. – М.: Прогресс, 1971. – 684 с. – С. 241.

на самом высоком уровне. В рамках этой системы выделяется «железный треугольник», на вершинах которого находятся высшие чиновники, члены Конгресса и военно-промышленный комплекс. Своё место в этом «треугольнике» ВПК занял во время Второй мировой войны, благодаря своей роли в обеспечении подъёма экономики и становления США в качестве мировой державы. Во второй половине XX века американский военный бюджет имел тенденцию постоянного роста: составляя в 1940 году 1,4 млрд. долл., в разгар Индокитайского конфликта (с 1965 по 1968 годы) он возрос соответственно с 52,1 до 80 млрд. долл. С учётом инфляции, в относительных показателях это означало, что военные расходы на душу населения превысили довоенный уровень в 5 раз. Эта цифра особенно впечатляет, если учесть, что на тот момент население США составляло 5% жителей Земного шара, однако их расходы на армию (даже по данным не всегда объективных источников) составляли более 1/3 всех совокупных военных расходов мира.[695]

Однако, после окончания войны во Вьетнаме объёмы армейских заказов упали. В середине 1970-х годов оборонная промышленность страдала от недогрузки предприятий; с точки зрения военных промышленников, новых заказов на стратегические системы вооружений поступало явно недостаточно. Итак, во второй половине того десятилетия представители политической элиты уже не препятствовали росту военных расходов, а часть даже склонялась к нему, видя в этом источник укрепления мощи Соединённых Штатов, которые бы прекратили «отступление» на мировой арене. В тот же период относительно небольшая группа монополий, заинтересованных в развитии армейского производства, смогла склонить преимущество на свою сторону; естественно, что для этого было осуществлено влияние на общественность с использованием связей, имевшихся у военных с информационным истеблишментом. «Для процветания военного бизнеса, – заявил представитель «Дженерал Дайнэмикс» Э. Лефевр, – нужно, чтобы люди верили в существование длительной угрозы».[696]

---

[695] США и военная экономика в 80-х годах / Под ред. Бобракова Ю. И. – М.: Наука, 1991. – 198 с.
[696] Цит. по: Николаев В. Д. – Указ. соч. – С. 33.

Итак, как и во времена маккартизма,* в качестве ключевого мотива психологического наступления правых была использована пресловутая «красная угроза». На всех этапах Холодной войны этот политический миф позволял заинтересованным правительственным органам (прежде всего, руководству вооружённых сил) удерживать контроль над федеральным бюджетом. С помощью подобных информационных кампаний влиятельные военные корпорации добивались реализации своих интересов, даже если в ориентации внешней политики и происходили значительные сдвиги.

Давление со стороны монополий ВПК во второй половине 1970-х годов стало таким сильным, что вызвало протесты даже у Президента Картера, чья администрация интенсифицировала курс на наращивание военной мощи и отход от политики «разрядки». В своих мемуарах он впоследствии написал, что разного рода лобби, в котором он выделял «производителей оружия, ...действующих совместно с их естественными союзниками в Пентагоне... являются угрозой нашей демократической системе правления».[697] Критика правыми силами политики Картера в области обороны, договора ОСВ-II в период его подготовки и во время его ратификации во многом сводилась к требованиям покончить с «оборонностью» американской внешней политики, более активно использовать вооружённые силы для защиты национальных интересов на мировой арене. Осознание ограничений, которые накладывались паритетом в области стратегических сил, было одной из главных причин стремления силовиками этот паритет преодолеть. Так что не удивительно, что в период администрации Картера, вопреки формально действующим ограничениям, военный экспорт продолжал расти, а страна оставалась основным торговцем оружием в мире: с 1970 по 1980 годы ежегодный уровень продаж вырос с 1,2 до 17,5 млрд. долл.[698]

По меткому выражению известного американского дипломата и историка Дж. Кеннана, выделение военному бизнесу сотен миллиардов долларов ежегодно

---

* Маккартизм (англ. McCarthyism – по фамилии сенатора Дж. Маккарти) – движение в общественно-политической жизни США, имевшее место в конце 1940-х – 1950-х годах, сопровождавшееся обострением антикоммунистических настроений и репрессиями против инакомыслящих.

[697] Carter J. Keeping faith: memoirs of a President / James Earl Carter, Jr. – Fayetteville: University of Arkansas Press, 1982. – 640 p. – P. 80.

[698] Милитаризм: цифры и факты / Под ред. Фарамазяна Р. А. – М.: Политиздат, 1983. – 255 с. – С. 121.

превратилось «в своего рода национально-экономическую наркоманию». В этом ключе сенатором У. Проксмайром даже была поставлена проблема: «Работают оборонные подрядчики на правительство, или всё происходит как раз наоборот?».[699] Вопрос представляется особенно важным, особенно если учесть то, что с производством военной продукции в США в той или иной степени связаны почти все сферы экономики; на рубеже 1970-х – 1980-х годов контракты военного характера выполняли более 350 тысяч исследовательских центров и групп. В круг клиентов Пентагона входило более 120 тысяч корпораций и фирм из 30 ведущих отраслей промышленности. Впрочем, в стоимостном выражении, по данным Пентагона, 2/3 общего объёма заказов получали лишь около 100 крупнейших предприятий. Возглавляли этот список 10 «супергигантов», на долю которых приходилось до 35% всей стоимости армейских контрактов, прежде всего – корпорация «Дженерал дайнэмикс», которая и в наши дни является «крупнейшим производителем разнообразного оружия». Ведущей в этом списке была также компания «Боинг», на предприятиях которой работало 130 тысяч человек. Третьим «королём оружия» была «Дженерал электрик». Кроме того, в состав «верхней десятки» пентагоновских подрядчиков входили: «Макдоннелл-Дуглас», «Юнайтед текнолоджис», «Локхид», «Хьюз эйркрафт», «Рокуэл», «Рейтеон» и «Мартин-Мариетта».[700]

В тот период военный бизнес находился на особом положении: ему были неизвестны такие понятия, как «перепроизводство товара», «насыщение рынка», «стратегическая достаточность того или иного вида продукции». Однако самой важной привилегией, которой пользовались оборонные фирмы, было обеспечение государством гарантированного сбыта их продукции. Кроме того, конкуренция между производителями оружия велась не на стадии реализации товара, а на этапе заключения соглашений, что лишало их необходимости тратиться на рекламу. Такая ситуация привела к тому, что норма прибыли у монополий, занятых производством оружия, в среднем на 20–30% выше, чем в гражданской

---

[699] Цит. по: Бурсов А. В. Лоббисты катастрофы (О военно-промышленном комплексе США) / Анатолий Владимирович Бурсов, Алексей Иванович Подберёзкин. – М.: Московский рабочий, 1987. – 128 с. – С. 36.
[700] Dornan J. The US war machine / James E. Dornan Jr. – N.-Y.: Crown Pub, 1978. – 271 p. – P. 238–241.

сфере хозяйства (в обрабатывающей промышленности конца 1970-х годов этот показатель не превышал 17%). Во второй половине того десятилетия сенатская комиссия Конгресса провела расследование финансового положения 169 американских военно-промышленных корпораций – основных поставщиков Пентагона, которое показало, что 164 корпорации получили прибыль от 50 до 200%, три – более 500%, а одна – более 2000%.[701]

Дополнительный импульс такие тенденции получили во времена Рейгана, который в начале 1981 года занял пост Президента. Новый лидер повёл линию на обострение международной напряжённости и эскалацию региональных конфликтов, и главное – форсированное наращивание ядерных и обычных вооружений. В этом смысле знаковым событием была встреча Рейгана с кадетами военной академии Вест-Пойнт, в произнесённой речи перед которыми он заявил, что нация должна верить не в пергамент и бумагу (т.е. соглашения и договоры), а в оружие.[702] Итак, одним из его первых шагов после инаугурации была отмена введённых при Картере ограничений на продажу оружия за границу. Дав большой «приз» производителям военной техники, кабинет Рейгана своей экономической программой (уменьшением государственного регулирования бизнеса и существенным сокращением налогов для богатых слоёв населения и корпораций) обеспечил себе поддержку или, по крайней мере, благосклонное отношение практически всех группировок бизнес-элиты.[703] Среди многих других факторов, такой курс объясняется тем, что Президента и его команду вывели на политическую орбиту крупные военно-промышленные компании Калифорнии – штата, занимавшего и продолжающего занимать в наши дни ключевые позиции в национальнои ВПК и имеющего славу «главной американской кузницы оружия». Оборонные корпорации «Солнечного штата» охватывали все основные отрасли оружейного бизнеса государства, являясь ключевым элементом его военной

---

[701] Яковлев Н. Н. Война и мир по-американски (Традиции милитаризма в США) / Николай Николаевич Яковлев. – М.: Педагогика, 1989. – 128 с. – С. 48.

[702] Reagan R. Address at commencement exercises at the United States Military Academy. May 27, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43865&st=&st1=.

[703] Сапрыков В. Н. Милитаризм: политические проявления и социально-экономические последствия / Виктор Николаевич Сапрыков. – М.: Междунар. отношения, 1984. – 131 с. – С. 52–54.

промышленности – всего в списке подрядчиков Пентагона были 8550 калифорнийских компаний (что составляло почти четверть всех военных заказов США и было неслыханным числом по сравнению с любым другим субъектом федерации). Во время избирательной кампании, когда Рейган был кандидатом в Президенты, его политические соперники жаловались: «Денежный поток Рейгана затопляет нас». Он всегда тяготел к крупному бизнесу и был тесно связан с ним: его политическая карьера началась с помощью корпорации «Дженерал электрик» и калифорнийских миллионеров.[704] Влиятельные калифорнийцы заняли в новой администрации множество важных должностей, из-за чего американцы шутили: «Америка находится в Калифорнии, а Калифорния находится в Вашингтоне». В этом ключе является логичным празднование руководством фирмы «Рокуэл» победы Рейгана на выборах 1980 году не иначе, как собственной: «Мы все будто заново родились», – комментировал это событие руководитель компании Р. Андерсен. Дирекция предприятия была настолько уверена в Рейгане, что уже в первой половине 1981 года возобновила работу по совершенствованию тяжёлого бомбардировщика В-1В, хотя запрет администрации Картера на его производство официально ещё продолжал действовать. Позже выяснилось и то, что ещё задолго до того, как Рейган стал Президентом и была объявлена программа «звёздных войн», военно-промышленные корпорации «Боинг», «Хьюз эйркрафт», «Локхид», «Рокуэл», «Макдоннелл-Дуглас» и «ТРВ» начали работу по созданию лазерного оружия.[705]

Никогда ранее ВПК не имел в вашингтонских коридорах власти таких последовательных и надёжных проводников своих интересов, как в 1980-х годах. Ключевые позиции в администрации Рейгана заняли лица, прямо связанные с военно-промышленными корпорациями или косвенно заинтересованные в поддержке «особых» отношений с ними, или такие, которые исповедовали крайне правые милитаристские взгляды. В частности, А. Хейг (Госсекретарь в 1981–1982 годах) в течение долгого времени возглавлял компанию «Юнайтед текнолоджис»,

[704] Кокошин А. А. Серые кардиналы Белого дома / Андрей Афанасьевич Кокошин, Сергей Михайлович Рогов. – М.: АПН, 1986. – 352 с. – С. 323–324.
[705] Бурсов А. В. – Указ. соч. – С. 53.

Дж. Шульц (Госсекретарь в 1982–1989 годах) и К. Уайнбергер (Министр обороны) до назначения на свои должности входили в руководство крупнейшей в США калифорнийской военно-строительной корпорации «Бечтел», М. Болдридж (Министр торговли) ранее был директором военно-промышленной фирмы «Бендикс», В. Смит (Министр юстиции) занимал директорские должности в ряде военно-промышленных компаний, Дж. Беггз (руководитель национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства) был вице-президентом корпорации «Дженерал дайнэмикс»; У. Кейси (директор ЦРУ) имел финансовые интересы в 72 фирмах и был акционером ряда компаний, выполнявших заказы Пентагона, Э. Миз (советник Президента в ранге Министра) был в прошлом вице-президентом аэрокосмической фирмы «Рор индастриз».[706] Другими советниками Рейгана были Р. Грей, У. Саймон, Б. Катц – совладельцы компании «Хелионетикс», 70% контрактов которой приходилось на долю Пентагона и Министерства энергетики, ведавшего производством ядерного оружия; эта фирма, кроме того, участвовала в создании ракет «Першинг-II», которые США дислоцировали в Европе. Главная специализация данной компании – космическое лазерное оружие. Объявленный весной 1983 года план создания широкомасштабной системы противоракетной обороны с элементами космического базирования весьма обогатил друзей Президента – акции «Хелиотроникс» выросли в цене более чем на 60%. Это типичный пример того, как создатели американской политики, подогревая гонку вооружений, греют на ней руки. Другим примером является усиление «пробивания» Р. Делоэром (заместителем Министра обороны) многомиллиардной государственной программы создания нового стратегического ракетно-ядерного комплекса «МХ», главным подрядчиком в реализации которого был оружейный концерн «ТРВ», где он служил до своего назначения в Пентагон. Кроме того, в правительство Рейгана вошли представители монополий из 20 отраслей экономики, теснейшим образом связанных с военным бизнесом и внешней экспансией. В работе «Правящий класс

[706] Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии / Под ред. Алексеева Р. Ф. – М.: Политиздат, 1985. – 367 с. – С. 9–10.

Рейгана», вышедшей в 1981 году, подчёркивается, что в «президентской сотне» (имеются в виду высшие чиновники администрации) – 28 миллионеров и 22 мультимиллионера.[707] Следует упомянуть и о близком друге Президента Э. Теллере, которого называли «отцом американской водородной бомбы».[708] Вспомним и о том, что непосредственными вдохновителями гонки вооружений были правые организации, которые в политической жизни США как в количественном, так и в качественном отношениях представляли собой довольно влиятельную силу. Это различного рода комитеты, ассоциации, лиги, клубы (где часто и делалась политика), а также влиятельные профсоюзы, правоэкстремистские и сионистские организации. Именно эта неофициальная инфраструктура и оказывала серьёзное влияние на принятие решений Белым домом. При Рейгане основным проводником сионистского влияния был Комитет по существующей опасности, образованный в 1976 году и возглавляемый П. Нитце, Ю. Ростоу и Дж. Шлессинджером, которые одновременно оставались активными членами престижного клуба «Метрополитен». Рупором указанного элитарного объединения выступал журнал Американского еврейского комитета «Комментари» (редактор – Н. Подгорец). В администрацию Рейгана вошли около 50 членов комитета: Р. Таптер (сотрудник Совета национальной безопасности по ближневосточным проблемам), Дж. Штейн (сотрудник Белого дома, отвечавший за связи с сионистскими организациями), А. Перламаттер (консультант Совета национальной безопасности), советники Ю. Раан, Э. Луттвак, Дж. Чурба, деятели Госдепартамента П. Вулфовиц, М. Дрейпер, Д. Корн, Х. Зикерман, К. Эдельман, М. Шампельман и заместитель Министра обороны Р. Перл. Вступил в Комитет по существующей опасности и сам Президент.[709] Данное обстоятельство способствовало переносу центра тяжести при выработке внешней политики США на аппарат СНБ и ближайших сотрудников главы государства, прямо связанных с

[707] Brownstein R. Reagan’s ruling class / Ronald Brownstein, Nina Easton. – N.-Y.: Pantheon Books, 1983. – 759 p. – P. 229.
[708] Дорошенко В. С. Кто угрожает миру / Владимир Сергеевич Дорошенко. – К.: Политиздат Украины, 1985. – 88 с. – С. 52.
[709] Колобов О. А. Дипломатия лжи: правда о том, как сионисты воздействуют на процесс формирования внешней политики американского империализма / Олег Алексеевич Колобов. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1985. – 90 с. – С. 38–39.

военными корпорациями. Характеризуя эту ситуацию, американский учёный Р. Барнет справедливо заметил, что «главные милитаристы в Америке носят штатские костюмы... За политику национальной безопасности отвечают не генералы, а её руководители – политики, бизнесмены и гражданские чиновники, занимающие официальные должности».[710]

Кроме официальных каналов влияния на Белый дом, силовики имели и неофициальные. Военное лобби в Вашингтоне считается одной из самых мощных групп давления, учитывая, что оно состоит из зарегистрированных и незарегистрированных лоббистов, на услуги которых Пентагон в начале 1970-х годов ежегодно официально тратил 4 млн. долл. Таких «толкателей», именовавшиеся «вашингтонскими представителями» корпораций, в ветвях власти США насчитывалось примерно 340. Например, фирма «Рокуэл» держала в столице специальную бригаду из 125 человек, которые непрерывно циркулировали между Пентагоном, Конгрессом и Белым домом. К числу таких лоббистов принадлежали Э. Лефевр («Дженерал дайнэмикс»), Дж. Траутмен («Дженерал электрик»), Б. Итон («Линг-Темко-Воут»), С. Соммерс («Нортроп»), К. Макгрегор («Юнайтед Текнолоджиз»). Кроме того, прямыми агентами ВПК были почти все из примерно 60 сотрудников и консультантов комиссий по делам вооружённых сил обеих палат Конгресса. По оценке журнала «Бизнес Уик», они «начали оказывать огромное влияние на конгрессменов и превратились в относительно новую и очень важную часть тех кругов, которые принимают решения в Вашингтоне». Директором комиссии вооружённых сил был Фр. Салливен, а Палаты представителей – Дж. Форд. Впрочем, по их собственному признанию, они «всеми силами старались держаться в тени»; такой же «анонимности» придерживались сотрудники подкомиссий по военным ассигнованиям, которые даже не предоставляли коротких автобиографий в справочник сотрудников Конгресса. Всё же, некоторые имена попадали в прессу. Это Л. Смит, защищавший интересы фирмы «Дженерал дайнэмикс», бывший вице-президент «Боинга» П. Хьюз, Дж. Норрис по прозвищу «Господин атомный

[710] Цит. по: Бурсов А. В. – Указ. соч. – С. 17.

флот», Р. Перл, который представлял фирму «Боинг», решительно выступая против договора ОСВ-II, (в течение двух администраций Рейгана он исполнял обязанности заместителя Министра обороны по вопросам политики в области международной безопасности) и многие другие.[711] В книге «Дело против Конгресса» известные американские журналисты Д. Пирсон и Дж. Андерсен писали: «Путь получения контрактов на оформление военных поставок в наше время нередко вымощен смесью из выпивок, взяток и красивых блондинок».[712]

Совокупность указанных выше факторов опосредовала то, что в начале своего первого президентского срока, Рейган демонстрировал настоящую «армейскую лихорадку». Вместо 5-ти процентного увеличения военных расходов в год, как предлагалось Картером с поправкой на инфляцию, новая администрация наращивала вооружение гораздо более быстрыми темпами. Напомним, что во время предвыборной кампании в 1980 году Рейган неоднократно заявлял, что политика «разрядки» нанесла ущерб национальной безопасности США, поскольку Советский Союз под прикрытием заявлений о стремлении к миру и снижении международной напряжённости наращивал свои вооружённые силы. Став Президентом, в послании Конгрессу 1981 года он заявил, что Советский Союз в 1970-х годах потратил на оборону на 100 млрд. долл. больше, чем Соединённые Штаты.[713]

Структура бюджета США, который на 25% служил военным целям, подталкивала их военную машину к тому, чтобы пускать в ход оружие при каждой возможности. Итак, бюджет не только отражал, но и определял государственную политику: «Мы должны быть готовы, если надо, уже сегодня вступить в войну и одновременно готовиться вести бои завтрашнего дня с завтрашним противником», – заявил Министр обороны Уайнбергер.[714] Вместе с

---

[711] Цаголов Г. Н. Миллиарды на оружие: военно-промышленный комплекс США / Георгий Николаевич Цаголов. – М.: Мысль, 1986. – 255 с. – С. 175–176.

[712] Anderson J. The case against Congress / Jack Anderson, Drew Pearson. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1968. – 473 p. – P. 339.

[713] Stockholm International Peace Research Institute Yearbook 1990. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – 752 p. – P. 23.

[714] Quot. for: Stout D. Obituaries: Caspar W. Weinberger, Reagan’s defense chief / David Stout [Электронный ресурс] // The New-York Times. – Режим доступа к статье: http://www.nytimes.com/2006/03/29/world/americas/29iht-web.0329caspar.html?pagewanted=all&_r=0.

тем, Рейган неизменно подчёркивал, что все усилия в области военного строительства осуществляются ним исключительно с целью адекватного ответа на колоссальное наращивание военной мощи со стороны СССР, обеспечения обороноспособности США и предупреждения глобального конфликта. «На протяжении моей жизни, – указывал Рейган в радиообращении к нации от 23 марта 1983 года, – прошли две мировые войны. Мы не начинали их, ... сделав всё возможное, чтобы их избежать. Но мы не были подготовлены... и если бы мы были подгтовлены лучше, мир был бы сохранён».[715] С другой стороны, концепции «ядерного сдерживания», «окон уязвимости» и программа СОИ, были, по сути, идеологией непрерывной гонки вооружений, запугивания как чужих, так и своих. Милитаризация американского подхода к отношениям с Советским Союзом и чрезмерное влияние ВПК на внешнюю политику, о котором предупреждал Президент Эйзенхауэр в своём прощальном обращении к нации, в наиболее явной форме проявилась именно в ядерной арифметике и экзальтированном преувеличении масштабов «красной угрозы».[716]

В результате поворота американской внешней политики в сторону обострения международной обстановки, военные монополии сразу же получили заметные выгоды. Новые заказы на вооружение ещё только планировались, а курсы акций многих из этих корпораций резко пошли вверх, увеличивая состояние их владельцев. В 1981 году журнал «Бизнес Уик» опубликовал списки ряда ведущих корпораций, связанных с военно-промышленным комплексом, с данными о ценах на их акции:

Название корпорации	**Специализация**	**Цена на акции по состоянию на январь 1979 года, долл.**	**Изменение курса акций за 1981 год, долл.**

[715] Reagan R. Address to the nation on defense and national security. March 23, 1983 [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/youtubeclip.php?clipid=41093&admin=40.

[716] Котенко В. П. Критика идеологии современного милитаризма. (Философско-социологический критический анализ идеологии современного империалистического милитаризма): дисс. … канд. филос. наук: 09.00.01 «Диалектический и исторический материализм» / Виталий Павлович Котенко. – Л.: 1983. – 428 с. – С. 154.

«Рейтеон»	Ракеты, электроника	42–43	73
«Рокуэл»	Космические системы	35–52	52
«Лорал»	Электроника	26–54	54
«Боинг»	Самолёты	37–57	57
«Тодд шипьярдз»	Вооружение для ВМФ	21–41	41
«Флюор»	Военное строительство	34–55	50
«Пуллман»	Оборудование	29–43	38
«Перкин–Элмер»	Лазерная оптика	26–42	41
«Мартин–Мариетта»	Ракеты	30–43	43
«Макдонелл–Дуглас»	Самолёты, ракеты	20–41	41

Таблица 2. Колебания курсов акций основных предприятий ВПК США

Несложно заметить, что в большинстве компаний пик цен на акции пришёлся на начало 1981 года – к моменту, когда напряжённость в международной обстановке достигла самых высоких уровней, а американское руководство заявило о ещё большем, чем запланировано, увеличении ассигнований на военные нужды на ближайшие годы.[717]

Финансовый мир решительно поддержал осуществлённую кабинетом Рейгана милитаризацию экономики. Впрочем, сам Президент, отвечая на вопрос о своих связях с флагманами финансового сектора, заявил, что «семьдесят пять лет назад родился в Тампико, штат Иллинойс, в крошечной квартирке в доме, где на первом этаже был банк. Других контактов с банками у меня не было».[718] На международные кризисы Уолл-стрит обычно реагирует резким повышением курсов ценных бумаг: такая ситуация отражает не только ожидание особо выгодных военных заказов, сколько предвосхищает политические настроения руководителей фондового рынка.[719] В связи с этим, следует также рассмотреть

[717] Караганов С. А. США: транснациональные корпорации и внешняя политика / Сергей Александрович Караганов. – М.: Наука, 1984. – 176 с. – С. 161.
[718] Quotes by Ronald Reagan [Электронный ресурс] // Quote pixel. – Режим доступа: http://quotepixel.com/author/ronald_reagan.
[719] Меньшиков С. М. Миллионеры и менеджеры: современная структура финансовой олигархии США / Станислав Михайлович Меньшиков. – М.: Мысль, 1965. – 455 с. – С. 57–58.

внешнеполитические позиции основных групп Уолл-стрит (при условии, что эти позиции могут быть обнаружены).

Интерес для нас представляют несколько кланов, прежде всего – Рокфеллеры, которые представляют собой самое экономически могущественное семейство в мире (активы корпораций, связанных с их «Стандарт ойл», превышали в 1981 году 61 млрд. долл.). Хотя в соглашениях оборонного характера нефтяным компаниям принадлежало ограниченное участие, Рокфеллеры всё же выделялись среди других богатых семейств тем, что они лично вкладывали капитал в военные корпорации и устанавливали контроль над ними. Начав с захвата фирмы «Макдонелл эйркрафт» накануне Второй мировой войны, Рокфеллеры подчинили не менее 12 компаний, которые полностью или преимущественно работали для вооружённых сил, включая «Риекшн моторз», «Маркуардт эйркрафт», «Вертол эйркрафт», «Тиокол кемикл», «Айтек корпорейшн», «Ветро корпорейшн». Кроме того, через контролируемый кланом крупнейший банк Уолл-стрит «Чейз Манхэттен», они добились ведущего положения в военной фирме «Мартин–Мариетта». При незначительных (по сравнению с нефтяной промышленностью) инвестициях эти компании приносили огромные прибыли, поскольку Рокфеллеры играли на повышение их акций. По данным журнала «Форчун», за пять лет их инвестиции в предприятия, не связанные с нефтяной промышленностью, выросли втрое. Ещё большими были успехи «Тиокол кемикл» и «Айтек корпорейшн». Курс акций первой повысился за год в шесть раз, а второй – в сто.[720] В этом ключе неудивительно, что «Чейз Манхэттен» даже формально не проявлял обеспокоенности из-за дефицита государственного бюджета.

Наличие у «Стандарт ойл» собственности за рубежом должно было диктовать её владельцам стремление сохранения мира, ведь в случае войны значительная их часть могла быть потеряна. Академическому наблюдателю такая логика может показаться разумной, но политика компании имела агрессивную

[720] Фурсенко А. А. Династия Рокфеллеров / Александр Александрович Фурсенко. – Л.: Наука, 1985. – 488 с. – С. 328.

окраску. Одобряя внешнюю политику правительства, руководство «Стандарт ойл» приводило аргумент, который можно рассматривать как классическую формулировку версии, выдержанной в духе Холодной войны о роли Соединённых Штатов: «конкретное и решительное руководство делами всего мира (политическими, социальными и экономическими), и это руководство должно осуществляться в широком смысле этого слова. Оставаясь крупнейшим производителем, источником капитала и вкладчиком в глобальный механизм, мы должны задавать тон и взять на себя ответственность крупнейшего акционера этой корпорации, известной под названием «мир»... И это не на ограниченный срок. Это постоянная обязанность».[721] Семейство Рокфеллеров со своими партнёрами в деловых и бюрократических кругах последовательно и энергично действовало в духе этой политической линии и оказывало ей информационную поддержку. В частности, большой вклад в информационную борьбу против СССР был сделан финансируемой Рокфеллерами организацией «Крестовый поход за свободу»,[*] которая контролировала радиостанцию «Свободная Европа» и работала в тесном контакте с ЦРУ и Пентагоном.

Другой известной банковской группой Уолл-стрит был дом Моргана, активы «империи» которого оценивались в 65 млрд. долл. В годы Первой мировой войны Дж. П. Морган действовал как официальный агент по закупкам в США для британской армии; он и его партнёры приложили много усилий для вовлечения своего государства в этот глобальный конфликт, став, в результате, его ведущими банкирами. Также финансовые и промышленные группы Морганов играли заметную роль в управлении экономическими делами Соединённых Штатов и размещении заказов периода Второй мировой войны. Впрочем, в начале Холодной войны их положение относительно ухудшилось, поскольку сталь и другие виды продукции тяжёлой промышленности начали играть в производстве оружия меньшую роль. Анализировать деятельность этой группы на завершающем этапе Холодной войны сложно, поскольку её участники не столь

[721] Цит. по: Фурсенко А. А. Династия Рокфеллеров... – С. 329.

[*] Оганизация «Крестовый поход за свободу» (англ. «Crusade for Freedom») отличилась активностью в деле оказания помощи мятежникам во время антиправительственного выступления в Венгерской Народной Республике 1956 года.

публичные лица, как Рокфеллеры, кроме того, клан Моргана занимал командные позиции в корпорациях не так открыто. Тем не менее, в число этих корпораций входили промышленные предприятия, имевшие значительные интересы в производстве вооружений, прежде всего – «Дженерал электрик». Другие связанные с Морганом компании из лидеров военного бизнеса – «Интернешнл бизнес мешинз» и «Американ телефон энд телеграф». Судьба их участия в гонке вооружений постепенно увеличивалась – по мере роста в военном снабжении электронной аппаратуры и электронно-вычислительных машин. Вместе с тем, Морганы оставались ведущей финансовой силой в медной промышленности, также в значительной мере ориентированной на военные рынки.[722]

Экономические позиции Морганов и Рокфеллеров относительно армии и Холодной войны в более широком смысле несколько отличались. Интересы вторых в большей степени были связаны с чувствительными зарубежными инвестициями, тогда как капиталы Морганов были вложены в производство вооружений несколько в большей степени. При этом интересно, что в период администрации Рейгана их взаимоотношения стали более тесными.

Среди финансовых учреждений, которые извлекали выгоду от эскалации Холодной войны, следует упомянуть и отдельные учреждения, прежде всего – «Фест нешнел сити бэнк» (второй после «Чейз Манхэттен» банк Уолл-стрит по сумме депозитов, который распоряжался миллиардными суммами доверительных счетов). В прошлом этот банк был близок к обеим группам – Рокфеллера и Моргана, но впоследствии стал независимым центром финансовой мощи и держал в сфере своего влияния множество корпораций, имея тесные связи и с военной промышленностью. Он, в частности, выполнял банковские операции для «Боинга» и «Юнайтед эйркрафт».

Данные по военному бюджету США завершающего периода Холодной войны приведены в таблице 3:

---

[722] Перло В. Милитаризм и промышленность. Военные прибыли в век ракетно-ядерного оружия / Виктор Перло. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 263 с. – С. 194–197, 202–203.

Год	**1980**	**1981**	**1982**	**1983**	**1984**	**1985**	**1986**	**1987**	**1988**	**1989**	**1990**	**1991**
Военный бюджет, млрд. долл.	303.4	317.4	339.4	366.7	381.7	405.4	426.6	427.9	426.4	427.7	409.7	358.1

Таблица 3. Объём военного бюджета США в 1980–1991 годах

Основную часть средств из этого «пирога» получило большинство компаний, указанных в таблице 1, а также «Дженерал дайнэмикс», «Теннеко», «TPB», «Локхид», «Монсанто». В частности, в 1981 году «Боинг» заработал 600,5 млн. долл., «Макдонелл–Дуглас» – 144,6 млн. долл., «Рокуэл» – 280,2 млн. долл., «Дженерал дайнэмикс» – 195 млн. долл., «Юнайтед текнолоджис» – 393,4 млн. долл. и «Литтон индастриз» – 290,8 млн. долл.

Аргументируя перед конгрессменами необходимость увеличения военного бюджета, Президент в своём выступлении на объединённом заседании обеих палат Капитолия заявил, что «военные программы призваны создавать рабочие места», а «увеличение расходов на оборону – единственный способ достичь этой цели».[723] Однако статистика свидетельствовала о другом: было подсчитано, что высвобожденные от сокращения расходов на военные цели средства могли бы в гражданском секторе экономики США дать рабочих мест в 1,5–3 раза больше. Например, работая над созданием крылатых ракет, фирма «Боинг» сокращала объём производства гражданской авиации. Один миллиард долларов, вложенный в производство такого оружия, создавал 14 тысяч рабочих мест, тогда как в области здравоохранения их количество могло бы составить 48 тысяч.

Вместе с увеличением военного бюджета, изменилась и военная доктрина: ключевые игроки команды Рейгана объявили о том, что они отказываются от концепции «полторы войны» и будут готовить вооружённые силы обычного назначения для длительного ведения боевых действий практически во всех регионах мира. В контексте этого курса, в начале 1990-х годов Пентагон увеличил

[723] Reagan R. Message to the congress transmitting reports concerning civilian and military pay increases. November 16, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43250&st=&st1=.

количество армейских дивизий с 17 до 25, соединений истребительной авиации – с 24 до 28; всего в армию, ВВС и корпус морской пехоты было поставлено 8 тысяч самолётов; на 40% был увеличен танковый парк.[724]

Значительные изменения также претерпел подход к торговле оружием, и теперь Вашингтон тоже стал рассматривать её как инструмент своей внешней политики. Уже в первый год президентства Рейгана были заключены крупные контракты на поставку оружия более чем с двенадцатью государствами – от Сальвадора до Саудовской Аравии – с целью противостояния росту советского влияния в мире. В 1982 году поставки американского оружия за рубеж составили рекордную сумму – 25 миллиардов долларов. При этом, американцы своё оружие продавали, а не «поставляли» (в отличие от СССР, который делал это по ценам, часто не покрывавшим затрат на изготовление).[725]

Проводя новую стратегию, Вашингтон отвергал или значительно смягчал ограничения на торговлю оружием, введённые во времена предыдущих администраций. Например, было отменено т.наз. картеровское «правило проказы», запрещавшее посольствам США предоставлять любую помощь американским производителям оружия. Более того, зарубежным представительствам содействие своим военным операторам было вменено в обязанность. Были также устранены «критерии прав человека», применявшиеся администрацией Картера к государствам, которые покупали американскую технику. В результате были значительно смягчены ограничения на поставки вооружений Аргентине и Чили, а Южной Корее продано 36 современных (на тот момент) бомбардировщиков F-16. Но больше всего СССР был обеспокоен тем, что новое правительство США начало поставки оружия и технологий странам, которые занимались разработкой собственной ядерной программы. В частности, Пакистану было продано 40 боевых самолётов, хотя тот тайно создавал атомную

[724] Weinberger C. W., Secretary of Defense, annual report to the Congress for fiscal year 1983. – Washington, D.C.: GPO, 1982. – 207 p. – P. 8–9.
[725] Гриневский О. А. – Указ. соч. – С. 72.

бомбу, о чём в Вашингтоне не могли не знать. Такие действия были расценены как начало пересмотра Договора о нераспространении ядерного оружия.[726]

Как следствие, американское оружие прошло испытание в боевых условиях локальных конфликтов. Наибольшее значение в этом смысле имели «малые войны» на Фолклендских островах, Гренаде и в Ливане. Эти столкновения, которые для силовиков оказались весьма «своевременными», привели к продолжению роста стоимости акций главных производителей ультрасовременного технического армейского снаряжения. Показательно, что цены на продукцию, выпускаемую военными монополиями, в этот период росли почти в 1,5 раза быстрее, чем цены на промышленные товары из гражданского сектора.

В то же время, в течение своего первого президентского срока Рейган урезал социальные расходы почти по 250 программам на сумму 214 млрд. долл. В частности, были значительно сокращены средства, выделяемые на образование, помощь престарелым, пищевые талоны, пособие по безработице, медицинское обслуживание, развитие общественного транспорта. Пропорционально увеличению военного бюджета усиливался и налоговый пресс на основную часть населения. Если перед Второй мировой войной рядовой американец в среднем был вынужден отдавать в казну в виде налогов около 17 центов с каждого доллара, то в середине 1980-х годов он выплачивал 37 центов. Таким образом, реальная средняя заработная плата уменьшалась, покупательная способность граждан США снижалась, а это вело к неполному использованию мощностей предприятий, выпускавших потребительские товары. Отсюда – замедление темпов производства гражданской продукции и повышение цен на неё. Как утверждал американский исследователь К. Болдуин, гонка вооружений сокращала закупку товаров среднестатистической семьи США на 15–20%. Согласно официальной статистике, за годы правления рейгановской администрации, средний доход американской семьи сократился на 4,1%, безработица выросла на

[726] Урбанович Ю. В. Торговля оружием в неоколониалистской стратегии США: дисс… канд. экон. наук: 08.00.14 «Мировая экономика» / Юрий Владиславович Урбанович. – М., 1983. – 189 с. – С. 115–117.

14,9%. В самой богатой стране западного мира более 35 млн. граждан жили за чертой бедности. Более 4 млн. чел. не имели крыши над головой.

Учитывая эти и другие факторы, в американских политико-академических кругах в редких случаях звучали голоса против дальнейшей милитаризации национальной экономики. В частности, политические обозреватели отмечали, что «в долгосрочной перспективе более наступательная внешняя политика и более высокий уровень военных расходов поставят Вашингтон перед сложным выбором. Отрасли промышленности, работающие на потребление и на оборону, будут вести активную конкуренцию за исчерпаемые финансовые и материальные ресурсы в уже знакомом споре между маслом и пушками».[727] Эти прогнозы оправдались, и уже на третьем году правления администрации Рейгана те круги делового мира, которые экономически не выигрывали в результате активизации гонки вооружений, критиковали неоконсерваторов за то, что политика сверхбыстрого наращивания военных расходов вела к огромным дефицитам государственного бюджета, а это, в свою очередь, влекло за собой новые вспышки инфляции, удорожание кредитов, уменьшение инвестирования в гражданские отрасли. Себестоимость погони за превосходством, материальное обеспечение политики «с позиций силы» представлялась слишком высокой, – из-за убытков, которые наносились американской экономике, её конкурентоспособности на мировых рынках «мирной продукции», наконец, социальной стабильности в стране. Подобная волна критики правительства со стороны бизнес-элиты уже прокатывалась: именно такой была её реакция на наращивание военных бюджетов в течение 1960-х годов – сначала в результате гонки вооружений, а затем и войны во Вьетнаме.[728] Учитывая это, Рейган был вынужден заявить о планах сокращения финансирования части военных программ.

Вместе с тем, сопротивление этому сокращению начала оказывать значительная часть конгрессменов. В частности, в своём номере за 22 марта 1982 года еженедельник «Ньюс Уик» прокомментировал позицию законодателей

[727] Quot. for: Kohls G. The choice of guns over butter / Gary G. Kohls [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://consortiumnews.com/2013/01/28/the-choice-of-guns-over-butter.
[728] Караганов С. А. – Указ. соч. – С. 169–170.

следующим образом: «Если вы совершите сокращение в округе какого-либо члена Конгресса, вы наживёте себе врага на всю жизнь».[729] Несмотря на видимость определённых дискуссий на Капитолийском холме, процедура составления бюджета органично тяготела к увеличению расходов («расточительству и обману, обусловленными политическими соображениями и злоупотреблениями», как выразился один из советников Рейгана), ведь большинство решений, связанных с обороной, принималось за кулисами, где сговор между ключевыми членами Конгресса, сотрудниками Пентагона и военными подрядчиками часто приводил к результатам, «дававшим каждому что-нибудь». Следовательно, проведение через высший законодательный орган милитаристских программ облегчалось тем, что интересы Пентагона и конгрессменов часто совпадали. Многие законодатели, в чьих штатах и избирательных участках были расположены или строились военные предприятия и объекты, стремились расширить их с расчётом увеличения занятости и доходов в районах, от которых зависело их переизбрание на следующий срок. Кроме того, ряд американских авторов описывает, как обычно проходили заседания комиссий по делам вооружённых сил и ассигнований. Из них следует, что конгрессмены и сенаторы, которые были членами специальных комиссий по военным вопросам, редко читали материалы, собранные и подготовленные их помощниками, при этом часто в суть дела не вникали. Вынужденные оценивать проблемы, выходившие за пределы их понимания, они полагались на свои поверхностные впечатления, полученные от представителей Пентагона и советы упомянутых выше лоббистов от военно-промышленных кругов.[730]

Несмотря на «сплав» интересов ВПК и двух ветвей американских властей, в критике их курса вместе с «гражданским» бизнесом участвовала и часть политиков. В частности, в марте 1983 года 4 высокопоставленных деятеля США М. Банди (бывший советник Президента), Р. Макнамара (бывший Министр обороны), С. Вэнс (бывший Госсекретарь) и Э. Замвольт (адмирал в отставке)

[729] Цит. по: Цаголов Г. Н. – Указ. соч. – С. 175.
[730] Конгресс США и вопросы внешней и военной политики / Под ред. Иванова Ю. А. – М.: Наука, 1989. – 152 с. – С. 112–113.

выступили с официальным заявлением, в котором высказались против роста военного бюджета, запланированного на 1984–1988 годы. Они, в частности, предложили отказаться от ряда заведомо неэффективных программ, что позволило бы сэкономить более 136 млрд. долл. При этом они исходили из того, что вероятные темпы гонки вооружений могли нанести вред американской экономике, а некоторое уменьшение военного бюджета не ударило бы по мощи страны. Даже при таком сокращении, темпы роста расходов на оборону всё равно бы составили более 5% в реальном исчислении, т.е. были бы выше темпов роста военного бюджета страны в любой из относительно мирных периодов её истории. Приближались президентские выборы, поэтому кабинет Рейгана был вынужден прислушаться к этим голосам и даже формально возобновить переговоры по ограничению и сокращению стратегических вооружений с СССР, дав на это согласие осенью 1984 года. Впрочем, несмотря на этот манёвр, администрация Рейгана сохраняла свой курс на достижение силового превосходства, следовательно, переговоры представляли для него лишь прикрытие для развёртывания нового витка гонки вооружений.[731]

После переизбрания действующего на тот момент Президента, американский оборонный бюджет продолжил расти и вдвое превысил цифры, приводившиеся Рейганом в ходе его предвыборной кампании. В этой связи целесообразно отметить, что расходы США на армию составили 70% от суммарных оборонных расходов таких стран, как Великобритания, Франция, ФРГ и Япония, вместе взятых.

Таким образом, республиканцы продолжали реализовывать крупнейшую военную программу в истории своей страны послевоенного времени. Только за 9 месяцев 1985 года доходы 22 крупных подрядчиков Пентагона выросли на 29–67%, а вцелом, с 1980 года прибыли американских оружейных магнатов в среднем удвоились. К концу 1980-х годов военные ассигнования превысили 2 триллиона долларов. Эти колоссальные средства пошли на «довооружение Америки»: была

[731] Гарбузов В. Н. Антивоенное движение в США (1981–1988 гг.): дисс... канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Валерий Николаевич Гарбузов. – Л., 1990. – 215 с. – С. 98.

одобрена «всеобъемлющая стратегическая программа», в соответствии с которой формировалась новая система стратегических сил первого удара: межконтинентальные баллистические ракеты «МХ», «Миджитмен», атомные подводные лодки с ракетами «Трайдент», стратегические бомбардировщики «Б-1» и «Стелс», эшелонированная противоракетная оборона в космосе, крылатые ракеты большой дальности воздушного, морского и наземного базирования.[732]

В то же время, пропорциональные расходы на оборону осуществлялись и в Советском Союзе – безопасность оставалась приоритетом внутренней и внешней политики Кремля. В сочетании с определёнными трудностями, связанными с экономической войной против него и сужением доходной части бюджета, происходило дальнейшее истощение социальной сферы СССР и накопление психологической усталости от противостояния. Анализируя ситуацию в США в конце Холодной войны, историк Пол Кеннеди в своей книге «Рассвет и упадок великих держав», которая была издана в 1989 году, проводил параллель с ведущими мировыми державами прошлого (Испанией, Францией, Великобританией и Германией), на основании чего сделал вывод, что «Соединённым Штатам грозит экономический крах из-за взятых на себя чрезмерных обязательств военного... характера перед заморскими странами и пренебрежения социальными и экономическими проблемами, накопившимися дома».[733] В ходе оживлённой дискуссии, вызванной мрачным прогнозом историка, высказывалось мнение, что сочетание очень высоких оборонных расходов, значительных налоговых льгот, торгового дефицита и многочисленных амбициозных программ может превратить США в «историческую аномалию: первоклассную военную и второразрядную экономическую державу».[734] Впрочем, имеет своих сторонников и другое мнение – о том, что военные программы 1980-х годов способствовали повышению научно-технических и производственных возможностей государства и регулируемости экономики.

---

[732] Гарбузов В. Н. – Указ. соч. – С. 340.

[733] Kennedy P. The rise and fall of the Great Powers / P. Kennedy. – N.-Y.: Vintage Books, 1989. – 704 p. – P. 256.

[734] Коржубаев А. Г. Трансформация системы регулирования экономики США в 80-е гг.: концепция и реальность: дисс... канд. экон. наук: 08.00.01 «Политическая экономия» / Андрей Геннадьевич Коржубаев. – Новосибирск, 1999. – 234 с. – С. 127.

Подводя итог анализу роли ВПК как движущей силы политики Соединённых Штатов Америки, отметим, что, жёстко связывать изменения во внешнем курсе этого государства со специфическими интересами отдельных групп корпораций было бы неправомерным. Развитие военной, в том числе, ракетно-ядерной техники и военных доктрин во многом имеет свою собственную логику. Впрочем, очевидно и другое – сдвиг политики Вашингтона периода правления администрации Рейгана в сторону бескомпромиссного военно-политического противостояния Москве, усиление давления на её союзников по всему миру для достижения геополитического преимущества как на стратегическом, так и на региональном уровнях во многом было вызвано изменениями в настроениях ряда мощных группировок американского капитала.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

В 1991 году закончился «короткий» (не календарный, а исторический) XX век, и главную черту под ним подвёл коллапс 1/6 части мировой суши. По словам В. Путина, распад СССР представляет собой «величайшую геополитическую катастрофу», следовательно, его рождение, развитие и смерть, подобно судьбе других мощных образований мировой истории (Римской империи, Византии, нововременных европейских империй) и в дальнейшем будет привлекать внимание исследователей многих отраслей. Кроме объективно логических, факторы его дезинтеграции имеют иррационально-субъективный характер, роль в этом процессе внешнего фактора также более чем весома.

Холодная война, кульминация и завершение которой пришлись на 1980-е годы, имела долгую предысторию, которая включает в себя фактически весь более чем двухсотлетний период становления и развития отношений США с Россией/СССР. В рамках этого длинного, сложного и неоднозначного периода можно условно выделить ряд этапов, отражающих трансформацию взаимного восприятия сторон и их соответствующие действия. Отдельные контакты, отсчёт которым был дан в конце XVII века, с последней четверти XVII-го переросли в более широкие формы сотрудничества и партнёрства, фаза которых продолжалась до конца XIX века, сменившись латентной конфронтацией, присущей двусторонним отношениям на протяжении всего XX века.

Вопрос о логике и наполнении отношений США и СССР не укладывается в простую линейную схему конфликта, поскольку их диалог имел множество измерений и переменных составляющих. Американо-советские отношения представляли собой своего рода индикатор общемировых тенденций; анализ явлений и знаковых событий в контексте взаимоотношений двух ключевых государств отражает имманентные им внутренние процессы во всех гранях бытия – духовной, морально-психологической, социальной, экономической, общественно-политической. Политика Вашингтона на советском направлении – это своего рода «зеркало», в котором отображались общие тенденции развития

американского общества, состояние национального «организма». В 1970-х годах это состояние приобрело выраженные признаки соматической болезни, факторы которой имели, прежде всего, экзогенное происхождение: имела место психологическая фрустрация, вызванная отступлением от активной роли на мировой арене. Традиционно, трудовую этику США формировала мистико-эсхатологическая идея служения «американской миссии» (утверждение справедливого мирового порядка), выступавшая действенным ограничителем дестабилизирующих социальных факторов. Соответственно, поражение в Индокитае и потерю контроля над рядом других регионов «третьего мира» можно рассматривать как причину и одновременно следствие внутриполитического кризиса. В свою очередь, результатом этого было ухудшение базовых показателей экономического развития – феномен «стагфляции», рост безработицы, обострение валютной проблемы и ослабление темпов роста производства. Это имело следствием укрепление тенденций падения жизненного уровня рядовых граждан и отодвигание Соединённых Штатов с позиций индустриального лидера западного мира. Закономерно, что в качестве единственно возможного выхода из данной ситуации политико-академическая элита видела «возвращение к истокам» и опору во внутригосударственном курсе на традиционные американские ценности, что получило в литературе название «консервативного поворота». На мировой арене этот «поворот» означал укрепление военной компоненты внешнеполитической стратегии и наступательного характера американской дипломатии как средства реализации национальных интересов.

Главной преградой на этом пути оставался Советский Союз. Политика президентских представителей Демократической партии относительно него не только не приводила к ослаблению внутренних и внешних позиций Кремля, а, наоборот, способствовала их укреплению, что свидетельствовало об ошибочности избранной стратегии и тактики относительно этого государства в целом. По этой причине американские консервативные политические круги, обслуживаемые «фабриками мысли» и олицетворённые интеллектуальными кругами Республиканской партии, пришли к мнению о необходимости изменения

существующего направления «советского» вектора внешней политики. Прежде всего, изменилось отношение к вопросу о единстве социалистического содружества – США взяли курс не на баланс и сдерживание, а его расчленение и разрыв союза участников СЭВ и ОВД между собой, с одной стороны, и с Кремлём – с другой. При этом, в качестве повода для обструкции в двусторонних отношениях США и Союза ССР было использовано присутствие советского военного контингента в Афганистане.

Стороной, инспирировавшей эскалацию Холодной войны на рубеже 1970-х – 1980-х годов, следует рассматривать кластер американской военно-промышленной и финансовой элит, заинтересованных в получении гарантированных заказов на производство вооружений. Именно эти круги способствовали избранию Президентом США лидера правоконсервативних сил, республиканца Рейгана. В отличие от своих предшественников, новый лидер публично декларировал своей целью не симметричное противостояние и «сдерживание», а ликвидацию мировой социалистической системы и трансформацию советского строя в сторону западных стандартов. На реализацию данной цели был направлен широкий комплекс мероприятий во всех возможных сферах.

Наряду со свёртыванием торговли, были приложены значительные усилия по снижению мировых цен на энергоносители, что привело к сужению доходной части советского бюджета. Кроме того, проводилась политика дестабилизации ситуации в приграничных с СССР странах и оказания поддержки антикоммунистическим силам, которые вели борьбу на их территории. Подобная ситуация должна была привести к обострению внутриполитической обстановки внутри СССР и, как следствие, к падению авторитета КПСС и советской власти в целом.

Многовекторные действия американской администрации имели кумулятивный эффект, свидетельством чего были начатые советским руководством во второй половине 1980-х годов «перестройка» и «демократизация» собственной социально-экономической, затем и политической

сферы. Заявления Горбачёва и партийного руководства о преданности «новому политическому мышлению» и абстрактным «общечеловеческим ценностям» сопровождались либеральными реформами и односторонним уменьшением стратегического потенциала, прекращением военной поддержки и экономических дотаций не только отдалённых, но и приграничных с Советским Союзом стран. Американо-советские отношения этого периода эволюционировали от ярко выраженной обструкции и конфронтации в сторону формальной солидаризации и декларируемого партнёрства.

Ведущая роль в разработке и формировании курса в отношении Советского Союза принадлежала исполнительной ветви власти Соединённых Штатов, прежде всего – администрации Президента и руководителям Государственного департамента, ЦРУ, Пентагона и Совета национальной безопасности. Органы же законодательной власти, представленные палатами Конгресса, на эти процессы влияли косвенно. В течение рассматриваемого периода 1981–1989 годов в Сенате и Палате представителей дискуссии по вопросу двусторонних отношений сводились в основном, к утверждению американского военного бюджета (который имел тенденцию постоянного роста), путей окончательной «демократизации» социалистической системы и снижения влияния СССР на республики Центральной и Восточной Европы, как и страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Внешнеполитические цели США были реализованы при тесном взаимодействии и единстве законодательной и исполнительной ветвей власти. Программными документами, которые определяли общие задачи политики Соединённых Штатов относительно Союза ССР, выступали директивы национальной безопасности, разработанные президентской администрацией в первой половине 1980-х годов, в совокупности составившие «доктрину Рейгана», реализованную на практике во второй половине десятилетия.

Реализация намеченного курса осуществлялась правительственными департаментами, прежде всего, Государственным и Оборонным, и с помощью международных военных и экономических блоков, важнейшая роль среди

которых отводилась Североатлантическому альянсу и Координационному комитету по экспортному контролю.

В период администрации Рейгана имела место эволюция идейного климата в государстве как смещение традиционной политической символики в сторону переработки привычных и популярных среди рядовых американцев лозунгов неоконсервативного христианского толка. Именно этим была опосредована радикализация курса по преодолению «советской угрозы» и бескомпромиссность в борьбе против Кремля; как следствие, в начале 1980-х годов Холодная война и биполярное равновесие сил в мире перестали восприниматься как естественное состояние вещей. Победа США в этом конфликте была обеспечена единством ценностных ориентаций индивидов и элиты, которая удачно использовала лозунги «крестового похода» и позиционировала Советский Союз как «империю зла». Этот негативный образ СССР оказался важным инструментом конструирования американской социальной реальности, поскольку на основании систематических посылок средствами масс-медиа распространялись иллюзорные представления о политической действительности. На основании этих представлений формировалась и укреплялась специфическая гегемонистская идентичность, к концу века окончательно кристаллизовавшаяся в качестве фундамента внешней политики.

Доктрина и стратегия Р. Рейгана в практическом измерении могут быть адекватно отражены и поняты при учёте психологического фактора и особенностей его проявления в личной позиции. Популярный в истории международных отношений тезис об обязательности для всех глав США соблюдения демократических принципов отцов-основателей американского государства в сфере внешней политики не может быть абсолютизирован. Своими действиями на международной арене Р. Рейган продемонстрировал крайне высокую степень субъективизма в оценках внешнего мира и возможность ситуативных решений, которые выходили за демократические рамки в нарушение декларируемой традиции. На принятие решений Р. Рейгана относительно СССР, кроме мощных связей с руководителями флагманских предприятий ВПК,

повлияла его приверженность доктрине защиты жизненных интересов и неоглобализма, а также комплекс личных психологических черт, прежде всего – поляризованность мышления. Свидетельством этого были усилия по преодолению в массовом сознании «вьетнамского синдрома» и использование эсхатологической терминологии в публичной риторике. Вместе с этим, личность и убеждения Президента были зеркальным отражением доминирующих в тогдашнем американском обществе настроений.

В 1991 году Союз ССР перестал существовать, однако сформированный негативный имидж был распространён на его правопреемницу – Российскую Федерацию; учитывая специфику американских политических традиций с их неизбежными стратегическими и геополитическими императивами, базирующимися на принципе континуитета (непрерывности) и преемственности, нет оснований считать, что его восприятие как инфернального (иррационального) зла было нивелировано и отношение к ней обрело толерантность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

I. Документы исполнительной ветви власти США

1. 1980 Presidential Debates [Электронный ресурс] // Cable News Network. – Режим доступа к документу: http://edition.cnn.com/ALLPOLITICS/1996/debates/history/1980/index.shtml.
2. Alexander Meigs Haig, Jr. Press Conference [Электронный ресурс] // Television news archive. – Режим доступа к документу: http://tvnews.vanderbilt.edu/program.pl?ID=273544.
3. Economic Report of the President. – Washington, D.C.: GPO, 1985. – 385 p.
4. Economic Report of the President. – Washington, D.C.: GPO, 1989. – 434 p.
5. Export promotion, export disincentives and US competitiveness: reports by the President pursuant to section 1110 (a) of the trade agreements act of 1979. Printed for the use of the committee on banking, housing, and urban affairs, US Senate. – Washington, D.C.: GPO, 1980. – 612 p.
6. Monroe J. Seventh annual message. December 2, 1823 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29465&st=&st1.
7. National Intelligence Estimate NIE 11-23-88 «Gorbachev’s Economic Programs: The Challenges Ahead» [Электронный ресурс] // Declassified National Intelligence Estimates on the Soviet Union and International Communism. – Режим доступа к документу: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/.../16526pdffiles/NIE11-23-88.pdf.
8. National Intelligence Estimate NIE 11-3/8-82 «Soviet Capabilities For Strategic Nuclear Conflict, 1982–1992» [Электронный ресурс] // Declassified National Intelligence Estimates on the Soviet Union and International Communism. – Режим доступа к документу: http://www.foia.cia.gov/sites/... Soviet20Union20and20International20Communism.html.

9. NSC 20/4 «US objectives with respect to the USSR to counter Soviet threats to US security». November 23, 1948 // Foreign Relations of the United States. – Washington, D.C.: GPO, 1948. – 15 p.
10. NSDD 24 «Mission to certain European countries concerning oil and gas equipment exports to the USSR and restricting credits to Soviet bloc countries». February 9, 1982 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/index.html.
11. NSDD 32 «US national security strategy». May 20, 1982 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-032.htm.
12. NSDD 41 «Sanctions on oil and gas equipment exports to the USSR». December 30, 1981 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/index.html.
13. NSDD 54 «US policy towards Eastern Europe». September 2, 1982 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-054.htm.
14. NSDD 66 «East–West relations and Poland related sanctions». November 29, 1982 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-066.htm.
15. NSDD 75 «US relations with the USSR». January 17, 1983 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-075.htm.
16. NSDD 77 «Management of public diplomacy relative to national security». January 14, 1983 [Электронный ресурс] // Federation of American scientists. – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-077.htm.
17. Quotes by Ronald Reagan [Электронный ресурс] // Quote pixel. – Режим доступа: http://quotepixel.com/author/ronald_reagan.

18. Reagan jokes about bombing Russia. August 11, 1984 [Электронный ресурс] // National History. – Режим доступа: http://www.history.com/this-day-in-history/reagan-jokes-about-bombing-russia.
19. Reagan R. Address at commencement exercises at the United States Military Academy. May 27, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43865&st=.
20. Reagan R. Address before a joint session of Congress on the State of the Union. January 25, 1988 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=36035&st=.
21. Reagan R. Address before a joint session of the Congress following the Soviet–United States summit meeting in Geneva. November 21, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38088&st=.
22. Reagan R. Address to members of the British parliament. June 8, 1982 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=42614&st=.
23. Reagan R. Address to the nation on defense and national security. March 23, 1983 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=41093&st1=.
24. Reagan R. Address to the nation on defense and national security. March 23, 1983 [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/youtubeclip.php?clipid=41093&admin=40.
25. Reagan R. Address to the nation on the meetings with Soviet General Secretary Gorbachev in Iceland. October 13, 1986 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=36587&st=.

26. Reagan R. Address to the nation on the upcoming Soviet–United States summit meeting in Geneva. November 14, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38068&st=.
27. Reagan R. Farewell address to the nation. January 11, 1989 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29650&st=.
28. Reagan R. Inaugural address. January 20, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43130&st=.
29. Reagan R. Inaugural address. January 21, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38688&1=.
30. Reagan R. Letter to the attorney general directing an assessment of the Voting Rights Act. June 15, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43949=&st1=.
31. Reagan R. Message to the Congress on freedom, regional security, and global peace. March 14, 1986 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=36995&st1=.
32. Reagan R. Message to the Congress transmitting reports concerning civilian and military pay increases. November 16, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=4325&st1=.
33. Reagan R. Radio address to the nation on prayer in schools. February 25, 1984 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=39565&st =.

34. Reagan R. Radio address to the nation on United States foreign policy. April 7, 1984 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=39736&st.
35. Reagan R. Remarks and a question-and-answer session with regional editors and broadcasters. March 11, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38306&st=.
36. Reagan R. Remarks and a question-and-answer session with regional editors and broadcasters. April 18, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38498&st=.
37. Reagan R. Remarks at the annual convention of the National Association of Evangelicals in Orlando, Florida. March 8, 1983 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=41023&st=&st1.
38. Reagan R. Remarks at the conservative political action conference dinner. March 20, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43580&st=&st1.
39. Reagan R. Remarks on arrival at Shannon airport in Shannon, Ireland. June 1, 1984 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=40004&st=&st1.
40. Reagan R. Remarks on issuing the joint Soviet–United States statement on the summit meeting in Geneva. November 21, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=38087&st=.
41. Reagan R. Remarks to state chairpersons of the national White House conference on small business. August 15, 1986 // PPP [Электронный ресурс] // The

American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=37767&st=.

42. Reagan R. Remarks to the students and faculty at North Carolina State University in Raleigh. September 5, 1985 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=39057&st1=.
43. Reagan R. Remarks via satellite to Newsweek magazine employees and press on the 50th anniversary of the magazine. February 24, 1983 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=40967&st=.
44. Reagan R. Statement on the Soviet attack on a Korean civilian airliner. September 1, 1983 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=41779&st=.
45. Reagan R. Statement on the Soviet–United States arms control negotiations. November 16, 1988 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=35169&st=.
46. Reagan R. The President's news conference. January 29, 1981 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=44101&st=.
47. Reagan R. We should declare war on North Vietnam [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: http://www.lushquotes.com/quote/ronald-reagan_NDAzMzUz.html.
48. Reagan R. Written responses to questions submitted by France Soir magazine. November 3, 1984 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=39370&st=.
49. Reagan R., Gorbachev M. New Year's messages of President Reagan and Soviet General Secretary Gorbachev. January 1, 1986 // PPP [Электронный ресурс] //

The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=36367&st=.

50. Reagan R. Address at commencement exercises at the University of Notre Dame. May 17, 1981 [Электронный ресурс] // Ronald Reagan Presidential Library. – Режим доступа к документу: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1981/51781a.htm.
51. Reagan R. National security strategy of the United States / Ronald W. Reagan. – Washington, D.C.: Pergamon-Brassey's Intern. Defense Pub, 1988. – 114 p.
52. Reagan R. Statement on direct communication links between the United States and the Soviet Union. April 12, 1983 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=41172&st=.
53. Reagan R. Statement on the fifth anniversary of the Solidarity movement in Poland. August 31, 1985 [Электронный ресурс] // Ronald Reagan Presidential Library. – Режим доступа к документу: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1985/83185b.htm.
54. The USSR: impact of credit restrictions on foreign trade and the economy. CIA historical review program release as sanitized. – Langley: Office of Soviet analysis, 1991. – 20 p.
55. Toasts of the President and General Secretary Gorbachev of the Soviet Union at the state dinner in Moscow. May 30, 1988 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=35895&st=.
56. Weinberger C. W. Secretary of defense, annual report to the Congress for fiscal year 1983. – Washington, D.C.: GPO, 1982. – 207 p.
57. Wilson T. W. Address to a joint session of Congress on the conditions of peace. January 8, 1918 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=65405&st=.

II. Документы законодательной ветви власти

58. Amendment № 1396 // CR – 98th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S35474.
59. Amendment № 2114 // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 134. – P. S6437.
60. Amendment № 2122 // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 134. – P. S6616–S6624.
61. Approaching the summit soberly // CR – 99th Congress. – House of Representatives. – Vol. 131. – P. H32466.
62. Arms control // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S16517.
63. Arms control 1985 // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S32389.
64. Arms control negotiations with the Soviet Union // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S2027.
65. Can SDI be legally tested and developed? // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S16134.
66. Commending the President for his efforts on behalf of rights while at Moscow summit // CR – 100th Congress. – House of Representatives. – Vol. 134. – P. H4451.
67. Deconcini. Amendments № 2118–2122 // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 134. – P. S6520.
68. Dreams and realities // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S18141.
69. Economic policy and the outlook for the economy. Annual report the Senate and the house committee on the budget. – Washington, D.C.: GPO, 1981. – 101 p.
70. House Resolution 257. Regarding the United States response to Summit meeting at Geneva // CR – 99th Congress. – House of Representatives. – Vol. 131. – P. H32172.
71. Let’s not undermine the President in Iceland // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 132. – P. S15136.
72. Military technology and conventional weapons export controls: the Wassenaar arrangement. CRS report for Congress. September 29, 2006 [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.fas.org/sgp/crs/weapons/RS20517.pdf.

73. Myth of the day // CR – 101st Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S33852.
74. Neuhaus R. Moral leadership in post-secular America // CR – 97th Congress. – Senate. – Vol. 129. – P. S2671.
75. Protesting various Soviet human rights violations 1988 // CR – 100th Congress. – House of Representatives. – Vol. 134. – P. H3558– H3559.
76. Public Law 97–280. 97th Congress Joint Resolution authorizing and requesting the President to proclaim 1983 as the «Year of the Bible» [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://scripturalaw.org/ecj-Public_Law_97-280.html.
77. Raising the plight of Soviet Jewry in the pre-summit talks in Iceland // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 132. – P. S15923.
78. Response of the majority leader // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S15554.
79. SDI // CR – 101st Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S32871.
80. Seeking a new path // CR – 98th Congress. – Senate. – Vol. 130. – P. S1022–S1024.
81. Senate Resolution 502. Regarding the United States response to summit meeting at Reykjavik, Iceland 1986 // CR – 99th Senate. – Senate. – Vol. 132. – P. S15677.
82. Strategic defenses, arms control and deterrence // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S32857.
83. Strategic Defense Initiative // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S32871.
84. Successful signing of INF agreement back to the grim reality of domestic problems // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S17476.
85. Summit Issues: a United States–Soviet poll // CR – 100th Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S189.
86. Summit meeting at Geneva 1985 // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S31688.

87. The dollar, inflation, and US monetary policy: hearing before the joint economic committee, Congress of the United States, 96th Congress, 1st Ses., October 17, 1979. – Washington, D.C.: GPO, 1980. – 27 p.
88. The premises of East–West commercial relation. – Washington, D.C.: GPO, 1983. – 196 p.
89. The Reagan–Gorbachev summit and its implications for United States–Soviet relations. Hearing before the Committee on foreign affairs. October 31, 1985. House of Representatives. – 99th Congress, 1st Session. – Washington, D.C.: GPO, 1986. – 39 p.
90. The Reagan–Gorbachev summit and its implications for United States–Soviet relations. Hearing before the committee on foreign affairs, House of Representatives. December 16, 1987. – 101st Congress, 1st Session. Washington, D.C.: GPO, 1988. – 123 p.
91. United States and Soviet public opinion supports arms control // CR – 101st Congress. – Senate. – Vol. 133. – P. S17244.
92. US–USSR commercial relations issues in East–West trade / Ed. by Hardt J. P., Boone J. F. – Washington, D.C.: Congressional Research Service, 1986. – 19 p.
93. Wise advice from American business for the President at the summit // CR – 99th Congress. – Senate. – Vol. 131. – P. S32219.

III. Документы политических партий

94. Democratic national political convention 1980 [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: http://www.loc.gov/rr/main/democratic_conventions/convention1980.pdf.
95. Republican party platform of 1980. July 15, 1980 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25844.
96. Democratic Party Platform of 1980. August 11, 1980 // PPP [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – Режим доступа к документу: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29607.

IV. Материалы статистики и социологических опросов

97. Public opinion. – Vol. 9. – 1986 [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute for Public Policy Research. – Режим доступа к документу: http://www.aei.org/article/politics-and-public-opinion/polls/vol/9/1986/how-strong-is-sentiment-against-the-USSR.
98. Public opinion. – Vol. 11. – 1988 [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute for Public Policy Research. – Режим доступа к документу: http://www.aei.org/article/politics-and-public-opinion/polls/vol/11/1988/how-strong-is-sentiment-against-the-USSR.
99. Public opinion. – Vol. 13. – 1990 [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute for Public Policy Research. – Режим доступа к документу: http://www.aei.org/article/politics-and-public-opinion/polls/vol/13/1990/how-strong-is-sentiment-against-the-USSR.
100. Smith T. The polls: American attitudes toward the Soviet Union and communism / Tom W. Smith // Public Opinion Quarterly. – Vol. 47. – Summer 1983. – P. 277–292.
101. Special study on economic change: studies prepared for the use of the special study on economic change of the joint economic committee, Congress of the United States. – Washington, D.C.: GPO, 1980. – 254 p.
102. The Gallup poll monthly. – № 295. – May 1990. – 68 p.
103. The quality of American life in the Eighties. Report of the panel on the quality of American Life. – Trenton: Prentice-Hall, 1981. – 146 p.
104. Консолидированный бюджет СССР и России [Электронный ресурс] – Режим доступа к документу: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/Ve/1995/95-7illarionov/95-7illarionov020.htm.

V. Документы международных организаций

105. History of the Organisation for Economic Co-operation and Development [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://www.oecd.org/pages/0,3417,en_36734052_36761863_1_1_1_1_1,00.html.
106. Stockholm International Peace Research Institute. Yearbook 1990: World Armaments and Disarmament 21st ed. – Oxford, N.-Y.: Oxford University Press, 1991. – 752 p.

VI. Документы и международные договоры, опубликованные в сборниках

107. Agreements on Afghanistan // Historic documents of 1987. – Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc., 1988. – 1100 p.
108. Pope's trip to Poland // Historic documents of 1983. – Washington, D.C.: Congressional Quarterly Inc., 1984. – 683 p.
109. М. С. Горбачёв в Нью-Йорке: 6–8 декабря 1988 года: документы и материалы / Под ред. Грибенко В. Я. – М.: Политиздат, 1988. – 29 с.
110. Соединённые Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Под ред. Жидкова О. А. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 768 с.

VII. Мемуары

111. Baker J. The politics of diplomacy: revolution, war, and peace, 1989–1992 / James Addison Baker III, Thomas M. DeFrank. – N.-Y.: G. P. Putnam's Sons, 1995. – 687 p.
112. Bush G. A world transformed / George Herbert Walker Bush, Brent Scowcroft. – N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1998. – 590 p.
113. Carter J. Keeping faith: memoirs of a President / James Earl Carter, Jr. – Fayetteville: University of Arkansas Press, 1982. – 640 p.
114. Haig A. M., Jr. Caveat: realism, Reagan and foreign policy / Alexander Meigs Haig, Jr. – N.-Y.: Macmillan, 1984. – 367 p.

115. Kirkpatrick J. The Reagan doctrine and US foreign policy / Jeane Duane Jordan Kirkpatrick, Ray S. Cline. – Washington, D.C.: Heritage Foundation, 1985. – 23 p.
116. Nixon R. 1999: Victory without war / Richard Milhous Nixon. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1988. – 336 p.
117. Reagan R. Foreign policy and world realities / Ronald W. Reagan. – Stanford: Stanford University Press, 1977. – 48 p.
118. Reagan R. Ronald Reagan call to action: the candidate's office positives on every major issue of the ages / Ronald W. Reagan, Charles D. Hobbs. – N.-Y.: Thomas Nelson Inc., 1976. – 190 p.
119. Schweizer P. Reagan's war: the epic story of his forty year struggle and final triumph over communism / Peter Schweizer. – N.-Y.: Doubleday, 2002. – 339 p.
120. Shultz G. Turmoil and triumph: my years as Secretary of State / George P. Shultz. – N.-Y.: Scribner's, 1993. – 1184 p.
121. Sincerely, Ronald Reagan / Ed. by H. von Damn. – N.-Y.: Berkley Books, 1984. – 292 p.
122. Tallbot S. The Russians and Reagan / Strobe Talbot. – N.-Y.: Vintage, 1984. – 140 p.
123. Thatcher M. Press conference for Washington Post and Newsweek. November 17, 1988 [Электронный ресурс] // The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. – Режим доступа к документу: http://www.margaretthatcher.org/document/107390.
124. Thatcher M. TV interview for BBC. December 17, 1984 [Электронный ресурс] // The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. – Режим доступа к документу: http://www.margaretthatcher.org/document/105592.
125. Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина / Валентин Михайлович Бережков. – М.: ДЭМ, 1993. – 400 с.
126. Бешлосс М. Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачёва с американцами / Майкл Бешлосс, Тэлботт Строуб. – М.: Алгоритм, 2012. – 352 с.

127. Бобков Ф. Д. Андропов. КГБ отвечает за всё / Ф. Д. Бобков, В. А. Крючков, В. С. Широнин. – М.: Алгоритм, 2012. – 256 с.
128. Горбачёв М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / Михаил Сергеевич Горбачёв. – М.: Политиздат, 1988. – 271 с.
129. Гриневский О. А. Сценарий для третьей мировой войны. Как Израиль чуть не стал её причиной / Олег Алексеевич Гриневский. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 383 с.
130. Даллес А. Доктрина / Аллен Даллес. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. – 224 с.
131. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно / Анатолий Фёдорович Добрынин. – М.: Автор, 1996. – 688 с.
132. Дубинин Ю. В. Время перемен. Записки посла в США / Юрий Владимирович Дубинин. – М.: Авиарус-XXI, 2003. – 464 с.
133. Ерофеев В. И. Дипломат / Владимир Иванович Ерофеев. – М.: Зебра Е, 2005. – 489 с.
134. Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана / Джордж Фрост Кеннан. – М.: Центрполиграф, 2002. – 479 с.
135. Киссинджер Г. А. Дипломатия / Генри Альфред Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 849 с.
136. Мэтлок Д. Ф. Рейган и Горбачёв: как окончилась «холодная война»… и все выиграли / Джек Ф. Мэтлок (мл.). – М.: Р. Валент, 2005. – 328 с.
137. Огарков Н. В. История учит бдительности / Николай Васильевич Огарков. – М.: Военное изд-во, 1985. – 94 с.
138. Рейган Р. Жизнь по-американски / Рональд Рейган. – М.: Новости, 1992. – 749 с.
139. Рейган Р. Откровенно говоря. Избранные речи / Рональд Рейган. – М.: Новости, 1990. – 398 с.
140. Устинов Д. Ф. Отвести угрозу ядерной войны / Дмитрий Федорович Устинов. – М.: Новости, 1982. – 16 с.

141. Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 т. – Т. 2: Их самый славный час / Уинстон Спенсер Черчилль. – М.: Терра, 1998. – 319 с.
142. Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 т. – Т. 3: Великий союз / Уинстон Спенсер Черчилль. – М.: Терра, 1998. – 367 с.
143. Швейцер П. Тайная стратегия развала СССР / Петер Швейцер. – М.: ЭКСМО, 2010. – 304 с.
144. Шебаршин Л. В. Рука Москвы. Записки начальника советской разведки / Леонид Владимирович Шебаршин. – К.: Стодола, 1993. – 303 с.
145. Широнин В. С. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплёка перестройки / Вячеслав Сергеевич Широнин. – М.: Палея, 1996. – 400 с.

Литература

VIII. Монографии, статьи

146. Aho J. A. This thing of darkness: a sociology of the enemy / James Alfred Aho. – Seattle: University of Washington Press, 1994. – 224 p.
147. Anderson J. The case against Congress / Jack Anderson, Drew Pearson. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1968. – 473 p.
148. Asher H. Presidential elections American politics: voters, candidates, and campaign since 1952 / Herbert B. Asher. – Stamford: Brooks Cole, 1992. – 394 p.
149. Barnet R. J. Roots of war. The men and institutions behind US foreign policy. – N.-Y.: Atheneum, 1972. – 350 p.
150. Bemis S. F. A diplomatic history of the United States / Samuel Flagg Bemis. – N.-Y.: Henry Holt & Cº, 1955. – 1062 p.
151. Berger P. Religion in post-Protestant America / Peter Berger // Commentary. – May 1986 [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://proquest.umi.com/pqdweb?did=2761674&Fmt. =3&clientld=23774&RQT=309&VName=PQD.

152. Bolkhovitinov N. Russia and the American Revolution / Nikolay Bolkhovitinov. – Tallahassee: Diplomatic Press, 1976. – 277 p.
153. Borker S. Conciliation, confrontation, and approval of the President / S. Borker, L. Kriesberg // Peace & Change. – № 11. – Spring. – 1985. – P. 31–48.
154. Botero G. The reason of state / Giovanni Botero. – New Haven: Yale University Press, 1956. – 298 p.
155. Brinkley A. The publisher: Henry Luce and his American Century / Alan Brinkley. – N.-Y.: Vintage Books, 2011. – 576 p.
156. Brownlow L. What we expect the President to do / Louis Brownlow // The presidency. – Boston: Little, Brown & Cº, l969. – 539 p.
157. Brownstein R. Reagan's ruling class / Ronald Brownstein, Nina Easton. – N.-Y.: Pantheon Books, 1983. – 759 p.
158. Brzezinski Z. Game plan: a geostrategic framework for the conduct of the US–Soviet contest / Zbigniew Kazimierz Brzezinski. – Boston: The Atlantic Monthly Press, 1986. – 288 p.
159. Brzezinski Z. The grand failure: the birth and death of communism in the twentieth century / Zbigniew Kazimierz Brzezinski. – N.-Y.: Charles Scribner's Sons, 1989. – 278 p.
160. Busch A. Ronald Reagan and the defeat of the Soviet Empire / Andrew E. Busch // The Cold War. – Vol. 2. – N.-Y.: Routledge, 2001. – 532 p.
161. Buzan B. The logic of anarchy: neorealism to structural realism / Barry G. Buzan, Charles A. Jones, Richard Little. – N.-Y.: Columbia University Press, 1993. – 267 p.
162. Cain F. Economic statecraft during the Cold War: European responses to the US trade embargo (Cold War history) / Frank Coin. – London: Routledge, 2012. – 240 p.
163. Carey P. Staking a moral claim in the public square / Paul Carey // US News and World Report. – April 11. – 1988. – P. 60.
164. Carter H. The Reagan years / William Hodding Carter, II. – N.-Y.: G. Braziller, 1988. – 202 p.

165. Complexity, global politics and national security / Ed. by Alberts D. and Czerwincki T. – Washington, D.C.: University Press of the Pacific, 1997. – 400 p.
166. Cox H. Religion is again a potent social force / Harvey Cox // US News and World Report. – March 5. – 1984. – P. 47.
167. Dallek R. Ronald Reagan: the politics of symbolism / Robert Dallek. – Cambridge: Harvard University Press, 1984. – 221 p.
168. Dallin A. Global interventionism and the Reagan doctrine // Reagan and the Russians: American policy toward the Soviet Union / Alexander Dallin. – Boston: Little, Brown & Cº, 1987. – 254 p.
169. Dilanni A. Morality and the decline of the United Nations / Alan Dilanni // America. – September 3. – 1988. – P. 133–134.
170. Dornan J. The US war machine / James E. Dornan, Jr. – N.-Y.: Crown Pub, 1978. – 271 p.
171. Duignan P. United States in the 1980's / Peter Duignan, Alvin Rubushka. – Stanford: Hoover Press, 1980. – 868 p.
172. Durić M. The Strategic Defence Initiative: US policy and the Soviet Union / Mira Durić. – Aldershot: Ashgate, 2003. – 198 p.
173. Easton D. Systems analysis of political life / David Easton. – N.-Y.: Wiley, 1965. – 532 p.
174. Edsall T. The Reagan legacy. Promice and perfomance / Thomas Byrne Edsall, Sidney Blumenthal. – N.-Y.: Pantheon Books, 1988. – 318 p.
175. Ehrman J. The Eighties: America in the Age of Reagan / John Ehrman. – London, New Haven: Yale University Press, 2005. – 296 p.
176. Encyclopedia of policy studies / Ed. by St. S. Nagel. – N.-Y.: Marcel Dekker, INC, 1983. – 914 p.
177. Epp R. The English School on the frontiers of international society: a hermeneutic recollection / Roger Epp // Review of International Studies. – Vol. 24. – 1998. – P. 49.

178. Faulkner W. Requiem for a Nun / William Cuthbert Faulkner. – N.-Y.: Vintage Books, 1975. – 245 p.
179. Franck T. Foreign policy by Congress / Thomas M. Franck, Weisband Edward. – N.-Y.: Oxford University Press, 1979. – 357 p.
180. Garrison J. The Russian threat. Its myths and realities / Jim Garrison, Pyare Shivpuri. – London: Gateway Books, 1983. – 344 p.
181. Garthoff R. Eastern Europe in the context of US–Soviet relations / Raymond L. Garthoff // Soviet policy in Eastern Europe / Ed. by Terry S. M. – New Haven: Yale University Press, 1984. – 375 p.
182. Garthoff R. The great transition: American–Soviet relations and the end of the Cold War / Raymond L. Garthoff. – Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 1994. – 848 p.
183. George A. Presidential decision making in foreign policy: the effective use of information and advice / Alexander L. George. – Boulder: Westview Press, 1980. – 267 p.
184. Gershman C. The rise and fall of the new foreign policy establishment / Carl Gershman [Электронный ресурс] Режим доступа: http://thecommentary.org/the_rise_and_fall_of_the_new foreign_policy_establishment.html.
185. Gillespie M. Religion and the resurgence of Conservatism / Michael Gillespie, Michael Lienesh // The resurgence of Conservatism in Anglo-American democracies / Ed. by Cooper B. – Durhame, London: Duke University Press, 1988. – 469 p.
186. Glad B. Black and white thinking: Ronald Reagan’s approach to foreign policy / Betty Glad [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.jstor.org/discover/10.2307/3791173?uid=3739232&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21101903639651.
187. Golder F. A. Catherine II and the American Revolution / F. A. Golder // The American Historical Review. – January 21. – 1915. – P. 92–96.

188. Goldwater B. Goldwater / Barry Morris Goldwater, Jack Casserly. – N.-Y.: Cornell University Press, 1988. – 512 p.

189. Grasping at the whirlwinds of change: transitional leadership in comparative perspective. The case studies of Mikhail Gorbachev and F. W. de Klerk [Электронный ресурс] // Documents & Resources. – Режим доступа к документу: http://www.thefreelibrary.com/Grasping+at+the+whirlwinds+of+change%3A+transitional+leadership+in...-a0181462499.

190. Grimmett R. F. Instances of use of United States armed forces abroad, 1798–2004. Congressional Research Service report RL30172 / Richard F. Grimmett [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/crs/rl30172.htm.

191. Hamilton G. Governor Reagan, governor Brown: a sociology of executive power / Gary G. Hamilton, Nicole W. Biggart. – N.-Y.: Columbia University Press, 1989. – 326 p.

192. Hargrove E. Presidents, politics and policy / Erwin C. Hargrove, Michael Nelson. – N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1984. – 129 p.

193. Harle V. The enemy with a thousand faces: the tradition of the other in Western political thought and history / Vilho Harle. – Westport: Praeger Pub, 2000. – 232 p.

194. Harmel R. An integrated theory of party goals and party change / R. Harmel, K. Janda // 1992 Annual Meeting of the American Political Science Association. – Chicago, 1992. – 1066 p. – P. 755.

195. Harris L. Associates survey for Business Week / Louis Harris. – November 13, 1989. – 25 p.

196. Harrison M. Reagan’s world / M. Harrison // Foreign Policy. – Vol. 43. – 1981. – P. 3–16.

197. Henkin L. Foreign affairs and the Constitution / Louis Henkin. – N.-Y.: Foundation Press, 1972. – 535 p.

198. Hermann M. Personality and foreign policy heads of government / Margaret G. Hermann // Foreign policy decision making: perception, cognition and artifical intelligence / Ed. by D. Sylvan. – N.-Y.: Praeger, 1984. – 344 p.
199. Hersman R. Friends and foes: how Congress and the President really make foreign policy / Rebecca K. C. Hersman. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2000. – 154 p.
200. Herzberg H. The child monarch / Hendrik Herzberg [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.newrepublic.com/article/politics/81636/the-child-monarch.
201. Hurwitz J. Public images of the Soviet Union: the impact of foreign policy attitudes / Jon Hurwitz, Mark Peffley // Journal of Politics. – № 52. – February. – 1990. – P. 3–28.
202. Hutcheson R. God in the White House: how religion has changed the modern presidency / Richard G. Hutcheson. – London: MacMillan Pub Cº, 1988. – 267 p.
203. Irwin D. Historical aspects of US trade policy / Douglas A. Irwin [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://www.nber.org/reporter/summer06/irwin.html.
204. Ivie R. Speaking «common sense» about the Soviet threat / Robert L. Ivie // Western Journal of Speech Communication. – Vol. 48. – 1984. – P. 42.
205. Jackson J. The world trading system: law and policy of international economic relations / John H. Jackson. – Cambridge: MIT Press. – 453 p.
206. Jervis R. The logic of images in International Relations / Robert L. Jervis. – Princeton: Princeton University Press, 1970. – 281 p.
207. Keen S. Faces of the enemy: reflections of the hostile imagination / Sam Keen. – San Francisco: Harper & Row, 1986. – 200 p.
208. Kegley Ch. The Reagan administration world view / Charles W. Kegley, Jr., Eugene R. Wittkoph // Orbis. – Spring. – 1982. – P. 227–228.
209. Kenez P. The picture of the enemy in Stalinist films / Peter Kenez // Insiders and outsiders in Russian cinema. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – 179 p.

210. Kennedy P. The rise and fall of the great powers / Paul Kennedy. – N.-Y.: Vintage Books, 1989. – 704 p.
211. Kepel G. Revenge of God: the resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the modern world / Gilles Kepel. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. – 215 p.
212. Kissinger H. Domestic structure and foreign policy / Henry Alfred Kissinger // International politics and foreign policy / Ed. by James N. Rosenau. – N.-Y.: Free Press, 1969. – 740 p. – P. 261–275.
213. Kissinger H. The necessity for choice. Prospects of American foreign policy / Henry Alfred Kissinger. – London: Chatto & Windus, 1960 – 370 p.
214. Kriesberg L. Changes in public support for US military spending // L. Kriesberg, R. Klein // Journal of Conflict Resolution. – № 24. – 1980.
215. Kristol I. Reflections of a neoconservative / Irving Kristol. – N.-Y.: Basic Books, 1983. – 336 p.
216. LaFeber W. America, Russia, and the Cold War, 1945–1996 / Walter LaFeber. – N.-Y.: McGraw-Hill, 1997. – 408 p.
217. Lejon K. Reagan, religion and politics / Kjell O. U. Lejon. – Lund: Lund University Press, 1988. – 215 p.
218. Leuchtenburg W. The 1984 election in historical perspective / William Edward Leuchtenburg. – Waco: Markham Press Fund of Baylor University Press, 1986. – 43 p.
219. Levering R. B. The public opinion and American foreign policy, 1918–1978 / Ralph B. Levering. – N.-Y.: Morrow, 1978. – 192 p.
220. Levinson D. The relevance of personality for political participation / Daniel J. Levinson // Public Opinion Quarterly. – Vol. 22. – 1958. – P. 3–10.
221. Lodge G. The new American ideology / George C. Lodge. – N.-Y.: Alfred Knopf, 1976. – 350 p.
222. Looking back on the Reagan presidency / Ed. by L. Berman. – Baltimore, London: Johns Hopkins University Press, 1990. – 332 p.

223. Mackinder H. The geographic pivot of history / Halford John Mackinder // Democratic ideas and reality. – London: Faber & Faber, 1999. – 248 p.
224. Mahan A. The influence of sea power upon history (1660–1783) / Alfred Thayer Mahan. – Mineola: Dover Pub, 1987. – 640 p.
225. Maynes C. America without the Cold War / Charles William Maynes // Foreign Policy. – № 78. – Spring 1990. – P. 3–25.
226. McClelland D. Power: the inner experience / David C. McClelland. – N.-Y.: Irvington, 1975. – 379 p.
227. McFarlane R. Effective strategic policy / Robert Carl McFarlane // Foreign Affairs. – № 1. – Vol. 67. – 1988. – P. 40–41.
228. Mikhail Gorbachev, Man of the year // Time. – № 1. – Vol. 131. – 1988.
229. Mort Sahl quotes [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://thinkexist.com/quotation/washington_couldn-t_tell_a_lie-nixon_couldn-t/338105.html.
230. Muller R. Revitalization America: politics for prosperity / Ronald E. Muller. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1980. – 508 p.
231. Namenwirth J. Dynamics of culture / J. Zvi Namenwirth, Robert Philip Weber. – London: Unwin Hyman, 1987. – 288 p.
232. News Summary // New York Times. – December 4, 1987 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.nytimes.com/1987/12/04/nyregion/news-summary-friday-december-4-1987.html.
233. Osgood R. E. Ideals and self-Interest in America's foreign relations: the great transformation of the twentieth century / Robert Endicott Osgood. – Chicago: University of Chicago Press, 1953. – 346 p.
234. Paddock A. Psychological operations in the early 1980's: the way we were / Alfred H. Paddock, Jr. // Special Warfare. – Vol. 6. – October 1993. – P. 29–33.
235. Page B. The rational public: fifty years of trends in Americans' policy preferences (American politics and political economy series) / Benjamin B. Page, Robert Y. Shapiro. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 506 p.

236. Pierard R. Civil religion and the presidency / Richard V. Pierard, Robert D. Linder. – Grand Rapids: Academic Books, 1988. – 359 p.
237. Podhoretz N. The present danger. Do we have the will to reverse the decline of American power? / Norman Podhoretz. – N.-Y.: Simon & Schuster, 1980. – 109 p.
238. Reagan legacy / Ed. by S. Blumenthal, T. Edsall. – N.-Y.: Pantheon Books, 1988. – 318 p.
239. Reed T. C. At the abyss: an insider's history of the Cold War / Thomas C. Reed. – N.-Y.: Ballantine Books, 2004. – 368 p.
240. Reichly A. J. That elusive political majority / A. J. Reichly // Fortune. – March 1971. – P. 69–151.
241. Richman S. The Reagan record on trade: rhetoric vs. reality / Sheldon L. Richman // Cato Policy Analysis № 107 [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.cato.org/pubs/pas/pa107es.html.
242. Ronald Reagan and the fall of the Soviet Union: plot or serendipity [Электронный ресурс] // Reliable security information. – Режим доступа к статье: http://www.globalsecurity.org/military/library/report/1995/BMH.htm.
243. Schlesinger A. M. Path of the present / Arthur Meier Schlesinger, Jr. – N.-Y.: Macmillan, 1949. – 374 p.
244. Schlesinger A. The imperial presidency / Arthur Meier Schlesinger, Jr. – N.-Y.: Popular Library, 1973. – 505 p.
245. Schmickle W. Soviet interrepublican trade: domestic patterns and international possibilities / William E. Schmickle // The USSR and the world economy: challenges for the global integration of Soviet markets under perestroika / Ed. by Palmieri D. A. – Westport: Praeger, 1992. – 190 p.
246. Schurr S. Energy in America's future: the choices before us / Sam S. Schurr. – Baltimore: the John Hopkins University Press, 1979. – 555 p.
247. Schwartz R. A. Cold War culture: media and the arts, 1945–1990 / Richard Alan Schwartz. – N.- Y.: Facts on File, 1998. – 376 p.

248. Scott R. Cold War rhetoric: strategy, metaphor, and ideology / Robert Scott. – East Lansing: Michigan State University Press, 1997. – 256 p.
249. Seliktar O. Politics, paradigms, and intelligence failures: why so few predicted the collapse of the Soviet Union / Ofira Selictar. – N.-Y.: M. E. Sharp, 2004. – 288 p.
250. Shaw A. Hollywood's Cold War / Anthony Shaw. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 336 p.
251. Shelton J. The coming Soviet crash. Gorbachev's desperate pursuit of credit in Western financial markets / Judy Shelton. – N.-Y.: The Free Press, 1989. – 246 p.
252. Sloan P. Russia: friend or foe? / Pat Sloan. – London: Frederick Muller, 1981. – 200 p.
253. Smith P. America enters the world: a people's history of the progressive era and World War II / Page Smith. – N.-Y.: McGraw-Hill, 1985. – 1205 p.
254. Sørensen G. International Relations theory after the Cold War / Georg Sørensen // Review of International Studies. – № 5. – Vol. 24. – 1998. – P. 86–89.
255. Soviet diplomacy and negotiations behavior (1977–1988): new tests for US diplomacy. – Vol. II. – Washington, D.C.: Committee on Foreign Affairs, 1988. – 876 p.
256. Spykman N. America's strategy in world politics: the United States and the balance of power / Nicholas J. Spykman, Francis P. Sempa. – Piscataway: Transaction Pub, 2007. – 500 p.
257. Stein H. Presidential economics: the making of economic policy from Roosevelt to Clinton / Herbert Stein. – Washington, D.C.: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1994. – 495 p.
258. Steinfels P. Lutheran minister prodding US Catholics to lead Christian revitalization / P. Steinfels // The New York Times. – January 27, 1988 [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.nytimes,com/1988/01/27/us/lutheran-minister-prodding-us-catholics-to-lead-christaian- revitalization.html&pagewanted=all&sre=pm.

259. Strausz-Hupe R. Geopolitics. The struggle for space and power / Robert Strausz-Hupe. – Washington, D.C.: Worldwatch Institute, 1956. – 426 p.
260. The Cold War is back: Putin's Russia named as number one threat to US by Obama's nominee to lead the Joint Chiefs of Staff [Электронный ресурс] // The Daily Mail. – Режим доступа к документу: http://www.dailymail.co.uk/news/article-3155130/Russia-U-S-national-security-threat-U-S-Gen-Dunford.html#ixzz3g3KGrSZs.
261. The executive's book of quotations / Ed. by Julia Vitullo-Martin and J. Robert Moskin. – N.-Y.: Oxford University Press, 1994. – 396 p.
262. The premises of East–West commercial relation. – Washington, D.C.: GPO, 1983. – 196 p.
263. The Reagan diaries / Ed. by D. Brinkley. – N.-Y.: Harper Collins, 2007. – 751 p.
264. The Reagan experiment. An examination of economic and docial policies under the Reagan administration / Ed. by J. L. Palmer, I. V. Sawhill – Washington, D.C.: Urban Insitute Press, 1982. – 530 p.
265. The Reagan presidency. An early assessment / Ed. by F. Greenstein. – Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1983. – 197 p.
266. The Reagan years / Ed. by S. Knott, J. Chidester. – N.-Y.: Checkmark Books, 2005. – 520 p.
267. The Reagans: a love story in letters [Электронный ресурс] // National Broadcasting Company. – Режим доступа к статье: http://www.nbcnews.com/id/4201869/#.UUjF4ke3Zog.
268. Thurow L. The zero-sum society: distribution and the possibilities for economical change / Lester Thurow. – N.-Y.: Basic Books, 2001. – 230 p.
269. TIME 100 Most influential people [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://web.archive.org/web/20110805071838/http://www.time.com/time/specials/bestworst/category/0,32241,politics,00.html.
270. Tucker R. New isolationism: threat or promise? / Robert W. Tucker – N.-Y.: Universe Books, 1972. – 127 p.

271. Tucker R. The inequality of nations / Robert W. Tucker. – N.-Y.: Basic Books, 1977. – 214 p.
272. Uhlenberg P. The declining well-being of American adolescents / Peter Uhlenberg, David Eggereen // The Public Interest. – № 82. – Winter. – 1986. – P. 25–38.
273. Vennesson P. Les relations internationales dans la science politique aux États-Unis / Pascal Vennesson // Politix. – № 41. – 1998. – P. 176.
274. Wayne V. The Future under President Reagan / Valis Wayne, Aram Bakshian, Jr. – Westport: Arlington House Pub, 1981. – 194 p.
275. Why «the survival mentality» is rife in America // US News and World Report. – May 17. – 1982. – P. 60.
276. Windt T. Essays in presidential rhetoric / Theodore Windt, Beth Ingold. – L.-A.: Kendall Hunt Pub Cº, 1987. – 445 p.
277. Witness to the end of the Cold War / Ed. by W. C. Wohlforth. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1996. – 540 p.
278. Yankelovich D. America's «new thinking» / Daniel Yankelovich // Foreign Affairs. – № 1. – Vol. 66. – 1988. – P. 1–17.
279. Yankelovich D. Assertive America / D. Yankelovich, L. Kagan // Foreign Affairs. – № 3. – Vol. 59. – 1981. – P. 703–705.
280. Yankelovich D. Coming to public judgment. Making democracy work in a complex world / Daniel Yankelovich. – N.-Y.: Syracuse University Press, 1991. – 290 p.
281. Yankelovich D. Farewell to «President knows best» / Daniel Yankelovich // Foreign Affairs. – № 3. – Vol. 58. – 1980. – P. 673–675.
282. Yankelovich Group. A surveys of American voters: attitudes concerning National security issues. – N.-Y.: Author, 1988. – 372 p.
283. Автономова Н. С. Власть в психоанализе и психоанализ власти / Наталия Сергеевна Автономова // Очерки современной политической философии Запада / Под ред. Мшвениерадзе В. В. – М.: Наука, 1989. – 325 с.

284. Алаев Л. Б. Империя: феномен или этап развития? / Л. Б. Алаев // Вопросы истории. – № 4–5. – 2000. – С. 148–156.

285. Алексеев А. И. Судьба Русской Америки / Александр Иванович Алексеев. – Магадан: Магад. кн. изд-во, 1975. – 325 с.

286. Алимов К. З. Идеологические установки внешней политики США и международное право / Кадыр Захидович Алимов. – Ташкент: Фан, 1988. – 277 с.

287. Аптекер Г. История американского народа: в 12 тт. – Т. 2: Американская революция 1763–1783 / Герберт Аптекер. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 382 с.

288. Араби Б. Ибн-Хальдун – основоположник арабской социологии / Билал Араби // Социологические исследования. – № 11. – 1990. – С. 107–109.

289. Арбатов Г. А. Нам грозит более опасный период, чем холодная война / Георгий Аркадьевич Арбатов // Россия в глобальной политике. – № 6. – 2008. – С. 131–133.

290. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Раймон Арон. – М.: Текст, 1993. – 303 с.

291. Артамошин С. В. Карл Хаусхофер и формирование немецкой школы геополитики / Сергей Викторович Артамошин. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 480 с.

292. Ашин Г. К. Вторжение без оружия: идеологическая борьба в современном мире и буржуазная «массовая культура» / Геннадий Константинович Ашин. – М.: Советская Россия, 1985. – 160 с.

293. Байден Дж. Точка зрения демократов: Конгресс и внешняя политика / Джозеф Робинетт Байден // Внешняя политика США [Электронный ресурс] // Электронный журнал Государственного департамента США. – Режим доступа: http://sd.and.ru/doc/poli_10r.pdf.

294. Баркан Д. И. Международный менеджмент: организация и стратегия / Давид Иосифович Баркан. – СПб.: Питер, 2001. – 574 с.

295. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества / Эдуард Яковлевич Баталов. – М.: Наука, 1990. – 252 с.

296. Батюк В. И. Мальта–1989 / Владимир Игоревич Батюк // США и Канада: экономика, политика, культура. – № 12. – 2009. – С. 72–84.

297. Батюк В. И. Национальная оборонная стратегия США после неоконсервативной революции / Владимир Игоревич Батюк // США и Канада: экономика, политика, культура. – № 7. – 2007. – С. 21–38.

298. Батюк В. И. Истоки «холодной войны»: советско-американские отношения в 1945–1950 гг. / Владимир Игоревич Батюк. – М.: РНФ, 1992. – 57 с.

299. Беглов И. И. США: собственность и власть / Иван Иванович Беглов. – М.: Наука, 1971. – 552 с.

300. Белевцева С. Н. Выработка механизма влияния на демократизацию советского общества: взаимодействие ветвей власти США в период второй администрации Р. Рейгана / Светлана Николаевна Белевцева [Электронный ресурс] // Учёные записки. Электронный научный журнал КГУ. – № 4 (24). – 2012. – Режим доступа к статье: http://scientific-notes.ru/pdf/027-006.pdf.

301. Белевцева С. Н. Поворот от конфронтации к сотрудничеству в советско-американских отношениях в период второго президентства Р. Рейгана: мотивы и цели сторон / Светлана Николаевна Белевцева // Вестник истории и философии КГУ. – № 1 (3). Серия «История». – Курск: КГУ, 2008. – С. 39–50.

302. Белевцева С. Н. Позиция Конгресса США по проблеме прав человека в советско-американских отношениях в период второго президентства Р. Рейгана / Светлана Николаевна Белевцева // Актуальные вопросы междунар. отношений и внешней политики: сборник науч. трудов. – Курск: КГУ, 2008. – С. 58–87.

303. Бердяев Н. А. Судьба России (Опыт по психологии войны и национальности) / Николай Александрович Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.

304. Богатуров А. Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталёв. – М.: Научно-образовательный форум по междунар. отношениям, 2002. – 384 с.

305. Богатуров А. Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе / Алексей Демосфенович Богатуров // Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Под ред. Кокошина А. А., Богатурова А. Д. – М.: КомКнига, 2005. – 432 с.

306. Богатырёв А. На нефтяных дрожжах / А. Богатырёв // Азия и Африка сегодня. – № 1. – 1992. – С. 51–58.

307. Богачёва О. В. США: экономика на перепутье / Ольга Владимировна Богачёва // Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. – М.: Правда, 1988. – 159 с. – С. 100–112.

308. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли: в 5 тт. / Жан Боден. – М.: Мысль, 1997.

309. Бокарев Ю. П. Технологическая война в системе «холодной войны» // СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е / Юрий Павлович Бокарев. – М.: Наука, 2007. – 381 с.

310. Борисов С. Джимми Картер и борьба противоречий / Сергей Борисов [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.pravda.ru/world/15-10-2002/809148-0/.

311. Боффа Дж. История Советского Союза: в 2-х тт. / Джузеппе Боффа. – М.: Междунар. отношения, 1994.

312. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Фернан Поль Ашиль Бродель. – М.: Прогресс, 1992. – 678 с.

313. Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке / Карен Нерсесович Брутенц. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 656 с.

314. Бузань В. Ю. Вплив американсько-радянського суперництва на перебіг арабсько-ізраїльського конфлікту (1956–1991 рр.) / В. Ю. Бузань // Гілея. – № 69. – 2013. – С. 219–220.

315. Булгаков П. Г. Жизнь и труды Беруни / Павел Георгиевич Булгаков. – Ташкент: Фан, 1972. – 428 с.

316. Бурсов А. В. Лоббисты катастрофы (О военно-промышленном комплексе США) / Анатолий Владимирович Бурсов, Алексей Иванович Подберёзкин. – М.: Московский рабочий, 1987. – 128 с.

317. Бьюэлл Э. Архаичны, но адаптивны: о политических партиях США (Сверяясь с «классическими» оценками) / Эметт Бьюэлл // ПОЛИС. – № 1. – 1996. – С. 138–150.

318. Васильев А. М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму / Алексей Михайлович Васильев. – М.: Наука, 1993. – 397 с.

319. Вачнадзе Г. Н. Идеологические диверсии империализма / Георгий Николаевич Вачнадзе. – М.: Педагогика, 1981. – 120 с.

320. Вебер М. Основные социологические понятия / Макс Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

321. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Джамбаттиста Вико. – К.: Иса, 1994. – 656 с.

322. Внешняя торговля СССР: статистический сборник, 1918–1966. – М.: Междунар. отношения, 1967. – 241 с.

323. Волковский Н. Л. 80-е годы: основной компонент «стратегии национальной безопасности» / Николай Лукьянович Волковский // История информационных войн: в 2 ч. – Ч. 2. – СПб.: Полигон, 2003. – 729 с.

324. Гантінгтон С П. Протистояння цивілізацій та зміна світового порядку / Семюел Піліпс Гантінгтон. – Львів: Кальварія, 2006. – 471 с.

325. Герасимов В. М. Общественное мнение в зеркале политической психологии / В. М. Герасимов. – М.: Луч, 1994. – 134 с.

326. Гердер Й. Идеи к философии истории человечества / Йоганн Готфрид Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.

327. Гибианский Л. Я. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока / Леонид Янович Гибианский // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сборник статей / Под ред.

Егоровой Н. И., Чубарьяна А. О. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 642 с. – С. 137–186.

328. Гоббс Т. Левіафан, або суть, будова і повноваження держави церковної та цивільної / Томас Гоббс. – К.: Дух і Літера, 2000. – 606 с.
329. Головко В. Аспекты информационной войны «арабской весны» / Владимир Головко // Волонтёр. – № 1. – Февраль-март. – 2013. – С. 55.
330. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы: в 2 кн. / Михаил Сергеевич Горбачёв. – Кн. 2. – М.: Новости, 1995. – 656 с.
331. Государственный строй США / Под ред. Никифорова А. С. – М.: Юридическая литература, 1976. – 327 с.
332. Грачёв А. Горбачёв. Человек, который хотел, как лучше… / Андрей Серафимович Грачёв. – М.: Вагриус, 2001. – 496 с.
333. Громыко А. А. Братья Кеннеди / Андрей Андреевич Громыко, Андрей Афанасьевич Кокошин. – М.: Мысль, 1985. – 480 с.
334. Грэм Аллисон о моделях принятия решений в области национальной безопасности // Теория международных отношений: хрестоматия / Под ред. Цыганкова П. А. – М.: Гардарики, 2002. – 400 с. – С. 267–270.
335. Губерман И. М. Третий иерусалимский дневник / Игорь Миронович Губерман [Электронный ресурс] Режим доступа: http://thelib.ru/books/guberman_igor/tretiy_ierusalimskiy_dnevnik_sbornik-read.html.
336. Гудков Л. Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции / Лев Гудков // Образ врага. – М.: ОГИ, 2005. – 334 с.
337. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Лев Николаевич Гумилёв. – М.: Айрис-Пресс, 2013. – 560 с.
338. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Николай Яковлевич Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
339. Действующее международное право: в 3 тт. / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – Т. 2. – М.: МНИМП, 1997. – 512 с.

340. Декарт Р. Сочинения: в 2 тт. – Т. 1. / Рене Декарт. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.

341. Ди Нольфо Э. «Большая разрядка» и её пределы // История международных отношений, 1918–1999 гг. / Эннио Ди Нольфо. – М.: Логос, 2003. – 1306 с.

342. «Доктрина Брежнева» и «Пражская весна» 1968 г. // Советская внешняя политика в годы «холодной войны». Новое прочтение / Под ред. Л. Н. Нежинского. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 400 с.

343. Дорошенко В. С. Кто угрожает миру / Владимир Сергеевич Дорошенко. – К.: Политиздат Украины, 1985. – 88 с.

344. Дугин А. Основы геополитики / Александр Гельевич Дугин. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 928 с.

345. Дунаева Е. Радиодиверсия провалилась «Вражеские голоса» прекращают эфирное вещание и уходят в Сеть / Елена Дунаева [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://lenta.ru/articles/2011/06/20/radio/.

346. Дыбковская А. История Польши с древнейших времен до наших дней / Алиция Дыбковская. – Варшава: Научное издательство ПВН, 1995. – 380 с.

347. Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней / Игорь Михайлович Дьяконов. – М.: Восточная литература, 1994. – 382 с.

348. Егорова-Гантман Е. В. Игры в солдатики: политическая психология президентов / Екатерина Владимировна Егорова-Гантман. – М.: Николо, 2003. – 336 с.

349. Ерасов Б. С. Феномен «восточного деспотизма» как явление нового мышления / Борис Сергеевич Ерасов // Восток. – № 4. – 2000. – С. 5–17.

350. Жуков Е. Ф. Страховые монополии в экономике США / Евгений Фёдорович Жуков. – М.: Наука, 1971. – 170 с.

351. Зименков Р. И. Глобальная стратегия международных монополий США: экономический аспект / Рудольф Иванович Зименков, Сергей Юрьевич Медведков. – М.: Наука, 1988. – 332 с.

352. Иванов Ю. А. Конгресс США и внешняя политика: возможности и методы влияния 1970–1980 гг. / Юрий Александрович Иванов. – М.: Наука, 1982. – 212 с.

353. Иванян Э. А. История США: пособие для вузов / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Дрофа, 2008. – 571 с.

354. Иванян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 368 с.

355. Иванян Э. А. Рональд Рейган – хроника жизни и времени / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Мысль, 1991. – 411 с.

356. Ивашов Л. Г. Геополитические горизонты России / Леонид Григорьевич Ивашов // Международная жизнь. – № 5. – 2007. – С. 22–25.

357. Иващенко А. С. Место Афганистана во внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки на азиатском континенте (20-е годы XX в. – апрель 1978 г.) / Александр Стефанович Иващенко // Вопросы теории и методологии истории. – Майкоп, 1995. – Вып. I. – С. 74–87.

358. Иващенко А. С. Политическая борьба по вопросам внешнеполитического курса США в отношении Афганистана (1978–1989 гг.) / Александр Стефанович Иващенко // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – Сб. научн. тр. кафедры философии МПГУ. – Вып. 1. – М.: Прометей, 1998. – С. 63–81.

359. Иващенко А. С. Реакция США и международного сообщества на ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. / Александр Стефанович Иващенко // Проблемы теории и практики интегративной антропологии / Материалы науч.-практич. конф. (23–25 мая 1996 г., Майкоп). – Майкоп: [Б. и.], 1996. – С. 104–106.

360. Иллеш А. В. Тайна корейского «Боинга-747» / Андрей Владимирович Иллеш, Александр Анатольевич Шальнев. – М.: Известия, 1991. – 203 с.

361. Ильинский М. М. Вьетнамский синдром. Война разведок / Михаил Михаилович Ильинский. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 672 с.

362. Ирхин Ю. В. Проблемы постмодерна в политике / Ю. В. Ирхин [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.imperativ.net/imp12/quebec.html.
363. История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918 / Под ред. Куропятника Г. П. – М.: Наука, 1997. – 384 с.
364. История внешней политики СССР 1917–1980: в 2 тт. – Т. 2. – 1945–1980 гг. / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарёва. – М.: Наука, 1981 – 596 с.
365. История политических и правовых учений / Под ред. Нерсесянца В. С. – М.: Норма–Инфра, 1998. – 736 с.
366. История профсоюза «Солидарность» в Польше: сводный реферат / Сост. Шлычкова Ю. С. – М.: ИНИОН, 1991. – 30 с.
367. История США: в 4 тт. / Под ред. Севостьянова Г. Н. – М.: Наука 1983–1987.
368. Капиталистические и развивающиеся страны: социально-экономический справочник / Под ред. Манукяна А. – М.: Изд-во политической литературы, 1973. – 350 с.
369. Караганов С. А. США: транснациональные корпорации и внешняя политика / Сергей Александрович Караганов. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
370. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / Сергей Георгиевич Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2010. – 864 с.
371. Картамышева С. Н. Внешнеполитические стереотипы и американское восприятие мира в контексте проблемы «Мы–другие» / Светлана Николаевна Картамышева // Материалы VII междунар. науч. конф. Ассоциации изучения США. – М.: Путь, 2002. – С. 183–190.
372. Картамышева С. Н. Восточная Европа в стратегических планах США (конец 80-х – начало 90-х гг.) / Светлана Николаевна Картамышева // Межвузовский сборник научных работ. – Курск: КГУ, 1999. – С. 82–98.
373. Картамышева С. Н. Идеологическая экспансия США: имперский замысел / Светлана Николаевна Картамышева. Петербургские Кариевские чтения по новистике «Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.)». – СПб.: СПбГУ, 1999. – С. 402–405.

374. Картамышева С. Н. Идеология и внешняя политика: основные направления реализации американской стратегии распространения демократии / Светлана Николаевна Картамышева // Запад и Восток: традиции, взаимодействие, новации. – Материалы III междунар. науч. конф. (23–25 ноября 2000 г.). – Владимир: ВПГУ, 2000. – С. 94–96.

375. Картамышева С. Н. Конгресс США и советско-американская встреча в Рейкьявике (1986) / Светлана Николаевна Картамышева. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – 43 с.

376. Картамышева С. Н. Конфликты и кризисы: проблема доверия в межгосударственных отношениях / Светлана Николаевна Картамышева. Научные труды МПГУ. Серия: социально-исторические науки. – М.: Прометей, 1999. – С. 232–238.

377. Картамышева С. Н. Конфронтация или сотрудничество: основные принципы формирования внешней политики США относительно СССР во второй половине 1980-х годов / Светлана Николаевна Картамышева // Материалы IV науч. конф. Ассоциации изучения США. – М., 1996. – М.: МГУ, 1997. – С. 158–166.

378. Кертман Г. Л. Массовое сознание. «Вьетнамский синдром» и его последствия / Григорий Львович Кертман // Проблемы американистики. – М.: [Б. и.], 1989. – С. 255–271.

379. Кива А. В. Социалистическая ориентация: аномалия или естественная фаза мирового развития / Алексей Васильевич Кива // Общественные науки и современность. – № 5. – 1997. – С. 16–18.

380. Киссинджер Генри А. Нужна ли Америке внешняя политика? (К дипломатии для XXI века) / Генри Альфред Киссинджер. – М.: Ладомир, – 2002. – 350 с.

381. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 тт. – Т. 2: Курс русской истории / Василий Осипович Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – 447 с.

382. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 тт. – Т. 3: Курс русской истории / Василий Осипович Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – 414 с.

383. Ковалёв С. Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран / С. Ковалёв. // Правда. – 26 сентября 1968. – № 270 (18317). – С. 4.

384. Ковальский Н. А. Империализм. Религия. Церковь / Николай Александрович Ковальский. – М.: Политиздат, 1986. – 269 с.

385. Кодин Е. В. Гарвардский проект / Евгений Владимирович Кодин. – М.: Росспэн, 2003. – 207 с.

386. Кокошин А. А. Серые кардиналы Белого дома / Андрей Афанасьевич Кокошин, Сергей Михайлович Рогов. – М.: АПН, 1986. – 352 с.

387. Колесников А. Подготовка к проигранной войне / Андрей Колесников [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://ru-90.ru/content/колесников-а-подготовка-к-проигранной-войне.

388. Колобов О. А. Дипломатия лжи: правда о том, как сионисты воздействуют на процесс формирования внешней политики американского империализма / Олег Алексеевич Колобов. – Горький: Волго-Вятское книжн. изд-во, 1985. – 90 с.

389. Конгресс США и вопросы внешней и военной политики / Под ред. Иванова Ю. А. – М.: Наука, 1989. – 152 с.

390. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики / Николай Дмитриевич Кондратьев. – М.: Экономика, 1989. – 523 с.

391. Коновалов А. А. Как Россия и США «потеряли» друг друга / Александр Александрович Коновалов // МЭ и МО. – № 7. – 2000. – С. 38–39.

392. Конституция США: История и современность / Под ред. Мишина А. А. – М.: Юридическая литература, 1988. – 320 с.

393. Коргун В. Г. История Афганистана. XX век / Виктор Григорьевич Коргун. – М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2004. – 528 с.

394. Коржубаев А. Г. Государственное регулирование по-американски / Андрей Геннадьевич Коржубаев // ЭКО. – № 2. – 1998. – С. 127–135.

395. Коробейников В. С. Пирамида мнений (Общественное мнение: природа и функции) / Валерий Семёнович Коробейников. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 222 с.

396. Косолапов Н. А. Социальная психология и международные отношения / Николай Алексеевич Косолапов. – М.: Наука, 1983. – 271 с.

397. Кочеврин Ю. Б. Экономическая стратегия большого бизнеса / Юрий Борисович Кочеврин // Государственно-монополистический капитализм в США: монополистический капитал / Под ред. Любимова Л. Л. – М.: Наука, 1989. – 230 с. – С. 9–25.

398. Кризис европоцентризма [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://maxbooks.ru/filhis/phils04.htm.

399. Кудряченко А. І. Геополітика / А. І. Кудряченко, Ф. М. Рудич, В. О. Храмов. – К.: МАУП, 2004. – 296 с.

400. Куницын А. В. Экономические отношения стран СЭВ с США / Алексей Владимирович Куницын. – М.: Наука, 1981. – 171 с.

401. Лазарев А. Гражданская война в США и Россия / Александр Лазарев [Электронный ресурс] // Вестник. – № 4. – 2003. – Режим доступа к статье: http://www.vestnik.com/issues/2003/0219/win/index.htm.

402. Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединённых Штатов Америки / Фердинанд Эдгар Ландберг. – М.: Прогресс, 1971. – 684 с.

403. Ласло Э. Век бифуркации. Постижение изменяющегося мира / Эрвин Ласло // Путь. – № 7. – 1995. – С. 16.

404. Левитас И. Русские эскадры в Америке / Исаак Левитас [Электронный ресурс] // Вестник. – № 26. – 1998. – Режим доступа к статье: http://www.vestnik.com/issues/98/1222/win/levitas.htm.

405. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок / Доминик Ливен [Электронный ресурс] // Ab Imperio. – № 1. – 2005. – Режим доступа к статье: http://abimperio.net/cgibiiyaishow.pl7sta te=showa&idart=.

406. Линник В. А. США: от Рейгана до Рейгана / Виктор Алексеевич Линник. – М.: Знание, 1985. – 64 с.

407. Лисичкин В. А. Война после войны: информационная оккупация продолжается / Владимир Александрович Лисичкин, Леонид Александрович Шелепин. – М.: Алгоритм, 2005. – 416 с.

408. Лоран Э. Нефть: ложь, тайны, махинации / Эрик Лоран. – М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007. – 432 с.

409. Лыкошина Л. «Солидарность»: легенда 80-х и реальность / Лариса Семёновна Лыкошина [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://urokiistorii.ru/польша/1254.

410. Маначинский А. Я. Афганистан: когда дуют ветры войны / Александр Яковлевич Маначиский. – К.: Румб, 2006. – 576 с.

411. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 тт. / Карл Генрих Маркс, Фридрих Энгельс. – М.: Политиздат, 1955.

412. Матвеев В. М. Дипломатическая служба США / Владимир Маркович Матвеев. – М.: Междунар. отношения, 1987. – 189 с.

413. Медведев А. П. Гарвардский проект: полвека спустя / А. П. Медведев // Приложение «Российской газеты» «Союз. Беларусь–Россия». – № 35 (135). – 2003. – С. 3–9.

414. Медведков С. Ю. Мирохозяйственные связи капитализма и экономика США / Сергей Юрьевич Медведков. – М.: Наука, 1988. – 187 с.

415. Мельвиль А. Ю. «Образ врага» и новое политическое мышление / Андрей Юрьевич Мельвиль // США: экономика, политика, идеология. – №1. – 1988. – С. 29–39.

416. Мельвиль А. Ю. Особенности американских восприятий Советского Союза / Андрей Юрьевич Мельвиль // Взаимодействие культур СССР и США XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1987. – 518 с. – С. 63–73.

417. Мельвиль А. Ю. США – Сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов / Андрей Юрьевич Мельвиль. – М.: Наука, 1986. – 216 с.

418. Меньшиков С. М. Миллионеры и менеджеры: современная структура финансовой олигархии США / Станислав Михайлович Меньшиков. – М.: Мысль, 1965. – 455 с.
419. Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии / Под ред. Алексеева Р. Ф. – М.: Политиздат, 1985. – 367 с.
420. Милитаризм: цифры и факты / Под ред. Фарамазяна Р. А. – М.: Политиздат, 1983. – 255 с.
421. Миллер А. И. Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения / Алексей Ильич Миллер // Политическая наука. – № 3. – 2004. – С. 4–12.
422. Мировая политика и международные отношения / Под ред. Ланцова С. А., Ачкасова В. А. – СПб.: Питер, 2006. – 448 с.
423. Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США / Август Алексеевич Мишин. – М.: Наука, 1984. – 190 с.
424. Млечин Л. М. Холодная война: политики, полководцы, разведчики / Леонид Михайлович Млечин. – М.: Центрполиграф, 2009. – 574 с.
425. Мусина А. Б. Проблемы взаимодействия западной и восточной культуры // Глобализация как этап развития мирового сообщества. Материалы междунар. науч.-практич. конф. 25–26 сентября 2011 г. – Пенза–Сургут–Баку: Социосфера, 2011. – 154 с.
426. Мухаев Р. Т. Геополитика / Рашид Тазитдинович Мухаев. – М.: Юнити-дана, 2010. – 839 с.
427. Наборов В. Основные изменения во внешней торговле США в 80-е годы / В. Наборов // Внешняя торговля. – № 4. – 1991. – С. 29.
428. Нартов Н. А. Геополитика / Николай Александрович Нартов, Владимир Николаевич Нартов. – М.: Юнити-дана, 2007. – 527 с.
429. Никитин А. И. Эволюция американского глобализма. Идейная борьба в США по вопросу о роли Америки в мире / Александр Иванович Никитин. – М.: Наука, 1987. – 136 с.

430. Николаев В. Д. Бизнес в мундире / Владимир Дмитриевич Николаев. – М.: Советская Россия, 1988. – 128 с.
431. Новиков Г. Теории международных отношений / Геннадий Новиков. – Иркутск: ИГУ, – 1996. – 298 с.
432. Окороков А. В. СССР в борьбе за мировое господство / Александр Васильевич Окороков. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. – 448 с.
433. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Под ред. Войтоловского Ф. Г. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 204 с.
434. Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР / Игорь Николаевич Панарин. – СПб.: Питер, 2010. – 256 с.
435. Пантин В. И. Циклы и ритмы истории / Владимир Игоревич Пантин. – Рязань: Аракс, 1996. – 156 с.
436. Паренти М. Власть над миром: истинные цели американского империализма / Майкл Паренти. – М.: Поколение, 2006. – 288 с.
437. Парканский А. Б. США в мировых интеграционных процессах / Александр Борисович Парканский. – М.: Наука, 1991. – 141 с.
438. Перло В. Милитаризм и промышленность. Военные прибыли в век ракетно-ядерного оружия / Виктор Перло. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 263 с.
439. Петров А. П. Мессианство русской культуры / Андрей Павлович Петров. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999 – 83 с.
440. Петров А. Ю. О продаже русской колонии Форт Росс в Калифорнии / А. Ю. Петров, Г. М. Капалин, А. Н. Ермолаев // Вопросы истории. – № 1. – 2013. – С. 10–15.
441. Печатнов В. О. Советско-американское сотрудничество как исторический прецедент разрядки в отношениях между СССР и США / Владимир Олегович Печатнов // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. – Вып. 1 / Отв. ред. Егорова Н. И., Чубарьян А. О. – М., 2003. – С. 44–54.

442. Печатнов В. О. Что показали выборы в США / Владимир Олегович Печатнов // США: экономика, политика, идеология. – № 12. – 1980. – С. 47–51.

443. Подберёзский И. В. Восток – дело тонкое…: наблюдения и размышления, курьёзы и парадоксы / Игорь Витальевич Подберёзский. – М.: АСТ, 2007. – 286 с.

444. Поздняков Э. А. Национальные интересы: теория и практика. Сборник статей. – М.: ИМЭМО, 1991. – 236 с.

445. Полибий. Всеобщая история / Полибий. – М.: Олма-Пресс Инвест, 2004. – 576 с.

446. Полищук М. Л. В преддверии натиска «третьей волны»: контуры планетарной цивилизации в общественно-политической мысли Запада / Михаил Лазаревич Полищук. – М.: Наука, 1989. – 159 с.

447. Помпеев Ю. А. Карабахский дневник / Юрий Александрович Помпеев. – М.: Канон, 2010. – 416 с.

448. Пономарёва Е. Г. Торговля оружием и борьба за мировую гегемонию / Е. Г. Пономарёва // Фонд стратегической культуры [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: http://www.fondsk.ru/article.php?id=2699.

449. Попович О. І. Протиборство США і СРСР у галузі протиракетної оборони напередодні розпаду Радянського Союзу (1983–1991 роки) / О. І. Попович // Аналітично-інформаційний вісник «Схід». – № 2 (86). – 2008. – С. 81–85.

450. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 тт. – Т. 1: Чары Платона / М.: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.

451. Порохов С. Битва империй: Англия против России / С. Порохов. – М.: АСТ; СПб.: Астрель, 2008. – 349 с.

452. Поршаков С. А. Идейно-политическая эволюция республиканской партии / Сергей Алексеевич Поршаков // Проблемы американистики. – № 6: Современный этап кризиса ГМК в США: экономика, политика, идеология. – М.: МГУ, 1988. – 317 с. – С. 136–137.

453. Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе / Александр Владимирович Потехин. – К.: Наук. думка, 1991. – 140 с.

454. Поттер У. Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации / Уильям Поттер, Николай Соков // Ядерный контроль. – № 4. – Июль-август 2000. – С. 31–39.

455. Почепцов Г. Г. Информационные войны / Георгий Георгиевич Почепцов. – К.: Ваклер, 2000. – 528 с.

456. Президентские выборы в США [Электронный ресурс] // International expert Center for Electoral Systems. – Режим доступа к статье: http://www.elections-ices.org/russian/news/type:election/region:america/textid:16013/.

457. Прокудин Е. В. Администрация Рейгана и торговля с СССР / Е. В. Прокудин // США: экономика, политика, идеология. – № 3. – 1986. – С. 23.

458. Промежуточный финиш: первые оценки американских экспертов [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://www.moldova.ru/index.php?tabName=articles&owner=36&id=773.

459. Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя (критический анализ): сборник статей / Под ред. Кувалдина В. Б. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 436 с.

460. Рахшмир П. Ю. Американские консерваторы и имперская идея / Павел Юхимович Рахшмир. – Пермь: ЗУИЭП, 2007. – 224 с.

461. Рашидов Р. Т. СССР–Афганистан, 1970-е гг. / Рауф Тургунович Рашидов. – Ташкент: Фан, 1981. – 76 с.

462. Религия в политической жизни США (70-е – начало 80-х годов) / Под ред. Замошкина Ю. А., Фурмана Д. Е. – М.: Наука, 1985. – 224 с.

463. Рогачёв И. В. Новые подходы к осмыслению советско–американских отношений в 1917–1920 годах / Иван Викторович Рогачёв // XIX Ломоносовские междунар. науч. чтения. – Архангельск: Поморский университет, 2008. – С. 128–138.

464. Родионов И. Как убивали СССР: «5-я колонна» – отнюдь не миф... / Игорь Родионов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1258648560.

465. Рожин Б. «Доктрина Горбачёва» и уход СССР из Восточной Европы / Борис Рожин [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://trueinform.ru/modules.php?name=News&username=colonelcassad.

466. Розанов В. В. О себе и о жизни своей / Василий Васильевич Розанов. – М.: Московский рабочий, 1990. – 876 с.

467. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование / Под ред. Кривошеева Г. Ф. – М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2001. – 608 с.

468. Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада / Владимир Олегович Рукавишников. – М.: Академический Проект, 2005. – 864 с.

469. Рябов О. В. «Советский враг» в американском кинематографе холодной войны: гендерное измерение / Олег Вячеславович Рябов // Женщина в российском обществе. – № 2. – 2011. – С. 20–30.

470. Рябцева Е. Е. Внешнеполитические предпочтения американской общественности (вторая половина XX века) / Елена Евгеньевна Рябцева. – Астрахань: Изд-во Астраханского социального института, 2001. – 223 с.

471. Савельев В. А. Капитолий. США: прошлое и настоящее / Владимир Аркадьевич Савельев. – М.: Мысль, 1989. – 278 с.

472. Савельев В. А. Консервативная модель конца столетия: рейганизм? / Владимир Аркадьевич Савельев // Проблемы американистики. – № 8: Консерватизм в США: прошлое и настоящее. – М.: МГУ, 1990. – 342 с.

473. Савченко П. В. Национальная экономика / Под ред. Савченко П. В. – М.: Экономистъ, 2005. – 813 с.

474. Саїд Е. В. Орієнталізм / Едвард Ваді Саїд. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2001. – 511 с.

475. Сайчук М. Адміністрація президента США Р. Рейгана і газопровід Західний Сибір – Європа / Микола Сайчук // Вісник КНУ ім. Тараса Шевченка: Історія. – Вип. 94–95. – 2008. – С. 51–58.

476. Сапрыков В. Н. Милитаризм: политические проявления и социально-экономические последствия / Виктор Николаевич Сапрыков. – М.: Междунар. отношения, 1984. – 131 с.

477. Сервіс Р. Товариші. Комунізм: світова історія / Роберт Сервіс. – К.: Темпора, 2012. – 614 с.

478. Системная история международных отношений (1918–2003): в 4 тт. – Т. 3: События 1945–2003 / Под ред. Богатурова А. Д. – М.: Научно-образовательный форум по междунар. отношениям, 2003. – 718 с.

479. Скоров Г. Е. Американский капитализм в 80-е гг.: закономерности и тенденции развития экономики / Георгий Ефимович Скоров. – М.: Наука, 1986. – 526 с.

480. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / Под ред. Нежинского Л. Н. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 512 с.

481. Соглашение о торговых отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки // Бюллетень международных договоров. – № 1. – 1993. – С. 75.

482. Согрин В. В. Политическая история США. XVII–XX вв. / Владимир Викторович Согрин. – М.: Весь мир, 2001. – 400 с.

483. Соков Н. Н. Многополюсный мир в зеркале теории международных отношений / Н. Н. Соков // США: экономика, политика, идеология. – № 7–8. – 1998. – С. 19–31.

484. Сорокин К. Э. Геополитика современности и геополитика России / Константин Эдуардович Сорокин. – М.: Росспэн, 1996. – 168 с.

485. Спандарьян В. Б. Советско-американские экономические отношения: прошлое, настоящее, будущее / Виктор Борисович Спандарьян // США: экономика, политика, идеология. – № 11. – 1987. – С. 45–47.

486. СССР–США и Канада: проблемы торгово-экономических отношений / Под ред. Аникина А. В., Астаповича А. З. – М.: Междунар. отношения, 1987. – 328 с.
487. СССР–США: экономические отношения: проблемы и возможности / Под ред. Шершнева Е. С. – М.: Наука, 1976. – 415 с.
488. Стародубов В. Россия и США в 20-м веке: партнёрство или глобальная зависимость? / Виктор Стародубов. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 284 с.
489. Строганов А. И. Латинская Америка в XX веке / Александр Иванович Строганов. – М.: Дрофа, 2002. – 416 с.
490. США и военная экономика в 80-х годах / Под ред. Бобракова Ю. И. – М.: Наука, 1991. – 198 с.
491. США, внешнеполитический механизм: организация, функции, управление. – Под ред. Шведкова Ю. А. – М.: Наука, 1972. – 368 с.
492. Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений / Леонид Борисович Теплинский. – М.: Мысль, 1988. – 386 с.
493. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца / Эммануэль Тодд. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 240 с.
494. Тойнби А. Постижение истории / Арнольд Джозеф Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 730 с.
495. Тоффлер Э. Третья волна / Элвин Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
496. Трофименко Г. А. Сверхдержава ли Америка? / Генрих Александрович Трофименко / США и внешний мир. Материалы IV науч. конф. Ассоциации изучения США. – М.: МГУ, 1997. – С. 88–97.
497. Уткин А. И. Американская империя / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. – 736 с.
498. Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.
499. Уткин А. И. СССР в осаде / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Эксмо, 2010. – 288 с.

500. Уткин А. И. Удар американских богов / Анатолий Иванович Уткин. – М.: Алгоритм, 2006. – 416 с.

501. Фалин В. М. Второй фронт: антигитлеровская коалиция – конфликт интересов / Валентин Михайлович Фалин. – М.: Центрполиграф, 2000. – 572 с.

502. Фёдоров А. В. Образы холодной войны: проекция политики противостояния на экране / Александр Викторович Фёдоров // ПОЛИС. – № 4. – 2010. – С. 48–64.

503. Фёдоров А. В. Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010) / Александр Викторович Фёдоров. – М.: Информация для всех, 2010. – 202 с.

504. Федоровский А. П. Внешняя политика и общественное мнение США / А. П. Федоровский // Зарубежный мир: социально-политические и экономические проблемы. – Респ. межвед. сборник науч. трудов. – Вып. 18. – К., 1990. – С. 25–34.

505. Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США / Георгий Юрьевич Филимонов. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.

506. Филитов А. М. «Образ врага»: роль мисперцепции в формировании менталитета политики «холодной войны» / А. М. Филитов // XX век: основные проблемы и тенденции международных отношений. По материалам междунар. конф. 21–23 ноября 1989 г. – М.: Наука, 1992. – 312 с. – С. 125–141.

507. Фостер Дж. Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека»… / Джон Беллами Фостер. – М.: Поколение, 2007. – 319 с.

508. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ёсихиро Фрэнсис Фукуяма // Философия истории. Антология / Под ред. Кимелева Ю. А. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 351 с.

509. Фураев В. К. О торговых и экономических отношениях между СССР и США в 1924–1929 гг. / Виктор Константинович Фураев // Проблемы истории международных отношений. – Л.: Наука, 1972. – 427 с.
510. Фурсенко А. А. Адская игра: секретная история Карибского кризиса 1958–1964 гг. / Александр Александрович Фурсенко, Тимоти Нафтали. – М.: Гея итэрум, 1999. – 560 с.
511. Фурсенко А. А. Династия Рокфеллеров / Александр Александрович Фурсенко. – Л.: Наука, 1985. – 488 с.
512. Фурсенко А. А. Президенты и политика США: 70-е годы / Александр Александрович Фурсенко. – Л.: Наука, 1989. – 290 с.
513. Фурсов А. И. Мифы перестройки и мифы о перестройке / Андрей Ильич Фурсов // Социологические исследования. – № 1. – 2006. – С. 31–36.
514. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / Сэмюель Хантингтон // ПОЛИС. – 1994. – № 1. – С. 33–48.
515. Харченко П. Перерваний політ над Перською затокою / Петро Харченко // Світова географія. – № 1–2 (3–4). – 2009. – С. 84–88.
516. Хлобустов О. М. Фальшивка ли план Даллеса? / Олег Максимович Хлобустов // Обозреватель. – № 1. – 2006. – С. 105–109.
517. Хуберт М. История атомной бомбы / Мания Хуберт. – М.: Текст, 2012. – 352 с.
518. Цаголов Г. Н. Миллиарды на оружие: военно-промышленный комплекс США / Георгий Николаевич Цаголов. – М.: Мысль, 1986. – 255 с.
519. Цаликова М. Б. Президент и Конгресс США на международной арене / М. Б. Цаликова [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://pvlast.ru/archive/index.9.php.
520. Цепляев В. Идёт война холодная? / Виталий Цепляев [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http://gazeta.aif.ru/_/online/aif/1373/08_01.
521. Цыганков П. А. Взаимосвязь внутренней и внешней политики: идеи Джеймса Розенау и современность / Павел Афанасьевич Цыганков // Теория

международных отношений. Хрестоматия / Под ред. Цыганкова П. А. – М.: Гардарики, 2002. – 400 с.

522. Челлен Р. Государство как форма жизни / Рудольф Челлен. – М.: Росспэн, 2008. – 319 с.
523. Черников И. И. Историческая география США // Русские Украйны. Завоевания Великой Империи / Иван Иванович Черников. – М.: АСТ; СПб.: Астрель, 2008. – 448 с.
524. Чернов С. А. Анализ политики США в отношении СССР: системно-циклический подход / Сергей Алексеевич Чернов // США и Канада: экономика, политика, культура. – № 6. – 2001. – С. 76–88.
525. Чернов С. А. США: политика в отношении СССР (Циклы, волны, система) / Сергей Алексеевич Чернов. – М.: ФОН, 1997. – 260 с.
526. Чернышева А. В. Политология: конспект лекций / Алла Васильевна Чернышева. – М.: МГИУ, 2008. – 158 с.
527. Черток Б. Е. Ракеты и люди / Борис Евсеевич Черток. – М.: Машиностроение, 1999. – 416 с.
528. Шевякин А. П. Как убили СССР. «Величайшая геополитическая катастрофа» / Александр Петрович Шевякин. – М.: Эксмо, Яуза, 2011. – 480 с.
529. Шенин С. Ю. История холодной войны / Сергей Юрьевич Шенин. – Саратов: СГУ, 2003. – 31 с.
530. Ширяев Б. А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. Курс лекций / Борис Анатольевич Ширяев. – 2-е изд. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 442 с.
531. Шлезингер А. М. Циклы американской истории / Артур Мейер Шлезингер. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 688 с.
532. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории / Освальд Шпенглер. – Р/н Дону: Феникс, 1998. – 637 с.
533. «Ядерная зима» и ядерный курс США // МЭ и МО. – № 6. – 1985. – С. 77–80.

534. Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Юрий Владимирович Яковец. – М.: Наука, 1999. – 448 с.

535. Яковлев Н. Н. Война и мир по-американски (Традиции милитаризма в США) / Николай Николаевич Яковлев. – М.: Педагогика, 1989. – 128 с.

536. Якушевский А. Реферат на книгу Р. Джоунса «Дороги в Россию: помощь США Советскому Союзу по ленд-лизу» // Информационный бюллетень Института военной истории Министерства обороны СССР. – № 10. – 1972. – С. 35.

537. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.

IX. Диссертационные исследования и авторефераты

538. Абдульманова Л. Ш. Фактор «Вьетнамского синдрома» в политике президентов США: дисс... канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Лилия Шамилевна Абдульманова. – Казань, 2000. – 248 с.

539. Байрамкулова А. А. Военно-политическая экспансия США во Вьетнаме (1950–1975 гг.): дисс... канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Аминах Ахматовна Байрамкулова. – Ставрополь, 2005. – 248 с.

540. Батюк В. И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы (1945–2005 гг.): дисс… докт. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Владимир Игоревич Батюк. – М., 2008. – 516 с.

541. Борзов А. В. Религиозный аспект внутриполитической деятельности администрации Р. Рейгана: дисс... канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Алексей Владимирович Борзов. – Владимир, 2011. – 285 с.

542. Вялых В. В. Диалектика развития внешнеполитических отношений России и США в глобальном мире: дисс... канд. полит. наук: 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» / Владимир Владимирович Вялых. – М., 2010. – 195 с.

543. Гарбузов В. Н. «Рейгановская революция»: теория и практика американского консерватизма 1981–1988: дисс... докт. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Валерий Николаевич Гарбузов. – Псков, 1998. – 566 с.

544. Гарбузов В. Н. Антивоенное движение в США (1981–1988 гг.): дисс... канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Валерий Николаевич Гарбузов. – Л., 1990. – 215 с.

545. Егорова Е. В. Личностный фактор во внешней политике США в 60–90-е годы: автореф дисс… докт. полит. наук: 23.00.02 «Политические институты и процессы» / Екатерина Владимировна Егорова. – М., 1992. – 58 с.

546. Елизаров И. Ю. Идеологический фактор во внешней политике В. Вильсона (1913–1918): автореф. дисс… канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Игорь Юрьевич Елизаров. – Л., 1990. – 20 с.

547. Ефременко Н. В. Религиозный фактор в эволюции политической системы США: автореф. дисс… канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Наталья Владимировна Ефременко. – Уссурийск, 2005. – 18 с.

548. Загайнова В. И. Всемирно-исторический процесс: дихотомии современной истории: дисс... канд. филос. наук: 09.00.11 «Социальная философия» / Валентина Ильинична Загайнова. – Йошкар-Ола, 2004. – 159 с.

549. Картамышева С. Н. Вопросы советско-американских отношений в конгрессе США (1984–1988 гг.): автореф дисс… канд. ист. наук: 27.00.03 «Всеобщая история» / Светлана Николаевна Картымышева. – М., 1995. – 16 с.

550. Конфисахор А. Г. Системно-психологическое описание политической власти: дисс… канд. психол. наук: 19.00.12 «Политическая психология» / Александр Григорьевич Конфисахор. – СПб., 1999. – 175 с.

551. Коржубаев А. Г. Трансформация системы регулирования экономики США в 80-е годы: концепции и реальность: дисс… канд. экон. наук: 08.00.01 «Политическая экономия» / Андрей Геннадьевич Коржубаев. – Новосибирск, 1999. – 234 с.

552. Котенко В. П. Критика идеологии современного милитаризма. (Философско-социологический критический анализ идеологии современного империалистического милитаризма): дисс… канд. филос. наук: 09.00.01 «Диалектический и исторический материализм» / Виталий Павлович Котенко. – Л.: 1983. – 428 с.

553. Крашенинникова В. Ю. Российско-американский диалог как проблема политической культуры: дисс… канд. ист. наук: 24.00.01 «Теория и история культуры» / Вероника Юрьевна Крашенинникова. – М., 2007. – 178 с.

554. Лаптев А Н. Союзнические отношения в годы Великой Отечественной войны и проблема ленд-лиза: дисс... канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история» / Алексей Николаевич Лаптев. – М., 2004. – 182 с.

555. Легойда В. Р. Символы и ритуалы в политических процессах в США: традиции и современность (феномен «гражданской религии»): дисс... канд. полит. наук: 23.00.02 «Политические институты и процессы» / Владимир Романович Легойда. – М., 2000. – 242 с.

556. Малюк А. М. Концепція історичних систем в світ–системному аналізі: історико–соціологічний аспект: автореф. дис… канд. соц. наук: 22.00.01 «Теорія та історія соціології» / Андрій Миколайович Малюк. – К., 2005. – 18 с.

557. Мотовилов Д. А. Средства массовой информации США и неоконсерватизм: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.01.10 «Журналистика» / Дмитрий Александрович Мотовилов. – Л., 1990. – 15 с.

558. Наливкина Н. В. Анализ теории и практики манипулирования сознанием и поведением личности в капиталистическом обществе (на материалах США): дисс... канд. филос. наук: 09.00.02 «Теория научного социализма и коммунизма» / Надежда Венидиктовна Наливкина. – М., 1989. – 178 с.

559. Некрасов А. А. Становление и этапы развития Англо-Американской советологии: дисс... канд. ист. наук: 07.00.02, 07.00.09 «Отечественная история» / Андрей Анатольевич Некрасов. – Ярославль, 2001. – 180 с.

560. Новак А. Информационная политика США по отношению к Польше в первой половине 80-х годов: автореф. дисс... канд. ист. наук: 23.00.03 «Политическая культура и идеология» / Анжей Новак. – М., 1993. – 22 с.

561. Овчаренко А. О. Імперативи зовнішньої політики адміністрації Р. Рейгана: дис... канд. політ. наук: 23.00.04 «Політичні проблеми міжнародних систем та глобального розвитку» / Анжеліка Олександрівна Овчаренко. – К., 2000. – 166 с.

562. Попович О. І. Становлення і розвиток систем стратегічної протиракетної оборони: досвід провідних держав світу: автореф. дис… канд. іст. наук: 20.02.22: «Військова історія» / Олександр Ілліч Попович. – Львів, 2009. – 22 с.

563. Рижков М. М. Доктринальний вимір стратегій зовнішньої політики США: від стримування до глобальної демократизації: автореф. дис... докт. політ. наук: 23.00.04 «Політичні проблеми міжнародних систем та глобального розвитку» / Микола Миколайович Рижков. – К., 2007. – 47 с.

564. Романов В. В. Внешнеполитическая доктрина вильсонизма и политико-академические круги США (1913–1921 гг.): дисс... докт. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Владимир Викторович Романов. – М., 2005. – 529 с.

565. Руга В. Э. Эволюция идейно-теоретических воззрений ведущих политических партий США: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.01 «Теория политики, история и методология политической науки» / Владимир Эдуардович Руга. – М., 2001. – 166 с.

566. Рудюк О. В. Концептуальні засади політики адміністрацій Р. Рейгана відносно СРСР (1981–1989 рр.): дис... канд. іст. наук: 07.00.02 «Всесвітня історія» / Рудюк Ольга Валеріївна. – К., 2010. – 211 с.

567. Самуйлов С. М. Внешнеполитический механизм США: эволюция, реформирование, проблемы (1947–2008 гг.): автореф. дисс… канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Сергей Михайлович Самуйлов. – М., 2010. – 48 с.

568. Сапронов М. В. Цикличность исторического процесса: дисс... канд. ист. наук: 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» / Максим Викторович Сапронов. – Челябинск, 2003. – 207 с.

569. Ситникова Е. Л. Образ Советского Союза как фактор внешней политики США: 1945–1952 гг.: дисс… канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Елена Леонидовна Ситникова. – Курск, 2007. – 199 с.

570. Травьесо С. Х. Транснациональные корпорации США в Латинской Америке: проникновение и последствия их деятельности для региона: автореф. дисс... канд. экон. наук: 08.00.17 «Экономика развивающихся стран» / Хулио Травьесо Серрано. – М., 1985. – 18 с.

571. Трегуб С. В. Цивилизационная идентичность России в условиях глобализации: социально-философский анализ: дисс... канд. филос. наук: 09.00.11 «Социальная философия» / Сергей Вадимович Трегуб. – М., 2008. – 205 с.

572. Урбанович Ю. В. Торговля оружием в неоколониалистской стратегии США: дисс… канд. экон. наук: 08.00.14 «Мировая экономика» / Юрий Владиславович Урбанович. – М., 1983. – 189 с.

573. Ханин Г. И. Альтернативные оценки развития Советской экономики и их использование для управления народным хозяйством: автореф. дисс... докт. экон. наук: 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством: «теория управления экономическими системами; макроэкономика» / Гирш Ицыкович Ханин. – М., 1991. – 65 с.

574. Хворостяный А. А. Доктрина национальной безопасности администрации Р. Рейгана, 1981–1989 гг.: дисс… канд. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Андрей Александрович Хворостяный. – Р/н Дону, 2010. – 252 с.

575. Хеннинг Х. Х. Г. США: факторы стабильности политической системы: дисс... канд. полит. наук: 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» / Хайнц Хеннинг Герхард Пентцлин. – М., 2005. – 224 с.

576. Чернов С. А. Внешняя политика США и системный подход: дисс... докт. полит. наук: 23.00.04 «Политические проблемы, международных систем и глобального развития» / Сергей Алексеевич Чернов. – М., 1999. – 365 с.

577. Шабельник В. В. Неолиберализм и неоконсерватизм в российском и зарубежном политическом дискурсе: дисс... канд. полит. наук: 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национаные и политические процессы и технологии» / Виктор Владимирович Шабельник. – СПб., 2006. – 184 с.

578. Широков О. Н. Принципы формирования политики «защиты прав человека» США и механизм её реализации на международной арене в конце 60-х – 70-е годы XX века: исторические аспекты проблемы: дисс... канд. ист. наук: 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики» / Олег Николаевич Широков. – Нижний Новгород, 2001. – 280 с.

579. Щербакова Л. Л. Неоконсерватизм США (генезис, структура, философско-политическая платформа): дисс… канд. филос. наук: 09.00.01 «Диалектический и исторический материализм» / Лидия Леонидовна Щербакова. – Л., 1990. – 198 с.

580. Юнак А. Е. Диалог восток–запад как проблема философии культуры: автореф. дисс... канд. филос. наук: 09.00.13 «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры» / Анна Евгеньевна Юнак. – Р/н Дону, 2006. – 18 с.

X. Справочные издания

581. Concise Oxford dictionary of politics / Ed. by McLean I. – Oxford, N.-Y.: Oxford University Press, 1996. – 559 p.

582. Encyclopedia Americana. – Vol. 22. – Danbury: Grolier Inc., 1998. – 798 p.

583. Американские президенты / Под ред. Хайдекинга Ю. – Р/н Дону: Феникс, 1997. – 640 с.

584. Дергачёв В. А. Геополитический словарь-справочник / Владимир Александрович Дергачёв. – К.: КНТ, 2009. – 592 с.

585. Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века / Эдуард Александрович Иванян. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 696 с.

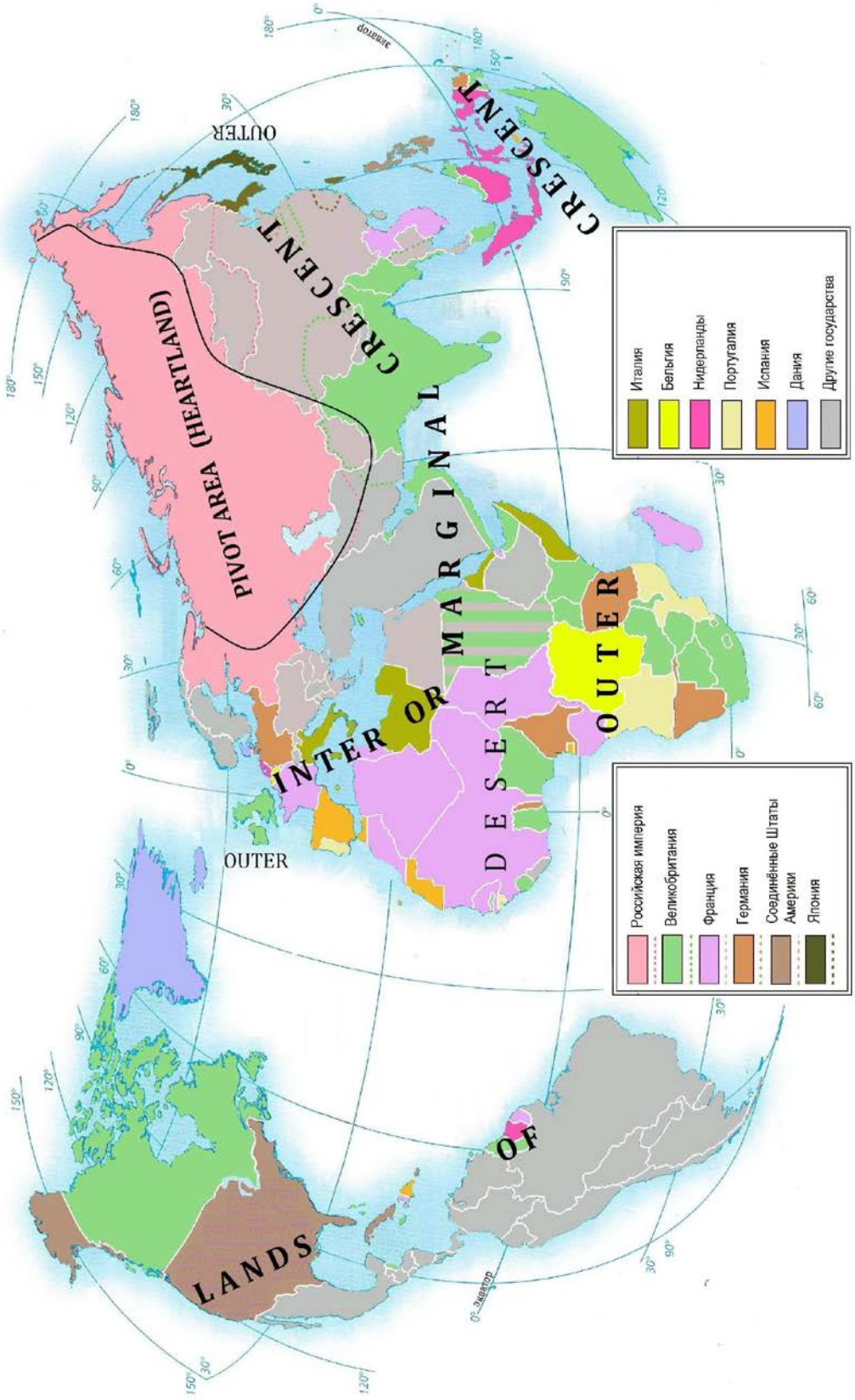
586. Кіндер Г. Всесвітня історія / Герман Кіндер, Вернер Хільгеман. – К.: Знання-Прес, 2001. – 631 с.

587. Лопатин В. В. Орфографический словарь / В. В Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – М.: Эксмо, 2009. – 512 с.

588. Философский словарь / Под ред. Розенталя М. М. – М.: Изд-во политической литературы, 1963. – 544 с.

Приложение 1

Геополитическая ситуация в мире в начале XX века (согласно концепции Х. Макиндера)

Приложение 2

Геополитическая ситуация в мире на рубеже 1970-х – 1980-х годов

